

Наталья
ДЕВЯТКО

СОКРОВИЩА ПРИЗРАЧНЫХ ОСТРОВОВ

КАРТА И КОМПАС

12+

Наталья Девятко

Сокровища Призрачных островов. Карта и компас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10312311

Аннотация

Таинственный незнакомец отдает одному из пиратских капитанов удивительную карту, на которой указан путь к легендарным Призрачным островам. По слухам, там находятся несметные сокровища. Но карта заколдована: рисунок на ней проявится только тогда, когда капитан соберет новую команду. Случайных встреч не бывает, и вскоре на пиратском корабле оказываются чародеи, воины и даже существа из давнего народа, которых люди считают бессмертными. В этом мире есть феи, драконы, русалки, коварные жестокие враги и смелые преданные друзья. Море – живое и разговаривает с людьми, а звезду можно снять с неба... Много испытаний и приключений ждет корабль с черн

Наталья
ДЕВЯТКО

**СОКРОВИЩА
ПРИЗРАЧНЫХ
ОСТРОВОВ**

2015

УДК 821.161.1

ББК 84(4Рос)6-445

Д 11

Девятко Наталья. Сокровища Призрачных островов. Книга 1. Карта и компас: Роман. – 2015. – 392 ст., с илл.

Таинственный незнакомец отдает одному из пиратских капитанов удивительную карту, на которой указан путь к легендарным Призрачным островам. По слухам, там находятся несметные сокровища. Но карта заколдована: рисунок на ней проявится только тогда, когда капитан соберет новую команду. Случайных встреч не бывает, и вскоре на пиратском корабле оказываются чародеи, воины и даже существа из давнего народа, которых люди считают бессмертными.

В этом мире есть феи, драконы, русалки, коварные эсточкие враги и смелые преданные друзья. Море – живое и разговаривает с людьми, а звезду можно снять с неба...

Много испытаний и приключений ждет корабль с черными парусами и его команду, прежде чем они узнают тайну

© Девятко Н., 2015

© Марковская А. (иллюстр.), 2015

Сокровища Призрачных островов

Карта и компас

Пролог

Море тихо катило темные волны, искрилось призрачным зеленым светом. Казалось, зачерпнешь соленой воды, а в ладонях останется сияние.

Капитан Ярош Сокол стоял на песке, смотрел, как за горизонт опускается луна, отдавая золотистое мерцание волнам, зеленыя границу между небом и морем. Капитан был среднего роста, подпоясан багровым поясом, вооружен саблей и пистолетом. Легкий ветерок шевелил недлинные пряди темно-русых волос, завивающихся на концах, – сейчас они не были спрятаны, как обычно, под завязанный по-пиратски платок или шляпу.

В соседней бухте встал на якорь красавец-фрегат, но пират не спешил подниматься на борт. Что-то удерживало его сегодня на берегу. Ночь звучала тайной и вслушивалась в го-

лоса и слова людей – это ощущалось всем естеством. Ярош давно не чувствовал ничего подобного.

– О чем ты думаешь, Ярош? Приключения обходят тебя стороной?

Возле кромки прибоя стояла фигура в темном облачении. Ветер трепал спутанные волосы человека, но не касался одежды, сотканной из ночи.

– Чего тебе? – Ярош повернулся к темному существу.

– Хочешь найти сокровища, Сокол? – голос шелестел, будто волна. – Несметные богатства, горы серебра и золота, сундуки, не выдерживающие тяжести драгоценных камней...

– Сокровища! – глаза Яроша жадно вспыхнули, но сразу погасли. – Где они? Где сокровища?

– Смотри, – бледная рука фигуры указывала на море.

Хотя луна уже скрылась, свечение воды усилилось, словно загустело, образуя узорчатые линии. На дне, возле самого берега, нарисованная зеленым светом, лежала карта. Сквозь мерцание волн рисунок казался призрачным, манящим...

Не удержавшись, Ярош зачарованно шагнул к воде. Существо звонко и холодно рассмеялось.

Линии вспыхнули, выцветая, а волна с зеленоватым гребнем вынесла на берег ветхий обрывок ткани. Ярош поднял карту, с которой уже исчезало призрачное сияние. Исчезая, забирало с собой и рисунок. Через несколько мгновений пират уже держал чистый лоскут.

– Карта исчезла, – удивился Ярош, хотя и ожидал чего-то

подобного.

Он внимательно присмотрелся к фигуре.

– Так ты желаешь найти сокровища? – переспросила она уже без насмешки.

– А разве есть пираты, не желающие найти сокровища? – засмеялся капитан пиратского корабля. Закутанное во тьму существо уходило прочь от воды. – Постой! Куда ты? А карта?..

Существо оглянулось, из-под одежды пробивалось зеленоватое свечение.

– Карта появится снова, когда ты найдешь тех, в чьих глазах плещется море. Собери команду. Только вместе вы найдете сокровища Призрачных островов.

– У меня есть команда! – рассердился капитан.

– Есть, но не такая. Ищи людей, в чьих глазах плещется море.

Фигура исчезла, будто сдутая горьким ветром.

Ярош Сокол снова посмотрел на карту, повернулся к морю. Его серые глаза сияли: ветер приключений вскоре изменится, надувая черные паруса.

Только где искать тех, в чьих глазах плещется море?..

Глава 1

Тихий приморский городок

"Где же мне найти таких людей? – думал Ярош, идя по пляжу в сторону приморского городка. – Не каждому суждено увидеть горизонт с палубы пиратского корабля".

Возле большого камня сидел юноша, увлеченно что-то рисовал на песке. Рисовал так страстно, что с его пальцев изредка слетали искры.

Неужели повезло?..

Ярош присел подле него.

– Привет, парень. Ты здесь один. Почему?

– А ты? Ты тоже один. Зачем ты здесь? Кто позвал тебя в Элигер? – эхом вернулись похожие вопросы.

Песок резали вихри и водовороты, волны и стремнины, нарисованные так умело, словно были настоящими. Невольно засмотришься на рождение бури.

– Я здесь потому, что я пиратский капитан. Мне нет нужды слушать голоса людей. Море знает несоизмеримо больше...

Юноша поднял взгляд, но не ответил. Глаза его были пусты. Все еще глядя на пирата, он снова потянулся к земле, готовя новый лист. Для новых водоворотов, для нового шторма...

Ярош поднялся, струшивая с ладоней налипший песок. По пляжу шли двое. Обычные, но, будто едва заметной дымкой, овеванные красотой, которую даруют только счастье, а еще – свобода, не знавшая неволи.

Супруги остановились напротив пирата, и женщина груст-

но посмотрела на юношу.

– Вы с ним знакомы? – Ярош кивнул в сторону художника, на чьи недолговечные картины напозлазала тень от камня: так тучи скрывают бушующий океан, а еще небытие, тоже не любящее шторма.

– Знакомы, пиратский капитан, – подтвердил Виктор, так звали мужчину.

– Этот чудак недавно вернулся домой, – грустно добавила Ольга.

– Только вернулся иным, невеселым и неразговорчивым, и дома его уже никто не ждал, – Ярош сам не понимал, почему ему открылась часть прошлого этого парня, а имя его осталось сокрытым, в отличие от имен Виктора и Ольги.

Завыл пес тоскливо, далеко...

– Зачем вы пришли сюда посреди ночи? – что-то в этих двоих казалось ему знакомым, согревало.

– Мы хотели... – начал мужчина, но Ольга оборвала его.

– Мы хотели встретить кого-нибудь с корабля с черными парусами, – она одарила капитана очаровательной улыбкой. – Пирата. Мы тоже о морском просторе мечтаем.

Ее глаза тихо светились, будто зеленоватое мерцание сегодняшней ночной воды отразилось в них. Светились морем.

– Для моря пираты – всегда желанные гости. Это торговые корабли оно топит беспощадно. Не бойтесь назвать капитаном пирата?

– Не боимся, – кивнул Виктор, а Ольга улыбнулась снова,

но теперь море в ее глазах разразилось бурей.

– Меня зовут Ярош. Встретимся в Восточной бухте через четыре дня, – не скрывая радости, откликнулся на желание супругов пират.

Над головами собеседников пролетел дракон. Низко, ведь только учился летать. У дракона была своя дорога.

Они разошлись, не прощаясь. Ярош продолжил путь к городку, строения которого изрыли фундаментами старую пологую гору до самого моря. Светились одинокие огоньки окон. Ночь была тихой, нечеткие тени ложились на песок, казалось, тени застыли в ожидании того, кто потревожит их покой и вмиг разрушит тишину необыкновенной ночи...

Этот городок вблизи главного Элигерского порта не был похож на то ужасное место, где Ярошу довелось побывать однажды. Настоящий пират не впускает в сердце страх, но когда город становится склепом, застывая на границе между жизнью и смертью... Этот городок был другим. Он не умер, не стал ловушкой. Но все города людей живы только временно. До страшного часа, приходящего незаметно, в них звенит детский смех. И никто не знает, возможно, уже завтра темная фигура смерти остановится на одном из перекрестков, и глаза ее будут стеклянными осколками разбитых звезд, светом коих не напоить умирающих...

Ярош остановился. Возле стены ближайшего к морю дома стоял стройный кудрявый подросток в простой темной одежде горожанина. Русоволосого парня звали Хедин. Сокол ви-

дел его впервые, но сегодня ночь с радостью открывала пирату Имена, если они не были сожжены колдовским огнем, как и тот обреченный город...

В руках Хедин держал стынущие капли звездного света, похожие на бусины из разорванного ожерелья. Ожерелья, прячущего страшный секрет минувшего и грядущего.

– Ищешь сокровища, пират? – прошептал парень. – Не отыскать тебе их. Звезда сказала мне, умирая, что никому не найти Призрачные острова. Кроме теней, лишенных покоя и блуждающих на их берегах, никому не попасть туда.

Ярош прошел мимо него, не сказав ни слова.

Ветер стелился по лужам, оставшимся после вечернего дождя. Они разговаривали между собой, дождь и ветер, они мечтали быть людьми, но ненавидели людей и презирали, делая вид, что не замечают, ибо люди тоже не почтили их своим вниманием. Ярош научился говорить на языке этих двоих давно, еще до путешествия в ужасный город, который слишком хорошо помнил живым и счастливым.

В подворотне опьяневший старик хвастался перед товарищами, как во главе армады некогда топил пиратские корабли. Но сегодня ночью Ярош знал, что хвастун врет и никогда не бывал в открытом море. В другой день капитан устроил бы лгуну путешествие в пиратский порт, а нынче старику повезло, ведь пирата звали сокровища.

Станным был тихий городок этой ночью, будто сам же-

лал спрятанного во тьме сокровища. Вспыхнуло, и от пылающих отблесков заклятья разлетелись тени.

Вздогнув, Ярош оглянулся.

На него из темноты смотрела женщина. Безымянная, ее необычайные глаза изменялись, словно отражение в неспокойной воде. Она была давней, как сама жизнь, Матерью называли женщину люди.

Ясный свет заклятья угасал, истекал огненными каплями, оставляя следы на стенах, невидимые обычным глазам, холодные, как и само колдовское пламя. Мать тяжело вздохнула, будто что-то сдавило ей грудь, побледнела.

Пират подхватил женщину почти у самой земли. Даже в темноте он видел, что его руки в крови. Давняя была тяжело ранена.

Осторожно прислонив к стене потерявшую сознание женщину, Ярош забарабанил в дверь ближайшего дома.

– Откройте!

В доме что-то гроыхнуло, послышался звон разбитого стекла.

– Не открывай, бабушка Катерина! Не открывай! – громко заныл ребенок.

– Цыц, малой, – шаги приближались.

Хозяйка открыла, даже не спросив, кого это принесло посреди ночи.

– Пират! – отшатнулась женщина – еще не старая, но красота уже начала покидать её.

Волосы у хозяйки густые, только пепельные, верно, от рождения. Приметные такие волосы, только не время сейчас об этом думать...

– Тихо! – шикнул на женщину Ярош. – Лучше помоги!

С опаской, закутавшись в платок, Катерина вышла на улицу. Опустилась на колени перед раненой.

– Ты ее...

– Нет, глупая женщина! – рассвирепел Ярош. – Зачем? Сможешь помочь?

Катерина осматривала рану.

– Чем смогу... Неси ее в дом.

Внук молодой бабушки испуганно забежал в темноту комнат, когда пират занес раненую внутрь, положил на лавку. Хозяйка свернула платок и подсунула незваной гостье под голову.

– Я еще вернусь сюда. Узнаю, что с ней...

Пока Катерина набирала воду из миски, Ярош не удержался: погладил Мать по темным косам, в которых никому не суждено увидеть седину. Древний народ... И она одна из давних – не так уж много их осталось на этой земле.

За окном громко засмеялись девичьи голоса, обсуждающие рассказ вруна-пирата. Фальшивым было его счастье, подаренным теми, в чьих глазах никогда не сиял свет воли и свободы.

Ярош задумчиво смотрел на темную улицу, не понимая, почему сегодняшняя ночь согласна отвечать чуть ли не на

каждый его вопрос. Он обернулся к хозяйке, укрывающей бесчувственную давнюю легким одеялом. В свете одинокой свечи казалось, что на щеках Матери проявился болезненный румянец.

– Уходи, – повернувшись к пирату, попросила Катерина. – Я ее перевяжу.

– Хорошо. Я приду утром, – но Ярошу совсем не хотелось снова выходить на улицу, в ночь, такую коварную в своей благосклонности.

Хозяйка заперла за пиратом дверь на все засовы. И правильно сделала: возле дома уже стоял другой гость, не менее древний, чем Мать, – забытое существо, которому раньше платили стертymi монетами. Платили, чтобы перевозчик увез их души на другой берег. Много было у него имен, много обличий, как много лиц у каждого из давнего народа.

– Она умрет. Я видел, как ее ранили, – едва слышно сказал Харун, в его голосе чувствовалась печаль.

Он был высок, глаза темные, волосы с сединой. И одежды его черные, но не траурные.

– И зачем ты говоришь это мне, забытый людьми бог? – рука Яроша коснулась оружия.

– Перестань, Сокол, зачем нам драться? Птицы дерзки, но лишь они не страшатся опалить крылья солнечными лучами, поднимаясь над облаками, – Харун не насмехался. – Разве ты ничего не хочешь спросить у меня, Сокол?

– Я никогда не верил в тебя, давний народ сгинул во тьме

веков. А пират и двух медяков не отдаст перевозчику, – Ярош с неохотой убрал руку с сабли. – Древние боги мертвы, ибо им нет веры. А ты жив. Почему?

– Сам не знаю. Возможно, на Призрачных островах мне скажут.

Сабля вылетела из ножен быстрее, чем он договорил.

Харун усмехнулся.

– Боишься, человек. А я всего лишь хотел помочь.

– Когда это ты стал помогать людям, забытый бог?

– Я не бог. И родился человеком очень давно. Опустит оружие, Сокол.

– И как ты можешь помочь ей? – Ярош не верил Харуну, но и не боялся, хотел не бояться.

– Возьми давнюю на корабль. Море вылечит ее рану. И меня возьми. Тебе же не ведомо, что встретится на пути, когда твой корабль возьмет курс на Призрачные острова.

– А тебе ведомо? – Ярош все же опустил саблю.

– Нет. Но мне легче договориться с тенями прошлого, нежели вам, людям, – в темных глазах давнего бушевал шторм, и казалось, ночной сумрак, растворенный во мраке, тоже попал в плен к обезумевшей, но пока безмолвной стихии.

Яроша проняло холодом, и давний на мгновение заглянул ему в душу.

– Я приду в Восточную бухту на рассвете. Через четыре дня, – Харун отступил, исчезая среди теней.

Волосы пирата растрепало легким ветерком, отголоском шторма, прилетевшего с моря.

– Не верь ему, – уцепившись когтями за край, на крыше сидела огромная белая птица с янтарными глазами. Заклятые огненные отблески и тени гуляли по черепице. – Не верь давним – порождениям мрака. Ты будешь проклят за то, что якшаешься с силами тьмы.

Улыбаясь, Ярош спрятал саблю.

– Летела б ты отсюда, пташка...

– Ты променяешь свою свободу на дружбу с этим жалким подобием божества? – в голосе птицы скользнули знакомые нотки, огненные отблески едва заметно мерцали и на ее оперении. – А за то, что ты носишь подле сердца, тебя ждут вечные муки. Отдай мне карту, пока не поздно.

Но Ярош лишь высокомерно смотрел на того, кто так старался запугать его.

– Убирайся прочь. Указывай путь истины другой грешной душе.

– Ты пожалеешь, Ярош Сокол!

Птица взмыла к звездному небу. Ее крылья уже не казались белоснежными, на крыше догорали отблески заклятья, осыпаясь серой пылью. Птица летела, борясь со штормовым ветром, неожиданно подувшим с моря, и теряла пышные белые перья, нежданном снегом ложащиеся на землю.

Дверь приоткрыта, золотистый свет выплеснулся на улицу. Ярош толкнул дверь и вошел.

За столом, накрытым синей бархатной скатертью, расшитой золотыми звездами, сидела гадалка, раскладывала пасьянс. Уже немолодая одинокая женщина, чьими роскошными волнистыми светло-русыми волосами и зелеными глазами не соблазнялись мужчины. Все остерегались назвать ее своей женой, пусть какой бы красивой она ни была в юности.

Пират опустил на стул напротив хозяйки.

– Погадай мне.

– А заплатить есть чем? – она даже не подняла взгляд на позднего посетителя.

– Есть, – к золотым звездам добавились три серебряные полные луны.

– Сними, – попросила гадалка, перетасовав карты.

Казалось, женщина взволнована. Ярош с усмешкой сдвинул верх колоды, оставив одну карту. Она и легла в центр.

Гадалка раскладывала пасьянс только ей известным способом, как подсказывало сердце. На мгновение она замерла, прежде чем открыть первую тройку. Русая прядь скрыла бледную щеку.

Выпадала дорога и много испытаний. Рядом ходила беда, но корабль ускользал, теряясь среди волн в последнее мгновение. Сверкали золотом сокровища, и Морской Дьявол хохотал в бездне океана...

Осталась последняя карта, вокруг которой лежали веера открытой судьбы. Гадалку внезапно овеял ужас.

– Открой сам, пират. Я знаю, что там. Ты тоже знаешь.

– Там "Смерть", но я открою, – стараясь, чтобы не дрожала рука, он потянулся к сердцу пасьянса: чародейка рассказала все, что было у него сейчас на сердце, в пророчестве она тоже не ошиблась.

Карта была чистой. Черной.

– Эта не из моей колоды! – ахнула гадалка.

– И часто такое случается? – черная карта возвращала надежду на удачное окончание приключения.

– Карты лгут пиратам, только иногда говорят правду. Как сейчас, так?

– Именно так, – Ярош, не отрываясь, смотрел в глубокие, как море, зеленые глаза. – Как тебя зовут?

– Итана, – женщина растерялась. – Зачем пирату имя гадалки?

– Чародейки, не гадалки, – рассмеялся Ярош. – Хочешь добыть сокровища со мной вместе, Итана?

– А у карт спросить позволишь? – она собрала пасьянс в колоду.

– А они не соврут?

– Мне – нет.

– Тогда они и скажут, где найти мой корабль, – Ярош оставил Итану наедине с картами.

Возле порога дома гадалки лежало тусклое белое перо.

Пират поднял его, но не удержал: перо было холоднее оскол-ка льда, холоднее снегов, которыми зимы засыпают землю. Только уже в течение многих лет не приходили на побережье Элигера безжалостные властительницы севера.

Ярош бросил перо в лужу, и оно поплыло по воде призрачным кораблем.

Стоило напиться после всего этого. Чтоб хотя бы отогреться...

Что капитан и сделал.

В таверне было почти пусто: три стола заняты, за одним двое выпивох уснули, ведь ночь клонилась к рассвету. Поэтому никто не обратил внимания на высокую женскую фигуру, прячущую крылья под черным плащом. Или это плащ был крыльями?.. Женщина под села к столу Яроша, сняла капюшон, открыв короткие темные волосы.

– Может, хватит пьянствовать, Сокол? – весело спросила она.

– Не твое дело! – огрызнулся пират.

Но, сколько бы он ни выпил, капитан узнал незваную гостью, еще одну из давнего народа, – уходя, ночь назвала последнее Имя.

– Твоей любимой карты не было в колоде. Почему, Марен?

– Потому что я ее вытащила. Наш путь общий, пиратский капитан, – Марен отобрала у Яроша кружку, провела над ней

бледной рукой. – Я знаю, какую карту сокровищ ты получил сегодня от моей названной сестры. Я могу указать тебе курс.

– Мой компас укажет мне курс, – пират смотрел на кружку, из которой исчезал желанный ром.

– Тогда я помогу тебе набрать команду. Только больше ты не будешь пить, – давняя ехидно усмехнулась. – Пока не найдешь сокровища.

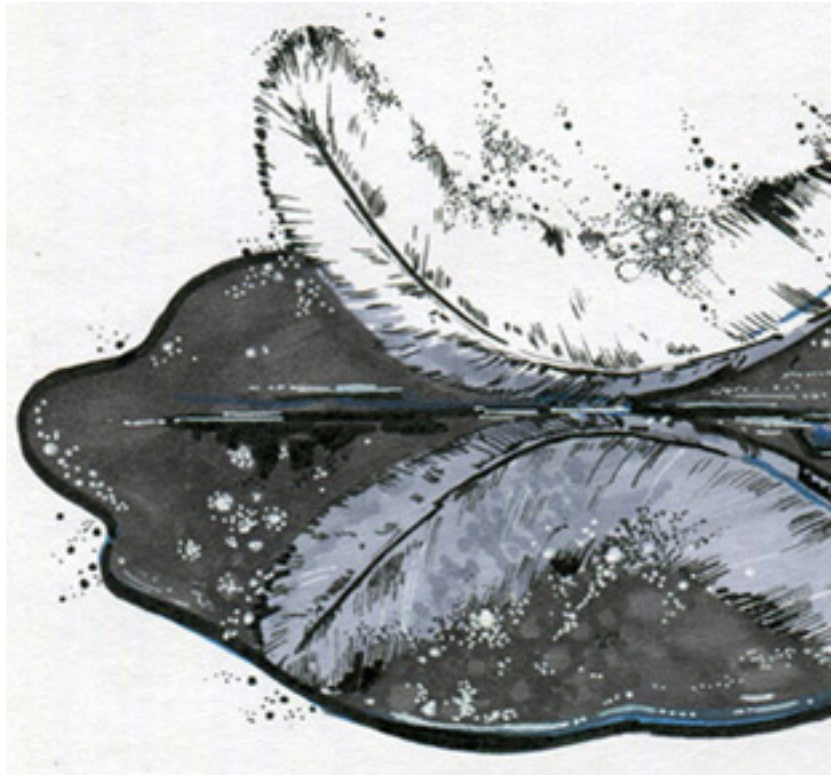
– С какой это радости я должен соглашаться? – хмель слетел с него, исчезнув словно ром. – Я сам соберу людей, способных стать отчаянными пиратами!

– Знаю. И ты уже нашел нескольких. Но взгляни сюда, – она толкнула к пиратскому капитану кружку, неожиданно до краев наполнившуюся прозрачной водой.

Ярош не мог не смотреть. Но о том, что он там увидел, никто не узнает. Обещание или пророчество черной карты, будущее, которое могло таким и не быть, изменили его решение.

– Я согласен, Марен. И кого ты предлагаешь взять в нашу команду?

За окном таверны всходило солнце.

Глава 2

Казнь на рассвете

– Кого я предлагаю? – Марен осматривала зал таверны, поморщившись, когда солнечный луч упал на край ее пла-

ща. – Ее, к примеру...

Ярош проследил за взглядом нечеловечески глубоких глаз. Низенькая девушка собирала грязную посуду. Черные волосы красавицы спрятаны под платком, только одна прядь выбилась, как змея, извиваясь по щеке.

– Ее? – недоверчиво переспросил пират, присматриваясь к девушке внимательнее. – Хотя она больше похожа на королеву, чем на служанку. Но что-то темное в ней есть...

– Не больше, чем во мне. Позови девушку.

– Эй! Принеси-ка нам... – Ярош искоса глянул на улыбающуюся Марен. – Воды. Холодной.

Девушка покраснела и скрылась за стойкой.

– В тебя влюбились, – заметила собеседница.

– Не думаю. Если влюбилась, то в свободу. Много ли она видела в этом городке?

– У нее есть жених.

– Тогда уверен, что немного, а увидит и того меньше.

Вскоре девушка появилась с кувшином, наполненным родниковой водой. Разлила по чистым кружкам.

Ярош выпил до дна, хотя от холода сводило зубы. Марен лишь надпила.

– Что-нибудь еще, господин? – несмело спросила служанка.

– А если у меня больше нет денег? – вопросом на вопрос ответил он.

Девушка понурилась, но уходить не собиралась.

– Почему не уходишь?

Щеки девушки снова окрасились румянцем, она хотела что-то сказать, но дыханье перехватило.

– Поворожить тебе? – Марен улыбалась черноволосой красавице, в ее кружке уже не отражался потолок, уступив место звездам.

– Так же, как мне? Не надо! – быстро вмешался Ярош, закрыв ладонью воду: под тенью звезды растаяли.

– Ворожить грех... – голос вернулся к девушке, изумленно глядящей на странных посетителей.

Марен искоса посмотрела на пирата и тихо промолвила:

– А я и без ворожбы тебе скажу, – взгляд темных глаз остановился на девушке. – Точнее, спрошу: ты отца любишь?

– При чем тут ее отец? – удивился Ярош, заметив, как побледнела девушка.

– Ее отец колдун. Так любишь, Тайра?

– Нет, – прошептала Тайра, у нее голова закружилась, и девушка невольно села на колени к пирату.

– А жениха своего любишь?

– Н-н-не знаю... Н-н-не люблю, – Тайра порывалась встать, но не могла, темные глаза давней лишали ее воли сбегать.

– А море любишь?

– Море... люблю.

– И придешь к морю?

– Да.

Темный взгляд погас, чары развеялись. Тайра вскочила, но по-прежнему не собиралась убежать. Пират и Марен едва не расхохотались, видя ее испуг, борющийся со смелым желанием.

– А если я не приду?

– После свадьбы твой муж захочет забрать тебя подальше от отца, а тот не позволит, и из-за этого наложит на зятя проклятье, отбирающее здоровье и счастье. Но ты же не любишь их обоих, правда?

– Не люблю, – она погрузилась в печалью радость.

– Вот и хорошо, – Марен наклонилась и подняла с пола какую-то металлическую коробочку. – Ты обронила. Снова твой отец колдовать надумал. Глянь, капитан, не представляешь, сколько бед принесет она тому, кто ее присвоит.

– Капитан?! – восхищенно воскликнула девушка.

– А что, не похож, красавица? – он ухмыльнулся.

– Вы пиратский капитан, – Тайра уже даже не удивлялась. – А на вашем корабле есть женщины? Женщины на корабле не к добру...

– Есть женщины. Женщины тоже капитанами бывают. Я не с одной такой знаком.

– Потом поговорите. Пойдем, Ярош. Тут нам больше нечего делать.

Марен бросила железную коробочку в кружку на столе. Хлопнув, коробочка утонула. Когда дочь колдуна будет мыть посуду, она найдет вместо заколдованной вещи золо-

тую монету с изображением Восточной бухты.

Городок просыпался. На улицах еще не былолюдно, но на площади собралась толпа. Казнь обычно назначают до рассвета, только сегодня палачи почему-то задержались.

Судили четверых. Глаза парня потускнели от боли, он был ранен. Рядом с ним на коленях стоял по пояс раздетый молодой русоволосый мужчина; на его спине изгибалось ветвями вытатуированное дерево. И две коротко стриженные женщины, похожие между собой. Руки обеих связаны, а одежда почти одинаковая – черная, кожаная. Взгляды сестер опустошило отчаяние.

Судил преступников темно-русый мужчина, одетый как министр. Только откуда взяться настолько важному человеку в маленьком городке? Но этот высокий мужчина, которому лишь немного за сорок, действительно был имперским министром, звали его Феофаном. Обвинения в запрещенных чарах падали в тишине.

Феофан размеренным шагом шел на скорую руку сколоченным помостом, останавливаясь перед каждым осужденным, будто отпуская им грехи колдовских умений. Синяя мантия не придавала ему облик властного министра, сейчас он больше походил на священника. И только многолучевая рубиновая звезда на золотой цепочке выказывала, какой властью он в действительности наделен.

Ярош не хотел смотреть на казнь осужденных: заклятая

птица с янтарными глазами пророчила ему судьбу, не лучшую, чем у этих несчастных. Взгляд пирата плыл над толпой растерянных людей и остановился на бледной Итане. Увидев капитана, она отвернулась, пряча слезы. Светло-русые волосы гадалки спутались, веки все еще ярких зеленых глаз опухли, ведь остаток ночи она горько проплакала.

Министр покинул площадь, с ним ушли почти все солдаты. И зеваки расходились: никому нет дела до мертвых. Да и до оставленных умирать.

Хотя, вероятно, не всем...

Ярош направился к помосту, держа руку на оружие, поднялся по ступеням. Но двое оставшихся солдат не помешали пирату. Не сговариваясь, Итана и Марен тоже оказались рядом.

– Еще жива, – Ярош поспешил развязать одну из сестер.

– Почему нет крови? – казалось, Итану сейчас стошнит.

– Умирать от яда тяжелее, нежели истечь кровью. Так поступают со всеми, кто выступает против Императора, – Марен дунула на ресницы женщины, и они затрепетали. – Не иди по той дороге, Киш, рано тебе, – и к Ярошу: – Я могу удержать ее на границе, но как готовить противоядие, даже мне не ведомо.

– Моя подруга знает, – Итана немного пришла в себя. – Зорин. Она многое умеет, и никто не знает, откуда она родом. Ее ребенком нашли в колыбели, оставленной морем среди прибережных камней. Зорин живет здесь недалеко,

пойдемте!

Итана словно не осознавала, что открывает чужую тайну незнакомцам.

Оказалось, что Киш даже может идти. Но только опираясь на пирата и гадалку. Так они и сошли на землю. Солдаты в серой форме не двинулись с места.

– Почему они не остановят нас? – удивлению Яроша не было пределов.

– Им все равно. Они выполнили приказ, да и осужденных никто не в силах спасти. Эти солдаты из города, где властвуют пустота и равнодушие. И вскоре все города будут такими, – Марен оглянулась, презрительно посмотрев на солдат. – Тех, у кого нет души, даже я без разрешения не властна забрать. Я могу обрывать жизни. Но их существование принадлежит не мне.

Покидая площадь, они не видели парнишку, обнимающего толстенную книгу. Он не ушел вместе с горожанами, потому и заметил, на какую улицу свернули необычные люди и в какую дверь постучали.

Дом Зорин внутри был совсем не похож на обычное жилье. Словно женщина всю жизнь прожила в другой стране и вдруг решила переехать. Простая мебель, но совсем нездешнего стиля, такую не увидишь на Элигерском побережье. И всюду травы, где только можно их пристроить: живые в горшках и сухие, с любовью разложенные на столе и полках,

подвешенные к балкам. А на полу – песок, которого так хочется коснуться босыми ногами.

Открыв Итани дверь своего дома, чернявая, да и сама будто овеванная тьмой, хозяйка отступила к мужчине, стоящему за ней. Светловолосый обнял женщину, защищая ее.

Поймав прозрачный взгляд его серых глаз, Ярош сразу понял, что человеческой крови в нем только половина. Половина принадлежит Морю. Сколько же еще встреч с необычными людьми подарит ему этот небольшой городок?..

– Здравствуй, Зорин, – поздоровалась Итана. – Нужна твоя помощь.

Пират и Марен посадили Киш на низкую лавку.

Зорин, ничего не спрашивая, убрала руку своего защитника и присела подле Киш. Провела по ее губам, понюхала пальцы.

– У них всех один и тот же яд. Но если кто-то узнает...

Не поднимаясь, чужеземка обернулась к Итани. Смуглое лицо было словно выточено из обветренной скалы, будто она сама была той скалой и тем ветром своей далекой родины.

– Никто не узнает, – через силу вздохнув, пообещала Итана. – Мы уплывем... искать сокровища.

Зорин порывисто поднялась, словно эти слова для нее были значимее клятвы.

– Тогда хорошо. Но обещаешь выполнить мое желание, – Зорин искала нужные ей травы среди подвешенных связок.

– И каким будет твое желание? – спросил Ярош, кивая

Итани, с мольбой посмотревшей на него.

– Уехать из этого города.

– Уедешь, – пообещал капитан.

Светловолосый мужчина молча подошел к Зорин, помог достать пучок травы, на который она указала.

– Нас двое, – спокойно добавила хозяйка.

– Хорошо, – согласился пират, его заинтересовали оба: слишком необычно светятся их глаза, но не ей одной ставить условия. – Если он скажет, в кого превращается в волнах.

Мужчина впервые прямо посмотрел на тех, что непрошенными гостями пожаловали в их дом.

– В волнах я становлюсь дельфином.

Отвар помог, и Киш уснула. Итана тоже спала. Даже Ярош задремал, склонив голову на скрещенные руки: ароматы не высохших трав пьянили. Хозяйка, Марен и друг Зорин, прозванный Дельфином, ведь имя свое он так и не открыл, тихо разговаривали, когда вдруг за окном послышался крик.

Зорин подбежала к окну, отдернула грубую занавеску.

Неподалеку на улице дрались. Рыжая женщина в красивой одежде мужского кроя, отбивалась от двух нападающих. Она отменно владела оружием, но нападающие не уступали ей силой и умением. А их глаза... Их глаза были пусты и мертвы, какими становятся лишь от пережитых страданий, – боль расплавленным железом выжгла сердца этих двоих. Рыжей не победить, сумерки выпьют свет из ее насмешливых карих

глаз, а золото волос истлеет.

И не обязательно быть родом из давнего народа, чтобы это почувствовать. Только кто эта женщина, что за ней охотятся такие убийцы?..

Марен отперла дверь.

– Не смейте идти за мной. Только мужчины.

Ярош и Дельфин уже стояли с обнаженными саблями.

Но обагрить лезвия кровью им сегодня не довелось. Из сумерек прыгнула огромная черная кошка и свалила одного нападающего. Другой воспользовался неожиданностью и обманным выпадом выбил оружие из рук рыжей, замахнулся для последнего удара. Женщина покачнулась, пытаясь уклониться от смертоносного лезвия, потеряла равновесие и тоже оказалась на земле.

– Хватит! – от приказа давней, подкрепленного безмолвным заклятьем, зловеще качнулся воздух, меч нападающего переломился.

– С вами все в порядке, госпожа? – Дельфин помог рыжей подняться.

– Не фамильярничай. Я королева! – возмутилась женщина, но помощь приняла.

– Возможно, и королева. Но не здесь, – холодно отметил Ярош: ему не понравилась ее надменность.

– Королева всюду королева! А я Герда – правительница Аталя, – приглаживая пышную рыжую гриву, провозгласила властительница далекой страны.

– Как мы поступим с ними, Марен? – Ярош поднял обломок лезвия и заинтересованно поглядел на узорчатую гравировку, никак не показывая, что он об этом всем думает.

– Стоит их отпустить, лично нам они ничего плохого не сделали, – взгляд Марен плавно перетек от полностью недовольной Герды к немного обескураженному Дельфину, задумчивому Ярошу и невозмутимым чужакам, стоящим рядом. – Хватит на сегодня кровопролития. Слишком много с прошлой ночи ушло из жизни тех, кому еще бы жить и жить...

Великодушные слова, но за ними холод чар, которые плетет давняя, и темные глаза сейчас льдистые и безжалостные.

– Пусть уходят, если они не расскажут...

Но Марен оборвала Дельфина.

– Они не расскажут, это я могу гарантировать. Убирайтесь, пока мы не передумали. Ваша добыча теперь недостижима, и вы это понимаете.

Давняя подождала, когда двое раненных мужчин, поддерживая друг друга, скроются за углом, и направилась к дому.

Пантера подошла к Ярошу, потерлась об его ногу.

– Твоя защитница?

Глаза королевы блеснули еще большим презрением, она поморщилась: на кисть руки стекал тоненький ручеек крови – ее величество зацепили во время стычки.

– Мою пантеру Ужасом Ночи зовут, пират!

– Ужас? Неужели? – пиратский капитан погладил панте-

ру так ласково, что Герда на миг отбросила надменность и недовольно фыркнула.

Большие золотистые глаза пантеры светились морем.

– Мне нравится твоя подружка. Продай ее мне.

– Не продам. Отвези меня к Александру, тогда я тебе свою пантеру подарю, – сладко пообещала королева.

Ужас Ночи рыкнула, ударив когтями по земле. Королева испуганно отступила.

– Кто такой Александр?

– Ты не знаешь Александра, пират? Он король, правитель земель Аталя и мой муж, – удивилась Герда, но спесь сразу взяла верх: – Без моего позволения Ужас Ночи меня не покинет. И не мечтай, что сманишь ее!

– А она умница, Сокол. Если так дальше пойдет, в твоей команде будет больше женщин, чем мужчин, – Марен не торопилась входить, ждала остальных. – Зайдите внутрь, вечерет, шум мог услышать какой-то патруль.

Герда поспешила спрятаться в гостеприимном доме, за ней вошел Дельфин, а Ярош задержался.

– Если не врет, она – королева Аталя, а эта земля по другую сторону моря, – глядя давней в глаза, сказал Ярош. – У тех двоих имперское оружие, сами они не имперские солдаты, но, отпечаток злой воли столицы Империи на них ощущается. Прошлой ночью я встретил четверых давних, хотя вас почти не осталось в этом мире. Я видел звезду, снятую с неба, и молодого колдуна, воплощенное заклятье, долго жи-

вущее само по себе, а прошедшую ночь пронизали такие могущественные чары, что их отзвук звенит до сих пор. Что здесь происходит? Скажи мне, Марен.

Давняя отвела глаза, задумчиво вздохнула.

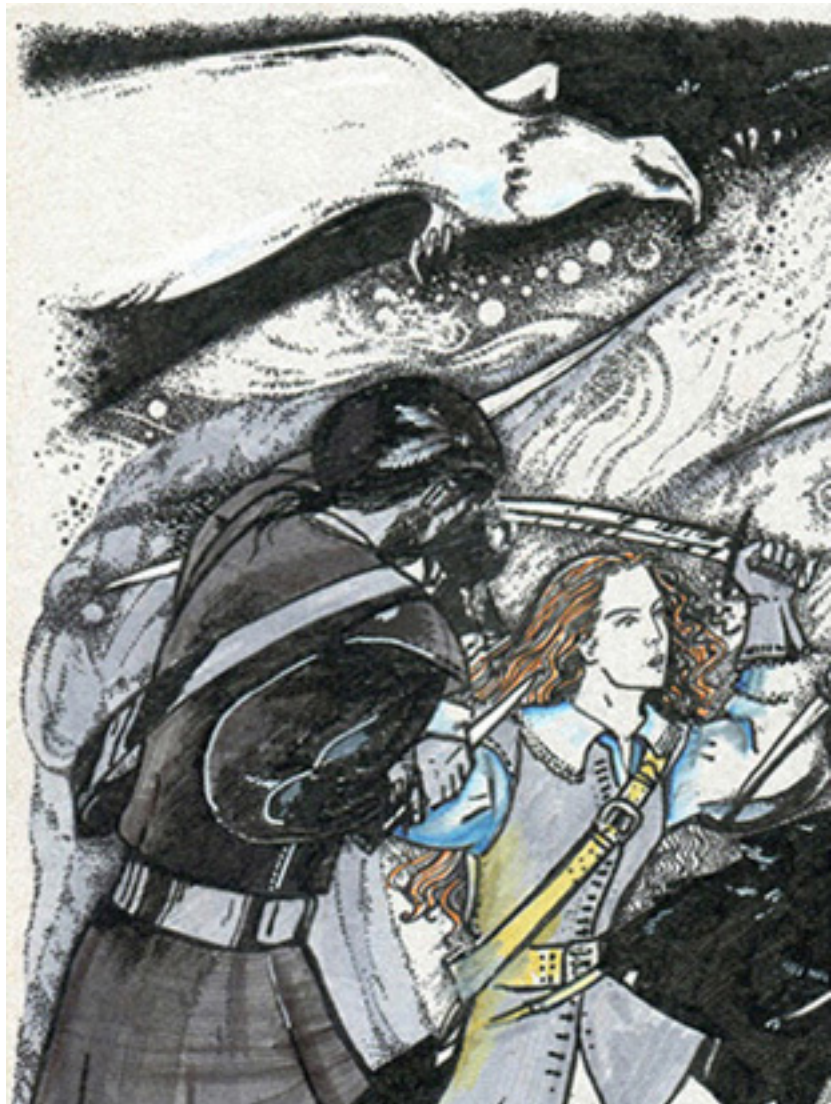
– Я расскажу тебе, Ярош Сокол. Но не теперь... Когда мы выйдем в море, и оно сможет всех нас защитить. Можешь не верить мне, но ты знаешь, что было бы сейчас, если бы я не говорила тебе правду.

– Договорились, – чувствовалось, что на самом деле у пиратского капитана нет выбора. – Я помню, при каких обстоятельствах мы встретились впервые, и поэтому – да, я понимаю, что на том помосте мои муки бы не закончились. Только я никак не пойму, зачем ты это делаешь.

– Просто прими мою помощь, если сможешь, пиратский капитан.

– Я уже ее принял, – усмехнулся Ярош. – В команде моего корабля еще не было давних.

Он вошел в дом. Марен переступила порог последней, но, прежде чем запереть дверь, она нарисовала на дереве защитный знак, призрачный свет которого очень быстро поглотили сумерки.

...Ярош Сокол шел по городу. Светило полуденное солнце. Но оно гасло в плену блеклых туч. Такие тучи несут в чреве не животворную воду, а погибель. Ярош понимал, что нужно, во что бы то ни стало, спрятаться от этого дождя, ведь иначе он тоже бесславно сгинет. Только где схорониться от такого ливня?..

Ослепительно вспыхнуло наверху, но за молнией не последовали раскаты грома. Воздух менялся, напитываясь отзвуками зловещих заклятий. От страха сдавило внутренности, скрутило их в клубок.

На улицы выходили испуганные люди, переговаривались между собой. Они не понимали, но чувствовали, что творится что-то ужасное. А тогда беззвучно полыхнуло снова, будто молнии набросили мерцающую сеть на город, поймали его в неразрывные сияющие тенета.

Ярош не выдержал, поддался страху и побежал. Только был он сейчас не Ярошем Соколом, капитаном пиратского корабля, а маленьким мальчиком, которого мог утешить лишь родной человек.

Упали первые капли, и жителей города охватила паника: они бежали, куда глаза глядят, но ни для кого не было спасения в тот жуткий день, обратившийся мраком древнего заклятья.

Мальчик убегал от черного дождя, тяжелыми каплями барабанящего по городу. Дождь сжигал все живое, чего касал-

ся, а на каменных стенах когда-то счастливых домов остав- лял темные маслянистые разводы. Кто-то падал сразу, неко- торые продолжали бежать, словно не замечая, что с ними происходит под действием чар: пеплом отлетали волосы, одежда, кожа, тело...

Заклятье влияло на каждого по-своему, но оно мучило и убивало – кого-то безмолвно, а кого-то терзало, заставляя кричать и корчиться на брусчатке, царапая себя, как будто это могло унять боль.

Но хуже криков были рыдания под запертыми дверьми. Люди просили родных и соседей, которым посчастливилось спрятаться от заклятого дождя, впустить их в дома, но спасенные оставались глухи к слезам и мольбам тех, кого еще вчера уважали и любили. Ужас близкой гибели перечерк- нул верность, любовь, восхищение, семейное счастье – пере- черкнул все доброе, что было на той земле.

Серый морок заклатья, черный дождь и красная кровь... Три цвета, оставшиеся в мире в тот день. Кровь красная, и безумие того же цвета. Когда к черному дождю примеша- лась кровь, те, кто еще держался под натиском заклатья, сда- лись. Они бросались на соотечественников – кто одержимый безумством жестокости, а кто, чтобы избавить от страданий своих близких. Они мстили за равнодушие и спасали от безумия, коснувшегося их самих черными каплями заклятого дождя.

Гордый и свободный город умирал, теряя своих граждан

одного за другим, и некому было его защитить. Преданный город захлебывался во мраке и боли. А когда земля напилась вдоволь, между камнями брусчатки выткнулся первый росток пшеницы, алой, как пролитая невинная кровь.

В проклятом чужой волей городе вырастали красные цветы – подснежники и орхидеи, розы и ромашки... Кровь засеивала улицы рожью и пшеницей смертного урожая, а по стволам и ветвям деревьев ползли багровые побеги плюща, стелились коврами сочные алые травы. Там, где гибла человеческая жизнь, рождалась новая, жуткая и смертоносная для всего живого.

Запыхавшийся мальчишка добежал до своего дома, заглянул в приоткрытую дверь. Темно, пусто...

– Мама! Мама! Где ты, мама? – причитал мальчишка, оббегая дом.

Во дворе цвели ярко-красные мальвы, которых еще утром здесь не было. Земля густо усыпана пеплом.

Мальчишка оторопел, сердце натужно стучало болью, стремясь пробить грудную клетку.

Справа от ребенка возникла тень, становясь красивой женщиной в длинном полотняном платье.

– Иди ко мне, сынок, – ласково позвала она. – Позаботимся вместе о нашем новом цветнике.

Она ступила шаг к мальчику, но тот испуганно отшатнулся от тени, превратившейся в его мать.

– Нет! Ты не мама! Ты не моя... мама!

Мальчишка убежал назад, на улицу, но и там зловещим алым пламенем мерцали живые цветы преждевременно оборванных жизней. Цветы манили коснуться их, сотнями голосов молили прекратить их страдания, разделить их боль...

Красные цветы и тени тех, кто так и не переступил черту смерти, чтобы когда-нибудь родиться снова или стать частью мира, как говорили мальчику учителя в школе. Красные цветы, тени и мрак древнего заклатья... Недолгий ливень оставлял проклятый город, выжигая своей не полностью растроченной силой всю долину.

И больше не будет друзей, с которыми можно играть, не будет требовательных учителей, что так много знают, не будет мамы...

Мальчик упал на колени и расплакался. Тень матери склонилась к нему, нежно коснулась щеки, стерла слезы.

– Сыночек, ты не одинок. Я так мало видела тебя в последнее время, с тех пор как ты пошел учиться. И зачем тебе учителя, если мы можем быть вместе вечно? Чему такому тебя могут научить, чего бы не знала твоя родная мать? Иди ко мне, я тебя обниму...

Все еще не сдерживая задушенные рыдания, мальчишка повис на шее той, которая была так похожа на его маму, и тень осторожно обняла его, привлекая к себе.

Она уже не отпустит его, не позволит снова почувствовать одиночество, и то, что он пережил черный дождь, еще ничего не значит. Пепел к пеплу, а на крови вырастают такие

ароматные огненные цветы...

Ярош стоял посреди темной улицы, где под домами выросли роскошные красные ромашки.

– Сорви нас... Сорви нас... – ласково шептали ромашки, качаясь в такт своим словам. – Узнай, любит ли кто тебя?.. Ждет ли тебя возлюбленная?.. Спроси не у звезд, спроси у нас о своей судьбе...

Пиратский капитан и хотел бы избавиться от этого кошмара, но не знал, куда идти. Он заблудился в проклятом городе, где властвовали мрак ночью и сумрак днем. Во второй раз не находил отсюда путь.

– Ярош, – тихо позвал мужской голос.

Пиратский капитан оглянулся.

К нему шел мужчина в синей форме почтальона с кожаной сумкой, перекинутой через плечо. Он был среднего роста, темные каштановые волосы редкими волнами ниспадали на плечи. Не тень, но разве поймешь наверняка в густом полумраке?..

– Пиратский капитан Ярош Сокол? – спросил незнакомец.

– Да. Чего тебе? – насторожился пират.

– Вам письмо, капитан, – почтальон протягивал ему синий конверт.

– Дай сюда, – Ярош вырвал конверт из его руки, вскрыл.

Но внутри лист оказался чистым.

– Здесь ничего нет!

– Вы напишете здесь все, что захотите передать своим

друзьям, – эти слова мужчина произнес очень ровно, верно, не в первый раз. – Я передам письмо тем, кто остался в земном мире.

– Но я... я жив, – Ярош огляделся: ужасный город исчез, они стояли посреди безграничного пространства, у которого даже горизонта не было.

Почтальон кивнул в знак подтверждения, лист в руках Яроша таял туманом.

– Если я жив, почему ты пришел ко мне с таким словом?

– Возьми меня с собой, – проговорив это, тень почтальона отступила. – Я сам найду тебя, пиратский капитан.

По серым кочкам, словно по облакам, шла Марен.

– Пойдем назад, – бесчувственно сказала она, – на площадь, мимо красных стен, мимо дворца, мимо безмолвной стражи.

– Не верь ей, – тихо предупредил почтальон.

– Пойдем, – Марен протягивала руку.

Но в глазах у давней не было темной глубины!

Ярош отшатнулся.

– Назови мое Имя, и я пойду с тобой!

– Ты и без Имени пойдешь со мной, человек, – прошипела она, меняясь...

– Ярош, проснись! – Итана трясла его за плечи. – Проснись! Проснись!

Вдохнув так глубоко, словно только что не дышал, Ярош

вырвался из паутины жутких сновидений.

– Почему он такой бледный? – рядом с Зорин и Итаной стоял Дельфин.

Гадалка села на лавку, закрывая лицо, она испугалась, увидев отражение страшного сна, в плену которого так долго пробыл пиратский капитан.

– Еще ночь? – спросил пират, ему нестерпимо хотелось умыться, чтобы смыть с себя грязь сна, такого похожего на воспоминания.

– Уже ночь, – ответила Зорин. – Ты спал весь день. Твоя подруга... Марен запретила тебя будить.

– Значит, день впустую. Мы никого не нашли, – теперь, когда сновидение отступило, он сожалел о потерянном времени.

– Мы нашли, – похвастался Дельфин. – Знакомься, капитан!

Он отступил. Возле камина сидел крепко сбитый мужчина, похожий на медведя, и ел, ни на кого не обращая внимания.

– И снова не совсем человек, – улыбнулся пират.

– Берном назвался. Итана в городе встретила, – Зорин тоже с улыбкой посмотрела на мужчину-медведя. – Берн умелый стрелок. Я видела, как он в подброшенную монету попал. И с Киш, которую вы от казни спасли, все хорошо будет.

– Откуда знаешь? – недоверчиво спросил Ярош.

– Карты Итаны знают.

Дверь открылась. Вернулись Герда с пантерой и Марен. Увидев, что Ярош смотрит на них с недоверием, Марен усмехнулась.

– Очнулся наконец-то, Сокол, – сказала она. – Белым перышком палец не уколол, а?

– Это были не мои воспоминания. Не все мои воспоминания, – Ярош поднялся, решив немного прогуляться, побыть на свежем воздухе казалось сейчас даже более важным, чем поужинать.

– Не все, но земля помнит. Помнят живые и помнят мертвые, а ты был там не так давно, – безжалостно рассмеялась Марен.

– И ты тоже каждое мгновение помнишь о содеянном, правда? – с вызовом спросил Ярош, смело глядя на давшую. – Как помню я сам, насколько бесчеловечно поступили с тем городом. Не потому ли мне все это приснилось?

Улыбка Марен стала еще холоднее, но она ничего не ответила.

Пиратский капитан ушел в ночь. На перилах балкона одного из домов сидела белая птица. В янтарных глазах притаился пламенеющий мрак, но оперение уже не было таким роскошным – заклятье доживало свои последние часы.

– Отдай карту. Отдай карту. Отдай карту, – нагоняло пиратского капитана злое эхо чужой воли, но город больше не был маревом кошмара.

Глава 3

Новая команда

Утром Итана и Зорин улаживали последние дела перед отъездом, Киш помогала спасительнице складывать травы, которые та намеревалась взять с собой. Герда и Марен снова куда-то исчезли, а Ярош, Дельфин и Берн засели в таверне скрепить знакомство полными стаканами. Только капитан пиратского корабля и капли в рот не брал. Ярошу стоило изрядных усилий, чтобы не присоединиться к новым знакомым: выпивка была единственным спасением от показанного ему во сне птицей, сотканной из чужих чар, такой знакомой белой птицей... Выпивка могла бы согреть остывшее сердце, прогнать зловещие воспоминания, но затуманила бы разум, а этого допускать было никак нельзя.

Люди не слишком охотно подходили знакомиться с чужаками. А те, кто осмеливался на это, обычно были странными, не похожими на большинство, – не плескалось море в их взглядах. Жажда приключений не вела их опасным путем, а отчаянность не направляла руку, что могла казнить и дарить прощение. В себя смотрели они, не замечая окружающего мира, живя только собой. Их лица не запоминались, и пиратский корабль не мог стать для них приютом, ибо не было радости в пустых сердцах, а когда нет радости, нет и покоя морского полотна.

Только один остался за столом искателей приключений – молодой мужчина со взглядом пирата, хотя в море, судя по его словам, никогда не бывал. Но пиратство в крови, это всем известно.

Познакомившись с новеньким, которого звали Максом, решили сделать перерыв на обед. Берн пошел поболтать с трактирщиком, а Ярош остался с Дельфином и Максом. От разговоров капитан устал больше, чем от славных стычек и грабежа торговых судов.

К столу подошел кудрявый парень лет семнадцати.

– Привет, Ярош Сокол.

Ярош посмотрел на него, узнавая.

– Ты его знаешь? – спросил Дельфин.

– Неважно. На пиратский корабль хочешь попасть? Да, колдун?

– Да, – хищно улыбнулся Хедин. – Я не оракул, но мне известно, что с вами будет.

В его серых глазах когда-то тоже волновалось бурное море, но сейчас оно почти исчезло.

– Убирайся, – холодно ответил Ярош. – На корабль я тебя не возьму. А без моего разрешения ты на борт не поднимешься. Сам знаешь.

– Вы еще пожалеете об этом! – откликнулся парень и затерялся в дымном чаде.

Среди дыма захохотал мужчина, он рассказывал, как люди наивно ждали подарков от высших сил, насмеялся и над

людьми, и над древними богами.

– Мне кажется, мы никого здесь больше не найдем, – Дельфин поглядел вслед колдуну. – Они ненастоящие. Даже тот, что твердит, будто подружился с драконом. Они все обманывают и себя, и нас, выдавая желаемое за действительное. Если ты считаешь, что здесь остался кто-то, кто должен пойти с нами, капитан, мы еще подождем, но, я думаю, зря.

– Я тут только одного настоящего дракона видел, да и тот еще нормально летать не умеет, – поддержал разговор Берн, возвращаясь к столу.

– Я его тоже видел, – подтвердил Ярош. – Если дракон настоящий, быстро летать научится.

– А это еще кто к нам идет? – Макс смотрел на пожилого мужчину, с удивлением разглядывающего таверну.

Мужчина был одет просто, но опрятно и как-то не по-здешнему. И Макс подумалось, что обычного работника, уставшего от серости однообразной жизни, забросило в тихий провинциальный городок, а ему кажется, будто он попал в разбойничье логово.

– Я видел чудо однажды, – сказал Владимир тихо, словно боялся, что его примут за сумасшедшего и прогонят. – Давно-давно, в детстве... А три дня назад я видел еще одно – корабль с черными парусами. Пиратский корабль.

– И что в этом странного? – Ярошу незнакомец понравился, но чувствовалось, что они родились в разные столетия. – Все моря принадлежат пиратам.

– Я никогда не видел моря, – сознался Владимир. – Я всю жизнь тяжело работал, чтобы добыть хоть немного денег. А моря не видел.

– Так посмотри в окно – там море, – удивился Дельфин.

– Ничего вы не понимаете, – Макс искренне сочувствовал этому пожилому мужчине. – Он действительно не видел моря. Он родился не здесь. Как и я.

– Как же вы попали сюда? – теперь Дельфин не поверил.

– Нас всех позвали сокровища. Мы желаем их найти. Ты и не таких увидишь, – вместо Макса ответил Сокол и дружелюбно посмотрел на Владимира. – Ты в команде.

Ярош был прав: в пиратскую команду еще просились разные люди, но их глаза были пусты. А когда пристойные посетители разошлись, а все оставшиеся захмелели, на стол пиратам слетело симпатичное существо. Маленькая девочка, только с белыми крылышками, похожая на ангелочков, которых углем рисуют дети.

– Ваш корабль черный. Ему света не хватает. Я буду вашим светом!

Ярош вспомнил высокомерную королеву Герду и ее пантеру с золотистыми глазами, представил рядом с ними это крылатое существо, которое уже насупилось, собираясь обидеться. И звонко рассмеялся.

...А Герда стояла над морем, и Марен держала ее за руку, не давая сорваться в бездну. Реальность это была, или оче-

редное обманчивое сновидение?

Но над пропастью карие глаза королевы ярились бурей сильнее взбешенного моря...

Ночевать мужчины остались в таверне, но утром Ярош решил не ждать, а попробовать самому поискать в городе тех, кто был ему нужен. Если этот берег такой необычный, он может подарить еще не одну интересную встречу, и тогда, возможно, карта появится снова. Только сначала пират хотел посетить кузницу: местный кузнец славился своим мастерством далеко за пределами Элигерского побережья. Это и была причина, почему Ярош направил свой корабль к этому порту.

В пустом зале таверны две девчонки обсуждали план abordaja торгового судна. Они слишком много выпили, и над их глупыми замыслами уже и чайки бы посмеялись. Если б этих мечтательниц на Тортугу, они бы стали настоящими морскими воительницами, но делать им такой подарок Ярош не собирался. К девушкам подсел немолодой мужчина, тот самый, что несколько ночей назад спьяну тоже похвалялся своими выдуманскими подвигами. Девчонки приняли товарища в компанию с глуповатым хихиканьем. Но Соколу были безразличны подобные компании.

Окна кузницы оказались забиты, а дом оставлен на произвол судьбы. Соседи сказали, что мастер съехал неизвестно куда, отправился в путешествие за собственными приключе-

ниями.

Жаль...

Ярош достал свой компас, стрелка затрепетала, но не пошевелилась. Что ж, это даже не странно – отголоски промолвленных здесь заклинаний чувствуются и сейчас, почти неуловимые, если не вслушиваться, но компасу достаточно.

Пиратский капитан осмотрелся, решая, куда ему идти. Городок проснулся, и по улицам ходили занятые своими делами люди – ремесленники, непринужденно одетые женщины и дети, которых приучают к тяжелой работе с малых лет. Но от людей Ярошу сейчас хотелось держаться подальше, подмывало остаться наедине со своими мыслями.

Он шел пологой горой, минуя каменные дома и аккуратные дворики. Дорога расходилась надвое и, подумав, Ярош решил отойти от человеческого жилья и повернуть к высоким деревьям, оставшимся от леса, который, вероятно, когда-то рос на этом берегу едва не до самого моря.

Хотя гору следовало бы назвать высоким холмом, но вид с нее открывался необыкновенный: довольно широкие улочки городка, часть из которых уже выложена брусчаткой, небольшой порт в заливе, где пришвартовались две рыбацкие шхуны, на другом крае поблескивает куполами приземистая церковь. словно почувствовав на себе взгляд пирата, в церковной звоннице трижды ударили в колокола, и гулкое эхо разлилось над городком.

Тихо, мирно, и совсем не чувствуется дух Империи, хотя

имперские солдаты здесь были, а помост на площади еще не полностью разобрали. Вот только как долго горожане будут помнить казнь, свидетелями которой невольно стали? Или будничные дела уже заслонили собой увиденное? И кому достанутся доски с помоста? Их сожгут, сохранят для следующей казни или используют для постройки чего-то вполне мирного?..

Ярош сел на траву и засмотрелся на сверкающее солнечными бликами море. День выдался погожий и безветренный, морская гладь лежала не потревоженной, и казалось странным, что лишь несколько дней назад штормовой ветер пролетел над городом. Море тоже откликнулось на чары, защитив себя и людей тем ветром, так и не поднявшим бурю.

Пират снова поглядел на компас, стрелка качнулась, но полный круг не сделала. Если так, то придется полагаться исключительно на свои собственные предчувствия, а несколько ответов сейчас совсем не помешали бы.

Ярош спрятал компас и посмотрел на горизонт, где чистое небо соединялось с необыкновенно спокойным морем.

Он привел пиратский корабль к этому берегу, чтобы встретиться с кузнецом, который последнее время жил в этом городке. Смеркалось, особо времени на поиски не было, капитана ждала лодка, но в воздухе витал отзвук столько не промолвленных и не воплощенных чар, что Ярош мешкал с возвращением. Лодка отплыла, а через четыре дня, на рассвете, как и было условленно с пиратской командой,

корабль должен был ждать своего капитана в далекой Восточной бухте. Бухта была защищена скалами от ветров и чужих взглядов, вход в нее преграждали три рифовые гряды, проходимые только в том случае, если знаешь дно, или если твой корабль благословляет само Море.

А что-то таки невероятно важное происходило здесь, когда Ярош Сокол оказался на берегу, и дело даже не в подаренной ему зачарованной карте. Здесь встретились давние, много давних, если учесть, что трое из них нашли его сами. И что же здесь случилось, если одну из давнего народа тяжело ранили? Что натворили те чародеи, которых поспешно казнили, не решившись везти в столицу? Кто они? Да и молодой колдун может только внешне казаться юным, а на самом деле немалая сила и умение нужны, чтобы держать в руках снятую с небосвода звезду... И почему сюда приехал имперский министр?..

Вопросы, вопросы, вопросы, на которые нет ответов. Только растревоженные воспоминания и очень много чародейства, потому и молчит компас, ведь еще не все заклятия полностью ушли в землю, а некоторые, самые сильные, отзвуки, воплотились в другие сущности, как та белая птица с льдистыми перьями.

Яроша передернуло при воспоминании о прикосновении к белому перу. Не стоило его поднимать, и, возможно, давняя не напрасно запретила будить его ото сна, навеянного прикосновением к заклятью. Хотя могло быть иначе: в пыт-

ках Марен знала толк... Он рискнул, поднимаясь на помост, охраняемый имперскими солдатами, но давняя не отдала приказ арестовать пирата, хотя это было бы проще всего, учитывая, кем она в действительности является.

Давние хотели удрать отсюда по морю, просились на его корабль, все, кроме той, что подарила пиратскому капитану карту. Молодой колдун Хедин тоже стремился попасть на пиратский корабль, будто знал значительно больше о той ночи, чем захотел бы рассказать, и, похоже, что ночь тоже открывала ему Имена и отвечала на вопросы.

Тогда в городке чар было столько, что их почувствовали все, у кого была к этому хоть малейшая склонность: пришли на пляж Виктор и Ольга, рисовал на песке, почти творя чародейство, странный парень, не спала гадалка Итана, да и вообще мало людей поддалось усталости и заснуло. Но и люди, живущие здесь, оказались весьма необычными: в жилах Берна и Дельфина только наполовину текла человеческая кровь, скрытое чародейство чувствовалось в Тайре, и откуда в действительности родом Зорин, даже пиратскому капитану было трудно представить.

Сильные чары манили и тайно указывали путь, как тому симпатичному существу с белыми крылышками, прилетевшему к ним вчера вечером. Как приманили они молодого дракона, который сейчас кружит над морем, нежась в ласковых солнечных лучах. Драконы всегда льнут к чародейству, но не все научены чувствовать чары, как и видеть самих дра-

конов, когда они того не хотят.

Возможно, привели сюда чары и королеву Аталя. Хотя высокомерную Герду так и стоит еще расспросить, что же она забыла в чужой провинции?.. И, может так случиться, что и давний народ что-то расскажет пиратскому капитану в благодарность за путешествие на корабле с черными парусами.

Ярош улыбнулся собственной мысли: когда же это давний народ был благодарен людям за помощь?.. Но больше всего сейчас пирата тревожил мужчина, явившийся ему во сне, навеянном отзвуком заклинаний. Он тоже был полувоспоминанием, тот почтальон, доставляющий письма в синих конвертах... Такое далекое прошлое, которое так и не удалось утопить в выпивке. А теперь... теперь хочется жить: искать сокровища на далеких островах, разгадывать тайны тех, кто хочет стать частью команды на пиратском корабле, и вслушиваться в шепот моря, чей голос иногда так легко позабыть...

Сверкнули золотые крылья дракона, когда тот нырнул под воду, и через несколько секунд взлетел снова, рассыпая брызги. Дракон рыбачил достаточно близко от берега, а это значит, что там для него опасности нет.

Что ж... можно и пирату поглядеть на дракона поближе. Ярош отыскал едва заметную тропку среди трав, ведущую вниз в нужном направлении.

Тем временем в таверне друзья совсем заскучили. Прошло полдня, а с ними почти никто не поздоровался. Сегодня люди тоже обходили искателей сокровищ стороной.

Дельфин и Берн как раз убеждали Макса, что сидеть тут – напрасный труд, когда слышались крики и громкое обиженное мяуканье.

По таверне несся большой черный котяра, такой упитанный, что пузо мешало ему бежать.

– Сириус!

Кот оглянулся и попробовал запрыгнуть на стол, но живот перевесил, и он лишь ухватился когтями за край. Дельфин и Берн захохотали. Макс поймал кота, чуть не шлепнувшегося на пол.

– Отдай! – возле него остановилась запыхавшаяся девочка.

Она тяжело дышала, темные русые волосы до плеч запутались, самые короткие пряди падали на глаза, и девочка недовольно сдувала их.

– Ты кто? – Макс приласкал кота, который хоть и весил достаточно много, но эта тяжесть не оттягивала рук.

Кот замурлыкал.

– Роксана. Отдай моего кота! – топнув ножкой, пожелала девочка, и уже к коту: – Мой маленький. Сириус, иди ко мне.

Она потянулась к любимцу, но Сириус крепче всадил когти в Макса. Парень лишь вздохнул, а глаза Роксаны блесну-

ли уважением. Она тряхнула волосами, укладывая их на место, – стало немного лучше.

– Ты его не знаешь. Он бешеный. Носится, как очумелый.

– Роксана, а что мы здесь делаем? – девочку за плечи обняла молодая женщина, Роксана была на нее очень похожа.

– Действительно, доченька, что мы здесь забыли? – послышался голос отца, и дочка совсем растерялась. – И где мы взяли эти лохмотья?

Если бы Макс был вместе с Ярошем той ночью, когда пират получил карту, то узнал бы в этих людях Виктора и Ольгу, а так они для него просто были родителями девочки с непослушными волосами. Парень опустил черного кота на пол, и Роксана сразу взяла любимца на руки, хоть так избавляясь от материнских объятий.

– Я ничего не сделала, – попробовала оправдаться она.

– Да? Ну конечно, – брови отца насмешливо взлетели. – А не должна ли ты сейчас ехать к тетке?

– Я ее не люблю, – девочка отвернулась.

Макса семейная размолвка не касалась, но ему почему-то было жаль этого ребенка, он и сам был таким взбалмошным в свои четырнадцать.

– Пойдем, Роксана, ты еще успеешь уехать сегодня, – Ольга старалась договориться с дочерью.

– А вы? – она неожиданно резко повернулась к родителям, и глаза девочки снова вспыхнули, но уже гневно. – Что будете делать вы?

Тут уже родители стушевались.

– Поговорим дома! – отрезал Виктор, подтолкнув дочку к выходу.

– Я все равно убегу, – пробурчала Роксана, Сириус спрыгнул с ее рук.

Семья вышла на улицу, а Макс неожиданно для себя подумал: "Что там о море говорил Ярош? Не о таких ли глазах?"

– Эй, подождите!

Ольга, Виктор и Роксана остановилась. Макс догнал их.

– Можно мне кое-что спросить у вашей дочери?

Виктор и Ольга переглянулись.

– Спрашивай, – нехотя согласилась Ольга.

Макс и Роксана отошли на несколько шагов. Кот обогнал их и легко оказался на заборе. В зеленых глазах животного сияли звезды, словно там действительно поселилась пара жительниц ночного небосклона.

Макс усмехнулся и, убедившись, что родители не пошли за ними, смерил девочку заинтересованным взглядом. Роксана потупилась.

– Что?

Макс погладил кота.

– Станный он у тебя. Такие штуки вытворяет. То боится тебя, то не отходит.

– Корабль с черными парусами, – бросив взгляд на родителей, сразу перешла к делу девочка. – Они проговорились, что Ярош возьмет их в путешествие.

– Капитан Ярош, – неосознанно исправил ее Макс, но Роксана не обратила внимания.

– Плевать, что они об этом мечтали. Но это я увидела корабль! Я! – она стукнула кулаком по забору, кот зашипел от неожиданного землетрясения, вогнав когти в дерево. – Перестань, Сириус, не до тебя, – и кот замолчал, поняв ее слова.

– Он тебя слушается? – Макс даже не удивлялся.

– А как бы иначе я убежала от родителей? – лицо Роксаны осветилось улыбкой победительницы. – Это все мой маленький Сириус – не могла же я ехать без него.

Макс тоже улыбнулся. Он бы и сам так хитро поступил, если бы у него был такой умный кот.

– Короче, я хочу быть на этом корабле. Уговори капитана, пожалуйста, – ее голос дрогнул, гордость не позволяла просить, но ей так хотелось попасть на корабль с черными парусами, что она даже попробовала бы поступиться гордостью.

Почувствовав, что происходит что-то не то, Ольга и Виктор приблизились к ним. Макс не знал, как ему поступить. Пообещать взять ее в команду без согласия капитана он не мог, а посоветоваться было не с кем. Но если в этой бестии нет моря, то в нем самом моря тогда и подавно не было.

– Спросили, что хотели? – Виктор строго глянул на Роксану: взгляд отца обещал если не угощение ремнем, то отказ в сладостях по меньшей мере на год.

– Спросил. У вас замечательная дочь, – почтительно начал Макс. – Но я узнал, что мы теперь в одной команде.

– Правда? – немного наигранно удивился Виктор: два года дочери жить без сладостей.

А Макс продолжал:

– Я знаю, на корабле не место для детей, особенно для таких маленьких девочек...

– Сам маленький! – сквозь зубы процедила Роксана.

– Но рассудительно ли будет оставлять вашу дочь одну в такое опасное время? Не будет ли вам спокойнее, если она будет у вас на виду?

Родители Роксаны задумались, наверное, они вспоминали прошлые выходки дочери и пробовали предугадать, что она еще может натворить. Фантазия превосходила воспоминания.

– Вы правы, юноша, – наконец сказал Виктор, Ольга кивнула. – Роксана.

– Да, – обрадовалась девочка, уже успевшая поковырять краску на заборе, пока они молча советовались.

– Роксана, обещай слушаться нас во всем.

– Я обещаю во всем слушаться капитана, – выкрутилась новоиспеченная пиратка. – Котом своим клянусь!

И с радостным криком девочка понеслась по улице наперегонки с Сириусом. Кот бежал так быстро и легко, будто не касался земли, но Роксана поднимала пыль за них обоих.

Тропка привела пиратского капитана к старой пристани.

Городок не считался торговым, но благодаря близости

большого порта, самого крупного на Элигерском побережье, и его новая пристань в большом заливе часто была достаточно оживленной. Правда, сейчас здесь, на старых заброшенных пирсах, не было никого.

Никого, кроме чернявого юноши, одетого в темную одежду ремесленника. Юноша стоял близко к воде, немного склонив голову, прислушиваясь.

Что-то в его неподвижной фигуре заставило Яроша замедлить. Юноша говорил с Морем, как умеют только пираты. И то не все. Но вмешаться или подслушать такой разговор никто не в силах.

Парень подошел к нему сам.

– Приветствую капитана Яроша Сокола, – голос его был также глубок, как и море.

– Оно тебе мое имя сказало? – спросил пират, хотя и знал ответ.

– Море сказало, чтобы я ждал тебя здесь сегодня. Море никогда не врет, – в серо-зеленых глазах притаилась страшная тайна, но они сияли так ярко, что Ярош поневоле сравнил его с собой в том же возрасте. – Меня Дэниэлом зовут, – будто советуясь с морем, представился парень.

– Море не врет, – согласился пират. – Ты тоже увидел корабль с черными парусами?

– Нет. Но я знаю о нем все, что можно узнать. Я мечтал быть в твоей команде. Моя воля так же свободна, как и твоя. Свободнее только Море.

Неизвестно, как Дэниэл угадал, что Ярош говорил другому пирату, просясь в юности юнгой к знаменитому капитану, мечтая превзойти его славу. Но и без этих слов Сокол с радостью взял бы этого парня с собой.

Ближе к горизонту хлопнуло. Это молодой дракон купался в море, поднимая волны, в которых к берегу спешили огоньки. Чистые розовые и голубые искры облепляли опоры старой пристани, словно прорастали странными изменчивыми растениями, излечивая постаревшую древесину.

Дэниэл присел, попробовав коснуться чуда, и искры истаяли дымом, а пугливый дракон покинул море, растаяв в небе. Нельзя трогать чудо.

Окрыленный знакомством с Дэниэлом, Ярош с надеждой заглядывал в глаза прохожих, но видел в них только серость. Уже поздним вечером Сокол пришел в таверну, все его поиски не увенчались успехом: в этом городке не осталось пиратов, похоже, что кузнец был последним, кто покинул этот берег. Другие же состарились, погибли или сбежали от мирной жизни. Но большинство тех, кого тайком ждал в таверне Ярош весь прошедший день, упокоились на городском кладбище, прожив весьма счастливую жизнь. Могилы отказавшихся от своего прошлого ради покоя и созданных семей ничем не отличались от мест упокоения добропорядочных горожан.

Как только капитан вошел во двор, его увидела Рокса-

на, хотела выбежать навстречу, но почему-то замешкалась и осталась у окна.

Низенькая тень отделилась от стены, встав у пирата на пути.

На вид ребенок лет двенадцати, но в изменчивых глазах нет детства. Этому древнему существу много лет, слишком много, чтобы их считать. Но и зла в них нет, как в полупустом взгляде Хедина. В его глазах бушуют высокомерие и море. Много моря, много свободы, ибо у давнего есть крылья, хотя сейчас их и не видно.

– Ты тоже хочешь быть в команде на корабле с черными парусами, – Ярош не спрашивал, ведь глаза мальчишки вспыхнули жадой приключений так ярко, что другой отшатнулся бы, но не пиратский капитан.

– Да, пират, да. Я присоединюсь к вам позже. И можно моего товарища крылатого позвать? Можно? – сейчас давний казался обычным кудрявым мальчишкой, мечтающим о приключениях.

– Где товарищ?

Мальчик свистнул. Из темноты к ним опустился ангел, чьи крылья отливали чернотой. Глаза его тоже сияли, но не так ярко, как у младшего крылатого.

– Вы в команде, – согласился Ярош, хотя его немного проняло холодом от ветра, поднятого ангелом.

– Благодарю, капитан.

Ярош вошел в таверну, но Роксана видела, как мальчишка

искоса посмотрел на черноперую фигуру, и иллюзия растаяла. Но, возможно, ей привиделось, ведь ночь была темная и облачная.

Ярош тоже увидел море в глазах Роксаны, обрадовался, что она дочь Виктора и Ольги, которых он встретил первыми. Да и сама девочка очаровала всех своим веселым нравом.

На этом хорошие новости закончились, и капитан ушел спать.

Под полом скреблись мыши, за стеной, в соседней комнате, ругались картежники. Едкий дым от их сигарет заполнил коридоры. После полуночи товарищи по игре подрались, разбив друг об друга пустые бутылки.

Но когда в его комнату постучали, Ярош не на шутку разозлился.

За дверью стоял высокий красивый мужчина, роскошно одетый, только золотых или серебряных украшений на нем не было, верно, в свое время подчеркивающих его состоятельность.

– Увезите меня из Элигера. Я заплачу любую цену.

– Шел бы ты отсюда, – зевнул Ярош. – Утром придешь.

Пират знал, что утром они уже будут в открытом море, поэтому не волновался, что фронт найдет вместо него пустую комнату.

– Нет, вы не понимаете. Мне, правда, нужно уехать, –

незнакомец просил даже не голосом, а как-то странно, словно привораживал.

Ярош окончательно проснулся.

– Ты кто?

– Принц Юран, – честно сознался мужчина. – Меня казнят, если я останусь.

Ярошу сразу вспомнилась площадь с осужденными. Нет, бросить человека здесь он не мог, даже если бы в его глазах не было моря.

– Королева у нас уже есть. Теперь и принц в придачу, – пробурчал он. – Юран, приходи в Восточную бухту на рассвете.

Ярош провалился в сон без сновидений, чувство ожидания новой встречи тоже пропало. Пока не рассвело, пирата никто не будил.

Глава 4

Корабль с черными парусами

Золотое солнце выплывало из-за горизонта, когда Ярош и его новая команда добрались до защищенной от ветров Восточной бухты, где их ждал корабль. Паруса на трехмачтовой красавице "Диаманте" были черными, а глаза деревянной скульптуры на носу небольшого фрегата мастера сделали хрустальными. Во взгляде берегини корабля преломлялся утренний свет, перья на крыльях скульптуры с нежным девичьим лицом то ли сирены, то ли ангела, украшали бронзовые и медные вставки, тускловаты поблескивающие на солнце. Скрипели ванты, и капитан знал, что сегодня ветер точно станет попутным. Пираты стояли на палубе, глядя на пока еще незнакомых им людей, собирающихся на пляже. Низенький кудрявый мальчишка, которого Ярош встретил вчера вечером, уже был на корабле и стоял возле фальшборта рядом с пиратами. Судя по хмурому настроению, команда "Диаманты" узнала о том, что случилось в городке за время отсутствия капитана.

На берегу были еще не все, в ком Ярош почувствовал море. Но все, кто пришел, – улыбающиеся, даже счастливые, одетые просто, и в тоже время торжественно, словно на большой праздник. Молодая бабушка Катерина уложила пепель-

ные косы в прическу, когда-то любимую женщинами-воительницами. Она ни на мгновение не отходила от Матери, чьи глаза менялись вместе с рассветным небом. Казалось, что давняя чувствует себя лучше. Катерина украдкой улыбалась своим мыслям: жаль, что пугливый внук за ней не увязался, что-то в нем тоже есть... пиратское.

Ярош оглянулся, ища Роксану. Вот это семейка: девочка снова ругалась с родителями – речь шла об одежде. Ольга просто сердилась, Виктор нахмурился, но Роксана что-то резко им ответила и, загребая песок, потопала к Итане и Зорин. Гадалка сегодня была непревзойденной, казалось, сама близость моря придает ей силы улыбаться и верить в свою красоту. А вот на одежде Зорин взгляд задерживался надолго: костюм необычного покроя, но очень удобный в походе, притягивал взор красно-зеленым шитьем.

Спасенная от казни Киш сидела возле воды, протягивая руку к волне, и волна убегала прежде, чем та могла ее коснуться, будто играя. Чародейка выздоровела, хотя была еще бледной и ни с кем не разговаривала. За ней наблюдала Тайра, тоже оставшаяся в одиночестве, холодом и недоверием веяло от дочери колдуна.

Мужчины стояли вместе, уже перезнакомившись. Пожилому Владимиру было неловко, он не мог вспомнить ни одной шутки, чтобы и самому похвастаться чувством юмора. А Макс, Дельфин и Берн не утихали, сыпля остротами, – они подружились. Только Юран держался отдельно от них, чув-

ствуя себя чужим. При свете солнца одежда принца оказалась еще более поношенной, хотя изначально была очень дорогой. Темные волосы Юран собрал в тугий хвост. Принц смотрел на черный корабль, о чем-то размышляя.

Королева Герда сидела на камне, мочила ножки в морской пене, ее пантера лежала на сухом песке, куда не доставали волны.

Марен и Харун молча застыли на входе в бухту, у тропки, проскальзывающей между скалами. Сейчас они не казались древними нечеловеческими существами, только взглядами с ними никто встретиться не стремился. Даже Юран опустил глаза, проходя мимо этой безмолвной стражи. Марен откинула капюшон, став похожей на обычную женщину с короткой стрижкой. Но что-то оставалось в чертах давней неземное, указывающее на ее власть над людскими жизнями.

Дэниэл склонился сначала перед Марен, а потом перед Харуном, приветствуя. Оба давние ответили ему.

– Теперь все, – кивнул им Ярош, и стражи оставили свои посты.

Будущие пираты начали садиться в шлюпки.

Две тени скользили по песку. Одна неслышно прильнула к скале, а другая...

– Подождите меня! – завязая в песке, на пляж выбежал парень.

Он бежал, задыхаясь, но не выпускал из рук толстенную книгу. Все оглянулись на него, но никто не потянулся к ору-

жую. Парень остановился.

– Я – Ян Сорель. Возьмите меня с собой. Я колдун. Я колдовать умею.

Но прежде чем кто-либо успел что-то сказать, тень, прятавшаяся в скалах, ступила шаг к ним и сразу же исчезла, появившись в обличии Хедина уже возле новоприбывшего.

– Колдовать, да? – по змеиному прошипел он на ухо Сорелю.

Ян от неожиданности отскочил в сторону. Книга упала на песок, раскрывшись посередине. Звякнул меч Юрана. Берн взвел короткое ружье. Давние молчали.

– Действительно. Как звезда и говорила. Заклятье, властное сделать ваше путешествие кошмаром, – Хедин хищно склонялся над страницами, словно и не замечал направленного на него оружия. – Выбирай, капитан, возьмешь меня с собой, или...

Серые глаза встретились взглядом с пиратом, в их глубине плыло залятье. Хедин был спокоен, как море сегодня на рассвете.

– Ярош, – начал Берн, но капитан жестом приказал ему опустить ружье.

Хедин злорадно улыбнулся, поднимаясь. Его глаза снова стали обычными, просто серыми.

– Он правду говорит, капитан. Кто же знал, что этот парень найдет нас, а книга заклинаний откроется именно на той странице? Кроме звезды, конечно, – Зорин было непри-

ятно говорить это, но ничего изменить она не могла: такое заклятье – не яд, от которого знаешь противоядие.

– Вы. Без книги, – поставил условие Ярош. – Без заклятий. Без чар.

– Без книги, – подтвердил Хедин.

Ярош нехотя повернулся к друзьям.

– Поднимайтесь на борт, – грустным голосом пригласил капитан. – Все.

Книга осталась на берегу. Ветер листал страницы, засыпая заклятья песком.

Ужас Ночи и кот Сириус носились по верхней палубе и так увлеклись, что Сириус едва не свалился в шпигат. Команда продолжала знакомиться, только с Хедином никто разговаривать не хотел. Вряд ли ему простят то, как он попал на корабль.

Ветер наполнял паруса, которыми училась управлять неразлучная тройца – Макс, Дельфин и Берн. Роксана усе-лась на носу корабля, успев переодеться и повязать по-пи-ратски красный платок. Родители махнули рукой на ее пове-дение: главное, чтобы не залезла, куда не следует, и пошли на камбуз. Но девочка уже поглядывала на самую высокую грот-мачту, где еще не было флага.

Но если Роксана смотрела вперед, то мысли Юрана при-надлежали прошлому, он в одиночестве наблюдал, как исче-зает берег. Ярош подошел, стал рядом.

– Откуда ты, принц? Где твое королевство?

– Далеко, капитан. Я шел следом за драконом. Там, где драконы крылья касаются неба, воздух меняется. Я могу это видеть. Дракон привел меня в этот городок, где мне было хорошо и уютно. Волшебный, сказочный городок. Но я не мог остаться.

– Не мог? Почему? – Ярош чувствовал грусть этого человека и совсем не удивлялся его словам: раньше видеть то, о чем говорит принц, могли почти все.

– Потому что я проклят. Никто не даст мне приют. Мой старший брат заклял меня за непослушание. Я изгнанник, Ярош, – Юран обернулся к пирату. – Но ты снял чары, назвав меня по Имени, согласившись взять на корабль. К тебе привел меня молодой дракон.

А вот в это Ярошу поверить было трудно.

– Я не чародей, – покачал головой пират. – Я колдовать не могу. Как бы я снял с тебя проклятье?

– А для этого чародейство и не нужно, – усмехнулся Юран, и в улыбке отразилась его усталость. – Разве в жестокости или в презрении, или в милосердии нет чуда чародейства?

И с этим Ярош не мог не согласиться.

Ярош стоял на капитанском мостике, когда к нему подошел странный мальчишка с изменчивыми глазами.

– Говорят, ты тут всех о прошлом расспрашиваешь, – за-

смеялся давний. – Правда, капитан?

– Не всех, – уклонился от ответа Ярош. – Но у тебя мне есть, о чем спросить. Где твой черноперый товарищ, например? Либо кто ты сам?

– Мой товарищ к нам позже присоединится, как я уже и говорил, – казалось, его голос не меняется, не озаряется чувствами. – А я... Что ты знаешь о мире, Ярош? О том, каким он был раньше?

И, не дожидаясь слова пирата, ответил сам:

– Когда-то все было живым. И мы, такие, как я, рождались из радости мира. Из морской пены и блеска снега на горных вершинах, из дождя и бури, из ласковых весенних лучей. Духами называли нас юные люди, душой мира и его самым чистым, самым первым творением, называли давним народом... А потом люди объединились, чтобы подчинить мир, переделать его под себя.

– Я знаю эту легенду, – Ярош не перебил его речь, будто кудрявый мальчишка ждал, что он подхватит древнюю историю. – И радость обратилась в разрушение, а любовь – в ненависть. Все силы мира восстали против людей, но люди держались вместе, а власть мира была не безграничной, ибо люди черпали в друзьях и любимых силу для достижения цели, поддерживали друг друга.

И люди выиграли, а целостность мира нарушилась, и смолкло множество голосов. А самые искусные в заклинаниях научились договариваться или ловить тех, в ком вопло-

тилаась животворная сила мира, и заставляли их служить себе. Давние тоже воевали между собой: год за годом, столетие за столетием проходили в кровопролитных битвах. И постепенно от древнего народа почти никого не осталось: кто сгинул, кто стал частью земного мира, а кто-то затерялся среди людей.

– Да, Ярош, ты очень хорошо знаешь эту легенду. Странно, ты же пират, а не чародей.

– Так ты все-таки из давнего, забытого народа, – Ярош с уважением смотрел на мальчишку, что был старше и тех деревьев, из которых построили его корабль. – И что давние делают сейчас, когда мир принадлежит людям?

– Путешествуем, Сокол. Собираем глазами красоту мира, еще оставшуюся неприкосновенной. Не чтобы выпить, а чтобы сберечь, – он криво усмехнулся, но странно видеть такую усмешку у ребенка. – А ты не веришь, что я из давнего народа? Тогда загляни мне в глаза.

– В другой раз, – Ярош, сощурившись, посмотрел на солнце, и немного больше взял на правый галс.

– Куда мы держим курс? К главному Элигерскому порту?

– Да, у меня там незаконченные дела, – Ярош не желал рассказывать больше, но давний и не настаивал. – Так как мне тебя называть?

– Среди давнего народа меня называют Странником, ведь в своих странствиях я нашел и сберег красоты больше, чем другие. Я ответил, значит, могу спросить. Любил ли ты?

Неравноценный вопрос вместо расспросов о цели капитана в торговом порту...

– Любил... Этого достаточно?

– Достаточно, – отступился Странник, но Ярош почувствовал, что это существо из любого души вытащит, если по-настоящему захочет о чем-то узнать.

Но Странник больше не собирался ни о чем расспрашивать. Солнце слепило его изменчивые глаза больше других, и давний посмотрел на горизонт из-под руки.

– Знаешь, капитан, в тот день, когда ты спал, твоя команда искала немногих, в чьих глазах еще осталось море. Я видел, как они стараются, но никого не находят. К ним приходили люди, считающие себя пророками, болтали о землях, не существующих ни в твоём, ни в моём мире. Люди с этого пока свободного берега пугаются вечернего тумана, напоминающего им марево из сновидений, и хотят бунтовать, обещая пойти за кем угодно, кто поставит им выпивку, но разбегутся, как только у позвавшего их закончатся деньги. А когда ты был на пристани, один умник попытался таскать за хвост кота Роксаны. Сириус наградил его такими отметинами, какие не всякая пиратская сабля оставит. Удивляюсь, что не убил. Ужасный в гневе зверь.

Странник умел рассказать так, что всякая надежда гасла.

– Хорошо, что я все это проспал...

– Капитан! – к мостику подбежала Роксана. – Мы нашли зайца. Прятался под лодкой. Что нам делать? Сбросить его за борт?

– Нет, дайте хоть посмотреть на этого отчаянного, – Ярош спустился, оставив подле штурвала Странника.

Но давний не коснулся штурвала, словно знал, что до возвращения капитана корабль и море будут вести себя спокойно.

Заяц оказался молодым мужчиной, даже зажиточным, если судить по одежде. В глазах светился ум, хотя игры в них было больше, чем моря.

– Как ты сюда попал? – спросил пират.

Мужчина затравленно оглядывался на команду, где не всех он бы назвал людьми. Круг, в котором он оказался, был крепким, хотя пока не состоял из друзей.

– Я поднялся по якорному канату и спрятался под шлюпкой. Вы все смотрели на берег. Не видели...

– Ты? – удивилась Роксана, ей не верилось, что умник, похожий больше на библиотечного червяка, чем на пирата, мог доплыть до корабля и подняться по якорному канату.

– Я очень хотел к вам попасть. Я видел, что вы почти никого не берете. А я так хочу увидеть мир, мечтаю побывать в других краях, узнать о чужих обычаях... И если с кем-то из вас что-то случится... я бы мог...

Он запнулся и умолк.

– Не врет, но я бы ему не верил.

Люди оглянулись на Хедина, сидящего на канатной бухте.

Парень вызывающе наслаждался вниманием.

– Но я молчу, меня же не спрашивали.

А весь его вид вопил: спросите, попросите, я все расскажу об этом человеке. Или заставлю его самого рассказать.

Ярош принципиально отвернулся от Хедина.

– Имя.

– Константин.

– Откуда ты?

– Из местной школы.

– Это так? – Ярош посмотрел на Марен.

– Он говорит правду, – подтвердила давняя предположение Хедина, но ее ответ прозвучал и как предупреждение: только попробуй соврать, долго будешь жалеть.

Константин побледнел. Никто не заступится за него. Хедин хмыкнул: как же быстро они начали чувствовать себя пиратами.

– Зачем ты здесь?

– Я спор проиграл ученикам. Должен же я был доказать, что достоин их учить, а не только в книжках рыться. А для этого нужно самому увидеть далекие земли...

Ярош задумался. По пиратскому обычаю сбросить его в воду? Но они отошли далеко от берега. А лодку ему никто не даст. Нет, ну, море же было в его глазах, хоть и припоро-

шенное книжной пылью. Ярош и сам помнил, как книжная пыль въедается в глаза и в мысли.

– Прекрасный пример для учеников, как правильно себя вести. Доказал, так пусть убирается, – Хедин откровенно нарывался на неприятности.

Но Ярошу очень не хотелось начинать путешествие с крови. Чьей бы то ни было.

– Не будете выполнять приказы, оба окажетесь за бортом, – пробурчал капитан.

– Слушаюсь, капитан! – обрадовался учитель.

И Роксана, подхватив его радостный крик, помчалась к родителям, вместе с Катериной, Тайрой и Итаной помогавшим на камбузе.

Пираты разошлись по кораблю, а Хедин даже не поднялся, всех презирая.

– Нравится быть плохим? – бросил ему Макс, проходя мимо колдуна.

– Да, – оскалился Хедин. – Плохим лучше всех. А ты думал, пираты – ангелы?

Кажется, он один из немногих понимал, что здесь только что не случилось, и к какому решению мог прийти капитан.

Вечерний полумрак ложился на воду, тени накладывались на тени, сумерки становились ночью. Казалось, будто время остановилось. На рей село существо с белыми крылышками, которое все уже называли Ангелочком.

– Всем привет! – радостно поздоровалось оно с командой.

– Привет!

Рядом с ним опустилась маленькая фея, пыль с ее крыльев осыпалась на мачту, и дерево засияло, зазолотилось, словно вечерняя сказка.

– Фея, – хмыкнул Хедин, в одиночестве прогуливающийся по палубе, ведь в компанию его не брали. – Фей на корабле не хватало. Убирайся отсюда, фея.

– Фея? Где? – Роксана стояла под мачтой, ловя в ладони волшебную пыль.

И как она всюду бывать успевает?..

А фея обиделась, серьезно обиделась. Пыль краснела.

– Не подожги наш корабль, – Ярош тоже умел появляться на своем корабле будто из ниоткуда.

Ярош строго глянул на Хедина. Пирату было тяжело представить, что этот малолетний наглец – тот самый колдун, хитростью и угрозами заставивший их взять его на корабль. Учить манерам мальчишку никто не собирался, даже благородные родители Роксаны не возьмут его под свою опеку.

– Я не специально, – фея дунула на крохотную ладонь, красная пыль превратилась в ярко-синюю и разлетелась с ветром, не удерживаясь на дереве.

Ярош огляделся. Кроме двоих детей, рядом никого не было.

– Роксана, тебе не кажется, что тебя родители ждут?

– Они разрешили, – попробовала возразить девочка, но

сразу поняла, что не в родителях дело, а это приказ, и аж засияла от радости. – Слушаюсь, капитан!

Но насколько теплее она это сказала, искренне и совсем не так, как Константин.

Хедин и Ярош остались вдвоем, без свидетелей. Даже Ангелочек и фея улетели и теперь кружили, рассыпая зеленоватую пыль вокруг деревянной скульптуры на носу корабля.

Они не разговаривали, просто смотрели друг другу в глаза. Они понимали друг друга, не так хорошо, как могли понять любого Марен или Харун, но намного лучше, чем большинство тех, кто впервые взошел на пиратский корабль. Угрозы и обещания спорили с пониманием и долгом в их взглядах. Наконец Ярош спросил:

– Кто на корабле капитан?

– Ярош Сокол, – нехотя ответил молодой колдун, в чьих пальцах несколько ночей назад истекла кровью умирающая звезда.

Он признал власть капитана, но что-то задумал. И о том не знал даже давний народ.

Глава 5

Заговорщики

Степь. Раздольная степь трав, шелестящих под ногами, роняющих семена на иссушенную землю, их стебли с шелестом ломаются под ногами. Сухой степной ветер сильно отличался от соленого морского.

Ярош шел по степи, понимая, что все это ему снится. Но этот сон не от чар, где соединяются огонь и мрак, – его создало иное воображение. Далекие расстояния сокращались до минут, и вот пират уже поднимался на холм, где из черной земли пробивалась новая трава. Зеленый цвет радовал глаз. А на вершукке холма стоял идол.

Пират обошел резной камень. В одной руке идола меч, в другой посох, на голове шапка, опущенная до бровей, а на спине дерево рисованное. Ярош раньше видел такое дерево.

– Я думаю, колдун приехал ко мне, – на холме стояла Зорин, вышивка на ее одежде искрилась: зеленые нити струились родниками, а красные придавали сиянию мерцающий фон. – Он тоже искал. Наследников погибших народов. Мой народ продал Империи тайну яда, которым теперь казнят преступников, и за это его одарили расправой, а не золотом. Нас осталось всего четверо во всем мире. Что знает один, то знают и другие, что знали предки, то ведомо и потомкам.

Мы чувствуем друг друга на любом расстоянии.

– Так колдун приехал к тебе? – Ярош не договорил: закончить дело, но Зорин словно услышала его мысль.

– Нет, – засмеялась женщина. – Он хотел договориться со мной. Как с потомком исчезнувшего народа. Но мы не успели встретиться.

– Рассказывать долго. Он меня нанял, но я мало что знаю о его делах, – из предвечерней мглы вышла Киш.

– Лучше показать, – Марен, стоящая с третьей стороны холма, повела рукой. – Мы восстановили происходившее той ночью. Из воспоминаний.

Степь исчезала, ее по лоскуту уносил ветер. Пред взором появился приморский городок, дом на горе, бедная комната.

В дверь постучали, и сестра Киш пошла открывать. Сама Киш точила меч. На ходу расстегивая плащ и кланяясь, в комнату вошел Хедин. Русоволосый немолодой колдун при его появлении встал из-за стола, оставив поздний ужин, и тоже кивнул парню, здороваясь.

– Я был уверен, что ты услышишь зов. Ты был одним из лучших моих учеников.

– Я приехал, – холодный голос Хедина поражал непривычной властью. – Но почему здесь? В этом городе?

– А ты разве не чувствуешь, что их власть в Элигере слабее всего? Здесь властвуют иные силы. Куда же еще звать беглецов?

– Я ехал слишком быстро, не почувствовал. Потом осмот-

рюсь, – не спрашивая разрешения, Хедин налил себе из кувшина воды. Напившись, он внимательно посмотрел на колдуна. – А звезда?

– Все готово. Все заклятья раскрылись, словно почки. Звезда ждет того, кто снимет ее.

– Я ее сниму, – высокомерно заверил парень. – Я знаю, как это сделать. И какой вопрос задать, тоже знаю.

– Не сомневаюсь. Но звезду сниму я. Тебе известно, что будет, когда кровь звезды коснется твоей кожи? – Хедин молчал. – Звезды – это судьбы людские. Погасив одну, погасишь и судьбу человека. Чем ярче судьба, тем ярче звезда, тем на более сложный вопрос может ответить.

– Да, да, – немного насмешливо продолжил Хедин. – А есть много маленьких звездочек, которых и глазом не увидишь, на них желания загадывают, когда люди, чьим жизням они светили, умирают. И это правильно, ведь если бы все судьбы были яркие, небо стало бы похоже на раскаленное солнце. Я все это слышал десятки раз.

– Слышал, но плохо слушал, Хедин, – серо-зеленые глаза колдуна полыхнули недовольством, но лишь на мгновение. – Когда ты отберешь жизнь звезды, то отдашь и часть своей. Никогда не задумывался, почему звезды обычно снимают не для себя?

– Я не знал, – кажется, Хедин немного испугался. – Прости меня, учитель, – он снова поклонился, но не низко.

– Пойдем. Мне будет нужна твоя помощь, чтобы завер-

шить чародейство. Помощь другого колдуна.

Хедин довольно улыбался, ведь его признавал учитель, в его помощи нуждался.

Они вышли во двор, где их уже ждал молодой мужчина, тоже бывший в эскорте учителя Хедина. Вышли и сестры...

Рисунок сдувало ветром, теперь они видели глазами других людей.

...Двое ребят прятались в кустах.

– Глянь, они вышли. Странные, – Ян хотел подняться, но Дэниэл стукнул его по спине, чтоб тот лежал. – Куда они идут?

– Давай залезем сейчас. Не все же золото они на себе носят. Только тихо.

В доме никого не было. В потемках ребята вошли внутрь.

– Едой пахнет... Дэниэл, ищи быстрее, – подгонял Ян. – Ой, что это?

Ян зацепил сумку, из которой выпала книга, раскрывшись, словно только и ждала, что кто-то коснется ее.

– Гляди. Это заклинания, – Ян зачарованно засмотрелся на сияющие строки.

– Закрой! Дурак! – Дэниэл толкнул книгу, чтобы она закрылась, и в комнате снова стало темно. – Они колдуны, убираемся отсюда! Они нас и из-под земли достанут!

Напуганные ребята выскочили из дома. Дэниэл побежал вниз, но Ян не спешил. Друг остановился.

– Ты чего, Ян?!

– Чары. Они колдовать будут. Я посмотреть хочу, – Ян быстренько направился в ту сторону, куда ушли чужеземцы.

– Ян... – растерялся Дэниэл. – Вернись. Что я твоему отчиму скажу?

Но Ян его не слушал.

Все чары Ян и Дэниэл пропустили, но, стоя за деревом с могучим стволом, ребята видели, как к колдуну в руки плывет яркая звезда. Он взял ее вместе с Хедином. Звездное мерцающее сияние освещало их полумертвые от усталости лица, звезда молила о милосердии, о свободе, но сегодня ее плач никто не слушал.

– Глянь! – шепотом испугался Ян, указывая на тени, окружившие двор.

– На землю, – Дэниэл вовремя потянул товарища вниз.

Вспыхнули огни выстрелов. Но только две пули попали: одна в плечо сестры Киш, держащей обнаженный меч, другая – в колдуна. Тот упал, и звезда осталась в руках Хедина.

– Убейте мальчишку! – приказал безжалостный голос из темноты, и через мгновение прозвучал второй залп.

Но Хедин умирать не собирался. Он махнул рукой, за которой потянулся шлейф искр, отбивая пули, и бросился прочь со двора. Сверкнуло. Солдат, ставший перед ним, упал мертвый от одного прикосновения.

– За ним!

Воспользовавшись замешательством врагов, колдун встал. Часть солдат кинулась к нему, но сестры заступили им

путь. Выбить незаряженное ружье легко.

Колдун добрался до дерева, за которым прятались Ян и Дэниэл. Ребята все еще сидели на корточках, но подняться не могли: страх происходящего в их тихом городке сковал ноги. Ступив за дерево, обессиленный колдун упал на одно колено. И увидел ребят.

– Дети, что вы здесь делаете?

От боли закричала женщина. Зазвенел о камни меч.

– Он должен быть там, – руководил уже знакомый голос.

Это говорили о колдуне.

– Руку! – приказал он, и у Дэниэла не было воли ослушаться.

Колдун схватился за парня, и вместе они поднялись.

– Сохрани мою тайну, – Дэниэл вскрикнул, будто его огнем обожгло.

– Туда! – это их услышали солдаты.

Колдун с облегчением отпустил парня.

– Бегите, дети. Ночь вас утешет и спрячет, а я вас благословляю...

Или это страх прошел, или слова колдуна имели такую силу, но друзья побежали сломя голову...

Повеял ветер, сдувая чужой взгляд, ночь блекла, как воля борющегося с головокружением. Только голоса остались от этого воспоминания.

– Предатель. Тебя долго искали, – голос приказывающего солдатам.

– Я не предатель. Я просто хотел видеть мир немного иным. Я говорил об этом, но во дворце Императора меня не слушали, – голос колдуна.

– Ты учил и меня, потому я не повезу тебя никуда, не стану пытаться. Я казню тебя и твоих защитников в этом городке. У тебя нет приемника и сторонников, о чем же тебя спраши-

вать?..

Воспоминание таяло, верно, Киш больше ничего не слышала...

...По улице шел Дэниэл, он очень плохо себя чувствовал, шатался, чуть ли не падая в обморок. Ян поддерживал его, помогая идти.

– Что с тобой, друг?

– Не знаю, – даже язык едва шевелился, перед глазами плыли темные пятна, наверное, тайна колдуна была слишком тяжелой ношей для человека.

Луну, уже спрятавшуюся для берега, с горы было видно. Призрачное светило очерчивало корабль с черными парусами...

В ветре таяли воспоминания. Киш, Зорин, Марен и Ярош сидели возле идола на траве, успевшей разлиться зеленым морем по всей степи.

– Вы говорили с Дэниэлом? – спросил Ярош.

– Нет, мы говорили с Яном, – ответила Зорин. – Дэниэл на товарища волком смотрит за то, что утром Ян вернулся в тот дом и забрал книгу. Двор был залит кровью, это его испугало, но парень направился к площади, где готовили казнь. А Дэниэла лихорадило еще сутки, и после этого он изменился. Таким ты его и увидел.

– И что же за тайну передал колдун Дэниэлу? Свои чары?

Ярошу вспомнилось, как Дэниэл угадал, что Сокол сам говорил другому пиратскому капитану.

– Не думаю, чары не так просто передать, – ответила Марен. – Какие-то свои знания. Но мы считаем, что это были воспоминания о том вечере. Колдун же не знал, что его ученику удастся спастись. Поэтому Хедин любой ценой старался попасть на "Диаманту". В городе его ждала бы казнь.

Но оставался еще один важный вопрос, и Ярош на него таки решился.

– Марен, кто ранил твою названную сестру, которую люди называют Матерью?

– А ты сам еще не понял, Сокол? – в темных глазах притаилась усмешка, было видно, что давняя ждала этого вопроса. – Ее ранил тот, кто и тебе лютей враг. Это его чары разбудили ночь, а еще зов, подкрепленный чародейством и печалью снятой с неба звезды. Имперский колдун сзывал потомков древних народов, и все давние слышали его голос. Твой враг не мог не ответить на такую дерзость. Колдун рискнул своей жизнью и проиграл, ведь ему никто не поверил и никто не пришел. А проигравших казнят, – она встала. – Спи, капитан, отдыхай, до рассвета совсем немного осталось. Хотя вряд ли после таких разговоров сны сладкие и безмятежные...

Степь исчезала, превращаясь в сон без сновидений.

Ярош Сокол покинул корабль, когда начало светать, но предутренняя мгла пока могла спрятать одинокую шлюпку, причалившую к берегу.

Если завтра ночью он не вернется, команда вспомнит пиратские обычаи и продолжит путь без него. Но у Яроша были дела в этом порту: он должен был найти ту, в чьих глазах волнуется море не меньше, чем в его собственных. Пират знал наверняка: если она откажется следовать за ним, карта не осветится призрачным зачарованным светом.

Город еще спал, только на песке девочка забавлялась соломенными куклами. Ребенок сбежал от родных, чтобы поиграть в одиночестве и, вероятно, так убежать для нее было привычным. Ярош невольно залюбовался, с какой нежностью девочка относится к своим простым игрушкам.

Голубоглазая светловолосая девочка тоже посмотрела на него. Сама похожа на куклу, дорогую, королевскую... Глубокий взгляд не скрывал печали. Он просил, но не унижался, он мечтал, но не безумно, – девочка решала, что сделать, чтобы исполнилось желание.

– Твои куклы такие... страшные, – Ярош сам не знал, зачем сказал это, но ему показалось, что на игрушках запеклась кровь, чужая, словно воспоминания. – Как тебя зовут?

– Эвелина, – ответила она и, почему-то испугавшись, оглянулась, будто боялась чьего-то присутствия. – Полина. Я – Полина.

– Чего ты боишься, Полина? – девочка была странной, но тьма, овевшая ее крылом, очаровывала.

– А чего боишься ты, капитан? – вернула вопрос она, но словно спрашивала не Полина, а та другая, Эвелина, власт-

ная и темная.

– Я не твой капитан... пока что. Пока ты не бросишь своих кукол, – не в ней, а в этих игрушках притаился мрак.

– Они не мои. Они моей старшей сестры. Эвелина мне их подарила...

Полина смотрела ему в глаза, решая, чего ей больше хочется, с чем она способна попроситься.

– Я брошу...

Куклы подняли бунт. Соломенная лисица вцепилась лапами ей в ногу, не отпуская, а коровка, собака, кошка и девочка маленькими шажками быстро приближались к пирату. Солома отливала металлом, как иголки. Отравленные золотые иголки животворного солнца.

– Не трогайте его! – крикнула Полина, только куклы не слушались. – Нет!

Но Ярош уже видел такие игрушки и знал, как их одолеть. Ветер от сабли сбил в полете золотые иглы. Ключья соломы упали на песок, а обрывки платяца соломенной девочки отлетели под ноги Полины. Перерубленные лезвием, они расплескали свою жизнь, и колдовство ушло в землю.

– Я вернусь сюда вечером. Проживи день без своих кукол, Полина.

Глубокие глаза девочки оправдывали его поступок, но слезы по уничтоженной живой памяти были солонее моря.

Ярош сверился с компасом, прежде чем выбрать, в какую

часть города идти. Но стрелка долго колебалась, не сразу указав путь.

Улица привела его в один из самых бедных кварталов. Иногда в гнилых халупах селится счастье, обходя десятой дорогой роскошные особняки. Но не здесь. В этом торговом порту улицы патрулировали солдаты из города со звериной душой, и потому на хмурых узких улочках царствовали грязь и разбой. И вместо сказок здесь рассказывали страшные истории о гибели, унижениях и предательстве. Люди соревновались в искусстве сказителей, словно певцы, словно древние сказочники, упиваясь жестокостью своих выдумок и воспоминаний.

Разве мог здесь остаться кто-то, чье сердце еще не зачерствело от ужасов и равнодушия? На кого указал компас?..

– Вернись, дочь моя, вернись, – тихо причитала нищенка, забившаяся в просвет между домами. – Дочь моя, ты самая смелая из всех дочерей Моря, ты самая любимая из всех дочерей Моря. Дочь моя...

– Что с тобой случилось? Каково твое горе, что ты выплакать его не можешь?

Ярош склонился над ней, убрал грязные волосы со лба, прорезанного глубокими морщинами, и увидел ее глаза, странные, изменчивые: женщина, кутающаяся в лохмотья, не всегда просила милостыню, она была из давнего народа, да только забыла себя.

– Твоя дочь любила море. Тогда она мне сестра.

– Ты знаешь, где моя дочь? Когда она вернется? – женщина слегка поднялась, надежда выплеснулась из ее взгляда, раскрашивая серый мир бедного квартала в бледные, но все же цвета.

– Я не знаю. Твое сердце знает. И Море... Оно ответит, если ты у него спросишь.

– Я боюсь Моря, – испуганно призналась она, отодвигаясь от пирата, словно он сам был воплощением Моря.

– Не нужно бояться, – рядом с ними стоял мужчина с темно-каштановыми волосами, блестели золотом четыре звезды на кожаной сумке почтальона, и на синей одежде в пуговицах тоже были выдавлены звездочки.

– Я видел тебя во сне, – Ярош встал между ним и женщиной.

– Меня друзья Айланом называют. Да, ты меня видел, когда тебя звали на площадь в столице, где...

– Достаточно. Я верю, что это ты, – оборвал Айлана пират. – Так что с ней?

В действительности Айлан был немного старше, чем в сновидении, где-то одного возраста с учителем Константином. Мужчина присел подле женщины.

– Звезды возвращаются на утраченные пути, – тихо молвил Айлан, словно заклятье. – Вернется твой путь и к тебе, давней, как Море. Если ты вспомнишь, кем была, когда твоя дочь еще не видела чужие корабли.

...Дым и огонь, и люди в серой форме, бьющие без разбо-

ра всех, кто еще может двигаться. Люди без души. И стрела, попадающая в грудь девушки... Другую, бездыханную, тянут в лодку...

Словно сама судьба сошла к ним, предлагая помощь. Судьба часто говорит с Морем, и время стало для них общим, как и цвет глаз.

Женщина испуганно смотрела на почтальона, но она вспоминала, тяжело вспоминала задушенную боль.

– Дай ей оружие, лишь тогда она станет такой, какой была, – предложил Айлан, поднимаясь, и в знак памяти о благодарности за помощь в ужасном сновидении Ярош подчинился.

Как только пальцы женщины обхватили рукоять, ее глаза вспыхнули, а пыль слетела с одежды, уже не рваной и совсем не серой. Она стала собой, но не человеком. Обличье непокоренной воительницы или давней богини приняла она, почти бессмертного существа, которому хочется взлететь в небо, чтобы разыскать обидчиков, а все остальное безразлично.

– Теперь Море ее примет, – успел сказать Ярош и отскочить: спасла реакция.

– Мертвой примет! – рассмеялся седой колдун с безумными глазами, заноса для нового удара крючковатую палку с головой чудовища.

За ним стояла бездушная толпа, чье единственное общее желание – убийство, а единственное чувство – ненависть ко

всему живому и свободному. Ярош давно не видел одновременно стольких людей с пустыми глазами.

Седой колдун, чье лицо казалось очень знакомым, усмехнулся.

– И вы не уйдете отсюда. Министр Феофан заплатит золотом за каждого пойманного пирата. И вдвойне за каждого мертвого!

Ярош уклонился от удара крючковой палки и поймал на лету саблю, брошенную ему давней воительницей. Металл против мертвого дерева. Дерево отбивало удары лучше лезвия: в дерево верили больше.

Но только пират мог драться с колдуном на равных, а Ярош был настоящим пиратским капитаном. Сокол изловчился и перерубил палку, едва не вывернув запястье. Седой колдун попятился, в толпе вспыхнули глаза. Недавно уже виденное лицо – один из имперцев, которых они отпустили, когда помогли Герде...

– Бегите, сюда идут солдаты! – крикнул мужчина.

Побежденный седой колдун шмыгнул между людьми, обломки его палки уползли в тень домов, превратившись в змей. Солнце зашло за тучу, и мир еще больше посерел.

– Поздно, – на крышу хлипкого строения опустилось белокрылое существо с человеческим лицом. – Министр Феофан желает говорить с вами. Он предложит вам выбор. Выберете правильный путь – будете жить.

Ярош нацелил пистолет на белокрылого врага.

– В этом обличии ты настоящий, советник Императора? Или Химера? Любишь, чтобы тебя так называли? Спускайся, я убью тебя, – в голосе Яроша клокотала ненависть. – Ваши обещания лживы. Только кровь говорит сейчас правду. Спускайся!

– Поздно, – довольно повторила Химера, глядя сквозь толпу на улицу.

Люди расступились, пропуская группу солдат в серой форме во главе с тем, кто имел право носить многолучевую рубиновую звезду.

– Пиратам запрещено находиться в любом из городов Империи, – начал Феофан, но пиратский капитан не дал ему договорить.

– Империи принадлежит лишь один город! Не этот...

– Империи принадлежит все города и земли, где ходят ее деньги, – усмехнулся министр. – Арестовать пиратов.

– Убей его, Феофан, – тихо попросил советник Императора: его глазами на пиратского капитана смотрела сама Смерть. – Зачем ждать? Убей его здесь.

– Только кровь говорит сейчас правду, – передразнил Яроша министр, не приняв во внимание слова белокрылого советника. – Пусть его судит Суд Империи. Чтобы было неповадно пиратам будить от покоя мирные города нашей страны.

Сопротивляться бессмысленно. Их трое против десятков.

И если бы он был один... Ярош бросил саблю и пистолет на брусчатку.

– Здесь только один пират. Капитан Ярош Сокол, – гордо и свободно ответил он, хотя на запястьях сомкнулись кандалы.

– Отберите у пирата компас и карту, – напомнила Химера. Солдаты не медлили с выполнением приказа, компас и карта достались Феофану.

Но пока все смотрели на пиратского капитана, давняя воительница закрыла мерцающим крылом Айлана, и они оба исчезли.

Ярош Сокол не вернется на свой корабль до рассвета...

Глава 6

Воля министра и советника

Феофан не спустился в подземелье, у него были дела поважнее, чем издеваться над плененным пиратским капитаном. Кабинет заперт, но порыв ветра толкнул министра, когда двери распахнулись. Ветер качал тонкие занавески и перебирал белые перья Химеры.

– Не люблю, когда ты приходишь без приглашения, – пробурчал Феофан. – Я выполнил приказ Императора. Странно, но оказалось, что в Элигере действительно живет слишком много тех, над кем у нас нет власти. Будто что-то влекло их к этому берегу на протяжении многих лет... Они бы поддер-

жали бунт, если бы мы не вмешались. Но теперь те, кто сопротивлялся, – мертвы, других казнят в ближайшие дни, а некоторых я заберу с собой в столицу, где их будут публично судить.

Химера, внимательно слушавшая министра, слезла со стола, уронив перо.

– Ты выполнил приказ не полностью. Отдай мне компас и карту.

Феофан, сощурившись, пристально посмотрел на гостя.

– Карта? Это тряпка без рисунка. А компас сломан – стрелка не движется. Зачем они тебе?

Оба молчали, но даже ветер знал, насколько советник Императора и министр не доверяют друг другу.

– Если прошу, значит нужно. Отдай их, Феофан, и очень долго меня не увидишь, – под убранством из перьев прятались длинные острые когти, но и за поясом министра был пистолет.

– Это моя добыча, – отрезал Феофан. – Если ты просишь, то эти вещи очень ценные и должны принадлежать Империи. Разговор окончен.

Надменные взгляды скрестились, осветившись завистью, презрением и ненавистью.

– Забываешься, Феофан. Ты не так давно стал министром. Если ошибешься или еще кого-нибудь пожалеешь, разделишь судьбу заговорщиков.

Химера вылетела в окно, зацепив цветы, стоящие на под-

оконнике. Ваза упала, расплескавшись волной осколков.

"Если ошибешься или еще кого-нибудь пожалеешь..." – Феофан криво усмехнулся, он слишком хорошо понимал, кто ответственен за происходящее в Элигере, хотя советник Императора и это обернет в свою пользу.

Феофан положил компас и карту в тайник за картиной с изображением бушующего моря.

Министр не видел, что один из имперских прислужников, его помощник Олег, подслушал весь разговор.

Кованая решетка закрылась за Ярошем, даже не заскрипев. Эхо проклятий замучили еще в подземельях имперской столицы, но не страх...

Ярош зло ударил кулаком по решетке. Так попасться... Все было напрасно: и карта с сокровищами, и сбор новой команды, и давние, пришедшие к нему... Враги наверняка уже созывают Суд Империи. Нет сомнения, какое решение он вынесет. И ядом здесь не отделаешься... Неужели ему суждено вернуться за красные стены императорского дворца и умереть там?.. Уж лучше уйти на дно вместе со своим кораблем...

Сокол глубоко вдохнул, чтобы контролировать свои чувства: хватит ныть, никто не заставлял его идти в этот город. Хотя странно, что он совсем не почувствовал опасность, и блеклость окружающего мира не настораживала, будто весь город превратился в ловушку для до сих пор верных Морю и

его безграничной свободе. Это бы объяснило такое количество имперцев на улицах Элигерского порта. Если предположение правильное, то самая лучшая компания должна обратиться не в графском особняке, а именно здесь, в тюрьме.

Опираясь на решетку, Ярош посмотрел на соседей.

В камере напротив синеглазая брюнетка рисовала на грязном полу волны, наверное, представляя себя на морском берегу.

– Синее море, как днем, зеленое море, когда солнце всходит... – напевала Ирина.

– Замолчи! – гаркнул на нее стражник, стоящий неподалеку.

Ирина перепугано забилась в угол.

– Не трогай женщину! – вмешался Ярош. – За что она здесь?

– Слишком много о море болтает, – огрызнулся стражник. – Ты здесь ненадолго, пират.

Стражник ушел в другой конец коридора, где его друзья играли в карты.

– Эй, – Ярош присел, чтобы его глаза и глаза заключенной оказались на одном уровне. – Ты море рисуешь? Какое оно?

– Спокойное, – несмело ответила Ирина, и ее глаза осветились настоящим морем.

По улице шел молодой темноволосый мужчина, его звали Михаилом. Он был счастлив и радовался, что решился пере-

ехать на Элигерское побережье: здесь его никто не контролировал, не заставлял выполнять задания, он никому не был должен, все родственники и те, кто называли себя его друзьями, а на деле могли только пьянствовать и сплетничать о чужих женах, остались далеко-далеко... А он так больше тратить попусту жизнь не мог, потому и переехал в чужой город, чтобы отбросить все, накопившееся за прожитые годы. Михаил был свободным сейчас: виделось будущее, легко дышалось, вот только черный щенок приبلудился, признав в нем нового хозяина.

– Где ты была, я тебя спрашиваю?! – донеслось из открытого окна. – Вернись, маленькая дрянь!

Из дома, размазывая слезы по грязному личику, выбежала светло-русая девочка лет четырнадцати.

– Рита, вернись! Вернись, тебе говорю!

Девочка, ослепленная слезами, споткнулась, упала и разбила колено. От обиды на несправедливый мир она разревелась еще сильнее.

Щенок подбежал к ней, лизнул в щеку. Все еще всхлипывая, Рита погладила его. Обратила внимание и на разбитое колено.

– Больно? – спросил Михаил, подув на рану. – А так? Меньше?

Он ничего не сделал, но нужно, чтобы ребенок поверил, так и его мама делала, когда он приходил домой заплаканный. Девочка прислушалась к ощущениям.

– Меньше... – обрадовалась она. – Я – Рита. А ты кто?

– Михаил.

Из окна вылетел обрывок ругани.

– Твои родители?

Рита кивнула.

– Они напьются и дерутся, а мне от обоих достается. Можно, я к ним не вернусь? Можно, Михаил?

– Конечно, можно, – позволил мужчина, помогая ей подняться.

– А это твой щенок? – Рита успокоилась, словно его разрешение действительно для нее много значило. – Как зовут?

– Кажется, мой, – почесал затылок Михаил. – А я его еще и не назвал, если честно.

По улице шел почтальон – синяя форма, кожаная сумка со звездами... Рядом с ним красивая темноволосая женщина в простой одежде, которая ей явно не к лицу. На перекрестке они попрощались, и мужчина низко поклонился женщине, а она коснулась его плеча, словно прикосновением благословляла.

Но казалось, только Михаил и Рита видят этих двоих. Почтальон задумчиво посмотрел вслед темноволосой женщине, а тогда направился к соседнему дому.

Привели еще одного задержанного. Заперли в соседней камере. Помятое черное оперение ангела было грязным, на некоторых перьях запеклась кровь. Ирина подняла на него

взгляд, улыбка разлилась по ее лицу.

– Светлое, зеленое, как на рассвете, – заверила она, глядя на ангела. – Море...

И словно изменилась после этих слов, куда и делся ее испуг.

– В Элигере устроили охоту? – хмыкнул Ярош. – И сколько ж золота отсыплет министр тем, кто поймал крылатого?

Сокол не видел глаз ангела, но глубины его сердца и непокорная воля отражались во взгляде Ирины: это дар – видеть глубины чужих сердец, и, как всякие подарки Моря, в землях Империи он под запретом.

– Не меньше, чем за голову пиратского капитана, – откликнулся новый узник. – Многих сегодня заманят и поймают. Вот увидишь...

– Молчать! – прикрикнул стражник.

Михаил видел, как почтальон постучал в дверь старого покошенного дома. Но открыла не толстая, склоненная жизнью горожанка, а стройная черноволосая красавица. В темных глазах жили всплески огня. Невероятно, как она с такой красотой попала в бедный квартал.

– Вам письмо, – сказал Айлан, входя за ней в дом. – Вы Феникс?

Женщина обернулась, длинные черные прямые волосы взметнулись, как крылья, едва укрыв ее нежные соблазнительные плечи, не скрытые строгим багрово-черным платьем

до пола.

– Что вам нужно? – было видно, что вопрос ее испугал.

– Вам письмо от Яроша Сокола, – почтальон протягивал синий конверт.

Женщина взяла конверт из руки Айлана, но не спешила сломать печать. Темные глаза вспыхнули недоверием и погасли от страха: она тоже чувствовала тенета ловушки, сплетенной невидимым пауком, который заплел серостью весь город.

– Ярош не пишет писем... – но лгать проникновенным глазам незнакомца она не осмелилась, сказав это, не могла не объяснить: – Не пишет после того, как одно его письмо перехватили... В городе с глазами зверя...

– И поэтому его выслали оттуда, – закончил вместо женщины почтальон.

– Нет, Ярош убежал. Вы видели его? Что с Ярошем? – в голосе Феникс проклюнулась нежность, которую она сразу же вырвала с корнем. – Он жив?

– Значит, я не ошибся, и вы действительно Феникс. Но письма нет, – Айлан тоже не мог ей врать. – Иначе вы бы не впустили меня. Ярош в тюрьме. Его арестовали, когда Сокол искал вас. В Элигере со вчера многих задержали, но вам об этом, вероятно, лучше меня известно.

Темные глаза вспыхнули снова, теперь ненавистью. Огонь слизал конверт с ладони женщины, не опалив кожу.

– Когда его схватили?

– Вчера.

– Почему вы не пришли раньше?

– Вас нелегко найти, Феникс. Мне помог давний народ.

Она струсила пепел с ладони, горько усмехнувшись.

– Да, это правда, нелегко. А "Диаманта"?

– Ждет неподалеку. Еще ждет Яроша.

– Ждет...

Ее глаза зловеще смеялись, становясь глубже мрака, когда погасли все звезды.

На борту "Диаманты" царила грусть. Солнце поднималось все выше, начиная ослеплять, а капитан не вернулся, как обещал. На палубе собрались все члены команды, в основном новой, ведь от старой осталось только семеро. Даже Ангелочек и фея устроились на веревке, свисающей с мачты. Хмурая королева Герда сидела на бочке, не раздражаясь присутствием других, низших по происхождению. Улыбался только школьный учитель Константин, мечтавший о путешествиях. Неужели он еще надеется на прогулку с приключениями?..

– Лодки Яроша не видно, – сказал Юран, потому что никто другой не осмелился это высказать вслух. – Что будем делать?

– Следуя пиратскому закону, мы должны уходить отсюда под всеми парусами как можно скорее, – ответил на вопрос один из пиратов, чьего имени Юран не знал, Роксана дернулась, не соглашаясь, но отец крепко держал ее за плечи, а пират продолжал: – Мы бы так и сделали. Только вы другие, не такие, как мы. Вы не пираты. А Ярош выбрал вас для своей новой команды.

– Мне это не нравится, – прошептала Итана Зорин, подруга кивнула.

– Карта сокровищ пропала вместе с Ярошем. Он не вернулся, и ждать капитана дольше опасно, мы даже не знаем, жив ли он. Главный Элигерский порт расположен в низине,

высоких холмов нет, мы достаточно далеко, чтобы нас не увидели с берега, но достаточно близко, чтобы не успеть спастись, когда Ярош укажет, где мы его ждем.

– Ярош нас не выдаст! – рассердилась Роксана.

Губы пирата искривила усмешка, ребенок отшатнулся.

– Ты так думаешь, девочка?

Стало тихо. Даже хорошее настроение Константина развеялось, как дым.

– Если капитан начал собирать новую команду, – пират умолк на миг, глядя на чужаков, его голос стал решительным: – Мы должны уйти. Мы так и сделаем. Мы научили вас всему необходимому, с управлением вы справитесь. Мы оставляем корабль вам.

– Это неправильно, несправедливо, – кажется, еще мгновение, и Роксана заплачет от обиды. – Вы не можете бросить нас. Не можете бросить Яроша, своего капитана. Это неправильно!

– Девочка, – голос пирата немного смягчился, хотя, вероятно, не из-за слез, желавших сорваться с ресниц Роксаны, – мы вместе с Ярошем прошли через такое, что вы даже представить не можете, но любое пиратское счастье исчерпывается. Сокол не вернется, а "Диаманта" принадлежит ему...

Он оглянулся на побратимов, будто советуясь в последний раз, но они и знаком не дали ему понять, соглашаются ли. Либо же, кроме настоящих пиратов, никто не знал пиратских знаков?..

– Вы не признаете капитаном никого из нас, а мы не признаем никого из вас. Двух капитанов на корабле не бывает.

– Вы не можете уйти, – голос принадлежал королеве Герде. – Возможно, "Диаманта" – последний пиратский корабль в этих водах.

– Это правда, – пират повернулся к королеве Аталя. – Мы давно не получали вестей от других капитанов, да и нас раньше было больше.

– Вы променяете море на безопасность? – Юрана оскорбляло их недостойное поведение.

– Ни на что нельзя променять море, – все же принц достал до очерстневшей души. – Мы возьмем шлюпку. Двое из вас поедут вместе с нами, чтобы потом вернуть шлюпку на корабль, она нам больше не будет нужна.

– Я с вами, – откликнулся Берн и глянул на Дельфина.

– Я тоже, – согласился Дельфин.

– Это неправильно, – плакала Роксана, отец обнимал ее, но не успокаивал, сам пораженный случившимся: не так должны были начаться их желанные приключения.

Но самым грустным казался Хедин, он отделился от группы и пошел к капитанскому мостику, который охранял Странник.

Шлюпка исчезала в море, тучи нависли почти над водой. По хмурому небу двигалась тень. Птица летела над серыми тучами, подсвечивая их золотым огнем.

– Феникс, – выдохнул Хедин. – Смотрите, там феникс!

Феникс сделал круг над кораблем и, коснувшись палубы, превратился в красивую черноволосую женщину. Команда окружила ее, но никто не обнажил оружие. Феникс очаровывала красотой, заставляя притупляться чувства опасности и осторожности.

– У меня новости от Яроша, – сказала Феникс, и огонь подсветил ее волосы и платье.

– От Яроша? – переспросил Юран, как и другие, он не отшатнулся от огненного чуда.

– Ярош в тюрьме. Суд Империи не собрать за один день, и слишком много в этот раз желающих войти в его круг. Но все знают, что будет с пиратом, если он встанет перед таким судом.

– А что он натворил? – Киш, которой довелось столкнуться с правосудием Империи, содрогнулась.

Зорин стала рядом с ней в знак поддержки.

– Ничего. Достаточно того, что он пират. Если мы не поможем ему сегодня... – Феникс замолчала, не договорив.

– Мы поможем ему, – заверил Макс. – Но как нам попасть в тюрьму не в кандалах?

– В этот день схватили не одного пирата, – холодно сказала красавица, глядя на Макса. – Боюсь, что другого пути...

Все понимали, что она предлагает, но не каждый пока мог согласиться так рисковать.

– Есть другой путь, – спокойно проговорила Марен. – Я могу провести вас по нему, если вы не побоитесь мне дове-

риться. Этот город не всегда был таким.

К компании присоединился еще один узник. Среднего роста, в дорогом камзоле, волосы темные, аккуратно расчесанные, хотя сейчас уже и начали путаться. На вид настоящий граф. Он в действительности и был графом, его звали Ричардом, перед ним склонялись, и даже министр принимал графа Элигерского как дорогого гостя.

Ангел рассмеялся, когда растерянного графа заперли в камере.

– Интересно, что объединяет графа с преступниками? Или граф убил кого-то? – ангел не скрывал веселья.

– А думаете, как я разбогател? – огрызнулся граф. – Пиратским грабежом и разбоем!

Он не шутил, Ярош это почувствовал по голосу и поднялся, чтобы взглянуть на еще одного товарища по несчастью. Ричард стоял возле решетки, смотрел на него.

– Славными пиратскими подвигами, – подсказал Ярош, наблюдая за графом через прутья решетки.

– Славными... – подтвердил Ричард, опуская взгляд. – Где теперь мой фрегат?..

– Сегодня пиратам не везет, – печально подытожила Ирина. – Если даже графа арестовали...

– Пират всегда останется пиратом, даже нарядившись в графские одежды, – улыбнулся Ричард. – В такой компании наша дорога будет не скучная, хотя и весьма короткая...

– Разговоры! – зло прикрикнул стражник, бухнув по решетке.

– Сам заткнись, гад! – откликнулась Ирина и засмеялась, довольная собой.

Суд Империи не соберется быстро, и советник Императора прав: убить пиратского капитана тогда на улице было не трудно – осудили бы кого-то другого в назидание. Стена ближайшего дома и залп... или на колени – и один взмах его же сабли...

Министр провел по глазам, прогоняя кровавые видения, и встал из-за стола. Было тяжело дышать, как перед грозой. Феофан подошел к окну, открыл его. С моря веяло прохладой и свежестью, но воздух все равно оставался тяжелым, и сердце сдавили то ли усталость, то ли предчувствие чего-то более худшего, нежели происходившее в последние дни.

Они превратили Элигер в ловушку. Капкан тихо лязгнул, и прячущиеся здесь, на побережье, скоро распрощаются с жизнью или со свободой и тогда с жизнью тоже. Власть Моря на этом берегу отступает, оно не сможет защитить тех, кого оберегало все эти годы, враги будут вынуждены проявить себя, а тогда каждого из них поймают. Раньше или позже – советник Императора об этом позаботится. А тем, кто спасется, на самом деле некуда бежать, ведь на островах и других берегах их тоже давно ждут не менее изобретательные ловушки, и советник Императора растянет удовольствие на

долгое время. Больше всего он любит охотиться на людей...

Имперский министр поежился: ветер холоднел с каждой минутой, но окно не хотелось закрывать. На горизонте клубились темные тучи, буря приближалась, только она разобьется об стену сильной воли своего противника. Феофан неоднократно видел подобное и каждый раз восхищался: когда чары сильных волей сталкиваются в бою между собой – это непостижимо, величественно и страшно. Он бы и сам хотел также помериться силой с безжалостным соперником, когда цена – собственная жизнь, хотел проверить, чего в действительности стоит...

Завтра министр направится в столицу, в его эскорте будут и кое-кто из заключенных. Жаль, что тем двоим, кого попробовал защитить пиратский капитан, назвав свое имя, удалось бежать. Если бы еще их поймать, он мог бы рассчитывать на такую нужную сейчас благосклонность Императора. И пока есть немного времени, чтобы этим заняться.

Феофан оставил кабинет, не подозревая, что внимательные глаза прислужника следят за ним.

Измена бывает сладкой...

Олег пробрался в кабинет, открыв дверь своим ключом. Этот ключ, как и другие от важных комнат в других городах, был сделан много месяцев назад, когда он со своей женой, спасенной от пыток в подземельях Империи, решил убежать туда, где имперские деньги не в ходу. Только для того эти самые деньги и нужны. Но так окончательно и не решился.

Хрупкая женщина тенью скользнула за ним.

– Я боюсь, Олег. А если нас схватят? – она дрожала.

– Успокойся, Эсмин. Я видел, как Феофан закрывал тайник. Подожди минутку, – Олег старался выглядеть спокойным.

– Зачем нам отобранное у пирата? – Эсмин вздрогнула, оглянувшись на скрип пола.

Но это не люди шли, а грустно стонал старый дом. Много он видел и хорошего, и злого, и даже застал время, когда в Элигере совсем не было имперской власти.

– Оно не принадлежит Феофану, – Олег и сам не понимал, зачем так рискует.

Тайник открылся на удивление легко. Забрав компас, завернутый в грубую ткань карты, супруги вышли из кабинета и тихо побежали к выходу.

И дом не предал их, не выдал стражникам ни одним скрипом или стуком. За окнами потемнело от близости бури, прилетевшей с моря.

– Не уходи, – позвала Айлана Рита.

Почтальон оглянулся на Михаила, у чьих ног улегся черный щенок, и светловолосую девочку, держащую за руку молодого мужчину. Видели ли они, как из окна халупы вылетел яснокрылый феникс?

Их глаза сияют, значит, могли видеть, – приближается гроза и сейчас цвета возвращаются в мир. Серость незри-

мой паутины заклятья отступила, страшись близкого ливня. Но буря теряет силу, накрывая крылом берег, находящийся под чужой властью, – чародей это чувствовал. Стоило где-то спрятаться.

– Я не уйду без вас, – улыбнулся Айлан. – Как тебя зовут, девочка?

Без грома туча прорвалась дождем. Капли падали на подставленную ладонь Риты. Дождь плакал, но по ком?..

Дождь кончился, когда сумерки укрыли город тьмой. Нехотя зажигали огни в бедных кварталах, а особняки-дворцы озарялись царственным неживым светом. На мокром после дождя пляже причалила шлюпка. Юран спрыгнул в прибой, подняв сапогами мерцающие брызги. Принц помог сойти на берег королеве Герде, Тайре, Киш и Марен. Юран и Макс затащили шлюпку в тень валунов, разбросанных по берегу.

Там уже стояла одна шлюпка. В ней что-то белело.

– Тихо – прошептала Марен, подкравшись ближе.

– С "Диаманты", – Макс не отставал.

Девочка, заснувшая в шлюпке, напугано подскочила. В руке она крепко держала порванное платьице куклы.

– Не бойся, – величественно улыбнулась давняя, заглядывая в глубокие синие глаза ребенка. – Ты ждала пиратского капитана?

– А вы его знаете? – Полина немного успокоилась, но ку-

кольная одежда все еще была зажата в детском кулачке, словно могла ее защитить.

– Мы его друзья, – ответила Тайра, сейчас, как никогда, похожая на колдунью. Прядь ее волос, снова выбившаяся из-под платка, в сумерках казалась настоящей змеей.

Марен повернулась к команде.

– Видели ее глаза? В них море. Ярош нашел ее, и, подозреваю, не только этого ребенка. Чувствуете, какой тяжелый воздух от чар, лежащих на городе? Хотя ливень их немного ослабил. Нужно привести этих людей сюда. Им всем угрожает смертельная опасность, поэтому я легко их найду.

– А Ярош? – заинтересованно наблюдая за давней, спросила Киш.

– Юран проведет вас по той дороге не хуже меня, – принц кивнул. – Встретимся на корабле.

Все пошли за Юраном, договорившись с Полиной, что девочка будет ждать их здесь, как ждала Яроша. Все верили, что вернуться.

Давняя направилась совсем в другую сторону.

– "Марен... Марен... – шуршало галькой темное море. – Зачем ты сказала тем, кто доверяет тебе, неправду?.."

Марен остановилась, будто не верила, что действительно слышит голос Моря, обращающегося к ней.

– "Марен..." – снова разошлось тихим шуршанием.

Давняя подошла к морю, окунула руку в воду. Капли морской воды переливались серебром в свете луны.

– Я уже и не помню твой голос, – едва слышно молвила Марен, глядя, как с пальцев звездами капает вода. – Столько лет...

– "Он тоже здесь, Марен, – плеском волн и в перекатах камешков предупреждало море. – Он не простит тебе твой поступок. Он убьет тебя. Спасайся, пока не поздно. Возвращайся на пиратский корабль".

– А как же твой пиратский капитан? – высокомерно расмеялась Марен. – Яроша Сокола казнят, если мы его не спасем. Его отвезут в столицу и будут судить, а тот суд дает большую власть, и не только над жизнью осужденного. Ярош погубит себя и тех, кого еще осмеливается любить.

– "Но ты же здесь, Марен. Ты не пошла помогать пирату. Ты сама ищешь встречи с тем, кого ослушалась. Берегись его, Марен!"

Прикосновение воды стало ледяным, от него холодели пальцы.

Давняя горделиво поднялась.

– Он слаб, слишком много отдал ловушке, слишком долго готовил ее. Я смогу его победить!

– "А зачем тебе эта победа, Марен? – в плеске волн слышался смех. – Ты добровольно отдала ему свою судьбу, подарила свою судьбу другому, и одного поступка мало, чтобы ее себе вернуть. Ты права, он истратил очень много сил, но и сейчас он сильнее тебя".

– Вот мы и узнаем, кто из нас сильнее!

– "Берегись, Марен... Берегись попасть в плен своего желания и чужой воли..." – шептали морские волны, умолкая. Высокая темная фигура покидала берег.

Олег и Эсмин далеко отошли от особняка, когда бывшему прислужнику Империи захотелось посмотреть, что же они забрали у министра Феофана. Он вытащил из сумки сверток.

– Тряпка какая-то, – с сомнением сказала Эсмин.

В полумраке Олег рассматривал компас. Стрелка не двигалась.

– Ты сломан, – с разочарованием проговорил он. – А я так надеялся найти твоего хозяина.

Стрелка вздрогнула, обернувшись против солнца, и остановилась, затрепетав.

– Я не понимаю, – начала Эсмин, но Олег оборвал знаком ее речь.

– Постой, это направление. Правильно? – стрелка затрепетала снова, немного сдвинувшись. – Идем туда!

– Ты сдурел! Олег, нас уже ищут. Я не вернусь в подземелья Империи! Лучше умереть, поверь мне...

Олег вздрогнул, вспомнив, как спасал бедную танцовщицу, обвиненную в запретных чарах. Но он решил послушаться компаса.

– Нет, любимая, мы должны... попробовать.

Стрелка вздрогнула, указав в другую сторону. Супруги подняли головы, глядя туда, куда она повернулась, и оторо-

пели.

На куче камней, оставшейся от разрушенного дома, сидел русоволосый мальчишка. Его лицо освещал огонек, тихо пошверкивающий в прикрытой ладони, в его глазах тоже отражалось пламя...

– Я не верю! – вскрикнула Эсмин. – Таких чародеев больше нет! Не в Элигере! Не в безымянной Империи!

Мальчик поднял на нее взгляд глаз, сияющих ярче звезд.

– Почему нас нет? – мелодично рассмеялся он. – Это вас нет, ибо выцветает память о вас. А пламя будет танцевать всегда. На сухой стерне, на руинах городов или на наших ладонях...

Своим поведением он очень напоминал на вид такого юного давнего, стоящего сейчас на капитанском мостике корабля с черными парусами, но Олег не мог об этом знать. Такой же дерзкий и сильный, только не из древнего народа.

Но кто-то подсказывал этому ребенку, что и как говорить... Эсмин чувствовала чужое присутствие. Она огляделась и увидела тень вблизи деревьев, за которыми начинался обрыв. Тень шагнула в пропасть, превращаясь в темноперую птицу. Сова взлетела над городом, тихо гугукнув.

Огонек в руке затрепетал. Мальчик обеспокоено посмотрел на пламя, советуясь с ним.

– У вас есть то, что вам не принадлежит. То, что позвало вас сюда.

– Да, есть, – почему-то Олег не удивился. – Мы хотим вер-

нуть эту вещь хозяину.

– Я пойду с вами, – Юрий поднялся с камней, зачарованное пламя в его глазах угасло, как и огонь на ладони. – Куда теперь указывает компас?

Компас указывал на море.

Марен шла через город, прислушиваясь к своим ощущениям. След был четким, кто-то сильный, владеющий чародейскими способностями, встречался с Ярошем Соколом, и теперь все его мысли обращались к пиратскому капитану. Такие мысли властны коснуться чужого сна и на большом расстоянии, и потому они необычайно опасны, ведь их может почувствовать каждый, умеющий слушать мир. А давние умеют слушать мир даже лучше, чем чародеи. И зря этот смельчак считает, что давший им приют точно также верит в свободу и древнюю власть морской безграничности...

Калитка во двор приоткрыта, на освещенной террасе дома фигуры за столом. Давняя вошла.

Люди замолчали, оборвав разговор. Один из них одет в форму почтальона, на плечи падают волнами темно-каштановые волосы, в свете лампы пуговицы на форме кажутся золотыми.

– Я же говорил вам, – закончил оставленную фразу Айлан, без страха глядя на Марен. – Ты из давнего народа, ты Марен... Я видел тебя в столице, хотя и издалека. И еще видел в чужом сне кого-то, похожего на тебя. Здесь ты настоящая?

– Хочешь проверить, настоящая ли я, чародей? – сквозь улыбку холодно спросила давняя. – Или отваги не хватит?

Кроме Айлана, на террасе еще сидели Рита, украдкой кормившая щенка под столом; Михаил, делающий вид, будто этого не замечает; и хозяин дома – темноволосый и красивый богатый горожанин.

Тень упала на двор, качнулась ветка на засохшем дереве. Тень была белокрылой. Все давние умеют слушать мир...

Айлан и Михаил вскочили, спокойно встал хозяин дома.

Но поздно было убежать. Белокрылая Химера стояла на земле, ветер касался пышного оперения. Зарычал щенок, совсем как взрослый пес.

– Властью Империи, – начал советник Императора, но договорить ему не довелось.

Марен встала между людьми и Химерой.

– Хоть властью самого Императора! – зло засмеялась она. – Ты уберешься отсюда. Здесь нет твоей власти!

– Нет, предательница, здесь есть моя власть, – ласково откликнулась Химера с такими же угрожающими интонациями, как и у Марен. – Ты перестала выполнять возложенные на тебя обязательства, и всесветлый Император лишил тебя поста. Тебе дарован покой. Вечный!

Советник Императора замахнулся, но Марен воздела руку, и движение противника замедлилось, останавливаясь совсем.

Они не касались друг друга, но воздух звенел от чар. Жа-

лобно заскулил щенок. Погасла лампа на террасе.

– Не тебе... со мной... тягаться... – медленно проговорила Марен.

– Зря ты бросила мне вызов, – тяжело дыша, ответила Химера.

Советник Императора ударил двумя видениями: одно нацелено на веру в чудо творения, другое отбирает у людей душу и разум, оставляя вместо них пустоту.

Марен упала на одно колено, отбив оба видения прозрачными крыльями, на которых засияли звезды. Химера ступила шаг к людям, внезапно прислушалась и, пронзительно крикнув, взмыла в звездные небеса. Тучи уносило ветром, но исчезла тяжесть, саваном окутавшая Элигерский порт, словно все те чары обратились в пепел в поединке принадлежащих к давнему народу.

Сомневаясь лишь мгновение, Рита, Михаил и Айлан побежали к Марен. Только хозяин дома провожал взглядом Химеру.

– Ты ранена? – испугался Айлан.

– Что это было? – Риту трясло, крик все еще звенел в ушах.

– Отчаяние, – Марен поднялась, отклонив их руки, она казалась постаревшей, или так падал неяркий свет из окон дома.

– Ты предала? – удивился Михаил. – Кого?

– Мне надоело отбирать жизнь по приказу, – неохотно ответила Марен. – И я больше никогда не буду служить Императору. Надо мною только вечность, – она потрянула головой, приходя в себя. – Советник Императора улетел, и я смею надеяться, что у наших друзей все получилось. Мы должны успеть на корабль раньше, чем за нами пошлют погоню. Кто желает стать пиратом?

Давняя улыбнулась так непринужденно, будто ничего не случилось.

– Боюсь, вы не успеете, – хозяин держал ружье. – Подождем солдат.

– Сволочь, – Айлан попробовал, было, ступить к предателю, но ружье сразу взглянуло на него. – Почему ты не отравил нас за ужином?

– Потому что вы нужны Империи живыми. Не все конче-

но. Но ты и давняя нужны.

Как он увидел, что Михаил качнулся к нему? Но враг выстрелил, попав мужчине в грудь. Михаил упал. Рита закрычала, бросившись к товарищу.

– Вас трое, а пуля одна. Выбирайте, кто следующий.

Михаил захрипел, рана была смертельной.

– Нет, – Рита всхлипывала. – Неправда! Ты не можешь умереть...

– Рита, – прошептал Михаил, но свет в его взгляде угасал, – не плачь. Сегодня... я жил по-настоящему.

Рита разревелась. Айлан закрыл глаза, воздух взрывался гневом.

– Забери ребенка, она не должна это видеть, – бросила Марен, идя к врагу.

Мужчина медлил, ему воли не хватало нажать на курок во второй раз.

– Пойдем, Рита, – Айлан насильно поднял девочку.

– Никуда вы не пойдете, – предатель выстрелил Айлану в спину, но Марен крылом отбила пулю.

– Теперь ты умрешь, – прошипела давняя, по воздуху преодолев расстояние до хозяина.

Полупрозрачные крылья обняли мужчину, по перьям текли искристые волны, отбирая у него жизнь. Одна волна плеснула на террасу и загорелась настоящим пламенем.

– Рита, идем, – Айлана и самого поразили чары давней, но девочку он успел прижать к себе, чтобы не видела.

Щенок побежал за ними. В огонь падали сломанные перья с крыльев Марен. Совиные перья... Почему-то последнее превращение тяжело ей далось. Пошатываясь, давняя сошла с террасы, а огонь перетек на дом, на засохшее дерево и забор.

К утру здесь все сгорит.

"Этот город не всегда был таким. Покажи, каким ты был", – еще звучало в памяти заклятье Юрана.

Принц вел друзей по темной дороге, строго запретив отклоняться в сторону, только за ним, шаг в шаг по сияющим следам. Но следы тускнели, пол обрастал каменной плотью.

– Стойте, – тихо промолвил Юран, нащупывая что-то перед собой. – А теперь, – он толкнул стену, – мы на месте.

Стена подалась, впустив их в слабо освещенное подземелье.

– Как ты узнал, что здесь есть проход? – удивилась Герда.

– Тут не всегда была тюрьма, правильно? – усмехнулся Юран. – Элигерский город об этом помнит, он нам помог.

Заклученные поднимались с пола. К одной решетке прислонилась синеглазая брюнетка, за другой зашелестело оперение ангела.

– Черт возьми! – Ричард не верил своим глазам. – Ярош, это не за тобой?

– За мной, – руки Яроша все еще были закованы в кандалы. – Не поздно ли, ребята? Простите, дамы, – он, шутя,

склонился перед королевой.

Макс попробовал толкнуть решетчатую дверь, но она была сработана на совесть. Империя следила, чтобы узники не возвращались на волю.

– Ключи нужны или... – Макс не договорил, Киш коснулась металла, сразу отдернув руку.

– На них заклятье. Я попробую его снять... только зачем заклятье здесь, я не понимаю, – она хотела приблизиться к решетке, но Тайра остановила ее.

– Я сниму это заклятье, – дочь колдуна коснулась своей непослушной пряди, обкручивая ее вокруг запястья, и волосы превратились в кнут, лоснящийся змеиной чешуей. – Отойдите!

Она ударила по замку, приглушенно зашипела змея, затрещала хвостом, и дверь открылась.

– Молодец! – не удержалась Герда. – Дай мне попробовать.

– Не время! – Макс уже слышал топот охраны.

– Освободите остальных, – Ярош выбежал из камеры.

Тайра, танцуя, сбивала замки на других камерах. Через несколько мгновений узники были свободны. Ирина, не сдержав чувств, повисла у ангела на шее, но тот мягко отстранил женщину.

По коридору бежали трое стражников-картежников, больше похожих на головорезов, чем на безликих солдат Империи.

– Уходите, мы их задержим! – крикнула Тайра.

И вместе с Киш они перегородили проход.

– Змеи кусаются, – сладко предупредила дочь колдуна.

От яда этой зачарованной змеи спасения не знали. Женщины догнали друзей возле тайного хода. Стена стала на место.

Министр не мог заснуть, тревога не давала сомкнуть глаз. Переодевшись, Феофан вышел из спальни.

На окне сидела облаченная в белое фигура, чьи руки срослись с крыльями.

– Тебя предали, министр, – с насмешкой проговорил советник Императора. – Пиратские капитаны сбежали. Почему ты не убил их?

Министр ответил не сразу, взвешивая каждое слово.

– Досадно. Мы поймаем беглецов. Это не дело государственной важности.

– Ты глупец, Феофан. Корабль с черными парусами видели неподалеку от порта. На этом корабле твоя и моя погибель. На этом корабле погибель всей Империи. Ты что, не понимаешь этого, министр?

Феофан махнул рукой, не веря.

– Что может сделать один корабль против могущества всей Империи? – хмыкнул он.

– Ты забываешь, министр, – прошипела Химера, – что совсем недавно все моря принадлежали пиратам. Ты знаешь,

что может натворить один настоящий пират, попадая в наш город. Ты видел это на Элигерском побережье собственными глазами. А если их будут десятки? И почему этот? Почему Ярош Сокол? Зачем судить, если можно сразу казнить?

– Ты такой мудрый, почему же ты не министр, советник Императора?

Химера оскалилась.

– Плох министр, не желающий больше власти, чем у самого Императора, – Феофан отшатнулся, а Химера безжалостно продолжала: – Ты верно служил Империи, с какой грустью будут говорить о твоей измене.

Феофан выхватил пистолет, который всегда носил с собой, и выстрелил. Пуля не причинила вреда советнику Императора.

Химера поднялась в воздух, толкнув Феофана. Блеснули когти, выбив оружие из слабых людских рук. Острые лезвия остановились возле горла министра.

– Разве может смертный убить кого-то из давнего народа?

– Но пираты вас убивают, – прохрипел министр, косясь на лезвия когтей, что могли лишить его жизни в любое мгновение.

– Пираты. Но не такое ничтожество, как ты, – Химера неохотно убрала когти. – Ты докажешь свою верность Империи, потопив корабль с черными парусами. Отправь за ним весь наш флот. Корабль должен быть уничтожен, а вся команда мертва. Помни, Феофан, что у советника Императора

есть право казнить предателей без суда.

Феофан тер распухшую шею, ему казалось, что по коже уже течет кровь.

– А почему ты сам не проберешься на корабль Сокола и не утопишь их всех? Ты же можешь превратиться в кого угодно.

Химера хищно зашипела: министр мстил и знал об этом.

– Сокол дрался со мной. Он узнает меня в любом облике. Даже под видом невинного ребенка. Ты меня понял, министр. Иначе все, что ведомо мне, будет известно Императору.

Советник Императора улетел в ночь.

Феофан подошел к окну, чтобы его закрыть. Безоблачное небо в россыпи звезд, море внизу успокоилось, а гребешки волн посеребрила лунная дорожка – так спокойно и уютно, даже не верится, что сегодня в Элигере было пролито немало крови, а некоторым только чудом удалось избежать плена и смерти.

Министр коснулся шеи, где оставили холодный след лезвия Химеры.

Давний народ, чародеи, имперские командиры и пиратские капитаны... Феофану было трудно признать: иногда он в тайне завидует, ведь они умеют то, чего не умеет он сам. Министр смотрел на темное море... Он потопит пиратский корабль с черными парусами, который сейчас прячется где-то там, за горизонтом. И поступит так не из-за угрозы советника Императора, и пусть тот будет рядом, когда пылающий

пиратский корабль уйдет под воду. А что делать с врагами, оставшимися в живых во время боя, решать Химере – пусть тешится, пока развлечение не наскучит.

Феофан закрыл окно, отгораживаясь стеклом от ночной прохлады и шуршания моря.

Глава 7

Ричард, граф Элигерский

Подземный ход привел беглецов на площадь. Усталый город спал, издалека доносился стук копыт запоздалого экипажа. Ближе к морю занялось оранжево-огненное зарево пожара.

– Ярош, вытяни руки, – попросила Киш.

Ярош так и сделал, и змея кнута Тайры перекусила цепь.

– Где ты этому научилась? – с завистью спросила Герда, когда змея снова превратилась в непослушную прядь.

– Мой отец – колдун, а я его дочь, – девушка совсем не хотела обсуждать свои умения.

– Нас ждут на "Диаманте", – напомнил Макс.

– Мне нужно кое-кого забрать, – Ричард немного нервничал.

– Кого еще? – рассвирепела Герда.

Но Ричард не обратил внимания на ее возмущение и обернулся к Ярошу.

– Сокол, позволь мне забрать с собой нескольких своих людей.

– Иди, Ричард. Мы подождем вас, – Ярош был настолько счастлив оказаться на воле, когда смирился со своей судьбой, что, не задумываясь, сделал такой роскошный подарок.

Кому еще удавалось спастись из имперского плена дважды? Он верил, что, покинув тюрьму, уже освободился.

– За нами наблюдают! – Юран указывал на балкон.

Мужчина, на чьей шее белел шрам, направлял на них пистолет.

– Пираты, – процедил сквозь зубы Меченый. – Вам не убежать. А я разбогатею.

Ричард исчез и появился у Меченого за спиной. У морского волка уже не было прежней реакции, и его пуля просвистела, ни в кого не попав.

– Забыл, как сам был пиратом, друг? – Ричард выкрутил ему руку.

– Ты не с ними, граф, – простонал Меченый. – Мы изменились. Мы забыли, как ветер дует в паруса.

– Я никогда не забуду, – Ричард отпустил товарища. – Хочешь пойти с нами? А сокровищ и тайн на морских просторах и сейчас хватит на всех.

Меченый вздохнул: прошлое не может перевесить сегодняшнее, не может...

– Я не знаю.

– У тебя три секунды, чтобы выбрать, дружище. Или я

сброшу тебя вниз.

– Тогда какой может быть выбор, капитан? – в глазах Меченого вспыхнула ненависть, но лишь на миг.

Ричард, к сожалению, не видел этого. Граф смотрел на площадь, куда по улице бежали солдаты в серой форме.

– Ярош! – Ричард успел предупредить товарищей по заочению.

Пираты дрались на смерть с солдатами, воспитанными имперской столицей. С клыков кнута-змеи капал яд. Колдовала Киш. Даже Герда, все еще воспринимающая драку как приключение, которым можно похвастаться перед его величеством Александром, была непревзойденной. Она застала то время, когда принцесс учили не только нотной грамоте и этикету. Пospорить с Юраном в искусстве боя не мог никто, хотя было видно, как он устал. Макс прикрывал спину чужеземного принца.

Ирина и ангел спрятались в тени дома, не вмешиваясь в драку, и только у Яроша не было оружия.

На площадь выбежала девушка, огонь сорвался с ее пальцев, попав в одного из солдат. Увидев ее, Меченый, которого Ричард уже отпустил, обреченно вздохнул.

– Если тут твоя Лаура, то я вспомню прошлое. Но из нашей команды в живых остался только один человек.

– Тогда найди товарища, пока его не поймали имперские солдаты, – усмехнулся граф Элигерский. – Спускаемся.

Они исчезли и появились уже на земле. Ричард обнял де-

вушку, поцеловал в макушку. Лаура низко поклонилась ему, ее платье из тонкого полотна и пшенично-русые волосы казались молочными в лунном свете.

Вмешиваться в драку графу не было надобности: пираты победили. Они никого не убили, но раненные солдаты и не могли умереть. Их жизни, как и смерть, принадлежали Императору.

– Вы говорили, что у нас нет времени. Корабль ждет. А мне не хочется встречаться с советником Императора. Он сегодня не в настроении, – Ричард видел, как белая тень вылетела из дома министра.

– Пойдем скорее, – Ярош хотел как можно быстрее вернуться на "Диаманту".

Этот Элигерский порт почти ничего ему не дал, кроме новых членов команды, но отобрал саму цель путешествия – вместе с картой. И компас, что мог привести к любому берегу. Ярош держался из последних сил, чтобы его не накрыло волной отчаяния, спасение уже не казалось чудом. Лучше бы он остался в тюрьме, тогда бы у него был хоть какой-то смысл жизни, пусть и ненадолго.

Юран догнал капитана.

– Мне не нравится этот граф, он хуже нашей спесивой королевы. Он чужой, – принц не мог объяснить, что чувствует. – Есть разное чародейство. Его чары мне не нравятся.

– Но глаза Ричарда светятся морем, – попробовал возразить Ярош, ему и самому не очень нравился граф.

– Глаза многих людей светятся морем, – тихо запротестовал принц, оглянувшись на графа, который шел, держа за руку Лауру.

– К сожалению, уже нет, – отрезал Ярош. – Если мы взяли с собой Хедина, то и эти не помешают.

– Как скажешь, капитан, – но Юран не мог согласиться с этим решением, он видел, как отстал Меченый.

На берегу их ждали. Четыре фигуры, словно тени, – две высокие, две низкие. Обе шляпки на воде, в одну садятся люди. В темном море застрекотал Дельфин.

– Ярош! – одна тень оказалась Полиной, девочка радостно обняла капитана.

С ней были Феникс в сопровождении грациозной дамочки, одетой в багровый бархат, и Странник.

– Феникс! – не поверил своим глазам Сокол. – Я тебя искал в Элигере!

Пират отстранил девочку. Феникс и Ярош взялись за руки.

– Я боялся, что мы больше не встретимся, – они не спешили отпускать друг друга, и в этом прикосновении вспыхнули угасшие чувства.

– Вас ждут на корабле, – напомнил Странник, усмехнувшись, он поклонился Фениксу, одобряя ее выбор, а вот Ричард ему тоже не понравился.

Хедин просто раздражал многих, а от графа веяло тьмой,

настоящей тьмой, замешанной на крови. Ричард тоже внимательно смотрел на мальчика с изменчивыми глазами.

– Это моя подруга Магда, – отрекомендовала дамочку с роскошными темными волосами Феникс. – Она вампирша. На корабле об этом уже знают. Твоя команда не против.

– Тогда так тому и быть, – согласился Ярош.

– Нет, – возразил Ричард.

Он очень изменился после побега из тюрьмы. Он привык командовать, и ни с кем властью делиться не собирался. Никакой.

Ярошу это очень не понравилось, а граф продолжал:

– Вампирам не место на нашем корабле. Я этого не потерплю.

– Граф, ты не капитан, – но возразил не Ярош, а Странник. – Никто из нас тебе подчиняться не станет.

– Не смей, – графу было тяжело сдерживать чувства, встретившись взглядом с давним.

– Ты не смей, граф.

Казалось, эти двое говорили не только словами. Даже Ярош их не понимал, хотя чувствовал, как на безмолвный спор откликается мир.

– Тогда я остаюсь. И мои друзья тоже. И вы никогда не найдете то, что ищете. Ты не знаешь, чье присутствие нужно, чтобы рисунок появился на твоей карте сокровищ.

– Карту и компас у меня отобрал министр Феофан. Их не вернуть. О сокровищах можешь забыть, Ричард!

– Пусть о сокровищах можно и забыть, – Ричард сощурился, с усмешкой глядя на Яроша, – но ты знаешь, что будет с нами, если мы останемся в Элигере. Ты себе это простишь?

Это было подло. Очень подло. Даже хуже, чем поступил Хедин.

Море блестело железом. Неживое, закованное в металл, ограничивающий свободу и отбирающий волю.

– Мы поплывем с вами, если все мои друзья будут на этом корабле.

Вернулся Меченый с Козырем, одним из подчиненных графа. Козырь мало в чем отличался от солдат Империи, только глаза не пустые, но слишком мутные, а взгляд скользкий, недобрый. Ирина поежилась, ангел укрыл ее крылом. А вот Лаура была весьма приятным человеком, и, похоже, она не понимала, о чем говорит граф и какую страшную судьбу пророчит и себе, и ей...

– Или мы будем вместе, или навсегда расходимся. Так как, Сокол? Решай, – глаза Ричарда больше не смеялись и были серьезны, будто превратились в темные льдинки.

Как поступить, Ярош не знал. Если бы у него был компас в эту минуту! Но подсказать некому...

– Только помни, Ричард, это мой корабль...

Ричард усмехнулся, соглашаясь.

Макс, Тайра и Полина сели в шлюпку, где уже были Айлан, Рита и Марен. Там еще оставалось место для Яроша. Киш, Юран, Герда, Ирина, Ричард и его друзья заняли дру-

гую. Феникс, вампирша Магда и ангел полетели на корабль.

Странник задержал Яроша.

– Почему вас не поймали? Где погоня? Мне это не нравится. Море и имперские прислужники соперничали волей. И их чары сильны, Ярош, – буря лишь дождем зацепила Элигерский берег. Море тоже молчит, скованное чародейством, волнам нужно время, чтобы освободиться. Нас просто так не отпустят, капитан.

Ярош отвернулся, не желая сейчас смотреть в изменчивые глаза давнего.

– На корабле столько давних, разве вы не сможете нас защитить?

– Это зависит от того, кого пошлют за нами. Если за нами погонится советник Императора, а на корабле будут предатели... – Странник не забавлялся, его действительно пугала эта мысль, как и самого пиратского капитана.

– Я тоже думаю, что люди Ричарда предадут. Возможно, не все...

– Зачем же ты берешь их с собой? Не лучше ли отдать их акулам? Хорошая будет жертва, и нас это защитит. И ты хоть видел в них море?

Они понимали друг друга, но Сокол не собирался соглашаться на то, что так легко предлагал давний.

– Не знаю, – сказал Ярош, будто вспоминая. – Ричард был славным пиратом. Я не хочу быть причиной его смерти, пусть на казнь его отправят имперские властители. И тем

паче я не собираюсь приносить кого-то в жертву.

– Ты сам сказал: граф Элигерский был пиратом.

Пиратский капитан гордо посмотрел на давнего.

– Как и с решением о Магде, так и с решением о Ричарде и его людях – это мой выбор. И моим приказам на моем корабле должны подчиняться все. Это касается и давнего народа точно также.

– Как скажешь, капитан, – Странник превратился в черно-золотую птицу и полетел над морем.

Ярош присоединился к команде. Шлюпка отчалила.

Дельфин указывал им путь, мокрая спина жителя моря поблескивала в лунном свете.

– Мы решили отойти подальше, – сообщил Макс Ярошу. – После того, как твоя команда собралась на берег.

Макс, как и Юран, обиделся на друзей Яроша, разделивших с ним столько опасностей, а теперь бросивших в беде. Ярош тайком вздохнул, ведь понимал, о чем говорит Макс.

– Значит, они ушли... У нас была договоренность, что они так поступят. Так правильно. Жаль, что это случилось так скоро.

– Скажешь об этом Роксане, – ухмыльнулся Макс.

– Так ты Полина или Эвелина? – цеплялась Тайра к меньшей девочке. – Ты то так, то так себя называешь.

– Полина, – твердо ответил ребенок. – Эвелина – это моя старшая сестра.

– И куда она подевалась?

– Уехала учиться. Я ее вспоминаю каждый день, как мы в такую же лунную ночь бегали по морской пене...

– Куда же она поехала?

– Отцепись от ребенка, Тайра, – устало вмешался Ярош. – Лучше расскажите, что было на корабле без меня.

Тайра недовольно надула губы, ей было нудно. Но Полину она больше не трогала, а Рита, держащая на руках черного щенка, была такая грустная, что дочь колдуна просто не захотела с ней говорить.

В другой лодке в основном молчали. Ирина льнула к Юрану, в нем видя самого искреннего друга. Герда смотрела, как за бортом утекает вода, переливаясь металлическим блеском. Ричард не сводил взгляда с принца, старавшегося не открывать глаз.

– Плохо тебе, – заметил граф Элигерский. – Нелегко ходить по коридорам города, которого больше нет?

– Тебя это меньше всех касается, граф, – презрительно, но слабо возразил принц.

– Меня касается все, связанное с чарами. С тобой ничего не будет, а вот твоя подруга в черных одеждах... Я видел, как тяжело она садилась в лодку.

– Граф, – с предостережением начал Юран, собираясь многое сказать, но сказал только: – Не нужно искушать чужое терпение. Чтобы ненароком с тобой ничего не случилось.

Козырь и Меченый оставили весла, готовые защищать

своего товарища. Но стоит одному встать, шлюпка перевернется, и все они окажутся в воде.

– Не спорьте. Разве мы не в одной команде? – вмешалась Герда. – На корабле выясните отношения.

– Вы так мудры, ваше величество, – Ричард игриво склонил голову. – Разве вашего справедливого слова можно слушаться?

Юран фыркнул, а Герда засияла: хоть кто-то из этих простолоудинов признал в ней королеву.

Но Ричард был прав: Марен не смогла подняться по веревочному трапу сама. Макс и Берн помогли ей, забыв, что прикосновение к этому существу может стоить им жизни.

– Что с ней случилось? – Ярош склонился над потерявшей сознание давней, сейчас похожей на обычную женщину.

– Она сражалась с советником Императора, – пояснил Айлан. – Химера сказала, что Император лишил ее поста за непослушание и пообещал вечный покой.

– Этого не может быть, – Харун присел рядом с Ярошем, взял Марен за похолодевшую руку. – Как же она решилась на такой поединок...

– Разве Марен может умереть? – от удивления у Итаны округлились глаза. – Она же из давнего народа!

– А разве она всегда была давней? Что рождается, то и умирает, – это уже сказала вампирша Магда.

Возле них осталось немного народа. Родители Роксаны забрали всех детей, а Макс, Берн и Владимир учились ловить

ветер.

– Что случилось с той давней, которую мы нашли на улице? – Ярош коснулся кончиками пальцев шеи Марен: было странно чувствовать, что у давней бьется сердце, медленно отсчитывая такую долгую жизнь.

– Она почувствовала, что в Элигере творится что-то недоброе, и предложила переждать, – ответил Айлан. – Я согласился, и мы ждали до утра, сидя в укрытии между скалами на берегу моря. Она рассказывала мне легенды о давнем народе и прошлом мира, но больше всего о своем любимом севере, откуда она родом. Утром давняя помогла мне отыскать дом Феникс, ведь он был скрыт мастерски сплетенными чарами, большая часть которых мне не ведома, а сама, пожелав нам удачи в путешествиях по морям и суше, ушла. Думаю, что из Элигера она направится на север.

На палубу опустились две тени. Ангел и крылатая женщина.

– Мы попрощаться, – с радостью сообщил ангел. – И поблагодарить за мое освобождение.

Ярош поднялся, хотел возразить, но Айлан остановил его.

– Не уговаривай их, Ярош. У них свое море, они сокровище друг для друга, – тихо сказал капитану чародей. – Разве ты не видишь?

Ярош видел. Любовь озаряла этих двоих, сияние сильного чувства плыло по их крыльям, окрашивая перья в черно-серебряные цвета. Они стали единым существом, открыв люб-

ви сердца.

– Так это его ты мне показывал при встрече? – улыбаясь, спросил Ярош у Странника.

– Его, – подтвердил давний. – Интересно было, почувствуешь ли ты, что рядом со мной видение.

– Пусть ваш путь будет легким, – ангел взлетел к светлому от луны небу, и его любимая полетела вслед за ним.

Ангелы танцевали, прощаясь, благословляя. Волшебный танец, где прикосновения перьев будто поцелуи, а осенний ветер, кружащий их, становится теплым и ласковым. Люди зачарованно наблюдали, как отдаляются ангелы. Радость и покой дарил волшебный танец. Только Хедин и Феникс почему-то загрустили, этот покой был для них горьким.

На корабль поднялись те, кто плыл в другой шлюпке. Ричард с завистью глянул на друзей Яроша, сразу присоединившихся к команде, сам он со своими тремя товарищами держался от них подальше.

Над мертвой водой цвета металла летела Химера, но она не решилась приблизиться к кораблю с черными парусами. Увидев ангелов, белая тень устремилась за ними.

А тем временем на "Диаманте" Харун подозвал Странника, Хедина и Айлана. Они о чем-то советовались, Ярош видел это, но не подходил, чувствовал, что может оказаться лишним. Ответы Странника были короткие и в основном утвердительные, Хедин и Айлан пока внимательно слуша-

ли предложения давнего. Тогда Хедин покачал головой, не соглашаясь. Харун умолк, теперь говорил юный чародей, и другие прислушивались к его словам, иногда Айлан дополнял замысел своими предложениями.

Соколу так хотелось услышать, что именно они говорят, но его не звали в этот круг. И не только его. Ярош огляделся и увидел, что еще трое наблюдают за разговором, – Юран, Феникс и Ричард стояли не рядом, но одинаково старались угадать, о чем разговаривают собранные давним на совет. Все трое владеют чародейством, но их не выбрали, и в любопытных взглядах читается обида.

Харун соединил руки, его ладони осветились призрачным сиянием, что-то оно рисовало, понятное только тем, кому предназначалось. Хедин и Айлан кивнули в знак согласия и понимания, Странник тоже не возражал. Призрачное сияние над ладонями давнего угасло.

Четверо разошлись по кораблю. Странник пошел к грот-мачте, Хедин и Айлан направились на нос корабля и остановились неподалеку друг от друга. Харун подошел к Ярошу.

– Мы попробует защитить корабль, хотя бы временно, – сказал давний. – Постарайтесь нам не мешать и отойдите от бортов.

Ярош не ответил, но и говорить вслух не было нужды – Харун понимал, о чем сейчас думает пиратский капитан. Давний поднялся на капитанский мостик, его трое помощников стали так, чтобы каждый видел лица всех других. Они

безмолвно читали общее заклинание, вероятно, поведенное им огненным сиянием, и с каждым мгновением воздух вибрировал сильнее, откликаясь на отзвук не промолвленных слов, усиленных эхом других голосов.

Покачнулся уставший Юран, восхищенно ахнула Феникс. Она тоже чувствовала, как умножается сила общего заклинания. Это несказанно прекрасно – быть частью таких чар, когда становишься миром, а мир становится тобой, пусть и на несколько мгновений, кажущихся длиннее жизни.

Странник коснулся мачты, его пальцы едва заметно светились, заскрипели паруса, наполняясь свежим ветром. Хедин и Айлан, глядя друг другу в глаза, одновременно сделали движение руками, и ощущение вибрации выросло в разы, было больно дышать и невозможно пошевелиться.

Но Харун почему-то мешкал... Наконец-то через несколько секунд, показавшихся слишком долгими, он осторожно положил руку на штурвал, заканчивая защитное заклинание. Серебряными искрами сыпнуло от этого прикосновения.

Искры, подобные летающим с крыльев феи, осыпались с парусов и веревок, неповторимыми узорами раскрашивали дерево бортов и мачт. Ричард, неосторожно положивший руку на фальшборт, отпрянул, словно холодные искры обожгли его.

Огоньки заклинания быстро гасли, и лишь упавшие в воду еще долго светились в глубине синими звездочками, рассеянными подводными течениями. Море с радостью прини-

мало такое чародейство без кровавых жертв.

Харун спустился к Ярошу.

– Мы сделали то, что могли, – сказал давний. – Хотя такая защита не прочная, ведь мы очень разные, и наши мысли и стремления не совпадают. Защита ослабевает и рассыплется, если на корабле начнутся ссоры или кто-то будет жалеть о своем присутствии на борту, либо хотя бы мысленно предаст.

Он грустно посмотрел на бесчувственную Марен, которую Зорин и Киш не оставляли одну, все еще пытаюсь привести в сознание. Почти все другие уже ушли, невольно стремясь держаться подальше от стародавних чар.

– Море защитило Марен, вмешавшись дождем в колдовство, оплетавшее город, но ее раны глубоки. Ты не видишь их, пиратский капитан, я же чувствую, что она умирает. Я не могу помочь Марен, но кое-кто из давнего народа может. Попроси ее, Ярош.

Ярош посмотрел на Мать, одиноко стоящую неподалеку от Странника.

– А если она откажется и... Неужели Марен умрет? Ее же называют воплощением смерти. Разве люди перестанут уходить из жизни?

– Ни при каких обстоятельствах. Люди многих так называют. К избранной имперской гвардии она не могла прикоснуться без особого позволения. Ее место займет тот, кто покорится Императору.

Мать приблизилась к Ярошу и Харуну.

– Я слышала, о чем вы говорили, – властно сказала она. – Что рождается – умирает. Также могла уйти и я, чтобы возродиться в другом обличье. Но если уйдет она – не вернется. Сам понимаешь, Ярош Сокол, сколько на Марен невинной крови. Но я все же попробую помочь, капитан, ибо ты не оставил меня в беде.

В ней чувствовалась такая власть и могущество, что даже Харун был готов подчиниться темноволосой женщине с необыкновенными глазами.

– Что мы должны делать? – спросил Ярош.

– Вы – ничего, – тусклая улыбка глядящей в глубину себя, ищущей там ответ. – Оставьте палубу. Здесь будут только избранные мной.

Мать выбрала пятерых женщин: Катерину, Итану, Зорин, Ирину и Герду. Всех, в ком если и было чародейство, то неявное, не такое, как в Тайре или Киш. Женщины стали в круг, взявшись за руки, а сама Мать опустилась на колени подле Марен. Голос ее был тихий и проникновенный.

– Что рождается, то умирает, что приходит, уходит также. За предел ступив, вернуться можно, но уже другим, не таким, как ушел туда. Возвращайся и ты, если желаешь того, а не хочешь, оставайся во тьме. Я даю, а ты забираешь. Я плету – разрываешь ты. Но одной нитью связаны все, нашедшие путь сюда.

Удивительно было смотреть, как защитница рода людско-

го зовет из небытия ту, что может оборвать жизнь одним прикосновением. Зовет, даря новую жизнь, возвращая утраченную судьбу. Не стало ни времени, ни ветра, ничего, кроме круга, а в нем двоих. Мать положила ладонь на грудь, спрятанную под темными одеждами, возвращая бесчувственной дыхание. А потом встала, снимая с Марен плащ с капюшоном. В ее руках смятый плащ превратился в ворона, что тоже когда-то был чьей-то жизнью и жертвой во имя могущества и почти безграничной власти.

Никто из стоящих в том круге не забудет чувства свободы, объявшее всех, когда черная птица исчезла в темноте.

На скале светился огонек, мигая, как маяк. Берн и Макс взяли не совсем правильное направление, приблизившись к берегу. Но это было не страшно, ведь Элигерский порт остался позади.

Освещенная пламенем, Феникс стояла на палубе рядом с Ярошем. Почти все остальные уснули.

– Я понимаю, что они говорят, Ярош, – наблюдая за маяком, сказала черноволосая красавица.

– И что? – Яроша сейчас больше интересовала Феникс, нежели сигналы с берега.

– Заберите... нас... у нас... ваша... карта... – по слову произнесла она, и с радостью обернулась к капитану. – Карта, Ярош! Понимаешь?

– А если это ловушка? – Ярош так устал, что не мог верить своим предчувствиям.

– Я проверю.

– Нет, Феникс...

Но она уже превратилась в огненную птицу и сделала круг, долетев до берега.

– Это не ловушка, – сказала Феникс, превращаясь в человека. – Их трое. У мальчика на ладони пламя. Жизнь возвращается даже в земли, подчинившиеся Императору.

– Но не в столицу, – вздохнул Ярош. – И ненадолго. Я отправлю за ними лодку. Такой огонь на счастье.

И Ярош улыбнулся. Спокойно и вольно. Сегодня он заснет

без кошмаров о прошлом и будущем, а завтра они будут в открытом море. Очень мало кораблей способны догнать "Диаманту". И все эти корабли пиратские.

Море больше не казалось похороненным под мертвым металлическим саркофагом. А звезды сияли ярко, как всегда сияют звезды, когда начинается опасное приключение.

Глава 8

Встречи и утраты

Ирина встречала утро, стоя на носу корабля. Волны зеленели в солнечных лучах: сбывалась мечта, так долго преследовавшая ее во снах. Ласковые рассветные волны, на которые хочется ступить и идти до самого горизонта...

Море было щедрым на попутный ветер для корабля с черными парусами, незамутненная гладь стелилась под килем. Чего еще желать?..

Но мир не царил на палубе. С появлением Ричарда команда словно разделилась на два лагеря. Яроша многие называли капитаном, но были еще не решившие, к кому присоединиться, или просто хотевшие остаться в стороне.

Например, Ян и Константин, недовольные и даже напуганные присутствием на корабле вампирши и других странных людей, которые могли превращаться в зверей и птиц. Они не подружились, но общие чувства и стремления, на де-

ле оказавшиеся самообманом, заставляли их держаться вместе. Вот и сейчас эти двое сидели на бочках, размышляя, как быть дальше.

– Зря я сюда полез, – жаловался школьный учитель Константин. – Героем себя почувствовать захотелось, мир увидеть, в чужих странах погостить. На старости лет совсем ум потерял.

– Да ты еще не старый, – засмеялся Ян. – А здесь интересно...

– Интересно! – прикрикнул старший, умудренный опытом учитель. – Слышал, что говорят? В Элигерском порту убили кого-то. Это не игрушки, Ян. Ты хотел стать чародеем, но разве сможешь мучить и убивать ради силы своих заклятий?

Ян не ответил: с такой точки зрения он о чародействе пока не думал.

– Можно мне к вам присоединиться? – возле них остановился Дэниэл.

– Конечно, дружище, – обрадовался Ян, подвинувшись, чтобы на бочке им обоим хватило места. – Мы как раз обсуждаем, правильно ли сделали, что попросились на этот корабль.

И такие разговоры велись не только между ними. Ольга и Виктор тоже беспокоились. Родителей Роксаны не позвали в зачарованный круг, но Катерина неосторожно обмолвилась о стародавних чарах, чем очень напугала Ольгу.

– Это плохо, – в который раз начинала жена Виктора. – Я

не понимаю. Они что-то знают, чего не знаем мы, словно живут в ином мире. То, что они рассказывают об Элигере, гадко и жестоко, но порт же неподалеку от нашего городка. Почему мы почти не видели имперских солдат на наших улицах? Та казнь на площади – первая на моей памяти. А до главного порта за день добраться можно!

– Все это странно, – Виктор не знал, как успокоить жену, его волновала дочка, которая с все возрастающим восхищением говорила с ними об этих необычайных существах, ведь людей в команде была только половина.

– Все, кого капитан привел вчера, – тихо продолжала Ольга, будто сама себе говорила, – печальные и жестокие, словно обреченные, искалеченные... Даже та смуглая красавица, которую с мужем подобрали ночью. Ты видел ее руки?

Виктор покачал головой, он не видел, когда Эсмин поднялась на борт.

Айлан и Олег обнажили оружие. Олег с улыбкой напал первым. Айлан легко отразил удар.

– Привет, друг, – поздоровался он.

– Привет, Айлан!

Второй удар был более удачный, но Айлан уклонился и напал сам. Не помогло: Олег тоже был мастером.

– Кто притворяется стражем, тот нарушает закон, того ждут страшные мучения.

– Пусть сначала поймают! – рассмеялся Айлан. – А ты по-

чему на пиратском корабле, Олег?

– Скучно с бумагами, а не с ветром знаться, – вернул ему смех товарищ.

Услышав звон клинков, к ним сбежались почти все новоиспеченные пираты. Но Олег и Айлан сражались, не пытаясь ранить друг друга. Возле Яроша встали Хедин и Ричард.

– Давно не видел этот ритуал, – Хедин зачарованно наблюдал за поединком: оба не уступали в мастерстве.

– Ритуал? – переспросил Ярош.

– Да. Когда друзья долго не видятся, проверяют, кто чему успел научиться.

Блеснуло под пальцами Айлана, и Олег выпустил оружие. Хедин заплодировал.

– Не честно, – поднимая короткий меч, обиделся Олег. – Ты знал, что чары мне так и не зачли.

– Все честно, – Айлан обнял товарища.

Но заклятье, которым он воспользовался, было во много раз слабее того, что наколдовал Хедин, когда убегал от имперских солдат.

К друзьям подошла Эсмин. Маленькая, хрупкая, похожая на стебелек, который легко сломать, – она шла, будто танцевала. Лишь драгоценных браслетов не хватало на ее руках и ногах, и шелковых разноцветных одежд, что так к лицу Бар-Тиранским танцовщицам.

– Где так хорошо драться научились, ребята? – крикнул Ярош.

Оба оглянулись, на их лицах светились улыбки.

– За счет Императора, – ответил Олег.

Рита сидела под мачтой, гладила черного щенка.

– Привет, – на доски упала Роксана. – Меня Роксаной зовут. А тебя?

Рита не ответила, в ее глазах дрожали слезы. Роксане это очень не понравилось. Она взяла новенькую за руку.

– Ты чего? Пойдем к Полине и Юрчику, они уже почти уговорили фею, чтобы с нами играла...

Но она не договорила: Рита не смогла сдержать слезу, грязную щеку прочертила мокрая дорожка.

– Как ты можешь шутить, когда его убили? – сдавленно промолвила светловолосая.

– Кого убили? – Роксана посерьезнела: когда Ярош рассказывал про Элигерский плен, родители прогнали ее от старших, потому что еще не доросла до таких разговоров.

– Михаила. Моего друга. Только щенка его я забрала... – казалось, что от этих слов Рите становится легче, но легкость эта обманчива.

Нужно было что-то делать, и Роксана не придумала ничего лучше, чем спросить:

– А как песика зовут?

– Песика? Это он?

– А ты не видишь?

Рита невольно улыбнулась.

– Я не смотрела.

– Так как зовут?

– Не знаю. Михаил его не назвал.

– А назови его ты! – Роксана рисковала, и она знала об этом. – Назови Михаилом, – девочка наклонилась к светло-волосой и прошептала, словно намеревалась сообщить ей самую большую тайну: – Тогда он, Михаил, будет всегда с тобой. В глазах этого песика.

К ним на полусогнутых подкрался Сириус, который был крупнее, чем маленький пес. Черный щенок понюхал его и дружелюбно завилал коротким хвостом.

– Гляди, они уже познакомились, – радостно заметила Роксана. – Так как тебя зовут?

– Отстань, – Рита отвернулась.

Роксана встала.

– Что мне сделать, чтобы ты мне поверила?

– А я тебе и так верю. Отстань, – безразлично, только чтобы ее оставили в покое, но именно это и было бы самой большой ошибкой: еще шаг в этом отчаянии, и симпатичную девочку никто не вернет.

Роксана знала, как это бывает, она видела, как менялись люди, живущие по соседству. Гордые, свободные, любознательные, которые могли весь вечер рассказывать о далеких землях и битвах с вражескими армадами, а на рассвете часто выходили встречать солнце, выплывающее из-за моря. Но потом все они осунулись, постарели, и вместо дерзкого

света в их ясных глазах угнездилась пустота, и они тоже не хотели, чтобы их обременяли любопытством или помощью.

– Вставай! – Роксана дернула Риту за одежду, заставляя подняться.

– Ты чего?! – рассердилась: хорошо, хоть какие-то чувства.

– Кто был тебе тот Михаил?

– Он меня пожалел...

– А ты его отпустить не хочешь!

– Его убили на моих глазах!

Казалось, Рита способна ударить эту надоедливую девчонку и убежать подальше.

– Полезли на мачту?

– Что? – ошалела от такого поворота Рита. – Куда?

– На мачту, – Роксана не шутила.

– Сама и лезь, – у Риты снова изменился голос, теперь в нем проклюнулось потаенное желание мести, кому угодно и не понятно за что.

– А если я полезу, ты мне свое имя скажешь? – у Роксаны внутри похолодело от спокойного голоса светловолосой.

– Скажу, – улыбнулась Рита.

Но словно не она сама, а скрытое чувство говорило ее голосом: как же она желала, чтобы надоедливая девчонка свалилась на палубу!

– Ты пообещала – я полезла.

Роксана в мгновение ока оказалась на вантах и, не глядя

вниз, полезла. Даже глаза зажмурила, полагаясь на тело.

– Сдурела? Ты разобьешься!

Когда Роксана оказалась достаточно высоко, чувство глупой мести оставило Риту, уступив место страху перед тем, что натворила. Дочка Виктора и Ольги глянула вниз, голова закружилась, и девочка чуть не сорвалась. Корабль качало.

– Я залезу, – сквозь зубы проговорила Роксана, пальцы онемели, руки вспотели. – Я сказала, что залезу, значит залезу.

Уверенности стало больше, когда Макс, сидящий в вороньем гнезде, помог ей.

– И что ты удумала? – совсем не ругаясь, спросит мужчина.

– Флаг повесить. У нашего корабля флага нет, – отдышавшись, заверила Роксана и сняла свой красный платок.

Макс молча смотрел, как она привязывает красную ткань, отдавая ее во власть ветра.

– А теперь слазь, и вниз не смотри, – без шуток посоветовал Макс. – Там тебя уже разозленные родители ждут.

Слезать было тяжелее, хоть и не так страшно, корабль качало меньше, и словно чувствовалась чья-то незримая поддержка. Внизу девочку ждали не только родители, а и Ярош, которого привела Рита. Как только Роксана оказалась на палубе, Ольга залепила дочери пощечину.

– И это только начало, – предупредил Виктор.

Их обоих трясло от пережитого.

– А если бы ты упала? – Ольга замахнулась еще раз: Роксана, ощущающая свою вину, даже не отвернулась.

Но Ярош перехватил руку Ольги.

– С кем не бывает. Она достаточно наказана.

– Не ты ее отец! – бросил Виктор, он явно не соглашался, что пощечина, алеющая на щеке его дочери, – достаточная плата за испорченные родительские нервы.

– Я ее капитан, – отрезал Ярош и сурово посмотрел на Роксану. – Почему красный?

– А разве не это цвет пиратского флага? – спокойствие возвращалось к ней.

– Да. Но красный флаг поднимают перед боем, показывая, что будут драться до смерти.

– А разве после всего, что случилось, наша жизнь – не бой?

– Хватит, Роксана, идем с нами, – Виктору очень не нравился этот разговор. – Ты наказана. Будешь нам помогать на кухне.

Роксана, опустив глаза, пошла с родителями, поэтому не видела, что Макс отвязал ее платок. Не место ему там сейчас, все же до боя, возможно, и далеко...

Светловолосая нагнала девочку, когда та спускалась по трапу.

– Меня Ритой зовут, – улыбнулась она. – Мы с Михаилом будем ждать тебя.

Роксана благодарно улыбнулась, но отец толкнул ее, что-

бы шла скорее.

– Долго будешь ждать, Рита, – пообещал Виктор.

Когда уже смерклось, Хедин приблизился к Эсмин, наблюдающей, как ярко-розовое небо напитывается красок ночи. Женщина была настолько очарована этим зрелищем, что не сразу заметила присутствие парня.

Хедин схватил ее за руку, сорвал ткань, которой она заматывала ладонь. Даже в сумерках можно было разглядеть жуткие шрамы.

– А-а, от пыток колдовством, – женщина попробовала высвободиться, но Хедин не отпускал. – Рассказать тебе о каждом часе твоего плена?

– Оставь ее! – рука Олега лежала на рукояти оружия.

– А я ее не обижал. Это же правда, разве нет?

Но Олег его словно не слышал.

– Лучше отойди, – предупредил мужчина.

– А если нет? Что мне сделает трус, предавший министра?

Олег выхватил короткий меч, но и глаза Хедина полыхнули чарами. Лезвие остановилось возле шеи молодого колдуна, а пальцы Хедина – направленными в сердце Олега. Оба успеют.

– Что здесь происходит? – вместе с Ярошем прибежали Ричард и Айлан.

– Кажется, твои драчуны едва не поубивали друг друга, – Ричард видел, как гаснет заклятье в серых глазах кудрявого

парня.

Олег с неохотой опустил меч.

– Он оскорбил мою жену, – в голосе Олега поднимались волны ненависти.

– А пусть она расскажет, как живой вышла из Имперского подземелья, – Хедин с презрением обвел их взглядом. – Это не та тюрьма в Элигере, откуда вытащили тебя, Ярош.

– Эсмин? – Ярош смотрел только на женщину.

Не поднимая взгляд, Эсмин ответила:

– Я была танцовщицей, радовалась жизни, пока не стала добычей завоевателей. Так я из Бар-Тираны попала в столицу Империи. Я не хотела подчиняться, ибо мои танцы не для имперских прислужников. За это меня бросили в подземелье. Он прав, это шрамы от чар, – она погрузилась в воспоминания. – Олег влюбился в меня с первого взгляда. Он замолвил за меня слово перед министром Феофаном, – Эсмин посмотрела на своего мужа, все еще пылающего ненавистью, и на Хедина, с уважением кивнувшего ей. – Чародей не оскорбил меня. Но пусть эта тайна будет моей.

– У каждого на этом корабле есть тайны, – Ярош говорил это больше не для Эсмин, а для Хедина. – Не нужно открывать их насильно.

Хедин высокомерно усмехнулся. Знал ли он о тех воспоминаниях, которые Марен, Киш и Зорин открыли Ярошу?..

– Айлан, расскажи мне об Имперской Звездной школе, – попросил Ярош, когда ушли Ричард и Хедин.

Айлан куда-то подевал сумку с пуговицами-звездочками и синюю одежду почтальона, оставшись в кожаных штанах и белой рубашке. Сквозь распущенный ворот проглядывало ожерелье из коричнево-красных камешков.

– Ты спрашиваешь об Имперской школе, а хочешь спросить о Хедине, – уточнил Айлан. – Учился ли он вместе со мной?

– Правильно. Он знал о вашем приветствии и узнал заклятье, которым ты воспользовался.

– Ему многое ведомо об имперских обычаях, даже о тех, что старательно скрываются. Но я тебя разочарую. Мы не встречались раньше. Он старше, чем кажется, но моложе меня. Ему где-то двадцать пять, возможно, двадцать семь. Таких, как он, начинают замечать еще в первые годы. Хедин пришел в школу уже тогда, когда я ее закончил.

– Ты говоришь: таких, как он. О чем ты?

Айлан помолчал, прежде чем ответить.

– Понимаешь, Ярош, на учебу свозят много детей. Там их заводят в большой зал, и учителя выбирают среди них самых умных, способных, талантливых. Кто кого найдет, тот и будет опекуном ребенку на десять лет обучения.

– А все другие?

– Другие становятся солдатами Империи, ее верными слу-

гами, которые не могут послушаться приказа, у кого нет воли и души. Они редко доживают до возраста Ричарда. Каждый избранный ребенок получает новое Имя, забывая старое. Это гарантия, что они будут верны Империи. Пока ребенок не откликается на Имя, данное настоящими родителями, он предан. А как только почувствует, что первое Имя ему ближе, знай – в его сердце поселилась измена. Учителям очень легко проверять, верен ли ребенок, или нет, и потом, после окончания, тоже. Только нужно знать об этом обряде. Айлан – мое первое Имя. Олегом называли моего друга родители. Но я вспомнил свое Имя, еще не окончив школу, а Олег успел дослужиться до помощника министра.

– Думаю, Хедина в детстве так не называли, – криво усмехнулся Ярош.

– Уверен. Но он учился в Имперской школе. Если правда, что Хедин может снимать звезды с неба...

– Это правда. Я сам видел, как умирает звезда в его ладонях.

Айлан задумался.

– Имперская школа называется "Звездной", потому что судьбы ее выпускников освещают самые яркие звезды. Там детей учат отдавать приказы, властвовать над многими, жертвуя и собой, и другими, не склоняясь ни перед кем, кроме Императора. Способных к чародейству учат и чарам. Но мало кто оказывается настолько сильным, что его посвящают в то, как можно снять звезду с неба. Это происходит пе-

ред самым выпуском. Из моего года выбрали только одну девушку, из предыдущего – никого. Лишь там можно получить ключ от этого заклатья, ибо эта тайна оберегается очень строго.

– И ученик предан своему учителю?

– Всем естеством. Учитель – второй после Императора. Эти связи редко разрываются и после выпуска.

Айлан умолк, и Ярош задумался, еще не решив, насколько доверяет этому чародею, сумевшему его разыскать.

– В вашей школе был учитель с татуированным деревом на спине? – подумав, спросил Сокол.

– Она уже не моя, – усмехнулся Айлан. – Я много законов нарушил. Даже выдал себя за нелюдя, разносящего письма, которые нельзя перехватить. Если бы это стало известно, меня бы сразу казнили. Хотя нелюдям путешествовать легче, чем людям...

– Хотел быть стражем на границе, Айлан? – в серых глазах Яроша в это мгновение клубился мрак, словно в глубинах темного моря. – Нелегко стоять на границе... А почтальоны, о которых ты говоришь, – лишь одно из их обличий.

– Стражи – легенда, – чародей смотрел на воду, а не на капитана. – Древняя легенда, но некоторые чары прошлого дошли и до нас. Теперешние нелюди – не стражи, но брать часть чужой жизни себе могут. Тогда я не думал, что это плохо: всегда чем-то платишь, – он глубоко вздохнул, подчиняя свои чувства. – Но да, Ярош, был в школе такой учитель –

Гайяр. Мы не любили его: Гайяр был одним из самых жестоких преподавателей, а его ученики – слишком надменными и независимыми от всей школы. В точности, как наш Хедин.

– А если бы я сказал, что тот учитель предал Империю?

– Я бы в это не поверил, – рассмеялся Айлан. – Наверное, не было вернее сына Империи, чем Гайяр.

Ярош не решился рассказать Айлану, что тот учитель все-таки предал то, во что верил, и что министр Феофан поспешно казнил его, чтобы не везти в столицу Империи и не разрушать авторитет лучшей в мире школы.

На палубе танцевала тень. Поблескивало в лунном свете оружие. И не узнать в ней Киш, недавно стоявшую на площади вместе с осужденными на казнь.

– С кем она сражается? – спросил Ярош, хотя и сам знал, с кем идет безмолвный поединок.

– С прошлым, – тихо ответил Айлан. – И она победит прошлое. Как нужно одолеть минувшее почти всем на этом корабле.

– Я знаю, – кивнул Ярош и посмотрел на собеседника. – А ты, Айлан, больше ничего не хочешь мне рассказать о своем прошлом? Не нужно быть чародеем, чтобы чувствовать боль и сомнения других.

Айлан отвел взгляд.

– Жаль, что чувствовать настоящее предательство так и не научились... – он смотрел на море, темное и бескрайнее. – Когда я попрощался с давней, указавшей мне, где живет Фе-

никс, то случайно встретил двух человек – Михаила и девочку Риту. Они были необычные, хотя и не подозревали об этом. Я не мог оставить их самих в опасности, а опасность ощущалась на каждом шагу. И я едва не погубил их обоих.

Тот, кого я считал другом, был предателем. Мы слишком долго не виделись, и многое изменилось, а я не знал... Михаила застрелили, не пожалели б и Риту, а я сейчас в кандалах направлялся бы к столице, ведь по имперскому закону я преступник и неоднократно заслужил смерть. Но нас спасла Марен.

Она встала между нами и советником Императора и, не жалея жизни, сражалась за нас. Я не верил своим глазам: она – враг, безжалостный и неумолимый. Я видел ее в столице и знаю, кто она. Но Марен нас защитила, чужих и не таких уж и нужных, и убила предателя.

– Нужных, если Харун выбрал тебя для заклинания, чтобы защищать корабль, – усмехнулся Ярош.

– Давние, – тихо откликнулся Айлан. – Никому точно не известно, что у них на уме. Они слишком долго живут. Но не это поразило меня больше всего. Марен была тяжело ранена в поединке, и вы все, а не только давние, не задумываясь, бросились помогать ей. Хотя Марен многие годы была вашим злейшим врагом. Пока я путешествовал по миру, думая, что понимаю и знаю его, оказалось, что мир меняется слишком быстро, и я уже ничего не могу сказать о нем с полной уверенностью. А ты, Ярош? Ты тоже чувствуешь,

как меняется мир?

Ярош не ответил.

Лунный свет сверкал на клинке Киш, будто отблески из прошлого. Да не каждый отблеск – серебряный. Многие были кровавыми... И не только в прошлом...

Не одной жизни было суждено оборваться той ночью в Элигере. А защитников для всех никогда не хватало...

Химера шла по полутемному коридору с факелами на стенах, ломая два черных пера, отливающие серебром угасающей любви. Ломала, как две жизни, соединившиеся в одну.

Глава 9

Пленники "Астагора"

Ветер был попутным второй день, хотя на волнах появились слабые белые гребешки, и не слепило солнце, затуманенное сероватым маревом.

Странник и Ярош стояли на капитанском мостике.

– Расскажи мне, капитан, что случилось с тобой в городе со звериными глазами, – попросил давний. – Все болтают об этом, а я не люблю сплетни.

К щекам давнего успел пристать загар. Ветер растрепал кудрявые волосы, а солнце облущило нос, он больше не был похож на древнее бессмертное существо со странной судьбой и скрытым прошлым. Но и ребенком не казался тоже. Ему хотелось доверять или хотя бы довериться.

Ярош не смотрел на Странника, в глазах пирата отражалась вода, разрезаемая кораблем.

– Я еще помню те времена, когда все моря принадлежали пиратам, а торговцы боялись нас пуще шторма. Совсем недавно это было, а кажется, много жизней назад. А потом проснулся Дух Империи, открыл глаза – и все изменилось. Море больше не говорило с пиратами, чаще даря попутный ветер судам Империи. Но и сам он боялся пиратского нрава, ибо мы слишком отчаянные и дерзкие. Нас можно купить

или запугать ненадолго – но это временная власть.

Мы свободны. В наших сердцах – ветер, в крови – море, а в глазах – и отблески волн, и отсветы пожаров. Мы не боимся смерти, и поэтому она говорит с нами, как с равными, и даже может сражаться плечом к плечу, если захочет. Мы свободны, а души слуг Империи – рабские. Только их много, а пиратские капитаны часто набирают команду из одиночек, иногда забирая их у погибели.

Странник оглянулся: на них смотрела Киш, но она стояла далеко и не могла слышать, что говорит Ярош. А капитан продолжал, ничего не замечая.

– И когда пиратских кораблей почти не осталось, некоторые пираты ушли в города, принося их жителям таинственный отблеск моря в собственных глазах. Стоило одному пиратскому капитану поселиться в городе, где уже ходили имперские деньги, и город изменялся: игры детей требовали смелости и дружбы, в семьях влюбленных рождались чародеи. Единороги ходили по улицам, и девушки заплетали белые гривы волшебных животных в пышные косы, украшая их цветами. Фениксы и драконы соперничали в мастерстве полета, расцветившая ночное небо фейерверками. Мир становился другим, стоило одному пирату просто появиться в припортовом городке, и пока капитан был жив, деньги Империи теряли в тех землях ценность.

– Так было и с нами, духами мира, – печально подтвердил давний. – И с чародеями, на чьих ладонях живет огонь, и с

самими драконами.

– Я знаю об этом, – голос Яроша стал твердым, хотя его воспоминания могли поселить в душе только отчаяние. – Но нам было мало небольших припортовых городков. Мы хотели, чтобы единороги ходили и по широким проспектам имперской столицы, – он умолк на мгновение, собираясь с силами. – Достаточно одного пирата, чтобы жизнь вернулась в небольшой городок. Мы пошли в столицу вдевятером. Вернулись только трое: я, Феникс и капитан "Ворона". Мы дорого заплатили за побег. А глаза Духа Империи засияли еще ярче.

Он замолчал. Странник положил свою детскую ладонь на загрубевшую руку пирата. Он должен был знать, что случилось тогда в ужасной живой столице.

– А твои побратимы? – жестокий вопрос, но такой необходимый.

– Эдвард мечтал о бессмертии, – тоже без чувств, только воспоминания, живые болью. – Он получил вечную жизнь, теперь его статуя стоит на главной площади столицы. Черная мертвая статуя, укрытая серой пылью, – один из символов Империи. Джонатана поставили стеречь город, который мы любили: он заманивает в ловушку людей, чьи глаза могут осветиться морем, и они гибнут. Я был там не так давно, видел его, он почти не помнит своего прошлого, но меня вспомнил. Я сам едва не стал частью проклятья той земли...

Серые глаза Яроша потемнели от гнева и боли воспоминаний.

наний.

– Нас заставили смотреть, как Мариан, самая младшая из тех, кто пошел в столицу, присягает Императору и садится подле его ног в тронном зале... Что случилось с ней потом, мне не ведомо. Линт вступил в Имперское войско, где-то в чужой земле он и погиб, у него даже могилы нет. Моря Линт больше не видел с того дня, но он бы и не смог увидеть море, ибо, присягнув Императору, ослеп, видя только то, на что укажет командир.

– А еще двое, капитан? Что случилось с ними? – Странник не смог скрыть свою заинтересованность рассказом.

– О дальнейшей судьбе Ажи де Сентана я не знаю... – Ярош помедлил с ответом. – А самый отважный – Кристофер – остался в заточении, не согласившись на условия Империи. Но тюрьма эта была закрыта не решеткой, а ужасными видениями, сводящими его с ума. Мы стали тем, с чем боролись, мы присягнули врагам на верность или сбежали, устранившись новых пыток. Бессмысленно противостоять такой силе. Но если ты пират, то и один будешь сражаться с целым миром. Я отступил... Жалею...

Странник видел, как тяжело Ярошу вспоминать, но завтра пиратский капитан точно больше ничего не расскажет, и давний решил спросить о самом главном:

– Вы стремились убить Императора?

Ярош криво усмехнулся.

– Говорят, у Императора нет Имени и нет души. Беспо-

лезно убивать того, на чье место придет еще худший. Пока сияют жизнью глаза Духа Империи, Император будет его наместником. А погасить эти глаза невозможно.

– Все рожденное может умереть, – повторил Странник слова вампириши Магды. – Ты просто не знаешь, как добиться этого, Ярош.

Киш подошла к ним.

– Капитан, тебя хочет видеть граф, – сказала она, улыбувшись Страннику.

– Пусть сам придет, – пробурчал Ярош, тоже улыбаясь давнему, ведь мало кому удавалось его околдовать, заставив честно отвечать на вопросы.

– Но ты сам запретил Ричарду подниматься сюда, – удивленно напомнила колдунья, но Сокол только усмехнулся.

– Пусть соберутся все. Я знаю, о чем хочет говорить граф Элигерский.

Киш кивнула, оставляя их.

– Ярош, – покачал головой Странник. – Я и раньше говорил: не нравится мне все это. Граф кичится своими колдовскими умениями. Мы почти все можем колдовать. Тайра, Хедин, принц Юран, Айлан, когда-то служивший Империи, с Марен и Харуном вообще тяжело в чарах сравниться. Но никто из нас не выставляет свой талант напоказ, кроме него. Не доверяй графу, Ярош.

– Успокойся, дружище, – капитан похлопал Странника по плечу. – Я пират, а он больше нет.

На палубе уже собралась вся команда, ждали только их. Ричард усмехался, Козырь и Меченый над чем-то ржали. Все же остальные были, на удивление, серьезны, не радовалась даже Роксана, которую родители простили и отпустили к новой подруге.

Ярош спустился к своей команде.

Море било водой в борта корабля с черными парусами, но сквозь шум разбитых волн слышались голоса.

– Ярош, пора выбирать шкипера. Будет справедливо, если им станет пират, у которого опыта больше, чем у других.

– Ричард, у меня уже есть шкипер, настоящий принц. И не советую тебе колдовать. Когда ты был капитаном, за тобой не замечали колдовских умений. Или это тоже награда за послушание, идущая вместе с награбленным богатством?

– Не твое дело, Сокол, где я научился чародейству. Тебя не было на моем корабле.

– Я в то время был капитаном "Диаманты", граф. И мы уже тогда наслушались о подвигах грозы торговцев. Ты хоть раз столкнулся с пиратом? Или резать торговцев проще?

– Не нарывайся, Сокол. Я не буду драться с тобой. Ты проиграешь, а твой корабль может не принять другого капитана. Покажи-ка мне лучше карту. Она не проявилась, верно? Даже волшебный огонек с ладони паренька не помог ожить рисунку. Не лучше ли изменить курс и отправиться грабить торговцев?

Несколько одобрительных выкриков поддержали его.

– Граф, жадность не доводит пиратов до добра. Оставь торгашей в покое. Или пиратская удасть тебе и раньше не была знакома? Карта проявится, когда мы найдем всех, кого ищем.

В воде отражались тени людей, стоящих на палубе.

– Тогда ищи их сам, Сокол! – оскалился граф. – Без нас!

– Хорошо, – спокойно ответил капитан. – Выбирай безлюдный остров, я тебя там высажу. И всех, кто захочет присоединиться к тебе.

– Не горячись, Ярош, – тень графа отступила, за колдуном осталась стоять только горстка его друзей, все остальные перешли к капитану "Диаманты". – Ты же пират. У нас общий флаг.

– И ты помни, что ты пират, а не торгош.

Голоса исчезали, утонув в шелесте волн о корму, но вода запомнила этот разговор.

– Слышишь, о чем граф говорит? – спросила Зорин у Итаны, когда они проходили мимо группы товарищей Ричарда, которых теперь многие из команды обходили стороной.

– Слышу, у них все истории подобные: они хорошо знают, как кого-то обмануть или заставить служить своей воле, что счастье можно украсть и спрятать, чтобы украденное человек до смерти не нашел, – Итана отбросила со лба прядь, ее светлые волосы быстро выгорели на солнце. – Когда здесь

появился граф, мои карты замолчали.

Козырь пусто рассмеялся.

– Кажется, они не выдумывают, – Зорин смотрела на компанию, никогда не устающую хохотать, только Лаура стыдливо улыбалась, словно ей было не по себе оттого, что она находится в таком обществе.

– И Магда, вампирша, то же самое говорит. Предупредить бы капитана.

– Он знает. Но Ярош им обещал, а они еще ничего такого не сделали, чтобы давало повод это обещание взять назад.

– К сожалению, – вздохнула гадалка, они обе жалели, что Ричард чересчур осторожен.

– Лови ее!

По палубе носились Юрий, Полина, Рита и Роксана. Они пытались поймать фею, но им доставалась лишь разноцветная пыль, играющая зачарованными огнями на одежде и в волосах. Дети весело смеялись, толкаясь. Верно, еще никогда на пиратском корабле так не забавлялись.

– Лодка по правому борту! – с мачты крикнула Катерина.

Роксана и ей раздобыла коричнево-красный платок. Надев пиратскую одежду, Катерина помолодела лет на двадцать, словно ей было суждено находиться на борту пиратского корабля еще до рождения, а теперь это наконец-то случилось.

Итана и Зорин подбежали к фальшборту, но увидели не лодку, а только ее обломок. За деревяшку цеплялась женщи-

на, и силы ее оставляли.

Море откликнулось всплеском: Дельфин и Айлан прыгнули в воду.

Когда женщину подняли на борт, возле нее сразу очутились Ирина и Эсмин, чтобы помочь. Тайра принесла одеяло, а Киш напоила душистым чаем. И только когда спасенная перестала дрожать, капитан спросил, что случилось. Женщина охотно рассказала.

– Мы вышли в море развлечься. Муж купил маленькую яхту, чтобы приглашать гостей. Мы так замечательно веселились всю ночь, напились в дым, а утром на горизонте появился тот страшный корабль с порванными парусами, – она вздрогнула, массивный платиновый перстень звякнул об кружку. – Они напали на нас. Мы еще не протрезвели, и не сразу смекнули, что все на самом деле. Но когда мачта упала на сына моей сестры, испугались не по-детски. Сестра тоже потом погибла, ее застрелили, – женщина была такая же спокойная и ледяная, как ее перстень, но, возможно, она просто еще не осознала произошедшего. – А нас троих – сестру, мужа и меня – забрали на корабль. Наша яхта взорвалась.

Мы просили страшного капитана отпустить нас, я предлагала ему взять наш фамильный перстень, он приносит удачу и даже может от смерти спасти, – было видно, что она гордится своим украшением. – Страшный капитан рассмеялся мне в лицо, сказав, что у него трюмы забиты такими цацками. Он отпустил меня, когда муж согласился стать его мат-

росом. Муж меня любил, а я его – нет. Его любила моя сестра, она поссорилась с чудовищем, и страшный капитан вса-дил ей пулю в сердце.

Мне не было жаль сестру. Я прыгнула за борт, все мне за-видовали, я слышала, муж что-то крикнул, а чудовище захо-хотало. Я уцепилась за обломок лодки с нашей яхты. А по-том вы нашли меня. Фамильный перстень спас мне жизнь, видите? – она заулыбалась.

Ярош молчал: женщина рассказала больше, чем думала.

– Все завидовали? Кто – все? Команда корабля? – уточ-нила Зорин.

– Нет-нет, что вы! – еще шире улыбнулась женщина. – Там были еще люди. Пленники. До нас они, наверное, захватили другой корабль. Большой.

– Я не ошибаюсь?.. Порванные паруса. Страшный капи-тан. Это же... – Феникс сама не верила догадке.

– Корабль мертвых, как его иногда называют, – закончил за нее Ярош и обратился к спасенной: – Давно это было?

– День назад, – подумав, ответила она. – А зачем это вам?

Ярош достал компас, переглянулся с Феникс, кивнувшей в знак поддержки. Стрелка сделала круг, указав направле-ние. Потом еще один, отвечая на новый вопрос, но направ-ление осталось тем же.

Серые глаза Яроша вспыхнули улыбкой, которую дарит только жажда приключений.

– Поднять паруса! – и уже только к Феникс, оставшейся

стоять рядом с ним: – Ветер меняется. Догоним!

Но на сегодня приключения не закончились. В желтом солнечном свете зазолотилась стена, перегораживая море. Странник хотел проверить, что это такое, но Марен остановила его.

– Это ловушка. Ловушка для давнего народа.

– Ты знаешь, что это? – спросил у нее Ярош, тоже глядя на странную преграду. – Я не ошибаюсь?..

– Не ошибаешься, – уголками губ улыбнулась Марен, не давая ему договорить. – Это заклятье. Как и встретившееся тебе в образе белокрылой птицы в приморском городке вблизи главного Элигерского порта. Пока только заклятья и их отзвуки, они ждут предателей и трусов, благодаря кому смогут воплотиться. Защитные чары корабля слабеют.

Солнце забрало бледность давней, сделав намного более человеческой.

– Недобрый знак – встретить этот проклятый корабль. Он построен на сарконских верфях и когда-то давно был флагманом, а капитан "Астагора" – Нордин, безжалостный и жестокосердый человек. Не стоит тебе идти к нему на корабль.

Ярош не ответил.

Над преградой парила птица с янтарными глазами – пока лишь тень от вражеского заклятья. Корабль под черными парусами, наполненными ветром, пробил полупрозрачную стену, истекшую последним солнечным светом.

Настала ночь.

"Диаманта" догнала черный корабль, когда стемнело. Увидев темную глыбу на горизонте, Феникс хотела лететь, но подруга отговорила ее. К страшному капитану переговорщиком отправилась вампирша Магда, заверив, что тьма с тьмой скорее договорится.

Наверное, она была права. На "Астагоре" убрали паруса, будто окутанные живым мраком, и он остановился. Теперь пришел черед Яроша взять на себя роль парламентаря. С ним на лодке поплыли Марен, Юран и, конечно, Феникс.

Нордин и Магда стояли на палубе, глядя, как они поднимаются по веревочному трапу. Здесь ее багрово-красное бархатное убранство было более уместным, чем на "Диаманте". Капитан черного корабля довольно усмехался, но вампиршу это, казалось, совсем не тревожило. Да, он был страшен, но не уродлив: чудовище жило в его мыслях и поступках, а не в чертах лица. Он был иным, вне морали или представлений о добре и зле, и это пугало больше всего.

Одежда проклятого капитана отличалась от пиратской, была темной, изысканной и похожей на ту, какую любят носить чародеи. Сам темноволосый, Нордин, вероятно, считался бы красивым, если бы не ледяные безжалостные глаза, заглядывающие в самое дно сердца.

– Очаровательная красавица сказала, что ты хочешь поговорить со мной, Ярош Сокол, – промолвил капитан "Астагора", когда все его гости оказались на палубе. – Так что тебе

нужно?

Ярош замялся: он пожалел, что осмелился догнать этот корабль, но отступить поздно.

– Я слышал, – немного неуверенно начал пират, – что ты потопил торговое судно и взял много пленных.

– Это не торговое судно, – похвалился Нордин. – На нем были сливки общества и его отбросы, отправившиеся покорять чужие земли. Многие из тех людей нашли новый дом на морском дне. Ты меня осуждаешь, Сокол?

Он прищурился: вопрос был не из теперешнего, а из прошлого, словно часть давно забытой игры, что могла возродиться вместе с легендарным "Астагором". Этот корабль тоже живой, и волей своему капитану не уступает, это не "Диаманта", что любит своего капитана и согласна идти вместе с ним через бурю. Он сам притягивает к себе шторма, в которых гибнут и пиратские, и торговые суда. Этому кораблю не нравится присутствие чужаков и свободных людей – вот в чем его самое большое проклятье.

– Нет-нет, – засмеялся Ярош наперекор воле корабля и собственным чувствам. – Ты поступил, как поступил бы любой пират. Грабить и топить корабли – наше ремесло. Но... не мог бы ты отдать мне нескольких из них... или хотя бы продать?

– Потому что отбить их у меня ты не сможешь, – закончил мысль Яроша Нордин, но пират и бровью не повел, что проклятый капитан не ошибся. – Среди них нет ни одного

пирата, Ярош. Зачем они тебе?

– На "Диаманте" недобор в команде, – соврал Ярош, и Нордин рассмеялся, не дав ему договорить.

– Врешь, Сокол. Ты пропах тайной. Этот запах я хорошо знаю... – проклятый капитан приблизился к Ярошу вплотную, хозяин "Астагора" был выше и величественнее, но пират не отступил. – Зачем тебе помогать этим никчемным людишкам, что будут аплодировать, наблюдая за казнью пирата? Зачем?

Ярош краем глаза видел, как Феникс знаком запрещает ему отвечать на вопрос, но даже маленькая ложь могла погубить их всех. Без правдивого ответа их не отпустит ни этот корабль, ни его капитан.

– Я расскажу тебе, – твердо сказал Ярош Сокол, – но только тебе, а не команде "Астагора".

– Ладно, – усмехнулся Нордин, широким жестом приглашая пирата в каюту.

Они говорили долго, ветер заледенел, а созвездия изменили расположение. Феникс и Юран уже начали беспокоиться, когда два капитана вернулись. Оба довольные, только Ярош очень грустный. Марен видела, что Сокол поспешно прячет карту, она предпочитала не встречаться взглядом с капитаном проклятого корабля.

– Приведите добычу! – приказал Нордин, а Ярош подошел к друзьям.

– У меня не было выбора, – шепотом ответил он на немой

вопрос Феникс. – Иначе мы бы сами тут остались навсегда.

Команда "Астагора" выгнала на палубу пленников. Одни одеты в роскошные одежды, другие – настоящие оборванцы, но всех их объединяло общее чувство: они радовались ветру и звездам, которых могли больше не увидеть.

– Выбирай, Сокол. Но мою цену ты знаешь, – Нордин обернулся к ним.

– Знаю, – тихо подтвердил Ярош, доставая компас.

Стрелка затрепетала. От десятков испуганных глаз, молящих о спасении, хотелось завывать.

– Забери меня, – шепотом молил молодой толстяк по имени Алексей. – Мрак отберет мою душу. Не отдавай меня ему!

Стрелка качнулась, подтверждая, что парень сломается, приняв условия капитана "Астагора", чтобы сохранить жизнь.

– Его, – Ярош вывел первого из ряда.

– И меня... – разрыдалась женщина, стоящая рядом с Алексеем. – Спаси меня!

Но в ее глазах не было даже отблесков моря. Ярош, прикипев взглядом к стрелке, двинулся дальше.

Мысли третьего пленника были устремлены к памяти о тех, кого он оставил на берегу, и ничто новое, будь то борьба за жизнь или жажда приключений, не могли коснуться их. Он даже не посмотрел на пирата.

А потом Ярош встретился с взглядом темноволосой девушки. Красивой, но очень испуганной.

– Зло показывало мне разные ужасные картины, чтобы я подчинилась, – тихо сказала она. – Но я устояла. Это его месть.

Ярош с сочувствием смотрел в ее чистые глаза, где мерцали слезы, слабая, хоть и не сломленная воля не могла их сдерживать. Но стрелка сказала – нет.

Глаза двух других были полны только пустотой, они не верили, что могут умереть. А рядом с ними стояла чернявая девочка, похожая на птицу, молодую, еще не умеющую летать. Казалось, ребенок светится. Она была очень спокойна.

– Как тебя зовут? – спросил у девочки Ярош, присев.

– Ласточка, – ответил ребенок, глянув на ту, мимо которой он прошел.

– Уйдешь с этого корабля, Ласточка?

– Уйду с сестрой.

Ярош проследил за ее взглядом.

– С сестрой уйдешь? – уточнил пират.

– Уйду.

Он поднялся.

– Их обеих.

Нордин не возражал.

Следующий пленник выглядел как настоящий барин, хотя одежда его была порвана, но в душе он уже распрощался с жизнью, устремившись в прошлое. Он оставался на этом свете в своем уме только благодаря жене, и сейчас держащей его за руку. Ее сердце согревала любовь, но она не бросит

своего мужа даже ради свободы.

Как же тяжело было выбирать, и, почувствовав это, стрелка компаса застыла: решай сам, капитан.

Ярош остановился напротив мужчины.

– Как твое имя?

– Ван.

– И как ты оказался здесь?

– Я искал другой город.

– А твой город?

– Он мертв.

– И что же ты хотел найти в другом городе?

Ярошу внезапно стало холодно. Или просто ветер подул сильнее? Пирату показалось, что он знает, о каком городе говорит Ван, и, наверное, иногда ему тоже снятся кошмары, где цветут алые цветы...

Глаза обоих были в то мгновение неживые, будто опустевшие души.

– Прости, Ван. Я не могу тебя забрать.

Глаза. Пустые и насмешливые, напуганные и просто равнодушные. Ярош не запоминал лица – только глаза.

Стрелка ожила и указала сразу на двоих.

На парня, потерявшего свое Имя. Подобно другим несчастливым смельчакам, он видел, как меняется этот мир, растворяясь в зверином взгляде, он был в столице не так давно, и ужасные изменчивые глаза смотрели на него. Ярош пожегся, словно от настоящего холода. Встретившись один

раз со взглядом Духа Империи, он теперь чувствовал всякого, на кого тот внимательно смотрел, но кто сумел выстоять, не покорившись. Но вместе с Именем и чародейскими способностями звериные глаза выжгли и душу парня.

А другой, на кого указала стрелка, Серж, был одет в господский костюм, но, казалось, с чужого плеча. У каждого из них были свое прошлое и общий сегодняшней день, но будущее предназначалось разное. Стрелка качнулась к Сержу.

– Еще этого парня.

Все. Ряд закончился. Но стрелка компаса не успокоилась.

Ярош обернулся к Нордину.

– Есть еще кто-то, кто пока не подчинился воле твоего корабля, – не вопрос, ведь компас лгать не умеет, он может просто не ответить.

– Поднимите клетку, – улыбаясь, приказал проклятый капитан. – Русалки без воды умирают.

Но и в неволе тоже. Русалка лежала на прутьях, обессиленная и словно неживая, длинные волосы болотного цвета закрывали ее лицо.

Стрелка указывала точно на клетку.

– Прикажи отпустить ее, – попросил Ярош.

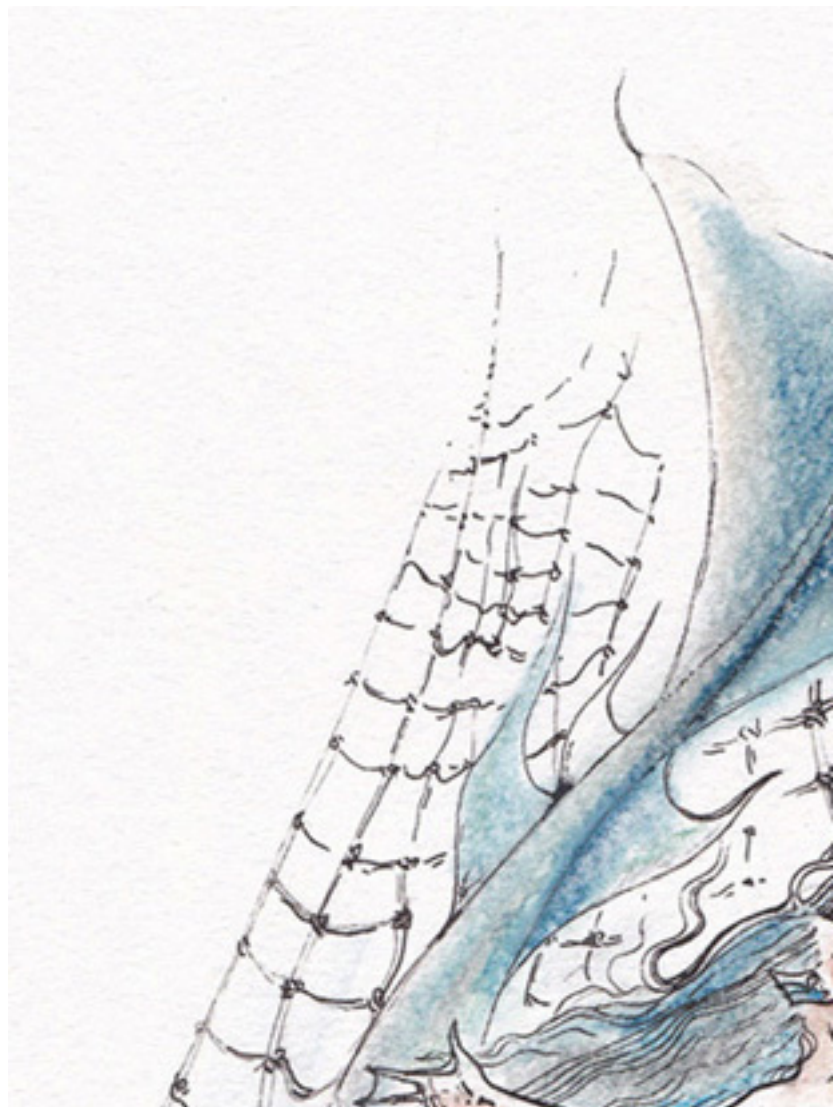
– Как еще одного пленника? Она не с того корабля, – в голосе Нордина скользнула радость.

– Мне все равно.

Феникс встревожено глянула на Марен, но и давняя не понимала, что происходит.

– Откройте клетку, – согласился капитан "Астагора".

Русалка прыгнула в море. Лишь серебристо-зеленый хвост мелькнул, и плюхнула вода за бортом.

Стрелка снова пришла в движение, указав на одного из членов команды. Женщина, вероятно, несколько дней как подчинилась воле "Астагора" и еще не утратила себя, становясь частью корабля. За что она могла заплатить такую ужасную цену? А стрелка уже отвечала: эта женщина была матерью, и дети тоже плыли с ней в далекую страну... Воспоминания о детях и позволяли ее глазам светиться. Пока светиться...

А все другие уже утратили этот свет, их лиц не касаются чувства, и вместо глаз – провалы отчаяния, где завывает ветер безысходности и печали, насланный проклятьем, которое они делят с капитаном. Они живы, но стоит ли бороться за такую жизнь?.. И та, на кого указала стрелка, тоже станет такой, как они... Быстро станет...

Нельзя отбирать у "Астагора" и его капитана уже принадлежащее им, легче забрать с собой освобожденных пленников и уйти, договорившись со своей совестью. Но женщина так напоминала Ярошу Мать, которая не простит, если капитан оставит одну из ее живых дочерей в лапах чудовища.

– Отдай мне ее, – решил Ярош.

– Отдам, – неожиданно легко согласился Нордин. – Но ты забираешь больше, чем можешь.

– Я знаю, – подтвердил капитан корабля с черными парусами. – Но это мой выбор.

– Пусть будет так, – и капитан "Астагора" обратился к

своей команде: – Уходите все, кого он выбрал. И ты тоже, Надежда, – вместе с вымолвленным Именем он освобождал женщину от обещания. – До встречи, Сокол.

– Феникс, Ярош, подождите, – попросила Магда, когда они уже собирались возвращаться на свой корабль. – Я хочу... – она растерялась. – Прости, Феникс. Ты моя подруга, но я хочу остаться на "Астагоре". Я рождена ночью, здесь я чувствую себя вольнее, чем на "Диаманте", где меня почти все боятся. Этот корабль меня принимает, ничего не требуя взамен. Прости меня, Феникс...

– Вот граф Ричард обрадуется, – не зная, что ответить, сказал Ярош: наверное, еще никто не оставался на этом корабле по собственной воле.

Феникс и вампирша просто обнялись, прощаясь.

Проклятый капитан не провожал их. Магда одна смотрела пиратам вслед. Казалось, багровое убранство вампирши светится внутренним огнем. В молчании корабли, чьи паруса никогда не станут обычными, белыми, разошлись в ночном море.

– Оставим их, – Марен внимательно посмотрела на капитана, стараясь прочесть в его душе, но душа оставалась закрытой на все засовы даже для ее взгляда.

– Оставим, – согласился Юран: Сокол так и не ответил, что он пообещал капитану проклятого корабля в обмен на пленников.

Феникс и Ярош стояли рядом. Ветер дарил им прохладу, но покоем одарить не мог.

– Ты им не сказал. Но мне скажешь, что ему пообещал? – тихо спросила Феникс, словно боялась, что их могут услышать.

– Тебе скажу, – тяжело ответил пират. – Мы сыграли. Ты понимаешь, на что играют с давними и на что играл каждый из нас. И я выиграл. Но капитан "Астагора" поставил условие: я могу забрать меньше людей, чем тех, кем я рискнул, взяв с собой. Но я знал, что заберу всех, на кого мне укажет компас. Я нарушил это условие.

Вода разбивалась серебром об нос корабля. В волнах плескалась русалка.

– А если бы ты выполнил условие? – Феникс стало страшно, поэтому спросить то, что было у нее на уме, она не решилась.

– Тогда я бы забрал их, как и следует по выигрышу, – Яроша, казалось, успокоил ее вопрос. – Нордин и его проклятый корабль отпустили бы нас, и мы бы, возможно, не встретились более ни в одном море.

– А теперь?

– Теперь он может загадать любое желание, и я обязан его исполнить.

– И что он пожелает? – теперь Феникс испугалась не на шутку: в отличие от спасенных, она хорошо знала, кто такой капитан проклятого корабля и какие страшные легенды

о нем рассказывают. – Забрать сокровища? Потопить "Диаманту"? Чтобы ты ему служил?.. – ей было больно говорить это, но не спросить еще больше.

– Нет, Феникс, – вздохнул Ярош. – До сокровищ мы можем и не добраться. "Диаманту" могут потопить раньше. А я могу и не дожить до времени, когда наш корабль станет на якорь возле Призрачных островов.

– Не говори такого! – воскликнула Феникс, вложив в слова все свои чувства, но Ярош просто обнял ее, привлекая к себе.

– Нет, Нордин из давнего народа, и, я думаю, он пожелает что-то более изысканное. Потом узнаем.

Волны серебрились, наливаясь медным блеском. Над морем всходила луна. Ярош и Феникс целовались под покровом ночи.

Глава 10

Остров на границе жизни

Солнце золотило волны, хоть и отливало багровым. Сегодня почти никто не спал, с трудом веря, что два корабля так легко разминулись, ведь команда не слышала, что Ярош рассказал Феникс. В присутствии "Астагора" оживали подсознательные страхи и хотелось спрятаться, чтобы не нашли ни враги, ни друзья. От страха не спасали понимание, с чем

они встретились на морском просторе, и чародейство, живущее в сердце, согревающее его жизнью и в самые тяжелые минуты. Потому этот рассвет все встречали с радостью, как никакой другой.

– Капитан, – позвала русалка Яроша, когда тот вышел из каюты.

Перегнувшись через фальшборт, капитан с улыбкой отметил, что она ожила: волосы стали пышными, и уже не болотного цвета, а светло-зеленого, чешуя горит в свете утреннего солнца, будто усыпанная драгоценными камнями.

– Я понимаю, "Астагор" потопил пассажирский корабль. Но никак не возьму в толк, как ты попала к нему в плен? – заинтересованно спросил пират.

Русалка растерялась, было видно, что она еще очень молода.

– Любопытство не только пиратов, но и русалок губит. Мы много лет не видели древний проклятый корабль. Мне стало интересно, действительно ли он такой, как рассказывают, и правда ли, что его высокомерный капитан из давнего народа... – она тряхнула волосами, разбрызгивая искристые капли. – Меня, кстати, Ульяной зовут.

– Губит, говоришь, Ульяна? Любопытство оно такое... – Ярош снова заулыбался, стараясь, чтобы улыбка получилась беззаботной, как и у дочери моря. – И что ты хочешь? Я благодарности не требую, ты свободна от любых возможных обещаний. Думаю, что от Моря ты уже об этом знаешь.

Ульяна отвела взгляд, засмотревшись на золотистый горизонт. В больших ясных глазах отражалась глубина, или это вода делилась с нею своими цветами?..

– Море рассказало мне, куда ты держишь курс, пиратский капитан, и кого ищешь, – личико русалки приобрело серьезный вид, верно, Море поведало ей не только об этом. – Я знаю остров, возле которого несколько лет назад разбился корабль. Часть команды выжила.

– Пиратский? – слова Ульяны пришлись ему по сердцу.

– Да. Показать направление?

– Покажи, – Ярош достал компас, чтобы убедиться, что может отклониться от выбранного курса: стрелка компаса обернулась против солнца, никоим образом не предостерегая и не предупреждая об опасности или ловушке.

Русалка плыла перед "Диамантой", заверив, что еще сегодня они увидят остров. Там и запасы воды пополнить можно, и отдохнуть – кое-кому из команды это было крайне необходимо.

Освобожденных приняли с радостью. Особенно порадовался Ричард, что больше не увидит на борту вампиршу Магду.

Надежду приняли к себе в компанию Катерина, Итана и Зорин. Два парня, приведенные Ярошем с проклятого корабля, примкнули к Яну, Константину и Дэниэлу. Ирина и сестра Ласточки играли с черным котом Роксаны, и тот льнул

к обеим девушкам, получая ласку и громко благодаря за нее мурлыканьем. А сама Ласточка беззаботно болтала с Юрием. Детям было так хорошо вдвоем, что они никого вокруг не замечали. Мальчик улыбался, когда неожиданно на мгновение вспыхивали огнями в глубине глаза черноволосой девочки.

– Хочешь, я покажу тебе чудо? – шепотом спросил у Ласточки Юрий.

– Чудо? – карие глазки Ласточки снова блеснули, но теперь удивлением. – Какое чудо?

Полина остановилась, улыбнулась, глядя, что сделает Юрий. Кажется, она знала, что будет дальше.

– Под твоей косой огонек спрятался.

В руке мальчика мерцал маленький, но живой огонь, согревая теплом обоих детей. Ласточка ойкнула от восторга, потянулась к пламени.

– Какой красивый! – пламя качнулось от ее слов, но не только на ладони Юрия, а и в карих глазах девочки.

– А ты попробуй подержать, – Юрий протягивал ей свой огонек.

– А можно? – оробела Ласточка.

– Конечно, можно. Если удержишь. Пламя теплое, не горячее совсем. Попробуешь?

Полина махнула Рите, и вместе девочки подошли к новенькой. Ласточка осторожно взяла огонь в ладошки, обняв его, словно маленькую свечу. Пламя не гасло, розовое сия-

ние становилось красным.

– Настоящий огонь, – вздохнула Ласточка. – А не жжет, – она открыла ладони, чтобы показать новым друзьям чудо, оказавшееся у нее в руках, и с осуждением взглянула на Юрия. – А теперь отдать нужно?

– Что ты! – рассмеялся мальчик, подув в собственные ладони, сложенные лодочкой, где расцветало розовое пламя. – Это твой огонь, твое пламя. Я только разбудил его.

– Это правда, – подтвердила Рита. – Юрий со всеми нами так играл, но у нас пламя сразу гасло.

– Моя сестра Эвелина тоже зажигала такой огонь, – мечтательно вспомнила Полина. – А я не могла, хотя она мне его и передавала.

– Наверное, так часто бывает: один ребенок владеет чарами, а другой – нет, – Юрий попробовал соединить огни, и они приобрели нежный сиреневый оттенок, взлетели две синие искры.

Фея, пролетавшая над ними, сделала круг над детскими головами, заинтересовавшись этим небольшим фейерверком.

– А почему тебя зовут Ласточкой? – тихонько подкравшись к ним и закрыв глаза Рите, спросила Роксана, подруга засмеялась, убирая ее руки.

– Родители сказали, что у нас ласточка гнездо свила над окном, когда я родилась. Вот и меня Ласточкой называть стали.

– А сестру? – спросила Рита, которую обнимала Роксана: после того случая с мачтой они стали лучшими подругами.

– Сестра – Иза. Она странная. Ей кажется, что нас ищет кто-то страшный, а когда мы увидели тот странный корабль... – при воспоминании о корабле ее пламя угагло, мальчик погасил и свой огонь.

Под руководством Юрия дети сели в круг. Роксана и Рита поместились на одной бочке, а он сам, Ласточка и Полина присели на толстенный скрученный канат.

– Мои родители не позволили нам выйти на палубу, когда "Диаманта" догнала тот огромный темный корабль, – пожаловалась Роксана. – Только Юрий на минутку выскочил.

Мальчик кивнул.

– Но я ничего не успел увидеть. Он такой большой, и паруса порванные... Туда капитан поплыл.

– Как он не испугался? – восхищенно заметила Полина.

– Он смелый, – добавила Рита.

– И справедливый, – это уже Роксана.

Ласточка только головой покачала. Юрий присмотрелся к чернявой девочке.

– Ты же оттуда. Расскажи, что там было!

Ласточка как-то сразу повзрослела.

– Я почти не видела ничего. Нас позвали. А ваш капитан выбрал тех, кто пойдет с ним.

– Он наш капитан, – сделав ударение на втором слове, исправила Ласточку Роксана. – И теперь твой тоже.

– Он мою сестру брать с собой не хотел, а она ведь добрая, хоть и странная.

– А как ты попала на тот корабль? – спросила Рита, видя, как заострились взгляды Роксаны, которую среди детей все признавали главной, и новенькой.

– Мы ехали в новую землю, хотели там жить. Многие хотели там поселиться, оставив свои дома. Мы с сестрой стояли на палубе, когда из темноты вынырнул тот корабль. Никто не верил, что такое возможно, он был словно из другого мира, из другого времени...

Она задумалась, вспоминая, вздрогнула.

– Я бы не хотела об этом говорить. Я слишком хорошо его помню. И тех, кто остался на том корабле... Когда ваш капитан пришел, никто из пленников уже не верил, что спасется, что увидит солнце снова... Неужели он не мог спасти всех?..

Дети не понимали, о чем она говорит, не могли представить, как можно не верить в спасение. Рита устыдилась своего вопроса, так опечалившего новенькую, вероятно, уже пережившую больше, чем они вместе взятые.

– А ты, Юрий? – нарушила молчание Полина. – Мы так у тебя и не спросили, кем ты был до того, как тебя на "Диаманту" взяли?

– А кем я был? – пожал плечами Юрий. – Обычным мальчишкой. Мяч гонять любил с товарищами. А потом почувствовал, что у меня ладони горячие, и на них огонек живой сверкает. И я пошел туда, куда меня огонек звал, а пламя все

ярче становилось. Так я и пришел к морю.

– А твои родители? – спросила Роксана, глянув через плечо, не шатаются ли рядом ее собственные предки.

– Я почему-то не волнуюсь. Мне кажется, что с ними все в порядке, что они и не заметят моего исчезновения, – Юрий погрузился.

– Я думаю, ничьи родители не заметят. Кроме твоих, конечно, Роксана, – кивнула подруге Рита.

– Не уверена...

Юная пиратка опечалилась: желанный корабль с черными парусами был не таким, как в сказках, которые рассказывали люди, приехавшие в маленький городок на Элигерском побережье. И это еще нужно было признать и принять...

Далекий от цивилизации остров очаровывал красотой. На бело-золотом песке росли пальмы, а дальше, в глубине острова, виднелась гора, покрытая густым, уже не пальмовым, лесом. В море впадала прозрачная веселая река, над которой кружила красочная птичья стая.

Рифы надежно охраняли спрятанный в море рай. Некоторые выглядывали из воды, скалились, чуя добычу. А сколько еще их братьев и сестер притаились, едва покрытые водой, по которой шла рябь? Решили не рисковать, и "Диаманта" стала на якорь далеко от берега.

Когда лодка достигла земли, их уже встречали трое тех, чей корабль когда-то напоролся здесь на рифы. Стройная

женщина, юноша, обнимающий ее за талию, и пожилой мужчина, немного сторонящийся их нежности. Одежда у всех была порвана, только у старшего осталась целой кожаная безрукавка, но все трое – загорелые, здоровые и даже счастливые.

– Я же говорил, что нас найдут! – радостно крикнул юноша, закрутив девушку.

Они не удержали равновесие и весело свалились на песок.

– Пираты, Андрей, – старший не радовался, как молодежь. – Это пиратский корабль.

– Перестань, Иржи! – поцеловав любимую, отмахнулся Андрей. – А как ты считаешь, Илария? – обратился он к девушке.

Илария поправила юбку, связанную из разноцветных лоскутов, которые когда-то были частями чьей-то одежды.

– Я считаю, их нужно встретить, – и первая побежала к лодке.

– Меня приговорили к смерти, – рассказывал за ужином Иржи.

Его щеку прочертил шрам, как от лезвия, кажется, пожилой мужчина этим очень гордится, свет от лучины делал шрам темнее кожи.

– Но смерть мешкала, – вел дальше он. – Корабль должен был отвезти меня в тюрьму, в столичную тюрьму. Но и туда, я думаю, она бы не скоро пожаловала.

Марен в знак согласия отсалютовала ему кривой деревянной кружкой, над которой поднимался аромат свежезаваренных трав.

Чего только не было на столе, за которым собрались шестеро: Андрей, Илария, Иржи, спасшиеся от стихии, Олег, Марен и пиратский капитан. Остров оказался богат фруктами и питьевой водой, рыба подплывала к самому берегу, черепахи отдыхали на белом песке, а непуганые птицы не понимали, куда деваются их яйца. Настоящий маленький рай посреди моря, куда не заходят торговые корабли. Рай, часть которого и эта, крытая пальмовыми листьями хижина, возле которой они ужинали.

Ярош не спросил, за что могли так жестоко наказать человека, но вариантов в голову пришло немного.

– А вы как сюда попали? – Сокол посмотрел на влюбленных.

– Мы встретились случайно. Еще на корабле, – Илария прижалась к Андрею. – Я ушла из родного села и отправилась в город искать счастье. Меня наняла служанкой зажиточная пожилая пара. Так я с хозяевами и оказалась на том несчастливом корабле, – она умолкла, но было непонятно, что ее огорчило: воспоминание о родном селе и тех, кого она там бросила, или о хозяевах, погибших возле этого берега во время шторма.

– Мы сбились с курса, – пришел на помощь девушке Андрей. – То была ужасная буря. Меня смыло за борт и отнес-

ло течением. Корабль разбило в щепки, все, кто там был, погибли, а мы еще неделю находили на пляже обломки и... – он запнулся и быстро добавил: – Мы похоронили всех, кого нашли. Мы даже имен их не знали.

Ему тоже было тяжело говорить. Удивительно, что после всего пережитого эти трое сохранили человечность и сочувствие.

– Да, мы почти никого не знали, – согласилась Илария.

– Так зачем вспоминать о них сейчас? Море забрало почти всех, – оборвал девушку Иржи.

Осветившись пониманием, взгляд Марен остановился на Иржи.

– А тебе разве не жаль тех людей? – заинтересованно спросила она. – Зачем же тогда вам кладбище?

– Не твое дело! – взорвавшись гневом, вскочил мужчина и ушел.

– Мое, дорогой, – пробормотала Марен, отпивая глоточек травяного отвара.

Кажется, эти люди, едва не распрощавшиеся с жизнью, ее не узнали. А она помнила и тот корабль, и некоторых из стоящих на палубе, – давняя провожала его в последний рейс. Тот корабль был еще одной из придуманных советником Императора ловушек, и одним из портов, куда он должен был зайти, на карте значилась гавань свободного от власти Империи города. Тот пиратский остров находится не так далеко отсюда, но Море и близко не подпустило к его берегу им-

перский корабль, чье предназначение было известно лишь нескольким людям на борту. Вот корабль и спасался от насланных на него штормов, отыскав путь, где уже проходил до него другой корабль, который раньше в эти воды привел один из имперских капитанов, и если это именно тот остров...

Давняя поднялась, пожелала им хорошего вечера и тоже оставила друзей. Как только она скрылась во мгле, появился Иржи, но уже не один.

– Не хочу! Не буду! – завывал русоволосый мальчишка, когда мужчина притащил его к гостям. – Я играть хочу!

– Тимур, познакомься с капитаном Ярошем, – настаивал Иржи.

– Ты со звезд? – глаза мальчика округлились от восторга, Тимуру никто не дал бы больше одиннадцати.

Все рассмеялись.

– Нет, я всего лишь пиратский капитан, – давясь смехом, попробовал серьезно представиться пират. – С моря и далеких земель.

– Жаль, – мальчик понурился и, с мольбой посмотрев на Иржи, заскулил: – Я играть хочу!

– Иди уже, – позволил мужчина, и ребенок быстрее ветра умчался на пляж, откуда доносился детский смех.

– Он очень истосковался по общению со сверстниками, ко всем с этим вопросом пристаёт, – объяснил Андрей. – Мы на острове два года. Здесь хорошо. Много воды и еды, но

мы каждый день ждали, когда на горизонте появятся паруса. Только мы не думали, что паруса окажутся черными, мы лишь слышали о таких...

– Вы хотите домой? К людям? – это были первые слова, сказанные Олегом за ужином.

– Хотим, наверное, – Илария сомневалась. – У меня там муж остался. Хотя, может, он уже и забыл меня за два года.

Андрей грустно опустил глаза, ведь воспоминания Иларии о муже были для него неприятны. Олег это заметил.

– Мир изменился, пока вы отсутствовали, – в голосе бывшего помощника министра скользнула жестокость. – Мир стал хуже. Желаете ли вы возвращаться туда из вашего рая?

Влюбленные задумались.

– Мы хотели, – будто за всех отвечала Илария, – мечтали, как вернемся. Хотя были здесь счастливы. Остров большой, мы и не обошли его полностью. Но, когда появился корабль, что-то сломалось... – она подыскивала слова. – Мы просто не сможем смотреть, как вы исчезаете в мареве над морем.

Тимур пробежал мимо Тайры, обсыпав ее песком.

– Ты! Осторожно! – крикнула девушка, но ребенок был уже далеко.

Тайра направилась вдоль берега.

Всходила луна, еще не полная, но через несколько дней она наберет вес, чтобы потом похудеть и умереть. Девушка не заметила, как свернула к скале, и дальше, к деревьям. Под деревьями поросли травой холмики, увенчанные крестами, сделанными из сломанных ветром веток. Откуда-то Тайра знала, что их не ломала человеческая рука.

Тихо и спокойно было на этом маленьком кладбище, даже шелест волн терялся вдалеке. Тайра села на траву возле ближней могилы, потянулась к кресту. Она чувствовала что-то, что-то непонятное, странное и одновременно знакомое, как обещание, которое дают в обмен на искреннее, страстное желание. Прядь змеей легла ей на грудь, защекотала щеку языком, переползла на землю и поползла к кресту, обвилась вокруг него.

– Тайра, – тихо позвал знакомый голос, – не делай этого, девочка.

Дочь колдуна отдернула руку и оглянулась. Возле нее стояла женщина с короткими волосами, угасающий вечерний свет смывал загар с ее лица, делая кожу бледной, как раньше.

– Это ты, Марен... – с облегчением вздохнула Тайра и посмотрела на могилу, уверенная, что видение исчезло.

Но нет: змея сжимала деревянный крест в смертоносных объятьях.

Давняя села на землю подле Тайры.

– Почему ты пришла сюда? – спросила Марен у нее, просто спросила, не заставляя отвечать, не запугивая, лишь интересуясь.

– Пришла, – девушка задумалась. – Пришла, ведь что-то звало отцовским голосом, ласково, шепотом, так, как он никогда со мной не говорил.

Марен усмехнулась, взяв ее за руку.

– Не бойся.

...Сумерки поселились в городе, хотя до вечера еще далеко. Сабля перерубает посох, и тот уползает в тень двумя змеями...

Марен отпустила Тайру сама, девушка пусто смотрела на змею – близнеца из видения. И того, кому этот посох принадлежал, она тоже узнала, пусть седого и старого...

– Только Море знает, что на сердце у тех, кто склоняется перед ним, моля о помощи, помощи любой ценой, отдавая все, что имеют. И не принадлежащее им тоже отдавая, – едва слышно говорила Марен. – Море не жестоко, но счет, который оно выставляет, иногда тяжело оплатить.

Отец любил твою мать, но она умерла, поэтому он так боялся потерять и тебя. Он боялся, что, узнав о твоих чародейских способностях, тебя заберут у него и отвезут далеко-далеко, как всегда увозят. И он попросил у Моря защиту для

тебя. У ночного моря, не у дневного. И ночное море пришло к нему в образе змеи, взяв из человеческого сердца за желание всю любовь, что была в нем к прошлому, к живым, к тебе...

Змея обещала, что те, кто ищет юных чародеев, никогда не заберут тебя с собой. Но вместо этого твой отец должен сам прийти к врагам, пройдя тем путем, каким идут все, выбирающие дорогу служения. С той ночи змея не оставляла ни его, ни тебя, объединив ваши судьбы до самого конца.

Тайра слушала, но смотрела на заснувшую змею, убаюканную нечеловеческим голосом давней.

– Море жестоко, если это действительно было Море, – Тайре хотелось поклониться к змее, коснуться ее головы лбом, чтобы холодный язык поцеловал...

– Тайра, – отзвук собственного имени снова вернул ее к действительности.

Девушка вздрогнула, пошевелилась усыпленная змея.

– А что с ним? Что с моим отцом? Ты знаешь.

Марен ответила не сразу, но и она должна была выбирать этой ночью, и не только в отношении судьбы дочери колдуна.

– Когда вера Яроша в победу преодолела веру твоего отца в правильность прошлого поступка, змея ушла, исчезнув во тьме. Обещание, Тайра... Без змеи твой отец утратил все свои воспоминания и чувства, навсегда забыл тебя, и себя тоже забыл, склонившись перед целью тех, кому он служит.

Тайра закрыла лицо, но она не плакала. Зашипела змея,

откликнувшись на ее отчаяние. Еще несколько капель этого чувства, яда, настоящего годами, и обещание осуществится полностью. Марен повела рукой, снова усыпляя змею, – та неохотно прислонила голову к косому кресту.

Девушка отважилась посмотреть на собеседницу.

– Ты знала об этом еще тогда, когда хотела погадать мне.

А капитан тоже знал?

– Я знала, Ярош – нет, – ее голос преисполнился того величия, казалось, навсегда утраченного в поединке с Химерой в Элигере. – Твой отец ушел, как следует из обещания, но и ты должна уйти вместе с ним. Змея ужалит тебя, как когда-то ужалила его, и ты получишь новую жизнь, забыв о прошлом человеческом существовании. Кем ты станешь: летучей мышью или вампиром, ночным духом или просто созданием мрака – даже я не решусь заглянуть в то будущее. Ты, как Магда, чьи родители из страха тоже выбрали для нее ложную судьбу.

– И мне никак этого не избежать? – дочери колдуна вспомнилось, как ветер наполняет паруса силой, как тает огненная пыль феи в белокурых волосах Полины и звонко смеется Юрий.

– А разве ты этого уже не избежала, оказавшись на нашем корабле? Змея не с тобой, но ты жива, – Марен обняла Тайру, приголубила, как мать. – Это странный остров, красивый, спокойный, но он скрывает тайну, и граница между нашим миром и тем здесь более зыбкая, чем где-либо. Про-

сто оставь змею сонной, а когда на небе появится солнце, ты найдешь здесь лишь черную ленту скорби. Вернись за ней, перевяжи волосы. Это и будет твоим освобождением от обещания.

Ее слова становились рисунками, блеклым видением, зыбким путем, уводящим с ужасной обещанной дороги.

– И все? – Тайра не верила.

– Сама знаешь, что нет. Ты должна простить и отца, и Яроша, ибо нет в случившемся их вины. И себя тоже простить, отказавшись от чародейства, из-за которого Море просили тебя защитить. Тогда все, – Марен поднялась. – Тебе решать. В этом и есть свобода твоей судьбы, не выбранной за тебя, – молвила она, едва не добавив: "...и за меня".

Было бы так легко заколдовать пиратского капитана, пока он здесь, на этом берегу, где ее власть велика, а заклинания откликаются тысячами голосов погубленных ею жизней, и заставить проложить курс до того свободного острова. Она знает, что нужно сделать, чтобы уничтожить последний приют настоящих пиратов, время ей подчинится, а Море не успеет помешать, и тогда советник Императора ее простит. Вот только она не хочет этого великодушия... Не теперь...

Марен уходила с холма с крестами. Белокрылый Ангелочек сел ей на плечо, а над головой летела фея, обсыпая женщину нежно-синей огненной пылью. Эти два маленьких волшебных создания, как никто другой, чувствовали, что на сердце и у людей, и у чародеев, и у давнего народа...

А покинутая Тайра сидела на земле, глядя в змеиные глаза, не умеющие моргать. Глаза, за которыми ее ждало обещанное нечеловеческое будущее.

– Русалка! – нетерпеливо позвал пиратский капитан, ударив по воде, словно благодаря этому сигналу Ульяна его услышит.

Дети играли, наслаждаясь свободой и безлюдным берегом, где можно бегать, ни на кого не обращая внимания. Роксана и Звездный Тимур, как прозвали его дети за навязчивый вопрос, с которым он цеплялся к каждому новому знакомому, руководили строительством огромного замка из песка. Черный пес по имени Михаил гавкал на черепаху, прячущуюся от него в панцире, старался достать ее лапой, но боялся коснуться. Кот Сириус наблюдал за бедной черепахой с высокой ветки. Рядом с ним на ветку сел бесстрашный попугай, скрежеща: "Сокр-р-ровища! Сокр-р-ровища!" Кто успел его научить?..

– Русалка! – снова позвал капитан, но Ульяна услышала его с первого раза, просто не спешила выныривать.

Русалка выпрыгнула на камень, едва не полностью покрытый водой. В свете исчезающего солнца хвост Ульяны был усыпан золотом и рубинами.

– Да, мой капитан? – сладко и невинно спросила она.

– Ты соврала мне, – увидев русалку, Ярош успокоился. – Они не пираты.

– Разве в их глазах не плещется море? Разве они не свободны духом? – наигранно удивилась дочь моря.

– Свободны. Но ты соврала мне, Ульяна, – русалка не могла слышать голос Яроша в тот день, когда Ричард пытался стать шкипером, но это были те же самые неумолимые интонации.

Ульяна не могла. Но морские волны слышали.

– Я не предательница, капитан, – она ударила хвостом по камню, несколько брызг долетело до пирата. – И не треска дохлая! Я зло причинить не хотела, – Ульяна обиделась.

– Зачем ты притащила нас сюда?

Дети взорвались смехом:

– Звездный Тимур будет искать! Прячьтесь!

Но их веселье не могло улучшить настроение пиратского капитана.

– Вас ждали на этом острове, – созналась русалка. – Не враги. Море сказала, что не враги. Спроси у своего компаса, Ярош Сокол! Надеюсь, его ответу ты поверишь!

Русалка нырнула, подняв большие брызги. Даже плеск отзывался обидой.

Ярош смотрел, как оранжевое солнце тонет в бескрайнем море. Компас указал ему на гору и умолк, чувствуя неуверенность капитана. Ульяна не соврала... Только кто мог их там ждать?..

Глава 11

Город с глазами зверя

Мелкий дождик выстукивал в листве мелодию, где пряталась любовь и затаилась печаль, как отзвуки последних аккордов недопетой песни. Мелодия плыла над парком, терялась в жилых кварталах города, где блуждали тени мечты, утратившей своих творцов, где люди увлекались не шедеврами искусства, а их копированием и уничтожением, где только дети еще видели все краски мира. Дети быстро забывали свои фантазии, променяв воображение на исповеди перед зеркалами, ведь настоящих друзей больше не было. Не здесь, не в имперской столице...

Из авто вышли шаман и сказитель в карнавальных костюмах. Их наняли развлекать публику в алом дворце Императора. Когда на тебя смотрят безжалостные звериные глаза, даже сказитель может согласиться склониться пред людьми.

– Идет караван, пыль над дорогой в Саркон, – долетели до парня неуклюже рифмованные строки сказителя, и в них Сашке послышалось эхо стародавнего бубна и шутовских бубенцов.

Он вышел на самую большую площадь, где собралось много народа. Поглазеть на новоприбывших участников действительно стоило: соревнования певцов во дворце Импера-

тора славились оригинальностью. Правда, многих исполнителей после не видели. Но разве такие мелочи могут испортить настроение?

Сашка попытался протолкаться ближе, только люди стояли стеной, не собираясь никого пропускать. Возле него, ожидая прибытия новых участников, знакомились парень и девушка. Они флиртовали, узнавая о желаниях друг друга, распаляясь страстью, но любви или просто настоящих чувств в их речи не было. Хотя так нынче знакомилась почти вся молодежь.

Парень отвернулся, когда едва знакомые люди растаяли в долгом страстном поцелуе. Когда-то он любил по-настоящему... и теперь, глядя на гостей и участников турнира, выходящих из дорогих, не принадлежащих им авто, он вспомнил свою Маринку: она даже не оглянулась, когда он пожелал ей счастья с другим... Любил, но знать об этом никому не нужно, он и сам растерзает всякого, кто осмелится об этом спросить.

Парочка наконец-то оторвалась друг от друга и, обнимаясь, исчезла из поля зрения. Они обо всем и без слов договорились. Сашку чуть не стошнило от отвращения.

Толпа заплодировала, приветствуя женщину, наряженную в костюм танцовщицы. На руке у нее сидел шмель. Ручные насекомые считались сейчас очень стильными.

"А когда-то, – подумалось Сашке, – мы босиком ходили по предрассветным дорогам, взявшись за руки. И поля по

обе стороны от дороги казались синими, будто небо выплеснулось на землю".

Парень боязливо отогнал от себя странную память, почувствовав на себе чужой взгляд. Чистые синие глаза белокурого мальчика из толпы: в их взгляде теряешь себя, как в летнем небе, как в пламени, как в незваных воспоминаниях...

Подарив публике воздушный поцелуй, роскошная танцовщица уступила место панночке в сером платье и белых тапочках по последней моде.

Сашка понял, что ему здесь больше нечего делать.

Айлан сидел на одном из валунов, в огромном количестве разбросанных по пляжу зимними штормами, смотрел на спокойное море сквозь прикрытые ресницы.

– Можно? – и, не получив разрешения, на песок неуклюже села Роксана.

– Чего тебе, девочка? – с напускным равнодушием спросил мужчина.

– Научи нас драться! – выпалила Роксана и замолчала: точно прогонит, а Юрчик говорил, что нет...

– Нас, это кого? – Айлан к ней даже не повернулся.

– Меня, Юрия и Риту.

– А Тимур и Полина, выходит, на чужую жизнь не зарятся? – Айлан наконец-то подарил ей взгляд, короткий, оценивающий.

Роксане стало жутко, на миг мелькнуло в мыслях, что она

ничего об этом человеке не знает, а Юрий – гад хитрый, раз ее как старшую подослал просить.

– У тебя поклонницы появились? – возле них остановился Олег.

– Ты без Эсмин? – удивился товарищ, поднимаясь, чтобы пожать Олегу руку.

– Эсмин учит Иларию, как сшить новую одежду из того, что у нее есть, – Олег не врал, но было еще что-то, почему Эсмин так приглянулась любимая Андрея. – Роксана, что-то случилось?

– Ничего, – девочка тоже поднялась и, растерянная, направилась к друзьям, ждавшим ее в отдалении.

Айлан с улыбкой посмотрел на Олега, тот кивнул, ведь все слышал.

– Эй, девочка, я же тебе еще своего слова не сказал. Зови друзей, поглядим, на что вы, дети, способны.

Махнув товарищам, Роксана первой подбежала к Айлану, который отцепил от пояса свою саблю и протягивал оружие детям.

– Но она же настоящая, – недоверчиво сказал Юрий. – Это опасно.

– А вы считали, что драться безопасно? – холодно рассмеялся Айлан. – Привыкайте.

Погрустнев, Юрий, Рита и Роксана молча кивнули. Желание научиться драться было намного сильнее ощущения опасности.

– Я первый, – вздохнул мальчик, не поднимая глаз.

Взрослые прыснули.

– Замечательные дети! – Олег похлопал Юрия по плечу. – Бегите, найдите себе подходящие палки. Так, Айлан?

– Конечно, Олег, – товарищ сам едва сдерживал улыбку, довольный, как они детей разыграли, проверив, насколько те отчаянные. – Слышали, дети? Быстро!

И друзья наперегонки помчались к деревьям, чтобы сломать для себя ветки.

Айлан и Олег сразу перестали улыбаться.

– Это неправильно, Айлан, – с сомнением покачал головой Олег. – Они же дети...

– И мы были детьми, когда нас забирали у родителей, – со льдом в голосе прекратил разговор Айлан.

Но что побудило его согласиться на просьбу Роксаны, не понимал даже друг детства. Вероятно, слишком долго они не виделись.

Сашка шел по опустевшим полуразрушенным улицам старой части города. Вскоре эти руины снесут, чтобы прошлое уступило место новостройкам. Шел, вспоминая, как Маринка забыла перевести часы на зимнее время и проспала на работу, а когда прибежала в офис, оказалось, что там еще нет никого, кроме охранника. Как они потом смеялись, обсуждая вечером промах любимой, как пили искристое шампанское, целуясь...

Защипало в глазах. Слезы? Он уже не плакал тысячу лет... после того, как ушла Маринка.

Сашка поднял глаза, чтобы слезы не покатались. Еще заметит кто-то... В одном из дряхлых домов на улице, замощенной старой щербатой брусчаткой, еще работала фотовыставка. На двери прибита кнопками распечатка с лицом женщины, на чьих устах таинственная улыбка, и не угадать, чего в ней больше: грусти или надежды, чуда или отчаяния, воспоминания или веры в будущее. "Фотовыставка Али Очертяной" – выгнулась полукругом выцветшая надпись под фотографией.

Сашка решил зайти, давно он нигде не был.

Фотограф сама проводила экскурсию.

– Привет, Сашка, – поздоровалась она, и ее взгляд достал до самых глубин его души, парень снова чуть не заплакал, не удивившись, что женщина назвала его по имени. – Почему ты здесь?

– Сам не знаю, – его взгляд перетекал с фотографии на фотографию, хранящие влюбленные пары, живые, настоящие изображения, что не поблекнут, как людские чувства.

Сашка обессилено отвел взгляд от снимков, приглядевшись к автору. Лицо точеное, как у принцессы, уста тонкие, не румяная... но властная и, возможно, когда-то безжалостной была. Темно-русые волосы старательно собраны и заплетены в тугую косу, а глаза ясные, серые, и взгляд их пронзительный, стальной. Необычная женщина, красивая,

но какая-то несовременная. Несовременная, как и ее темная одежда со шнуровкой на рукавах.

Парень поймал себя на мысли, что даже на площади возле Императорского дворца сегодня ни у кого не было такой красивой одежды.

Аля подошла к самой большой фотографии. Она – блондинка, высокая, длинноногая, статная. Бежит к нему, тянется, но коснуться не может, словно стена между ними и не суждено им встретиться. А он и не смотрит на нее, словно ни преграду, ни любимую увидеть не властен.

– Эмиль, – пальцы фотографа соскользнули по изображению мужчины. – Луиза, – Аля рисовала в воздухе сердце, накрывающее изображение женщины. – Я сделала этот снимок за полгода до того, как должно было случиться несчастье. Это фото их спасло. Они здесь сейчас, в моем доме, за стеной, – она кивнула на дверь, ведущую в другую комнату.

– Ты предсказываешь будущее? – удивился Сашка. – Как?

– Я не предсказываю будущее, – покачала головой она, и наполовину расплетенная коса соскользнула с плеча. – Но я иногда вижу его и могу сфотографировать. Остановив время на миг, можно повернуть его течение иным путем. У меня есть фотография и из твоей жизни.

Женщина взяла растерянного парня за руку и подвела к противоположной стене. С фото на него смотрела Маринка. Еще счастливая, еще родная...

– Маринка! – он качнулся к изображению.

– Нет, это прошлое, – фотограф удержала его руку, пальцы не коснулись изображения лица девушки. – Твое будущее в ином.

Аля оставила его и открыла дверь в соседнюю комнату.

– Эмиль, Луиза, Жак, – позвала она.

Мужчина и женщина в сопровождении белокурого мальчика, которого Сашка сегодня уже видел, вошли в зал, задрапированный черной тканью, чтобы солнечный свет не портил таинственность фотографий. В жизни Луиза была еще красивее, чем на фотографии, но ее красота словно отбирала жизнь у ее любимого, делая невыразительным его лицо, словно та злая красота затмевала все вокруг.

Аля села на стул подле черного стола, накрыла что-то ладонью.

– Повтори, Жак, для этого господина то, что мне сказал, – едва слышно и совсем не властно попросила она.

– Я слышал, как мой отец говорил, что сегодня ночью, когда горожане будут смотреть на соревнования сказителей и музыкантов, солдаты пройдут по городу, забирая всех, кто...

Мальчик не смог повторить то, что она просила.

– Всех, кто хоть раз поминал недобрым словом Импера-

тора, – твердо закончила за него Луиза.

– А кто его отец? Советник Императора? – фыркнул Сашка, невольно залюбовавшись красотой Луизы. – И при чем здесь я?

– Его отец – палач во дворце, – твердо ответила хозяйка выставки.

А Луиза лишь соблазнительно улыбнулась.

– А ты любил, не так ли? Любовь – слабость. Слабые не могут служить Империи.

Сашка отшатнулся от блондинки.

– За такие слова нас... – он неожиданно осознал, что Луиза, объятая злой красотой, ему намного ближе, чем толпа, в которой он стоял час назад.

Аля засмеялась, но как-то надтреснуто – так звенит надбитый бокал.

– Сашка, пойми, тебя осудили раньше, чем ты нас увидел. Желаете превратиться в еще одну статую во дворце? Или на площади? – ее ясные серые глаза сверкнули злобой: она знала о статуях намного больше, чем могла сказать ему.

И Сашка это понимал.

– Статуи подарены гостями столицы, – пролепетал парень, у него голова закружилась.

– Статуи – это люди, – заверил Эмиль.

– Это невозможно. Я не верю... – но Сашка уже поверил.

– А это возможно? – развела руками фотограф, зовя в свидетели все свои работы.

– Нет, – прошептал парень, головокружение прекратилось, когда взгляд остановился на больше не родных зеленых глазах Маринки с фото.

Воспользовавшись его растерянностью, Аля поднялась, собрала фотографии со стола.

– Вы уедете из города сегодня же. Сейчас. Вместе. Вот фото, найдите эту женщину, и вы найдете намного больше, чем сейчас можете представить, – она протянула Эмилю один из снимков.

Глянув на изображение, Эмиль передал фотографию Сашке.

На фото в пол-оборота стояла темноволосая синеглазая Ирина. Глаза улыбаются, а море за ней штормит, и далеко-далеко, почти сливаясь с горизонтом, волны баюкают корабль с черными парусами. Или это просто наваждение?..

– А вы? – Сашка не сразу понял, что фотограф с ними не поедет.

– Я должна остаться в городе со звериным взглядом. Я хочу взглянуть ему в глаза.

Даже Эмиль и Луиза удивились: никто так не называл великолепную пышную столицу, в которой они родились.

Они не решались уйти, что-то еще оставалось не высказанным.

– Ну, чего вы стоите! – слегка прикрикнула на них Аля, и ее глаза сверкнули огнем, каким не может светиться человеческий взгляд. – Идите же! Прощайте!

Луиза, взяв Жака за руку, молча вышла из комнаты. За ними шел Эмиль. Сашка выходил последним. Уже на пороге он оглянулся.

Аля сидела на полу, закрыв лицо руками, коса полностью расплелась, волосы рассыпались, накрыв ей плечи. На другом фото, лежащим перед ней, даже с порога можно было разглядеть площадь возле алого дворца. Черных статуй было четыре.

Пираты отправились к горе. Ярош взял с собой Итану, Берна, Макса, Катерину и Лауру, неожиданно попросившуюся с ними.

– А учитель не рассердится? – спросил у девушки Странник, когда они собрались в дорогу.

Лаура смутилась: наверное, Ричарду не было известно о ее желании.

И теперь вшестером они поднимались по реке, оставив на корабле тех, кто мог соперничать с волей графа Элигерского.

– Первое, что я хочу увидеть, когда вернусь, – это наши черные паруса, отраженные в воде, – сказал Ярош, прощаясь с Феникс, отпускавшей его с тяжелым сердцем.

Поток нырнул в лес, речка сузилась, обмелела. Весла иногда царапали каменистое дно, и, в конце концов, пираты были вынуждены оставить лодку, чтобы дальше идти пешком.

Заночевали в лесу под тихие причитания попугая, сопровождавшего их от самого моря.

Сидя на кочке, поросшей травой, Итана раскладывала па-
сьянс. Вдалеке от колдуна карты не вдали. Но их обещания
ей не нравились, гадалка хмурилась.

Так и заснули, не рискнув развести костер. А утром по-
шли дальше.

Ярош, Берн и Макс прорубались сквозь чащу. Сразу за
ними шли Итана и Катерина, Лаура немного отстала. Мысли
ее устремлялись к тем, кого она оставила на морском берегу.

– Добрый день, граф, – позвала Ричарда Герда.

Граф поклонился рыжей королеве, он бы и пером на шля-
пе подмел перед нею землю, но не было у графа шляпы. Герда
тоже склонила голову в знак приветствия.

– Ты единственная, Герда, кто меня не сторонится, – бла-
годарно и искренне сказал Ричард, сгибая руку. – Пройдем-
ся, ваше величество?

Герда приняла его предложение.

Они шли по берегу возле самой воды. Одна волна едва
не намочила сапожки королевы. Засмеявшись, Герда укло-
нилась от волны, не удержала равновесие, но Ричард не дал
ей упасть.

Лишь миг их лица были очень близко, но даже в это мгно-
вение они играли в чувства.

– Я замужем, граф, – Герда игриво высвободилась.

– Вы плохо думаете обо мне, ваше величество. Мне про-
сто хорошо с вами. Минуты, когда мы рядом, напоминают

славные времена, что для меня теперь в прошлом.

Они все дальше отходили от пляжа, взбираясь вверх, оставив позади кладбище. Звонкие детские голоса не долетали сюда, да и поблизости не было ни души. Граф Элигерский остановился.

Как он изменился сейчас! И Герда его понимала... Здесь, на ветру, относящим слова от моря, он мог не притворяться почтительным господином. Королева огляделась. Граф привел ее на скалу, о которую разбивались волны. Красиво и страшно. Герда пожалела, что не взяла с собой любимую пантеру.

Ричард подошел к краю, повернувшись к Герде спиной, проверяя, что сделает королева, насколько она ему доверяет. Герда думала только миг, но спорить с любопытством ей было все тяжелее, – женщина стала рядом с ним.

– Тебе не кажется, Герда, что не все на нашем корабле правильно устроено? – повел разговор граф.

– Верно, они не уважают ни меня, ни тебя.

В море Дельфин катал на спине Полину, и она верещала от удовольствия. Гердой овладела зависть, ведь она не могла разделить эту светлую радость – слишком много было тьмы в ее мыслях и в прошлом, и капитан Ярош зря уже несколько раз пытался ее расспросить, ощущая присутствие этого мрака...

– Не уважают, – подтвердил Ричард. – Но разве это нельзя изменить?

Он словно вел мысль королевы скользкой дорогой к нужному ему выводу.

– Не получится. Ярош ушел, но Айлан и Юран убьют тебя, если ошибешься. Ты колдун, только и они умеют колдовать не хуже, – Герда сама не поняла, что действительно назвала людей, способных победить Ричарда в поединке. – С тобой мало тех, кто рискнет за тебя жизнью.

Граф отступил, оставив ее на краю. Теперь Герда была в его власти.

– Нет, – усмехнулся Ричард. – Если ты мне поможешь.

– Осторожно, королева, не оступись, – из-за деревьев вышли Юран и Феникс.

– Ты же, как я, летать не умеешь, – в голосе Феникс не чувствовалось ни капли уважения.

Ричард подал Герде руку, помогая отойти от края.

– Мы побоялись, что вы заблудитесь, – почти искренне позаботился о безопасности товарищей по команде Юран, словно можно было заблудиться на берегу моря.

– С вами не заблудишься, – пробурчал Ричард, украдкой глянув на Герду, королева кивнула.

– Куда теперь? – Эмиль помог Луизе выйти из автобуса.

– Я за билетами, а вы сразу к поезду, – Сашка перемигнулся с красавицей, нравившейся ему с каждой минутой все больше. – Видите, через пять минут отходит один. Нам все равно, какой, лишь бы шел на юг...

Воспоминание таяло, как сон, оплывали дымом колонны современного модернового вокзала.

Луиза открыла окно в купе, чтобы дым от ее тонкой сигареты вытягивало на улицу. Жак спал, положив голову женщине на колени, и та гладила белые кудри ребенка. Сашка сидел напротив нее, он не мог заснуть, так же, как и Эмиль, который сейчас вышел в коридор.

– Эмиль не скоро вернется, – сбивая пепел в стакан, завершила Луиза, и внезапно хищно улыбнулась. – Не смотри на меня так, парень, не стоит в меня влюбляться.

Сашку будто током ударило: слишком легко Луиза читала в его сердце.

– Почему не стоит? Ты самая красивая женщина, которую я когда-либо видел.

– Самая красивая, – согласилась Луиза, рисуя дымом узоры, огонек на кончике сигареты стал похожим на красную звездочку. – Но мне не нужна твоя любовь. Не ты.

Сашка молчал: Луиза его обидела. Блондинка снова рассмеялась, тихо, чтобы не разбудить ребенка, но теперь грустно и даже разочаровано.

– Когда я была маленькой девочкой, то не любила себя, стараясь не смотреть в зеркало. Нет, уродливой меня не могли назвать, но я была обычной, каких тысячи на улицах. А мне этого было мало. Я мечтала стать самой первой и самой красивой так сильно, что чахла от тех мыслей.

И тогда мне, маленькой невинной девочке, начали сниться ужасные сновидения. Демон приходил ко мне и садился на краешек постели, и молча смотрел, как я засыпаю, таращился на мое лицо красными пылающими глазами. А тогда слал в мои сновидения соблазнительные пророчества об огромных роскошных домах и дорогих авто, меховых шубах и салонах красоты. Он обещал мне все, что я пожелаю, если я отдам ему свое сердце.

И я отдала, а утром проснулась блондинкой, от которой не мог отвести взгляд ни один мужчина, похожей на ненавистную мне куклу, которой в детстве играют почти все девочки. Я обрадовалась, ведь пророчества оказались правдивыми. Но мужчины, влюблявшиеся в меня, чахли и старели рядом со мной, а я не менялась. Эмиль – мой четвертый муж. Когда я отпускаю его, он восстанавливает силы, находясь подалеже от той, кого до умопомрачения любит.

Я отпускаю его, – грустно повторила Луиза, гася сигарету и выбрасывая ее в окно, – потому что люблю. Я поняла это, когда мы попали в аварию и едва не погибли. Аля это видела в будущем.

Сашке показалось, что в ее пустых глазах, цвет которых он

никак не мог запомнить, ведь за ними не скрывалась душа, блеснули слезы.

Воспоминание таяло в утреннем свете...

– Просыпайся, Сашка, мы почти приехали, – будил парня Жак.

Сашка сел на полке. Луизы и Эмиля в купе уже не было.

Они вышли из вагона. Без чемоданов. Да и зачем?.. Главное четверо с собой взяли – себя. Может быть, из-за отсутствия тюков или благодаря сверхъестественной красоте Луизы на них оглядывались. А возможно, потому, что всегда замечаешь безвозвратно утраченное.

Но обращали внимание не только на них. Мужчина лет тридцати пяти, одетый в дорогой светло-коричневый костюм, ждал кого-то, вглядываясь в людей, выходящих на перрон. Вот он увидел женщину, помахал ей. Женщина подбежала к нему, они обнялись, но не поцеловались, стесняясь такого количества людей вокруг.

– Ты вернулась!

Он поднял любимую, сияющую от счастья, и закружил. Мужчина, богач, чью жизнь сегодня должна была оборвать пуля конкурента, улыбался, глядя на беглецов из столицы, будто отблеск их счастья свободы упал и на его лицо.

В это мгновение богач понял, что бросит безумно дорогое авто вместе с прибыльным бизнесом и пойдет пешком в маленький поселок на берегу моря, куда позовет его сердце, избегая зловещей судьбы. И поля по обе стороны его доро-

ги будут синими, такими, что не понять, где заканчивается небо и начинается земля.

Будто осуществлялась мечта Сашки, хотя он и не вернулся в счастливые времена своей любви.

Макс остановился, отерев пот со лба.

– Привал, – позволил Ярош, сверившись с компасом.

Они не отклонились от цели. Итана умылась в ручье, напилась из горсти.

– Здесь так жарко, – Катерина переплетала косу, пряча ее под платком, подаренным Роксаной.

Лаура прислонилась к дереву.

– С тобой все в порядке? – Берн подошел к ней.

Девушка кивнула, не открывая глаз.

– Я давно не ходила пешком так далеко. Ричард всегда приказывал подать карету.

– Кем ты приходишься Ричарду? – Ярош вытирал саблю от сока растений, у которых они отвоевывали заросший путь.

– Приемной дочерью, – Лаура села на землю. – Я была примерно в возрасте Тимура, когда он выкупил меня у имперских солдат.

– Потому что ты колдунья? – Итана принесла ей воды.

– Я слабая колдунья. На моих ладонях даже пламени не было, – Лаура с благодарностью приняла воду в деревянной чашке и с удивлением глянула на людей, смотрящих на нее. – Так вы не знаете?

– О чем? – уточнил Макс, уже успевший намочить голову в ручье.

– Об огоньках.

– Я знаю, но ты все равно Расскажи, – Ярош спрятал оружие в ножны, дальше он видел просвет.

Лаура улыбнулась какой-то своей мысли, но не отказала капитану в просьбе.

– Иногда на ладонях чародеев, когда они еще чисты и невинны сердцем, как дети, расцветает пламя. Этот огонь живой, он советует и оберегает от опасностей, в часы одиночества заменяя друзей и родителей. Но когда такой человек причинит другому боль с помощью своего чародейства, пламя исчезает с его ладоней, больше не охраняя.

– Так у тебя не было огня, как у Юрия или Ласточки? – Итана смотрела на Лауру недоверчиво.

– Ричард сказал, что нет. Что я очень слабая колдунья, поэтому он и смог не дать увезти меня в столицу. Но он все равно забрал меня к себе и учил самому простому. У графа Элигерского не было приемника, который мог бы унаследовать его богатство, – она была уверена в словах, но уверена ли в чувствах, неизвестно.

– А когда графа Элигерского арестовали, где ты была? – Ярош поднялся, показывая друзьям на открывшуюся им тропинку.

– В тот день мы собирались на охоту. Но граф сказал, чтобы я ехала одна, потому что у него появились неотложные

дела. А когда я вернулась, Ричарда не было в особняке.

– И подстрелила что-то? – теперь Итана хотела идти последней, пропуская всех вперед.

– Нет, плохая была охота, – не ощущая коварства, ответила приемная дочь и ученица Элигерского графа.

Юран сидел на поваленном дереве возле леса, точил меч, когда лезвие коснулось его шеи.

– Оружие наземь, и поднимайся, – голос принадлежал графу Элигерскому. – Я, конечно, негодяй, но в спину не бью.

Положив оружие на песок, Юран медленно встал, поворачиваясь.

– Снова чародейством интересуешься, граф? Для заклатья чужая жизнь понадобилась?

Ричард молчал, со зловещей усмешкой глядя на принца.

– Не делай глупостей, граф, – Юран попробовал отвести лезвие, но в глазах Ричарда полыхнули чары.

– Это только ответ на глупость твоего капитана, когда он выбрал тебя вместо меня, – но ничего сделать Ричард не успел.

– Правильно, граф, не делай глупостей, – за спиной графа появился Хедин. – Капитан Ярош обрадуется, ведь королева Аталя выдала тебя.

Из-за деревьев выходили Айлан, Дельфин, Марен и Феникс.

Ричард быстро развернулся, чтобы ударить парня, но его

оружие наткнулось на клинок Айлана. Хедина между ними уже не было, парень сидел на корточках, касаясь земли, от его прикосновения по песку рисовался круг.

Юран мгновенно поднял меч. Но граф уклонился от удара и, толкнув Дельфина, выхватил из-за его пояса клинок. Колдун умел драться и обеими руками.

Круг замкнулся, с ладоней Феникс в песчаный ров стекало пламя. С оружия Ричарда сыпнуло искрами, опалив рубашку Айлана, одна искра до крови прочертила ему лоб.

– Тьма, приди, тебе жертва есть, – речь Марен была тихой, но даже Хедин вздрогнул, вставая.

Песок в круге серел, от ног на нем оставались черные следы. Пламя угасало, приобретая пепельный цвет. Ричард споткнулся, и Юран выбил у него один клинок.

– Не убивайте его! – Герда, подбежавшая к ним, схватила Марен за руку, разрушая заклятье.

Пламя вспыхнуло, рассыпавшись черной пылью, песок снова становился белым.

– Идиотка! – Марен наградила рыжую королеву пощечиной. – Ты сама могла погибнуть!

Ричард вздохнул, ему не хватало воздуха, оружие выпало из ослабевшей руки, и Айлан наступил на клинок. Оба держали лезвия возле горла графа, у которого даже сил не было, чтобы подняться.

– Не убивайте его, – уже тише попросила Герда, держась за обожженную пощечиной щеку, страха в ее голосе было

больше, чем обиды.

– Что, Ричард, корабль тебе захотелось? – Дельфин боялся зайти в круг: в отличие от Герды, он знал, какое заклятье они плели.

– Мы не собирались его убивать, потому что граф нужен капитану, – Айлан нехотя убрал оружие, вытер кровь со лба. – Жаль, что не удалось забрать у него чары.

– А у обычного человека заклятье могло взять жизнь, – добавил Юран, прятать оружие он не спешил. – Ты что, Герда, с ума сошла? – и уже к друзьям: – Свяжем его?

Герда вздрогнула, Хедин ухмыльнулся.

– Не говорите Ярошу, он его казнит, – казалось, Герда жалеет о своем предательском поступке.

– Казнит. А разве это не правильно? – Хедин без страха вошел в круг, чтобы вернуть оружие Дельфину, а себе забрать меч Ричарда.

Граф очнулся, застонав, но сесть он еще не мог, а помогать ему никто не собирался.

– Я вам этого не прощу, – прошептал он.

– Это нечестно... – Герда не знала, что еще сказать в защиту графа.

– И про честь говорит королева Аталя? – наигранно удивился Хедин.

Герда опустила глаза. Что еще она могла сделать?..

Глава 12

Узники злых чар

Возле вокзалов часто возникают рынки, где можно купить все, что угодно. Чем больше город, тем больше торговцев обманывают покупателей, тем чаще, возвращаясь с рынка, люди теряют там больше, чем стоили их деньги. Между торговыми рядами за корыстью крадется жажда наживы, окропленная кровью. Туда даже имперские солдаты стараются не наведываться, ибо там действуют свои законы.

Но Сашка выбрал самый короткий путь через рынок небольшого городка. Набросив на волосы Луизы только что купленный платок и крепко держа за руку Жака, беглецы пошли сквозь шумную толпу.

– Купите мечту! – к Сашке пристал торговец, чье лицо закрывал капюшон. – Целый мир, который никогда не исчезнет в небытие! Купите мечту, юноша!

Торговец протягивал ему хрустальный шар. Шар светился изнутри, и Сашка потянулся к нему, когда услышал едкий смешок Луизы.

– Не советую.

– Тогда мечта разобьется, – шар выскользнул из пальцев с кривыми ногтями.

Сашка поймал шар в воздухе.

...Поля и ветер, и свобода, и двое бегут, стараясь перегнать друг друга, и падают в стог еще свежей золотой соло-

мы, целуясь...

Сашка поднял взгляд. Торговца нигде не было.

– Выбрось его, – советовала Луиза.

– Я не могу, – зачарованно отпирался Сашка.

– Так разбей!

– Как можно разбить чужую мечту?

– Даже если это ловушка?

– Да.

– Так вы зайдете? – на пороге импровизированной лавочки, откуда двери вели в дом, стоял хозяин, капюшон плаща бросал тень на его лицо.

– Да, мы зайдём, – пряча хрустальный шар в карман, заверил Сашка, не обращая внимания на возмущение Луизы.

– Что же вы ищите? – хозяин открыл лицо, он оказался не пожилым, но уже седым благообразным мужчиной. – Вы делаете мне услугу, забирая эту вещь с собой, потому я об этом и спрашиваю.

– Кажется, мы ничего не ищем, – Сашка задумался. – Мы только что приехали в этот город.

– Только что приехали? – глаза хозяина осветились интересом. – Почему же вы попали сюда, а не прошли мимо стражи, встречающей всех новоприбывших?

Никто ему не ответил. Колдун усмехнулся, добавив:

– И зря, потому что по другую сторону рынка такой же кордон. Вы кого-то убили? Убегаете? Прячетесь?

– Сашка, не говори ему ничего! – рассвирепела Луиза.

– Вам я зла не желаю, пусть люди вы еще или уже нет, – колдун слегка склонил голову перед блондинкой, с которой под его взглядом съехал платок, – ...кем бы ни были ваши родители, – пронизывающий ледяной взгляд перетек на Жакка, – ...какие бы тайны вы не скрывали, – взгляд остановился на Сашке, тот глаз не отвел, гордо бросив вызов колдуну. – Смелый парень, но разве ты сможешь меня победить?

Сашка понурился: колдун все же смог заглянуть ему в душу.

– Поверьте, зла я вам не желаю, – вел дальше колдун. – Вы забрали мое воспоминание, ловушку, в которой я провел не один год. Мало осталось в мире людей, что сделают добро себе на горе.

– Даже если добро сделано неосознанно? – Луиза не хотела ждать, пока он их всех околдует, но и чтобы уйти, хлопнув дверью, у нее воли не хватало.

– Да, – но он говорил не с красавицей, а с Сашкой. – А если я попрошу тебя еще кое-что сделать, в чем для тебя не будет плохого?

– Проси, – не раздумывая, согласился парень.

– Не верь ему!

Колдун взглянул на Луизу, и она потеряла дар речи. Эмиль обнял любимую, чтобы хоть как-то защитить.

– Прости, красавица, но я очень хочу уйти. Вы освободили меня из ловушки, но без вашей помощи мне не выбраться. Так ты сможешь, парень?

– Да, я ведь уже пообещал, – Сашка до конца не понимал, зачем это делает.

– Пойдем, – колдун отодвинул перед ними занавеску, служившую дверью в другую комнату, и пригласил внутрь.

В кресле возле жарко натопленного камина сидел мужчина. Его лицо было очень бледным, черные волосы прилипли ко лбу, левая рука замотана серой тряпкой, через которую проступила темная кровь. Другой рукой он прижимал к груди цветок. Роза была такой непостижимой красоты, что даже Луиза ахнула от восхищения. Сашка заметил, что от дыхания мужчины с розы пылью осыпается волшебное серебро.

– Этот цветок вырос и расцвел на крови, – тихо сказал колдун. – Возьмите его. Только такой цветок укажет мне путь. Мужчину Вейном зовут.

– Он болен? – Луиза напугано повернулась к колдуну.

– Он умирает. Кто срывает такой цветок, взамен отдает жизнь.

– По твоему приказу? – Сашке стало по-настоящему страшно, будто он заснул, и теперь ему снятся фотограф, умеющая останавливать время, красавица, чью красоту подарил демон, отобрав счастье, колдун, заточенный в собственной мечте.

Парню показалось, что колдун видит его мысли, разделяя людскую печаль.

– Нет, я нашел его в Мертвом городе уже без сознания, заколдовал, чтобы привезти сюда, но, когда умрет он, увянет

и цветок. Море залечит рану, но отсюда далеко до моря, и мне к волнам не приблизиться. Оно не позволит.

Сашка не спрашивал, почему море не подпустит колдуна к себе, а кто наказал этого мужчину так страшно и за что, парень и не догадывался.

– Я попробую, – тихо заверил он хозяина.

Сашка опустился на колени подле кресла, хотел просто взять розу из рук Вейна, но почему-то не спешил. Нет, не так. Иначе нужно. Если смерть ждет всякого, сорвавшего такой цветок, то к смерти и нужно обращаться.

Парень взял мужчину за раненную руку, коснулся ею своего лба, будто со смертью поздоровался.

– Чего ты хочешь? – едва слышно спросил нечеловеческий голос устами потерявшего сознание.

– Твой цветок, – Сашка не поднимал голову, не опасаясь, что проклятье или болезнь перейдет на него самого.

– Для кого? Для осужденного на страдания? Для врага? – голос холодно смеялся, но губы Вейна словно не шевелились, и голос больше напоминал женский, чем мужской.

– Мне все равно, кто он и за что его наказали. Ты отдашь мне цветок, или нет? – раздраженно спросил парень, поднимаясь.

– Кровью связаны вы, пока соль моря сильнее соли крови не станет, – радовался ледяной голос. – А цветок бери.

Раненый застонал, приходя в себя. Роза сама выпала из его онемевших пальцев.

– Ты в крови! – испугалась Луиза, вытирая платком лоб Сашки.

– Это не моя кровь, – парень отстранил красавицу.

Колдун поднял цветок, пыльца облачком взмыла над огненными лепестками, сложившись в серебристую женскую фигуру, руки у него были обычными, не уродливыми.

– Так просто... Почему же я не догадался?..

– Околдованный не догадается.

Колдун удивленно глянул на Жака, сказавшего это.

– Твоя правда, не догадается, – медленно проговорил он. – Жаль, что я с вами не могу пойти. Забирайте его и идите, я вас благословляю, – он начертил в воздухе знак. – Это будет оберегать вас, пока вы не выйдете из города. Ничему не удивляйтесь.

– А куда пойдешь ты? – Сашка не мог не спросить.

– В небытие, – улыбнулся колдун. – Куда давно лежит мой путь, – и внезапно его глаза осветились сиянием, какое бывает только у воды, когда восходит луна. – Передайте Морю, что я его так и не смог предать.

Но Сашка видел перед собой не колдуна, не седого мужчину, а совсем иного человека, чьими волосами и флагом, поднятым перед боем, играет морской ветер, а на поясе у него оружие, и в сердце воля, какой обычные люди не знают.

– Прощай, я передам Морю твои слова, – Сашка верил, что никогда не забудет это видение и когда-нибудь найдет к нему разгадку.

Тропинка привела пиратов к озеру, сверкающему в снопах света, льющегося сквозь кроны деревьев.

– Смотрите, – прошептала Луиза.

Возле озера танцевала красавица-мавка. Каждое ее движение было плавным, как искристый поток воды, нежным, как ветер, едва касающийся разгоряченной страстью кожи, зыбким, как капли предрассветного тумана на траве. Темные волосы с прозеленью облаком одевали ее в мерцающие паутинные одежды.

– Она прекрасна, – не удержался Макс, залюбовавшись совершенной красотой удивительного существа.

Услышав его голос, мавка шмыгнула за дерево.

– Вы кто? – удивилась она, выглядывая из-за ствола. – Люди сюда не ходят. Боятся.

– Мы с пиратского корабля, – попробовала приветливо улыбнуться Катерина. – Люди тебя с берега прогнали?

– Скажешь такое! – мавка осторожно вышла к ним.

Пышные темные волосы, по которым отблесками шли зеленые волны, доставали почти до самой земли, а полупрозрачное шелковое убранство надежно скрывало ее сказочное тело. Хотя Макс был готов поклясться, что еще мгновение назад она танцевала обнаженной, прикрытая лишь своими роскошными волосами.

– Люди сами меня боятся. А здесь... – неестественно зеленые глаза мавки встретилась взглядом с капитаном. – Ярош

Сокол?

– Не помню, чтобы мы виделись раньше, – такую красоту Ярош бы запомнил.

– Не виделись, – она замялась, решая, стоит ли продолжать. – Я слышала о тебе, пират. Просто слышала. О тебе много говорят, хотя и не всегда правду.

Ярош смерил ее заинтересованным взглядом.

– И что же неправдивое обо мне рассказывают?

– Многое, но о том не со мной разговаривать стоит, – уклонилась от ответа красавица. – Отважитесь пойти дальше в моем сопровождении?

Итана, Лаура и Катерина переглянулись, но промолчали. Макс кивнул, посмотрев на Яроша. Берн красноречиво проверил свое ружье.

– Мы пойдем с тобой, – решил капитан.

На свежем воздухе Вейну стало лучше, но рана продолжала кровоточить. Серая тряпка промокла.

– Давай, я тебе рану своим платком перевяжу, – предложила Луиза.

– Потом, – не согласился Вейн. – Сначала отсюда выберемся.

Шумная толпа рынка беспрепятственно выпустила их. Торговцев и покупателей становилось все меньше, площадь растекалась тремя неширокими улицами.

– Куда дальше? – спросил Эмиль больше у Сашки, чем у

Луизы.

Парень остановился. Улицы почти одинаковые, но на каждой должны быть солдаты, как сказал колдун. Сашка задумался, засунув руки в карманы. Шар был холодный, но от прикосновения он потеплел.

– Думаю, нам направо, – не очень уверенно проговорил парень.

– Как скажешь, командир, – поддержала его Луиза.

Солдат был один.

– Арсен, – поздоровался он, протягивая руку Вейну.

Эмиль и Луиза стали возле Сашки. Жак незаметно спрятался за ними. Глянув на Сашку, Вейн пожал руку солдата.

Арсен долго смотрел на него, дольше, чем необходимо стражнику, который хочет арестовать человека. Сашке показалось, что прежде чем стать солдатом, Арсен прошел через адские мучения, отпечатавшиеся в его глазах, сейчас пустых и не похожих на человеческие. Попытки в подземельях Империи во имя мира и величия истории.

Все понимали, что сейчас произойдет. Таким стражам не нужны документы, чтобы узнать беглецов. И теперь исчезнуть они не успеют. Нет рядом Али, что смогла бы указать им путь. Да и жива ли она?.. И Вейн тоже не просто так приблизился к врагу: только сейчас парень осознал, что спасенный им вооружен и весьма опасен, он убивал раньше. Чья-то жизнь сегодня оборвется на этой улице, но кровь не льют на правильной дороге...

– У каждого из нас есть своя тропинка, начерченная в пыли, – тихо сказал Сашка, всматриваясь в стражника. – И когда кто-то умирает, тропинок становится меньше, ветром ночным сдувает те дорожки. Дунул ветер – и нет их.

Арсен медленно отпустил Вейна, посмотрел на Сашку.

– Чьи тропки ты старался укрыть от ветра? За что тебя наказали?

Арсен вздрогнул, закрыв опустевшие от страданий глаза.

– Не ваше это дело... – но звать других он не спешил.

Сашка и Арсен смотрели друг на друга, склонил голову бледный Вейн, молчали Эмиль и Луиза. Казалось, само время остановилось и вслушивается в не сказанные слова.

– Идите за мной, – совсем другим голосом приказал солдат.

Но друзья не двинулись с места, осознав, что готовы драться за свою жизнь.

– Верьте мне, – приветливо добавил Арсен. – Просто верьте.

И они поверили.

Как Арсен вывел их из города незамеченными – загадка. Солдат привел друзей к дому, находящемуся в пригороде. Старое сооружение покосилось и напоминало брошенный домашний очаг, где давно погасло пламя.

С двери посыпалась труха, когда Арсен ее открыл. Внутри отдавало пылью и плесенью, затхлым воздухом покинутого дома. Друзья несмело зашли вслед за Арсеном.

Солдат нашел оплавленную свечку, зажег от спички. Огонек качнулся, отразившись в большом старом зеркале.

– Арсен, а где твоя жена? – спросила Луиза, разглядывая комнату, укрытую толстым слоем пыли и грязи.

– Я не был женат, – Арсен искал другие свечи, но больше не было.

– А этот дом? Тогда чей он? – Вейна толкнул старый пес, вбежавший в комнату.

Мужчина поморщился от боли: собака зацепила его раненную руку.

– Родительский, – коротко ответил хозяин, глядя отощавшего пса, лижущего ему ладони, будто слизывая боль и усталость. – Они умерли. Но я даже не знаю, где они похоронены, – казалось, Арсен лишь сейчас вспомнил, что когда-то у него были свой дом и семья.

Невероятно, как Сашка подобрал ключ к его душе, вернув глазам солдата свет. Но он чувствовал, что это ненадолго.

– Верьте мне, – повторил Арсен.

В грязном зеркале отражался солдат в серой имперской форме, будто сшитой на другого. Солдат плакал, и слезы эти были соленой живой водой, как море.

Мавка вела Яроша и команду тайной тропой, одним концом касающейся вершины горы, а другим – моря. Но только тот, кто знал о ней, мог пройти под живыми сводами.

Катерина была довольна. Итана просто любовалась закол-

дованным коридором. Берн и Макс вели себя серьезно, как и подобает мужчинам, но красота чужих чар растопила и их сердца. А Лаура не могла скрыть восхищения. Деревья говорили с ней, тихий ветер говорил с ней, но, самое главное – с ней говорила земля, впервые открывая тайны, на которые даже и не намекал учитель.

Садилось солнце, и по тропе ползли сумерки.

Луиза перевязала руку Вейна своим платком, как и обещала, но это только навредило ему. Кровь скапывала через ткань, как вода, мужчина побледнел. Испуганная Луиза замотала рану серым тряпьем, и кровотечение почти полностью остановилось.

– Наверное, она зачарована, – Вейн не удивлялся.

Эмиль сел на стол рядом с Арсеном, ведь стульев в комнате не было.

– Почему ты нас не выдал?

– Не знаю. Вы не такие, как другие, которых я ловил, – Арсен провел рукой над пламенем, которое уклонилось от пальцев солдата.

Эмиль удивленно отметил это странное поведение огня.

– А как вы узнаете, кого ловить нужно?

– Мы не свободны, – тихо ответил Арсен. – А вы свободны. Мы видим вас всюду, где бы вы ни были, кем бы ни притворялись.

– Но разве ты не свободен, если говоришь нам это? – Саш-

ка смотрел в зеркало, покрытое пылью, и ему казалось, что его силуэт в стекле не отражается.

– Нет. Лишь на эту ночь, пока вы здесь.

– А если ты пойдешь с нами? – Сашка верил, что сможет его околдовать, как тогда, на улице, хотя и понимал, что чары чужие, подаренные на один день странным благословением.

– Нет, – усмехнулся Арсен. – Вы не знаете...

Он умолк, ибо рассказать не мог. Не мог рассказать, как по чужой вине погибла та, кого он полюбил всем сердцем, хоть любовь и была под запретом в их школе. Как он с друзьями жестоко наказал виновника, и только вмешательство учителей спасли негодюю жизнь. Как он стоял на коленях в комнате учительницы, которая была его опекуном. Он не чувствовал страха, понимая, что его ждет за преступление имперских законов, а она почему-то тайком плакала, отвернувшись к окну. Как на рассвете его забрали... Его одного, ведь он взял общую вину за их поступок на себя, чтобы спасти друзей...

– Не трогай его, Сашка, – попросил Жак, похоже, что мальчик тоже почувствовал, о чем вспоминает имперский стражник.

Но Сашка не смог удержаться от следующего вопроса.

– А когда мы уйдем утром, что будет с тобой?

– Я забуду о вас и об этом доме, и буду верно служить Империи, подчиняясь приказам своего командира.

Услышав это, Вейн невольно стиснул руку в кулак, забыв

о ране, и тихо вскрикнул.

– Ты что? – испугалась Луиза.

– Ничего, не обращай внимания, – отмахнулся от нее мужчина.

Арсен больше не говорил. Его мысли принадлежали прошлому, которое он так неожиданно вспомнил. Молчали и другие.

Через что же должен был пройти человек, чтобы стать таким? Что должен был пережить, чтобы забыть все, что когда-то было ему дорого?..

Сашка рукавом стер пыль с зеркала, заглянув в него, будто в окно.

...Та же комната, но чистая, полная света от камина и светильников.

– Не забирайте моего мальчика, прошу... – тень матери хваталась за солдатскую одежду. – Не забирайте моего сына...

– Женщина, это большая честь, ведь твой сын будет учиться в столице. По закону Империи я должен его забрать. Твоему сыну уже исполнилось одиннадцать...

– Умоляю... – женщина сползла на пол, но ее мольбы не могли разжалобить исполняющего приказ.

Свечи памяти гасли, теперь запорошенное пылью зеркало каждую минуту вспоминало тот день, когда из дома ушло счастье...

– Мы пришли.

Мавка привела их к дому, построенному из стволов деревьев. Стены укрыл лишайник, да и сами стволы были настолько полны жизни, что поросли побегами.

– Я привела их, госпожа, – позвала мавка, кланяясь.

Тень промелькнула в окне, открылась дверь.

– Заходите, – пригласила мавка.

Первым в живой домик, пригнувшись, вошел Ярош, за ним женщины. Берн и Макс хотели остаться на улице, опасаясь ловушки, но мавка покачала головой, и они были вынуждены подчиниться.

В домике не зажигали огни и не было мебели, а зеленые побеги плюща заплели стены.

Катерина ойкнула: сквозь полупрозрачную фигуру хозяйки просвечивала стена. Ярош положил руку на рукоять сабли.

– Не бойся, пират, – призрак улыбнулся. – Это я вас звала. Я просила Море привести вас сюда.

– Привести? Зачем? – Итана не доверяла призракам.

– Луна взойдет, узнаете. Но сначала скажи, пиратский капитан: возьмешь призрака на борт?

Ярош мешкал с ответом, призрачная женщина усмехнулась.

– Харуна взял. И даже Марен взял. Давним веришь. Врагам веришь. Отчего же меня не возьмешь?

– Жаль, что здесь нет ни Марен, ни Харуна, – недовольно

бросил Берн, пронизательный призрак ему не нравился.

– Не слишком ли много ты обо мне знаешь? – Ярош и сам ей не верил.

– Не больше, чем Море знает, – призрачная женщина подошла к мавке, обняла ее, не касаясь дымчатой рукой. – А моей подруге от него тоже многое ведомо.

– Это правда, так может быть, если Море к чьему-то горю внемлет, – неожиданно подтвердила Лаура. – Ричард мне рассказывал. Давно, – она погрустнела, вспомнив, что граф за последний год ничему не учил свою наследницу.

Призрак посмотрел на девушку, и легкая улыбка скользнула по его губам.

– А ты же и не сомневался, Ярош, что она тебя предаст. Я знаю, вы стремитесь попасть на Призрачные острова. Эти затерянные в море земли не принадлежат живым. Там ждет меня покой. Так возьмешь меня с собой, капитан?

– Возьму, – согласился Ярош. – Могла бы встретить нас и на берегу.

Призрачная женщина опустила взгляд, будто хотела что-то сказать, но не могла.

– Луна всходит, – напомнила мавка, заплетая свои роскошные волосы в толстую косу.

– Нет, Ярош, ты не понимаешь. Ты сам должен увидеть. Идите за мной, – призрак выплыл из домика.

Безмолвно, словно зачарованные, люди пошли за полупрозрачной синей тенью, чья поступь не гнет травы. По тро-

пинке, которую живым не увидеть, по лунному свету, на полянку, где журчит родник.

– Смотрите на воду. Вода, как время, все расскажет, как нашим предкам рассказывала, – торжественно промолвила призрачная женщина. – Сначала смотрите.

Только Ярош и Итана склонились над водой. Все другие остереглись.

Журчала чистая вода, жадная к лунному свету. Текла вода, но к ней примешивалась тонкая струйка крови, все равно растворяясь, побежденная водой. Сказки превращались в байки, в которые никто не верит; нелюди учились любить, ведь люди утратили этот удивительный дар; терялись в пустыне карт границы стран вместе с народами... Не возродить утраченного равновесия, ибо суть равновесия забыта и подменена бездушными раздумьями. И те, кто мог изменить мир, выбирали смерть.

Журчала чистая вода, оголяя камни дна, одевая их в серебро.

– Ты хочешь спросить еще о чем-то, Сокол? – ледяной, безжалостный голос призрака, осмелившегося обратиться к времени за советом.

– Да, хочу. Это будущее?

– Нет, Сокол, – теперь печально, будто сама вечность говорила ее устами. – Это сегодняшнее и только чуть-чуть грядущее. Корабль с черными парусами заблудился в море и во времени. Или время вне него идет слишком быстро? – она

не по-человечески улыбнулась. – Но сейчас время больше не полноводная река, оно обратилось в водоворот. Все изменяется, и пират может пройти сквозь время в другое столетие, отыскав того, кто мечтает ходить под черными парусами и красным флагом, ибо таким был настоящий пиратский стяг. Ты знаешь: кровь и смерть, огонь, а не тьма. У вас отобрали даже это... Но тот, кто увидит на горизонте "Диаманту", сможет подняться на борт, даже если побратимы этого корабля давно истлели.

– Мы уже находили людей из другого времени, – подтвердил Ярош: вечность в образе призрака его пугала не больше Нордина, капитана "Астагора", которому он дал обещание, или Марен, запретившей ему пить.

– Все меняется, – повторила вечность, уходя. – Время – круговорот. И лишь несколько фигур могут подняться над ним, чтобы драться с Химерой, чьи крылья белые, как тяжелые снежные тучи, забывшие прикосновение ветра свободы. Тебе выбирать, капитан, кто вызовет советника Императора на поединок. Прощай.

Призрачная женщина упала, и Итана подбежала к ней, забыв, что хозяйка домика неживая. Застонав, полупрозрачная фигура поднялась. Тепло сочувствия, на удивление Лауры, придало призраку сил.

– Так возьмешь меня на борт, капитан? – будто ничего не случилось, переспросила она, словно забыла все, что пророчила возле звонкоголосого ручья.

– Да, конечно, – улыбнулся пират: говорить с призраком ему нравилось намного больше, чем с тем древним существом, в действительности позвавшим их сюда.

– Вы потеряли из-за меня два дня, – добавила призрачная женщина. – Назад мы вернемся до рассвета. Эти тропки не мной заколдованы. Но путь к морю всегда короче.

Путь к морю всегда короче, как и путь домой. Но все, кто сегодня видел, как луна купается в зачарованном ручье, поняли, что домой им вернуться суждено, только побывав на Призрачных островах. Не стовариваясь, друзья решили ничего из услышанного и увиденного в воде не рассказывать команде. Пусть дети смеются и играют, а команда мечтает об увлекательных приключениях. И даже Лаура решила больше не дружить с товарищами графа Элигерского. Но обрадуется ли этой новости граф? Вряд ли...

Выйдя на белый песок, первым, что увидел Ярош, был его любимый корабль. Грот-мачта "Диаманты" переделала золотой пятак луны.

Глава 13

Курс на пиратский порт

Пираты направлялись к воде, где их ждала лодка. Хотя на твердой земле и было хорошо, но на корабле как-то безопаснее, и все стремились побыстрее вернуться к команде.

Яроша, шедшего последним, позвали по имени. Сокол оглянулся и увидел Марен, направляющуюся к пирату.

– Подожди, Ярош, – сказала давняя. – За время твоего отсутствия много чего случилось, команда тебе расскажет, но и ты не один вернулся, – она пронзительно посмотрела на

пиратского капитана, будто чтобы убедиться, что не ошиблась. – У меня есть вопрос, Сокол, волнующий всех давних на твоём корабле.

– И что это за вопрос? – улыбнулся Ярош, без страха глядя на нее.

– Куда твой корабль пойдет дальше, Ярош? Неподалеку есть очень интересный остров. Заглянем ли мы туда?

Пиратский капитан рассмеялся: хоть раз он таки угадал, о чем думает давний народ.

– Да, заглянем. Туда бы мы и отправились, если бы не предложение русалки.

Темные глаза давней смотрели в землю, и не понять, рада ли она, или чем-то встревожена, либо же эти чувства на показ, чтобы запутать человека...

– Правильно, Сокол. Где же еще могли остаться те, кто нужен твоей карте сокровищ, как не там...

Ярош смотрел на Марен и совсем не боялся ее, хотя стоило бы, ведь самая большая ошибка, которую можно допустить, – это доверять давнему народу. Тем более той, о чьих поступках он столько знает...

– Карта сокровищ собирает не пиратов, а людей с особенными судьбами? Твоя названная сестра так зачаровала ее? Марен, скажи, на кого откликается карта?

– Пока мне это неизвестно, – четкий ответ, но не понять, говорит ли давняя правду. – Пойдем, Ярош, твоя команда будет беспокоиться.

Лодка отвезла тех, кто хотел поскорее оказаться на "Диаманте", и вернулась за капитаном и Марен. На этот раз гребли Айлан и Дэниэл, и в их радости от встречи никто бы не усомнился.

– Капитан вернулся! – обрадовалась Феникс, первой подбежав к Ярошу, поднимающемуся на борт.

Команда немного отступила, когда к ним подплыл призрак. Ричарда не было среди встречающих.

– Куда мы держим курс, капитан? – улыбаясь, спросил Странник.

Давний подал Ярошу шляпу, упавшую с головы капитана, когда пират поклонился своей команде, благодаря за верность.

– Курс на Тортугу!

Глаза Яроша озарились духом приключений, светом, не замутненным страхом неизвестного, а еще больше – известного.

"Диаманта" ставила паруса. Илария, Иржи и Андрей с берега махали кораблю, исчезающему в ночи. Эсмин уговорила их не возвращаться в неприветливый мир, где их не ждет ничего хорошего.

Полина и Рита украдкой наблюдали, как Юран и Феникс что-то рассказывают Ярошу, который их внимательно слушает, не перебивая. Роксана с Юрием показывали Тимуру корабль. Роксана уже пообещала мальчишке, что научит его

быстрее всех взбираться на мачту.

Марен и Харун познакомились с призраком, но он оказался неразговорчивым. Призрачная женщина смотрела на море, почти не обращая на них внимания.

– Позови Лауру и принеси фонарь, – приказал Ярош Юрану и обернулся к Феникс. – И ты пойдешь со мной.

Встревоженная Лаура появилась через минуту: вероятно, она успела что-то услышать о случившемся, когда они ходили в поход к горе.

Рита махнула Полине, предлагая проследить, куда собрались старшие, но подруга жестом возразила, чувствуя, что эти взрослые дела их не касаются.

Каким бы ни был корабль, и каким бы ни был капитан, но на каждом корабле есть место, где держат узников. На этот раз там находился граф Элигерский.

Ричарду сковали руки, а самого заперли в клетке, поросшей темной ржавчиной.

Лаура оказалась между Ярошем и Феникс, держащей свет.

– Ричард! – вздохнула Лаура, порываясь броситься к нему, чтобы освободить, но не двинулась с места и, овеянная грустью, добавила: – А я им не поверила, Ричард, что ты...

Граф тяжело пошевелился, вцепившись в решетку. Для обессиленного колдуна кандалы были слишком тяжелы.

– Зачем ты это делаешь, Ярош? Верности твоей команды тебе мало, так ты и моих друзей к себе прибрать надумал? – в голосе графа сквозила насмешка. – Поговорим как мужчи-

ны?

Не сводя взгляда с графа, Ярош знаком попросил фонарь.
– Оставьте нас.

Без возражений Феникс вывела Лауру из трюма. Наследницу графа так поразило увиденное, что она не протестовала, не пыталась защитить своего товарища.

Ричард еще крепче вцепился в решетку, чтобы не смотреть снизу вверх на капитана. И Ярош сжалился над его гордостью: поставил фонарь на пол и присел.

– Глупость – готовить заговор, Ричард, когда его ждут, – заметил капитан пиратского корабля.

Но к тому, что сделал Ричард, он не был готов. Граф склонил голову и тихо сказал:

– Прости меня, Ярош, что-то на меня нашло. Я слишком долго не был в море, презираю твоего принца, да ты и сам знаешь, что не все твои решения справедливы. Я не желал причинить зло кому-то, кроме тех, кто ненавидит меня. Прости, капитан.

Ярош не сразу нашелся, что ответить графу.

– Ты жив лишь из-за моего отношения к Лауре, не хочу ее огорчать. Других твоих друзей мне не жаль.

– Ярош, ты обещал моим друзьям остров.

– Но я не превращу рай в ад, высадив твоих друзей на этой зачарованной земле.

– Но если запрешь их вместе со мной или сбросишь в море, поднимется бунт. Не все на корабле верят тебе и пони-

мают, куда попали. И будет много крови, – из последних сил Ричард улыбнулся, выторговывая себе жизнь.

– Но тех, кто верит мне, на борту больше, – Ярош не вернул ему улыбку. – Твои друзья, уверенные, что от их рассудительности зависит твоя жизнь, не станут противиться моим приказам. Или ты сомневаешься в своей бывшей команде, капитан Ричард?

Граф не ответил. Ярош поднялся, забирая свет. Но во взгляде пленного Ричарда он прочитал больше, чем тот сказал словами. Граф искренне просил прощения, и не из страха перед наказанием.

Роксана и Рита устроили тренировки прямо на палубе. Они очень быстро перенимали чужое мастерство, ведь Айлан и Олег были хорошими учителями. А когда к ним присоединилась Киш, корабль превратился в настоящую школу боевых искусств.

Видя, как сражаются дети, присоединиться к тренировкам решили Макс и Владимир, и хотя пожилому Владимиру было очень тяжело держать дыхание, он старался, как мог.

– Неправильно. Этот удар легко отбить, – со смехом поиздевалась над его попытками Герда, наблюдавшая за занятиями.

– Так выйди к нам и покажи, как нужно, – обрадовался Айлан, которому не терпелось развлечься.

– Не сегодня, Айлан, – королева Аталя и бровью не поведла, не отозвавшись на вызов, но своей уверенной речью она обещала, что поединок состоится обязательно.

– Айлан.

Мужчина оглянулся.

– Научите и меня, – Тайра больше не носила платок, а перевязала волосы черной лентой: от висков у нее шли седые пряди, появившиеся несколько дней назад.

Но не всех радовали эти учения. Ян и Константин, как всегда, ругали детей.

– Куда смотрят ее родители? – возмущался школьный учитель из небольшого Элигерского городка. – Я еще пони-

маю других детишек, чьи родители далеко. Но Роксана! Как она может так расстраивать своих родных? Заставлять их нервничать!

Будто в ответ на его справедливые замечания, Роксана выбила палку из рук Риты и сама же, подпрыгивая от радости, побежала за ней, чтобы отдать. Подруги возобновили сражение.

– Да, Константин, ты прав. Они плохие родители, если позволяют своей дочери так себя вести.

Ян не видел, что Ольга, мать Роксаны, слышит каждое их слово и готова расплакаться от обиды.

На бочках, выставленных кругом, играли в карты друзья графа, Козырь и Меченый, и Серж с толстым Алексеем, которых Ярош вызволил из плена на "Астагоре". Игра была в самом разгаре, у Сержа пошла масть.

– Эй, Лаура! Иди к нам! – крикнул Козырь, но девушка отмахнулась.

Как она могла сейчас играть? И как могли играть эти люди, знающие Ричарда намного дольше, чем она?..

– Что ты хочешь от этих двоих? – рядом с ней стоял Странник. – Разве ты удивлена, Лаура? Неужели ты не знала, кем был Ричард до того, как получил графский титул?

– Отстань от меня! – возмутилась она, повернувшись к кудрявому мальчишке спиной.

– Как пожелаешь, девочка... – но в голосе Странника проскользнула настоящая обида.

Сашка, Луиза, Эмиль, Вейн и Жак оставили позади город, где люди завтра позабудут, что встречали их. Впятером они будут идти пыльным путем, любуясь, как в травы садится солнце, и табун пересекает проселочную дорогу, а ветер развеивает золотистые гривы.

Время котилось, как колесо с горы, ложилось дорогами и тропками между имперской столицей и беглецами, а марево звериной воли скользило за ними, околдовывая. Но мир менялся, звонче смеялись дети, а на одном цветке Сашка увидел крохотную фею. Фея качалась на ромашке, напевая веселую песенку.

Пирату достаточно поселиться в маленьком городке, чтобы по его улицам ходили единороги или вернулись драконы. Но не все пираты хоть раз видели море. Пиратство в крови, такой же соленой, как и морская вода...

Попутка, остановленная Луизой, довезла беглецов до поселка, где они и планировали заночевать. Дальше водителю с ними было не по дороге.

Чем ближе к морю, тем меньше автомобилей, тем больше лошадей и одноэтажных строений, а люди чаще улыбаются, и глаза у них добрее. Сначала Сашка удивлялся, но потом подумал: а что он видел, прожив всю жизнь в городе? Немало чудес прячется от тех, кто в них не верит, считая, что все открыто и известно.

Они ужинали в придорожной корчме, которую раньше

могли увидеть только в кино. Луиза играла с Жаком в "ладушки", как с родным сыном. Почему-то Сашка был уверен, что собственных детей у нее быть не может. Эмиль расспрашивал корчмарку, какой дорогой им лучше идти дальше. Только Вейн не оставил Сашку в одиночестве.

– Тебе больно? – решился спросить парень о том, что не давало ему покоя.

– Я привык, – пожал плечами Вейн. – К тому, что с тобой постоянно, привыкаешь.

Сашка не мог с ним согласиться, но каждый имеет право на собственное мнение.

– Зачем тебе понадобился тот цветок? – этого Сашка понять точно не мог: как можно платить жизнью за какую-то розу, где бы она ни выросла...

На устах Вейна плыла изменчивая улыбка.

– Ты не видел тех цветов. Улицы, заросшие огненными цветами. Много цветов. Где-то цветок выглядывает из-под порога. Где-то вырос возле стены, укрытый от ветра. Только ветра те цветы не страшатся, ибо они вечны, как страдания того места. И город тот мертвым называют.

– А что делал там ты? – Сашка хорошо помнил, что об этом ужасном месте говорил и колдун.

Вейн из мечтательного стал серьезным и даже печальным.

– А ты действительно хочешь об этом знать, Сашка? Сказки бывают удивительные и страшные.

– Одно чудо передо мной сидит. Что может меня удивить

больше, чем ты?

– О чем вы здесь? – Эмиль подошел к друзьям.

– Сказки послушать хотите? – усмехнулся Вейн.

– Сказки? – весело переспросил Эмиль, не понимая, о каких сказках идет речь. – Луиза, Жак, сказки послушать не желаете?

– Нет, не мешайте нам, – Луиза показывала Жаку фокус, пряча в кулаке монету, которая потом удивительным образом исчезала.

– Пойду, покурю, – Эмиль вышел на улицу.

– Значит, им слушать и не нужно, – Вейн задумчиво проводил Эмиля взглядом невероятно ясных зеленых глаз. – А ты слушай мои сказки, если кошмаров не боишься.

– Я не боюсь кошмаров, – твердо ответил Сашка, а Вейн начал говорить, тихо, но очень спокойно и четко, чтобы парень и сам увидел происходившее с ним.

– Я родился и всю жизнь прожил в селении, еще меньшем, чем это, далеко-далеко отсюда, где море холодное и серое, но мы любили то море. Море кормило нас и оберегало, пока в один недобрый день возле нашего берега не стал на якорь большой корабль завоевателей.

Они сражались, не жалея себя, не страшась боли. Победить их было тяжело. Те воины не знали страха, но не знали и дружбы или сочувствия, и не слушали никого, кроме своего командира.

Завоеватели окружили нашу Матушку, оберег нашего се-

ления, и жестоко убили ее. И тогда мы все словно обезумели, мы клялись ее кровью, что уничтожим завоевателей. Но их было значительно больше. Потом те из нас, кто выжил, узнали, что к побережью подошел целый флот. Император расширял границы своей огромной страны, не щадя другие народы, отказывающиеся назвать своим бело-серый флаг.

Вейн замолчал, ему было тяжело об этом вспоминать, но он еще ни с кем не делился пережитым. Выпив воды, потому что спиртного они принципиально не заказали, северянин продолжил:

– Я дрался с одним солдатом, когда взорвался порох, который мы сами же и подожгли, чтобы так обескровить врагов. Меня только оцарапало, а солдата сильно ранило. Нас отбросило взрывом к скалам, у врага развязался и откатился в сторону шлем. Он был полностью седым, хотя и молод.

Я замахнулся, чтобы добить врага, но завоеватель застыл, и я не смог его ударить. Он был другим, я не понимал этого, только чувствовал. Моя ярость угасла. На месте наших жилищ полыхало пламя, но я больше не желал завоевателям зла. Не желал зла ему.

"Парень, – тихо попросил он. – Я умираю... Скажи, есть ли здесь море?"

Волны разбивались о скалы в нескольких шагах от него, он сам приплыл сюда по морю, и я не мог понять, почему он об этом спрашивает. Седой мужчина попробовал подняться, ему это удалось, но ненадолго. Он потерял слишком много

крови, чтобы стоять. Не понимая, зачем это делаю, я подставил врагу плечо.

И, коснувшись его, я словно взял себе часть его памяти и воспоминаний. Я узнал, что поседел он за одну ночь, я разделил с ним его присягу и приказы командира, разделил его колдовскую слепоту. Но отдал ему свои воспоминания о мире в моем селении до их прихода, отдал, как месть. И он видел море моими глазами, слышал море моими ушами...

Я не знал, кто он. В ту ночь, когда его волосы утратили цвет, воспоминания упали в пропасть, окутанную тьмой, словно не было иной жизни без команд и неволи. Он умирал у меня на руках, а я делил с ним свою судьбу, перенимая его проклятье, падая в ту же пропасть, но не боялся ее.

Нас нашли завоеватели. Помню, как они искали среди пожарищ моих еще живых соотечественников, к счастью, таких оказалось немного. Помню дым погребального костра, где они сожгли своих: высокий дым, видимый и с моря. Помню, как нас перевезли морем в какую-то страну, но из трюма не выпустили. И снова море, снова плен...

Вейн задумался, вспоминая, но Сашка и сам был в плену страшной сказки чужой жизни. То, о чем рассказывал товарищ, можно было назвать выдумкой, осмеять, обвинив рассказчика в сумасшествии. Сашка сам полмесяца назад не поверил бы в такие исповеди, но после феи на цветке, которую он увидел, и чар, постоянно находящих его...

– Знаешь, Сашка, тяжело объяснить, как мне удалось сбе-

жать. Меня будто вело что-то, какая-та сила одаривала счастьем. Но счастье оказалось темным. Дороги чужой страны привели меня в Мертвый город, где я ощутил покой.

Нужно было бежать, а я мешкал, позволяя городу очаровывать меня. Я видел много смертей, и сердце мое зачерствело, поэтому на мертвых улицах мне было хорошо, как нигде. И тогда я увидел цветы, выросшие на крови. Меня тянуло к ним, но желание жить предостерегало от неразумного поступка.

Город слал видения из прошлого, соблазняя сорвать хотя бы один цветок, чтобы подарить любимой, тоже погибшей той ночью. Город обещал, что я встречу любимую, если сорву цветок.

И я поддался, выбрав самый красивый, пусть он и вырос на пустыре. Руку обожгло болью, и я упал, все же сломав цветок. Город насмеялся надо мной, медленно выпивая мою жизнь.

Сквозь грезы беспамятства я вспоминал, как надо мной склонился мужчина, как читал заклинания над раной, как тени преградили ему путь, когда он выносил меня из города. Тени шли за ним, а теперь и за мной из города в город, из селения в селение, становясь нашими общими кошмарами, не отпуская из марева уже другого плена.

Но было в них что-то общее, в том седом мужчине и в колдуне, спасшем меня. Я так и не поблагодарил его. Только с вами я начал снова ощущать жизнь, полно и ярко, как

раньше. Но с моим спасителем вы уже попрощались.

– Я думаю, колдун бы тебя понял, – Сашка и сам жалел, что не узнал имени человека, оплатившего им за помощь, выведя из города благодаря незримому благословению, охранявшему беглецов.

– Что-то долго Эмиля нет, да и Луиза с Жаком где-то подевались, пойду поищу, – исповедь отобрала у Вейна все силы, он снова побледнел, но улыбался, освобожденный от воспоминаний и вины.

Вейн вышел на улицу, и сразу к столу Сашки подседа красивая темноволосая женщина с вычурной прической.

– Привет, красавчик, – вместо зубов у нее были нечеловеческие клыки.

В ней была такая таинственность и звериная красота, что парня подмывало поцеловать пламенеющие уста. Он потянулся к женщине, но его вовремя остановило воспоминание о Маринке. Маринке с фотографии на стене... Заколдованная фотография Али Очеретяной спасла и его жизнь тоже...

– Прости, – Сашка отстранился. – Я больше под солнцем целоваться люблю.

Но она будто и не заметила оскорбления. Оборотень поднялась, грациозно перетекла парню за спину, взяла его руку, поцеловала.

– Нам идти нужно, – попытался противиться Сашка.

– Нам? Идти? Куда? – ворковала оборотень, стараясь, приворожив страстью, остановить его.

– Прощай, – парень поднялся, неуверенно высвободив руку из ее чарующих пальчиков с длинными накрашенными ногтями. – Прощай.

– Нет, так ты не уйдешь! – прошипела женщина-оборотень, отнюдь не страстно вцепившись ему в руку.

Сашка вырвался, поцарапавшись об ее ногти.

– А теперь иди, – она слизывала его кровь со своих пальцев, улыбнувшись. – Что оцепенел? Иди!

Сашка ушел, чуть ли не побежал. А оборотень допила из его кружки и вышла из корчмы.

К морю. Пешком. Хотя уже вечер. Сашка запретил ночевать в этом поселке.

Лицо женщины-оборотня снова озарилось улыбкой, когда красавица вышла во двор. Светло-русовая молодая женщина по имени Олекса притаилась возле стены, она принесла свежее молоко для корчмарки, но сейчас работа была забыта.

Оборотень засмеялась, задрав голову. Над ней зашелестели крылья большой белой птицы, пышное перо упало на нечеловечески прекрасное лицо. Оборотень поцеловала ледяное перо. Она танцевала на заднем дворе корчмы, кружилась от счастья, и перо в ее руке выводило чужое зловещее заклятье, которое она приняла и воплотила в жизнь. Это было пугающе и незабываемо: как прошлое, преданное во имя серости и покоя; как спрятанная ото всех рана, внезапно начавшая кровоточить; как обещание, у которого нет будущего...

Олекса бежала по дороге. Быстро-быстро, словно возвращаясь в детство, становясь настоящей. Она должна была догнать этих странных людей, должна была предупредить того парня с глубокими серыми глазами, которого случайно увидела, когда путники входили в поселок.

Но девушка отвыкла бегать, в боку колело, ноги подкашивались.

– Подождите! – крикнула она, вглядываясь в тени впереди.

Тени остановились. Олекса упала на колени, отдав цели все силы.

– Что случилось? – Вейн помог девушке подняться.
Белое перо догорало на ладони оборотня...

Ярош сидел за столом в своей каюте, разглядывал карты: их на корабле собралось довольно много – и старых, часть из которых расписана чарами, и новых, где большинство городов переименовано в угоду Империи.

Тихо постучали, и дверь приоткрылась. На пороге стояла Марен.

– Проходи, – кивнул ей Ярош.

Давняя вошла, заинтересованно осматриваясь. В каюте было на что посмотреть: панели, обшитые дорогим деревом красноватого оттенка, сделаны со вкусом; тяжелый стол из того же дерева, только чуть светлее, расположенный так, чтобы в иллюминатор всегда было видно море; много книг и старинные подсвечники, из которых не выпрыгнет огонь, если они упадут во время шторма, – сейчас такие уже не делают...

Марен села на стул напротив капитана, провела пальцами по краю берега на большой пожелтевшей карте: над горным хребтом художник изобразил танец драконов, в морских глубинах жили пучеглазые чудовища, а кое-где на дне, между скал, расположились русалочки города.

– У тебя интересные карты, Ярош, такие старые.

– Моих здесь мало, в основном эти карты собраны моими предшественниками, и не только капитанами "Диаманты", – Сокол отвлекся от своего занятия. – Что-то случилось, Ма-

рен?

– Нет, пока все хорошо, – давняя отодвинула от большой карты несколько маленьких, открывая большой континент, чей северный край так часто сковывает лед: здесь еще не было обозначено место, ныне ставшее столицей Империи. – Я пришла кое-что рассказать тебе, Ярош. О том корабле, откуда Илария, Андрей, Иржи и Тимур.

– А что не так с тем кораблем? – заинтересовался Ярош. – Обычный пассажирский, в темноте наскочил на рифы, так бывает...

– Не обычный, Сокол, – усмехнулась Марен. – Из порта его провожала я, не думала, что в последний путь. Вспомни, насколько близко отсюда пиратский остров. Тот корабль бывал там раньше, только под другим флагом.

Ярош смотрел на давнюю изумленно.

– А разве все пиратские корабли не были сожжены? Разве тогдашний министр не отдал такой приказ?

– Отдал, – кивнула Марен. – Но мы потеряли много кораблей в войне с Пиратским братством, и поэтому кораблям капитанов, присягнувших Химере, изменяли названия, заколдовывали и отправляли служить Империи. Но и тогда корабли оставались живыми, хотя многих из пиратских капитанов советник Императора позднее казнил.

Мы заметили, что Море милостиво к таким кораблям, ведь корабль не виновен, что его капитан оказался слишком слабым перед лицом новой силы и предал себя. Корабль жи-

вет дальше, печалится об утраченном и ждет попутного ветра. Море любит смельчаков, и ему все равно, будут ли то пиратские капитаны, имперские командиры или просто свободные люди. Именно такие и становились новыми капитанами на бывших пиратских кораблях.

Она ненадолго умолкла, давая Ярошу возможность подумать, а, может, просто вспомнить, как он сам удивлялся, что Море дарит попутный ветер не только пиратским капитанам.

– Пиратский остров – символ свободы, и как всякий символ, он должен быть опозорен и уничтожен. Иногда советнику Императора и самым сильным выпускникам Имперской Звездной школы удавалось дотянуться до него чарами, и потом те чары становились основой дальнейшего колдовства. Но остров оставался свободным от нашей воли.

Имперский флот неоднократно пытался подойти к острову, пиратские капитаны объединялись и отбивали атаки, а потом Море и вовсе перестало подпускать к острову вражеские корабли, меняя ветра и подводные течения. Но те корабли, на которых раньше поднимали красный стяг, могли заходить в пиратский порт. И мы этим воспользовались. Мы должны были уничтожить последний оплот Пиратского братства, пусть и побежденного в морских боях и ослабевшего из-за измен.

Официально судно было торговым, капитан ничего не знал, но несколько пассажиров получили задание от советника Императора и спящие чары. Иржи был в услужении у

них. Ты знаешь, Ярош, что есть возможность передавать заклятия простым людям, хотя обычно достаточно чародеев, которые могут колдовать где угодно, лишь цена такого чародейства бывает разной...

Она снова замолчала, и на мгновение Ярошу показалось, что в темных глазах мелькнули отблески красных огненных цветов.

– Тот корабль, Ярош, подошел близко к острову, как сейчас мы. Но Море, вероятно, почувствовало, какой груз на его борту. Море наслало на корабль шторм, отнесший его далеко на запад, ведь корабль и его капитан изо всех сил пытались спасти доверенные им жизни. Корабль налетел на рифы и утонул, буря была такой страшной, что в ней должны были погибнуть все. Море обезумело от крови и гнева...

– Но ведь погибли не все, Марен, – Ярош удивлялся, с какой легкостью она рассказывает о прошлом, когда осознала, в чем основа могущества Империи, а, может, чувствует себя ее частью до сих пор.

– Да, погибли не все. И я не понимаю, почему. Возможно, их пощадили из-за мальчика, чтобы не оставлять его одного на безлюдном острове. Мы не знаем, что суждено этому ребенку, а Море может знать...

Ярош смотрел на Марен, и ему казалось, что сейчас он понимает, о чем думает и что чувствует давняя. Для нее было удивительно встретить след потерянного Империей корабля так близко от цели, и она сама хотела узнать, что же в дей-

ствительности случилось тогда, потому и спрашивала у ветра, волн и песка на берегу, и ей отвечали, хотя вряд ли с радостью.

– Ты пойдешь со мной в город? – спросил пиратский капитан.

– Не пойду, и никто из давнего народа не сойдет с корабля. Наше присутствие может повлиять на пиратский остров – слишком много чар оплетают его, и защитных, и вражеских. Если хочешь, иди один, Сокол. Другие тоже могут там побывать без каких-либо предостережений.

– Конечно, я пойду, а другие пусть сами решают, – с улыбкой Ярош поглядел на море за стеклом.

На темном небосклоне над самым горизонтом мигала едва заметная желтая звезда.

– Выйдем на палубу, Марен, – предложил Сокол.

На вахте стояли Юран и Айлан. Они тоже заметили странную звезду.

– Капитан, там свет, но не похожий на маяк, – Юран обернулся к Ярошу. – И такой звезды я не знаю.

– Это маяк, – откликнулся Айлан. – Маяк на пиратском острове, он не для людей, а для кораблей. Правильно, Ярош?

– Правильно, вас хорошо учили, Айлан, – голос у Яроша был довольный, хотя и с легкой насмешкой. – Мы идем туда, доверимся нашему кораблю. До Тортуги на самом деле еще далеко.

"Диаманта" скользила по темному морю, ведомая светом

маяка, волны расступались, пропуская пиратский корабль. Розовело небо на востоке, приходил новый день...

Тортуга. Последний свободный порт, где деньги Империи – пыль. Только до него еще нужно добраться. Но на том острове не уважают искусственность, в его гавани не заходят металлические корабли с глупыми модными названиями, позорящими флот любой страны, а чувства людские льются через край, как и выпивка. И чувства те настоящие, не поддельные...

Солнце садилось, купаясь в море, ветер радостно наполнял черные паруса. Ветру нравилось помогать кораблю, которому он необходим. Каждому хочется ощущать себя нужным, даже ветру.

"Диаманту" увидели издалека, поэтому, когда корабль подошел к пирсу, его встречал пестрый люд, хотя не все среди них могли назвать себя пиратами. Феникс, стоящая по правую руку от капитана, разглядела в толпе даже сутану священника. Рядом с ним стоял горделивый дворянин, придерживая роскошный серый плащ, украшенный изысканным узором дорогой вышивки.

Ярош с мостика помахал людям шляпой. К вечернему небу взлетело несколько залпов, осветив пирс. Вольный порт встречал их как гостей.

Капитана "Диаманты" многие знали, с ним часто здоровались, хотя и не все были ему рады. Пиратское братство все-

гда неоднородно, но благодаря этому оно и живет.

Толпа сопровождала новоприбывших до самой таверны. На корабле почти никто не остался, кроме давнего народа, – всем хотелось посмотреть на пиратский порт. Но команда Яроша старалась держаться вместе в незнакомом городе. Только Феникс сразу затерялась на плохо освещенной ночной улице. Здесь она была как дома.

– Ну, пожалуйста, мама! Это нечестно! – молила Роксана, но Ольга не хотела ее слушать.

– Нет, мы это уже обсуждали.

Друзья Роксаны стояли поодаль на опустевшей палубе, где кроме них и призрака никого не было. Понурившись, они наблюдали, как подруга пытается уговорить родителей отпустить ее на берег.

– Я здесь одна не останусь. Несправедливо! – серо-зеленые глаза Роксаны сверкнули яростью и обидой.

– Несправедливо, что из-за тебя, дочка, и мы ничего не увидим, – поддержал Ольгу Виктор, обернувшись к детям. – И вам, друзья, я тоже советую остаться на корабле. Детям от таких сомнительных мест следует держаться подальше.

– Благодарим за совет. Но, простите, вы не наши родители, – почтительно напомнил Виктору и Ольге Юрий. – Мы с Ритой можем за себя постоять. И капитан Ярош нам не запретил.

Виктор криво усмехнулся: высокого же мнения эти дети о своем недолгом обучении.

– Делайте, что хотите, – бросил он детям, оставляя их. –
Пойдем, Ольга.

Юрий, Рита, Полина и Ласточка сошли на берег, попрощавшись с подругой.

– Мы тебе расскажем обо всем, что увидим, – пообещала Полина.

Тимур, ростом намного ниже девочки, которой посчастливилось оказаться на пиратском корабле вместе с родителями, обнял ее.

– Не плач, Роксана, я с тобой останусь. Мы будем с Сириусом, феей и Ангелочком играть, – и тихонько добавил: – Покажешь мне, как на мачту залезать, хорошо?

Роксана улыбнулась: родители, берегитесь. Вы первые начали войну!

– Конечно, покажу, – заговорщицки пообещала девочка.

Юрий и Рита, как старшие, шли впереди. Но Полина и Ласточка от них не отставали.

– Жаль Роксану, – сказал Юрий, оглянувшись на бородастого пирата, прошедшего мимо них.

– Я видела, как она плакала, – грустно откликнулась Полина.

– И я видела, – подтвердила Рита. – Но она сказала, что это соленая вода в глаза плеснула.

– Роксана гордая, не сознается, – Юрий восхищался подругой. – Поэтому ее и жаль. Она здесь с родителями, как в тюрьме со стражниками.

– Но они же хорошие, – возразила Ласточка. – Они ей добра желают.

– Виктор и Ольга в том уверены. А Роксана? – Юрий остановился. – Смотрите...

На ладони мальчика расцвело пламя.

Девочки посмотрели туда же, куда и он. На пороге дома сидел светло-русый мальчишка лет пяти, игрался огоньком, похожим на маленькое солнышко, горячим, оранжевым. Ласточка чуть не запищала от восторга, Рита и Полина грустно улыбались.

Юрий подсел к малышу, спрятав свой огонек за спиной.

– Ты кто?

– Димон, – мальчик настороженно спрятал оранжевый огонек в ладонях. – Моя игрушка! Моя!

Юрий заразительно рассмеялся, губы Димона непослушно растянулись в улыбке.

– У меня свой огонек есть.

На ладони Юрия танцевало пламя, но Димон не протягивал ему оранжевый огонь, чтобы языки пламени сплелись, создавая единый огонь, как при знакомстве с Ласточкой.

– Я тебе не верю!

Оранжевое пламя погасло, ушло с дымом.

– Слушай, Димон, а если мы тебя Дымом звать будем, а? – Рита присела рядом с ними. – У нас уже Тимур со звезд есть. А ты Дымом будешь. Так как? – девочка протянула ему руку, чтобы познакомиться.

– Со звезд? – недоверчиво переспросил Димон. – Не врешь?

– Крест на пузе! – поклялась Рита.

– Тогда буду, – огонь возвращался на ладони маленького мальчика, но теперь в нем было больше солнца, чем пламени.

– А меня Полиной зовут, – немного обиженно назвалась Полина, о которой забыли.

Ласточка незаметно взяла подругу за руку, кивком указывая на тень подле стены. На них смотрел парень, коротковолосый, русый, тонкий, как трость. Совсем не похожий на жителей пиратского города.

На ладони Ласточки тоже просыпался огонек, она советовалась с пламенем.

– Такой был и у меня, – тихо промолвил парень, и сразу его речь стала злой: – Больше нет...

Ласточка подошла к нему. Пламя приобрело зеленоватые оттенки.

– Ты заблудился? – спросила девочка.

– Нет. Я вышел из дома, а пустая улица привела меня на пристань, где я увидел корабль с черными парусами, – безрадостно пошутил парень. – А ты, верно, оттуда?

– Ага, – Ласточка протянула огонек парню, чьи глаза осветились зеленым сиянием в глубине, как морская вода. – Хочешь к нам?

– Убери это!

Парень ударил по рукам Ласточки, и огонь расплескался сверкающими каплями. Юрий подбежал к ним, пожалев, что им до сих пор не дали настоящего оружия. Но тощего парня уже на улице не было.

– Может, нам действительно лучше вернуться на корабль? – несмело предложил Юрий.

Феникс пришла на небольшую площадь, заполненную людьми.

На площади танцевала женщина, высокая, несимпатичная, но такая грациозная, что ее движения околдовывали, а посеребренная лунным светом сабля казалась продолжением руки. Серое платье и темные волосы до плеч сияли, будто вбирая неяркий свет луны. Танец был похож на полет и на бой одновременно, хотя у нее и не было партнера или противника. Мало кто осмеливался померяться с ней мастерством и в танцах, и в чарах, и в оружии.

– Анна-Лусия, – обрадовалась Феникс, узнавая женщину.

Танцовщица кланялась под бурные аплодисменты, пряча саблю в ножны. Чародейство часто превращается в пиратство. И пиратские капитаны, и чародеи одинаково выделяются в толпе. Чтобы спрятаться, им необходимо погасить огонь в глазах, а это невозможно. Такое сияние уходит лишь вместе с жизнью или если его принести в жертву ради покоя последних мирных лет.

Люди горстями бросали золотые монеты. Не все ценят зо-

лото даже в пиратском городе. Танцовщица ступала по монетам, как по звездам, не замечая щедрости зрителей. Ее танец был дороже любых человеческих драгоценностей.

Перед ней, как перед богиней, склонился мужчина.

– Выходи за меня, подружка, – попросил он тихо, чтобы только она услышала. – Я буду беречь тебя, как самое дорогое сокровище, только полюби меня.

Вместо благодарности Анна-Лусия толкнула его в грязь.

– Отстань от меня со своей любовью!

Пираты загоготали, а Феникс зааплодировала, чтобы обратить на себя внимание. Анна-Лусия глянула в ее сторону и сразу забыла о надоедливом ухажере.

Старые подруги обнялись.

– Феникс! – Анна-Лусия не верила своим глазам. – А Ярош? Он тоже здесь?

– А ты разве не видела "Диаманту"? – Феникс по-настоящему радовалась встрече.

– Я не верила, что вам удастся попасть сюда. Имперский флот топит наши корабли, – зло прошипела Анна-Лусия. – Даже те, что ходят под черными парусами.

Феникс отступила.

Имперский флот топит пиратские корабли? Но... Империя давно победила пиратов, только "Диаманту" и еще несколько шхун удалось сберечь. Не может быть! Неужели то, что рассказал Ярош о времени, превратившемся в водоворот, правда?..

Феникс оглянулась на пиратов и город, тонущий в густых сумерках, словно боялась, что сейчас он начнет медленно исчезать.

Глава 14

Тяжесть измен

Путь окутал туман, превращая деревья в тени, спичками сторающие в тумане. По обе стороны от дороги вспыхивали зловещие красные сполохи и мерцали, словно не человеческие глаза. Два голоса спорили о жизни и смерти, о том, что ты можешь изменить и что не можешь. И оба сходились на мысли, что история будет написана независимо от того, какой выбор ты сделаешь. А раз так, то выбор обесценивается, как обесценивается сама жизнь.

Но Сашка не слушал голоса без чувств, не слушали бессмысленный спор и его друзья. Олекса вовремя предупредила их: заклятье оборотня не принесло беглецам вреда.

Сашка обернулся к Олексе, идущей за ним. На вид взрослая, а глаза детские, ясные, чистые, будто омытые слезами, очищенные страданиями от будничности жизни. Молодая светло-русая женщина, застеснявшись, улыбнулась ему.

А заклятье свирепствовало, глаза превращались во вспышки, палящие землю алыми молниями. Ветер беззвучно ломал деревья, стелился по дороге, поднимая пыль, что

становилась маревом, и внезапно опадала, посверкивая кристаллами снежинок, острых, словно расколотые драгоценные камни. Мертвые драгоценные камни, политые кровью.

Побледнела Луиза, которую туман звал больше всех, терял сознание Вейн. Сашка помогал товарищу идти, а Олекса взяла за руку, чтобы поддержать прикосновением. Глаза Жака стали осколками льда, словно он отдавал мареву душу, молча, без стога или мольбы. Но белокурый мальчик еще держался, не сходя с пути.

За туманом танцевали две серые тени, сражаясь насмерть. В одной Сашка узнал оборотня, а другая была высокая, темные волосы до плеч, но не красавица, насколько марево позволяет ее разглядеть. И та же чужая женщина танцует на площади, пустой и темной. И танец ее похож на танец оборотня, но в то же время иной. Анна-Лусия разматывала клубок чужого заклатья, помогая им, объединяя их дорогу со своей.

Тени сражались, и вдруг оборотень ошиблась, открывшись. Лезвие Анны-Лусии пронзило ее сердце, блеснув серебром в свете луны, выглянувшей меж туч. Оборотень оплывала красными огнями, превращаясь в туман. Только белое перо упало на землю там, где она стояла.

Ветер дунул, сорвав с земли марево, относя обрывки в ночь. Анна-Лусия, оставшаяся на холме одна, сломала перо, и обломки сгорели, коснувшись земли. Танцовщица исчезла.

На востоке светлел небосвод. А дорога стелилась пылью, шуршали под слабым ветром засохшие травы, и ветер не пах

солью моря. Далеко до моря...

– Хочешь свежим воздухом подышать? – Юран отпер решетку.

– А почему бы и нет? – ухмыльнулся граф, вставая. – После того, что вы со мной сделали, от меня не больше опасности, чем от кота Роксаны, если он не взбесится.

Но колдун уже не был таким бледным, как раньше, заклятье медленно освобождало его тело, позволяя восстанавливать силы, незаметно возвращая и чары.

Юран и Ричард вышли на палубу, где сейчас никого не было, даже призрак куда-то подевался. Пиратский город заструил перед рассветом. Гора еще прятала солнце, но лучи волной ложились на кривые улицы, засыпая их золотистой пылью. Неуклюжие домики сейчас казались особенно ветхими и ненастоящими.

– Разве ты меня не ненавидишь, принц? – опираясь на фальшборт, Ричард смотрел на город.

– Есть те, кто больше заслуживают моей ненависти, чем ты, Ричард, – рассмеялся Юран. – Я только удивлен, что Ярош Сокол не наказал тебя более жестоко, – принц внимательно посмотрел на бывшего пиратского капитана. – Почему? Ты знаешь.

Ричард повернулся к принцу, по его устам скользнула усмешка. Граф снова изменился, словно не был пленником, а оставался настоящим властителем морского ветра и волн.

– Прошлое, принц, – большая сила.

Он сказал это с такой неприкрытой насмешкой, что Юран рассвирепел.

– Я родился принцем, а тебе титул графа подарили. Ярош говорил, ты был капитаном на пиратском корабле. Что же ты сделал ради титула и богатства? Повернул пушки против товарищей?

Ричард не ответил, отвернулся. Взгляд бывшего пирата плыл по свободному городу, окутанному нежностью утреннего солнца, еще не яркого, еще не смертоносного, не того, что ослепляет, отбирая волю...

– Юран, я был капитаном на пиратском корабле. Это правда. Но я не поворачивал пушки против своих товарищей. Я поступил хуже. Пираты разные, как и люди, среди них есть те, которые могли бы стать властителями, а есть и самые мерзкие из подонков. Когда я понял, что победа Империи – лишь вопрос времени, как мне тогда казалось, я пошел ей навстречу.

Я воплотил в себе и своей команде самые отвратительные черты пиратства. Слава о моей бессмысленной жестокости и сумасшедшей жажде золота летела впереди моего корабля, затмевая память о том, каким я был раньше. А обычные люди старательней берегут страшные или мерзкие воспоминания, чем радостные. Да и не один я так поступал, чтобы купить себе прощение у имперских прислужников, компрометируя пиратство.

И люди забыли, что пираты были разными. А я склонился перед Империей, получил графский титул, отказавшись от разговоров с Морем, – его глаза неожиданно вспыхнули утраченной силой. – Но сделанное мной – ничто в сравнении с тем, что натворил твой капитан. Лучше бы Ярош, подобно мне, грабил торговцев, пуская на дно их неповоротливые кораблики.

– Что же такого сделал Ярош, что могло бы превзойти твой позор? – Юрана впечатлило откровение графа, неподдельное и на первый взгляд бескорыстное.

– Что сделал Ярош? – властно переспросил Ричард, закрыв глаза, словно от солнца, а на самом деле, чтобы скрыть власть, плескавшуюся в них. – Так тебе рассказать, принц?

– Расскажи, – согласился Юран, сразу предупредив: – Если ты ничего не попросишь взамен.

– Не попрошу, – солнечный свет восстанавливал силы колдуна, залечивая раны от ужасного заклятья, незаметные обычному глазу, возвращая к жизни жертву, едва не отданную тьме. – Ярош был среди тех, кто ушел в столицу Империи. Лучшие пиратские капитаны, бросившие вызов городу со звериными глазами. Мы узнали об этом позже, когда они проиграли.

Я знаю, они держали втайне свой выбор. Но среди них нашелся предатель, и капитанов схватили уже в городе. Говорят, их мучили там, чтобы они отказались от Моря, присягнув Империи. Только это были не те люди, которые отрек-

лись бы от Моря даже под пытками. Но говорят, кое-кто все-таки присягнул.

Как удалось сбежать Ярошу, мне не известно. Я встретил его на побережье очень далеко от столицы, где меня так и не приветствовали как графа Элигерского и правителя южных имперских земель. Негоже пирату топтать улицы столицы, даже если он стал графом. Когда я встретил Яроша, то уже сменил пиратскую одежду на господскую, но меня соблазнили покоем небольшие городки, куда еще не дотянулись щупальца имперского зверя.

Ярош так напился, что и на ногах не стоял. Он не узнал меня, потому что иначе напомнил бы мне несколько последних лет позорной жизни. Спьяну он выболтал и о путешествии, и о предательстве, но когда обрывистый рассказ доходил до того, что довелось им пережить во дворце Императора, умолкал. И сколько я не подливал ему выпивки, так и не открыл мне эту тайну.

Я оставил Яроша, когда он заснул, в том крохотном городке на побережье. Потом я узнал, что Сокола нашла команда, оставшаяся ему верной. "Диаманта" слишком близко подошла к имперской территории, они были вынуждены дать бой. Имперский фрегат утонул, но и больше половины пиратской команды погибло.

Ричард умолк, вспоминая. Юран слушал, как зачарованный, подчинившись не чародейству, а искренности того, кто и сейчас оставался врагом для него и капитана "Диаманты".

– Почему же ты не помог Ярошу? – спросил принц.

– А кто он мне? – с улыбкой ответил Ричард. – Но, принц, я не выдал его солдатам Империи, как должен был сделать по закону, ведь уже знал, откуда он бежал, знал, что его ищут.

Команда нашла своего капитана, но не вернула. Сокол не дрался с ними плечом к плечу против солдат Империи, а пил, как и на берегу. И когда они победили сами, без капитана, ради которого так рисковали, то в сердцах взяли с него слово, что оставят Яроша тогда, когда будут считать нужным. Когда пожелают, и он не будет уговаривать их изменить решение.

Юран словно видел палубу "Диаманты" и Яроша, смотрящего на свои руки, испачканные кровью друзей, которым он не помог, но глаза его все равно тусклы из-за выпитого.

– Это бунт, – долетает до принца эхо голоса капитана. – Следующий порт твой.

– Ты поступаешь несправедливо, капитан. Возвращайся к нам.

– Как хочу, так и поступаю! – взвился Ярош. – Вы забрали меня, не выбрав нового капитана, как я предлагал. Терпите меня таким, каким я стал! – но крик едва не сменился плачем. – Зачем вы забрали меня?..

Воспоминание таяло, словно Юран действительно смог увидеть прошлое. Ричард смотрел на него прямо, взглядом пересказывая вспомненное.

– Да, я нашел матроса, спорившего с Ярошем в ту злове-

щую ночь. За час до казни. Моей власти не хватило, чтобы вытащить его из тюрьмы, но пират рассказал мне обо всем, что тогда случилось.

Безумцы, они рискнули не только своими жизнями, но и будущим всех своих друзей, всех, мечтавших о свободе моря, когда твой корабль волен в выборе курса. Тебе, наверное, тяжело представить то время, Юран, когда на каждом пиратском корабле был предатель. Иногда предавали и сами капитаны.

А после поражения и исчезновения лучших... Ты понимаешь, что этим они отобрали надежду у всех, и первыми погибли их собственные команды. Каждый день Море оплакивало пиратов, которым не смогло помочь, и рассветы стали кровавыми в память о них. Но те багровые картины на небесах уже никто и не вспомнит, человеческая память предательская, и слишком много времени прошло с тех пор.

Когда мир переламывается надвое, те, кто оказался на сломе, гибнут ужасной смертью, чтобы после на века установился призрачный мир забвения и новый отсчет времени. Пусть они и не приносили себя в жертву тому миру. Лучшие, у которых отняли величие, но не жизнь. Что происходит дальше, если они не умирают?..

Ты думаешь, принц, Ярош ищет сокровища Призрачных островов? Нет, им всем, отважившимся на такой вызов, всегда были безразличны сокровища. Он иное ищет, в чем даже себе признаться не осмеливается.

Ричард замолчал, он не завидовал, он жалел о тех временах, гибель которых ускорил, и Юран ощущал эту неприкрытую жалость.

– Ты знаешь, кто еще ходил с Ярошем в столицу Империи?

– Нет. Об этом можно спросить у Сокола, только он никому не скажет по собственной воле.

– Но ты сожалеешь, что тебя не позвали в это путешествие?

Ричард тихо и горько рассмеялся.

– Не лезь в душу, принц. Какой ответ ты хочешь услышать от меня?

Разговаривая, принц и граф не заметили, что на палубу вышла Полина и притаилась за мачтой. Девочка слышала почти все, что рассказывал Ричард. Но отважится ли она пересказать эти воспоминания даже Юрию и Роксане, девочка не была уверена.

– Ты сказал, Юран, что я знаю, почему Ярош меня помиловал. Верно, он во время нашей последней встречи был не настолько пьян, чтобы забыть о ней. Благодарность или месть, принц?..

Юран промолчал.

Белокрылая Химера летела над столицей, направляясь во дворец Императора.

Город мерцал огнями: то пламенем свечей и факелов, то мертвым электрическим и неоновым светом – тусклым и

неживым... Жизнь жителей столицы Дух Империи всасывал в себя, постепенно выпивая душу и сияние глаз. И никто не мог его победить, никто не мог выдержать его взгляд, не отступив. Хотя кое-кто убегал, спрятав душу на дне глаз...

Советник Императора вспоминал, как сдирал черную драпировку со стен, открывая взгляду давно немытые окна, как стальные лезвия-когти рвали фотографии выставки. И та женщина, один раз уже освободившаяся из плена... Почему она осталась? Почему не сбежала? Судьба ее очевидна, а смерть близка. И она знает об этом.

– Ты умрешь! – рассмеялась Аля, когда ей сковали руки. – Пираты убьют тебя!

– Если я не предложу им нечто больше, чем месть. Не предложу им службу и новую жизнь.

– Всех изменников ты уже перекупил.

– Не всех. Всегда рождаются новые.

Химера летела над столицей...

А далеко от столицы та, кто долгое время служила Империи, тоже думала о верности и предательстве. Марен, как и другие давние, не покинула пиратский корабль – она стояла, опираясь о фальшборт, и смотрела на порт, живущий своей привычной нынче, размеренной жизнью.

Не всякие глаза могут видеть, сколько чар маревом стелются его улочками и бурлят на перекрестках. Хотя кое-кто может их чувствовать, не понимая, почему солнечный свет

тусклый, на сердце пусто, а жизнь гнетет и сгибает спину, заставляя сбегать в воспоминания, мечты или пьяные бредни.

Такие запутанные и переплетенные заклинания уже не распутать, они – как старый клубок, который возможно лишь разрубить, да на то, верно, и не хватит ничьей силы. Незавершенные чары... Но лишь несколько слов – и часть тех нитей запылает зловещим огнем. Ей, давней, хватит нескольких слов... Тогда желание Химеры осуществится: такой неудобный символ будет уничтожен, поблекнет легенда о вольном пиратском порте, который сегодня уже не тот, что раньше... Советник Императора будет доволен, а ей простит ошибки и неверность.

Какое невероятное искушение... Лишь несколько слов... Она расплатится за отступничество жизнями едва ли не всех, кто сейчас находится на этом острове, и создаст новую страшную легенду. Еще один, очередной кошмар... К ужасам привыкаешь, когда их так много в твоей судьбе...

Марен закрыла глаза рукой, не желая видеть колдовскую дымку над городом.

"Одного поступка мало..." – сказала Море, предупреждая ее об опасности в Элигере.

Тогда пусть ожидание возвращения пиратского капитана Яроша Сокола будет еще одним шагом на ее пути к свободе.

В кузнице было жарко, воздух имел привкус железа. Кузнец поздоровался с Ярошем, отложив работу. Обруч не да-

вал седым волосам мужчины падать на потный лоб.

– Я искал тебя в городке на Элигерском побережье, мастер Арен, – радостно сказал Ярош. – Но ты уехал оттуда. Люди сказали, что давно.

– Уехал, – кузнец подошел к гостю. – Там даже море другое, не такое, как раньше, и поговорить не с кем...

Арен намного выше и более крепкий, чем капитан корабля с черными парусами, но было очевидно, что кузнец весьма уважает гостя.

– Городок тебя помнит: он изменился, там чувствуешь себя свободным. И люди еще помнят твоё мастерство и сказки, которые ты вечерами рассказывал их детям.

– Как помнят каждого из нас. Жаль, что недолго, когда мы уезжаем. Так зачем я тебе понадобился, Сокол?

Ярош подошел к стене, где было прикреплено различное оружие, снял саблю, неприметную, в сравнении с другими клинками. Лишь на эфесе мастер сделал скупую инкрустацию серебром, причудливую и неблестящую.

– Мне нужно оружие для команды, – Ярош рассматривал саблю, проверяя баланс. – И пистолет для меня, – он перебросил саблю из руки в руку. – Да и эту я возьму. Моя то осталась в имперской тюрьме в Элигере.

Пират довольно усмехнулся.

Арен кивнул, он выбирал оружие так, будто знал всех из команды "Диаманты", даже тех, кто еще никогда не поднимался на борт пиратского корабля.

– Это правда, Ярош? – в дверях стояла пиратка, одетая как княгиня.

Волосы женщины, темно-русые, собранные в прическу, открывающую шею, были почти полностью спрятаны под зеленую шляпу. Одежда темно-коричневая с болотным оттенком, и на руках перчатки такого же цвета. А сама маленькая, хрупкая, но смертоносная, и за поясом пистолеты и кинжал.

– Ты? – не поверил своим глазам капитан. – Но твоего корабля, твоей "Русалочки", нет в гавани...

Они не обнялись, как Феникс и Анна-Лусия, но радости в этой встрече старых друзей было не меньше.

– Я слышала, "Диаманта" ищет сокровища Призрачных островов, – уклонившись от объяснений о своей любимой "Русалочке", сказала пиратка.

– Хочешь с нами? – Ярош коснулся лезвия сабли, понимая, чья кровь должна быть на этом клинке.

– Еще бы! – она с завистью посмотрела на оружие, выбранное им: хорошая сабля, особенно для вражеской шеи, которой предназначена.

– А твоя команда? И Александр?..

Женщина поникла, вопрос застал ее врасплох.

– Александр... Я не видела его давно. Я жила среди людей, хоть и не в столице. Не смогла... Ярош, возьми меня с собой, здесь я пропаду! Я не желаю возвращаться на берег, а здесь меня не замечают. Они не знают, что вне Тортуги есть Империя, они не помнят, как ломались и тонули наши вер-

ные корабли. Они только пьют и гуляют, ожидая возвращения старых времен, но для них самих время остановилось. Они не могут покинуть остров, если их кто-то не возьмет с собой. Они мертвы для мира, но не хотят в это верить, они рассыплются прахом, если выйдут в открытое море. Поэтому в гавани и нет других кораблей, только лодки, на которых далеко не уплывешь.

Ярош слушал женщину, затаив дыхание, он и сам почувствовал все, о чем говорила подруга.

– Да, я тоже не видел здесь других кораблей. Это странно, но... – внезапно его озарила мысль. – Ты сказала: если их кто-то заберет. А если я заберу их всех? Всех, кто пожелает?

Пиратка обреченно покачала головой: Ярош ее до конца не понимал. Сокол не прошел всеми улицами когда-то свободного пиратского города. А она прошла, и могла сравнить, что родилось в городах Империи, и что ушло отсюда.

– Ярош... Они тлен, почти все. Они позабыли, кем были раньше и как любили свободу. Их глаза так же пусты, как у стражей Империи. Я хотела вернуться сюда, но эта неживая Тортуга хуже тюрьмы или клетки. Мне страшно, Ярош... Забери меня отсюда! Пожалуйста...

Ярош обнял ее нежно, но по-дружески.

– Конечно, заберу. Тебе обрадуется Феникс и моя новая команда.

– Я помню Феникс, – прошептала пиратка. – Я свое Имя забыла, когда стремилась стать похожей на обычных людей.

– Так вспоминай, София! – Ярош толкнул ее, отобрав один пистолет.

Но пиратка выхватила другой так же быстро. Два дула смотрели друг на друга, скалясь от радости, что о них вспомнили.

Серо-голубые глаза пиратки сияли. София улыбнулась, опуская оружие.

– Нельзя служить двум силам, предсказательница, – Химера с презрением смотрела на Алю, прикованную к стене.

– Я никому не служу, – тихо ответила пиратка, сохраняя силы для следующих дней плена, если они будут, конечно. – Но тебе не понять этого, советник Императора.

Взгляд Химеры, пришедшей в тюрьму в облике черноволосого колдуна в белых одеждах, стал заинтересованным, советник Императора пытался понять.

– Ты служишь морю и ветру, и попробовала остаться здесь, договорившись с памятью города, который заложили до моего прихода сюда.

– Я не служу морю и ветру, я разговариваю с ними, а они говорят со мной. Ты не знаешь их языка, – Аля хмыкнула, на мгновение освободив презрение, плеснувшее на врага подобно морской волне. – Я же сказала, что ты не поймешь.

– Я знаю этот язык, – прошипел враг, ударив ее по лицу. – Лучше тебя, Аля Очеретяная. Или Аля Воронье крыло, пиратский капитан?

Женщина не могла утереть кровь, но ее глаза пылали гневом, а не страхом.

– Море не говорит с такими, как ты!

Черноволосый колдун был доволен: открыв свои настоящие чувства, она дала ему власть над собой.

– Я могу превратиться в любое живое создание. Могу стать даже тобой. А Море слишком доверчивое и велико-

душное, оно ищет себя в каждом, веря, что сможет вернуть утраченное господство над миром, чтобы счастье свободы разлилось подобно его волнам.

Советник Императора хлопнул в ладоши, зовя кого-то: для пыток или для казни?..

– Но вера эта несбыточна. А ты, женщина, скажешь мне, почему с наших карт исчез порт, расположенный на острове, именованном раньше Тортугой.

– Чтобы вы залили его кровью, как Элигер, где поселилась свобода? – Аля и забыла, какова на вкус собственная кровь.

– Так тебе и об этом ведомо, предсказательница, – улыбнулась Химера в обличии черноволосого колдуна, одетого в белое. – А раз так, то загляни в свое будущее, пиратка, и отвечай на мой вопрос. И скажи еще, куда идут те, кому ты помогла убежать из столицы? И чье благословение хранит их от опасностей и моей воли?..

– Меня угощаешь, а сам не пьешь? – София подняла кружку за капитана корабля с черными парусами.

Она сняла перчатки, зеленая шляпа с пышным пером лежала на столе.

– Хватит с меня, – Ярош закусил губу, внезапно вспомнив слишком много. – Хотя так легко топить в выпивке все, что не хватает сил помнить.

– Тогда за память, Ярош! – но София только пригубила, как на поминках.

Они не пошли вниз, в шумный зал, оставшись вдвоем в комнате, задернули занавески и зажгли две свечи. День стал сумерками, а сегодня подчинилось прошлому.

– Я должна была быть с вами в столице, но, помнишь, я влюбилась в Александра. А он нас всех предал, подведя "Русалочку" прямо к имперскому флоту. Они расстреляли нас без боя. И когда "Русалочка" пошла на дно, враги выловили всех живых и казнили прямо на палубе своего корабля.

София сжимала кружку так сильно, что тонкие пальцы побелели.

– А ты? – тихо спросил Ярош, ее воспоминания звали и его отброшенную память.

– Меня ранило обломком, когда "Русалочка" взорвалась, – София сделала большой глоток, словно то была вода, а не выпивка. – По иронии судьбы, за него я и схватилась, когда падала. Умирать было не страшно, море пило мою кровь, а я

теряла сознание от боли... Но прежде чем лишиться чувств, я попросила. От всего сердца попросила у Моря помощи.

Море отнесло меня с обломком далеко от места боя и послало дельфина, держась за плавник которого, я добралась до берега. Островитяне пожалели меня и несколько недель боролись со смертью, исцеляя больше не мою рану, а душу, жаждущую небытия.

Когда я смогла встать на ноги, они дали мне новую одежду, расшитую серебряной нитью заклятья, что должно было оберегать меня. А я даже не поблагодарила их, когда садилась в лодку, не хотела, чтобы мой голос звучал в этом подлом мире. Старая женщина благословила меня и попросила у своих богов, чтобы безверие оставило пиратского капитана.

Потом был другой остров и корабль, отвезший меня на материк, и молодой капитан, который не задавал никаких вопросов, только смотрел, как на утраченное будущее. Не мое, а собственное. Он отдал мне оружие вместе с признанием, что оно перешло к нему от деда, а он так и не научился мастерски владеть им. Я рассмеялась, направив на парня подаренный клинок, а он склонился передо мной, как перед собственной судьбой.

"Не нужно", – сказала я, впервые обратившись к миру после поражения, ибо понимала, что он неосознанно отдает мне свою жизнь и корабль, если я того пожелаю.

Больше я не видела того парня. Надеюсь, память была к нему добра, потому что с такими воспоминаниями слишком

тяжело жить. А я переезжала, меняя города, как имена, училась обычным занятиям, не требующим ни доблести, ни бесстрашия. И время спешило, изменялось так быстро, будто мои года неожиданно сократились до недель. Я стала respectable госпожой, подружки говорили, что мне еще не поздно выйти замуж, ведь лица моего время не коснулось, они же не знали, сколько мне на самом деле по их счету. И я едва не согласилась на это предложение.

Помню белое платье и фату, хотя имени моего жениха вспомнить не могу. И свое счастливое отражение в большом зеркале.

"Тут бы еще что-то экстравагантное добавить", – посоветовала служанка.

Я к тому времени разбогатела, у меня был большой дом с прислугой.

"Что-то древнее, необычное. Кинжал на поясе", – размышляла служанка, не чувствуя, как рушится мир, так тяжело построенный мной.

Не сняв свадебное платье, я залезла на чердак, нашла оплетенный паутиной сундук, еле открыла – настолько он заржавел. Но на одежде не было ни пылинки, переливалось серебро в тусклом свете, попадающем на чердак через окошко. Ржавчина не коснулась оружия.

Молча я переделалась в забытое на года убранство, с каждой деталью одежды возвращая себе прошлое, настоящее, а не выдуманное, которым я жила все это время. Из забытого

на чердаке зеркала, поеденного пятнами, на меня смотрела совсем другая женщина. Вместо свадьбы я пошла к морю, бросив все, нажитое за эти года, только настоящее Имя не вернули мне подарки из прошлого.

В порту мне удалось купить место на старом невзрачном корабле, чья команда вряд ли привыкла жить по закону, и уговорить капитана взять курс на Тортугу. Я верила, что пиратский порт еще свободен, хотя ничего не слышала о нем последнее время. Как только мы изменили курс, на корабль налетел ужасный шторм. Капитан запаниковал, один из матросов скулил, что море требует жертву, что женщина на корабле к большой беде. И тогда я стала возле штурвала, чтобы буря мне покорилась.

Когда же взошло солнце, а море успокоилось, команда заверещала, что я колдунья, а это еще хуже, чем женщина на борту. Они заставили меня сесть в лодку и бросили посреди моря. И я снова отдалась на волю волн, заснув, а когда проснулась, увидела остров, тот самый, на который стремилась попасть. Я не знала, что пиратский порт окажется ловушкой и призраком былого величия.

София замолчала, переводя дыхание. Пить ей больше не хотелось, свечи почти догорели. Ярош поднялся, раздернул шторы. Солнечный свет хлынул в комнату.

– Спасибо, что ты помог мне, Ярош. Ты, а не Анна-Лусия, – София дунула на свечу, гася ее, потом на другую.

– Анна-Лусия приходила ко мне вчера, – сказал Ярош,

возвращаясь к столу. – Радовалась, что мы с Феникс живы. Но рассмеялась, когда я сказал ей о сокровищах: "Не может быть на одном корабле два капитана, Ярош. Мне жаль тот корабль. Но я буду просить у моря и ветра счастья тебе в твоём путешествии". Анна-Лусия очень изменилась с того времени, когда я видел ее в последний раз.

– Мы все изменились, – вздохнула София. – Я недавно попала на этот остров, Анна-Лусия же провела здесь не один год. Ей не повезло, ведь она осталась жива. Анна-Лусия не говорит, но я знаю, что с ней случилось. Им в воду подмешали отраву, и когда корабль вышел в открытое море, яд подействовал, лишая людей разума. Неуправляемый корабль налетел на рифы. В отличие от своей команды, Анна-Лусия только глотнула испорченной воды, это и спасло ей жизнь, но навсегда отобрало радость.

Она танцует перед тенями, чтоб забыться хотя бы на время танца. Но разве можно колдовать, когда в сердце у тебя пусто?..

В комнату вошли Феникс и Анна-Лусия.

– Ярош, ты здесь, а мы тебя ищем повсюду, – Феникс улыбкой поздоровалась с Софией.

– Мы встретились случайно, – капитан кивнул Анне-Лусии. – Ты изменила решение?

– Нет, я пришла попрощаться. На рассвете вы покинете порт, если не хотите остаться здесь навсегда. И мы уже никогда не увидимся, – Анна-Лусия посмотрела на Софию. –

Ты тоже попроситься пришла?

– Я иду с ними, – твердо ответила София, надевая шляпу и поправляя капитанское перо.

– С ними? – рассмеялась колдунья.

– Да! – расшвыряла София. – Не желаю, как ты, веселиться танцами чудом не обратившихся в прах.

– А ты не боишься, что, когда Тортуга исчезнет за горизонтом, ты и сама превратишься в кучку праха? – зло поинтересовалась Анна-Лусия.

– Трусость стала твоим достоинством, Анна-Лусия?

Обе пиратки схватились за оружие, но не обнажили его.

– София, – тихо и спокойно сказал Ярош, – если ты поплывешь отсюда на борту "Диаманты", будешь вынуждена подчиняться моим приказам, хотя я помню, что ты тоже капитан.

– Да, Ярош, – с вызовом глядя на Анну-Лусию, ответила София.

Анна-Лусия хмыкнула.

– Потому я и сказала Соколу, что на корабле может быть только один капитан.

– Только если этот корабль не последний пиратский, – ответила вместо Яроша Феникс.

Анна-Лусия обернулась к ней и глухо промолвила:

– Зависть. Остерегайтесь зависти. Даже здесь есть много желающих вам смерти из-за твердого убеждения, будто несправедливо, что Ярош Сокол – единственный, кому по-

счастливилось сберечь и корабль, и пиратскую удачу.

Появление священника в пиратском порту вызвало бы удивление, но пираты жили своей жизнью и упивались весельем, в этом безумии находя будущее и цель. Эта Тортуга действительно отличалась от того свободолюбивого города, о котором слагали легенды. Особенный остров, осколок мира, где чего-то не хватает. Не хватает зла и опасности, настоящего соперничества и настоящей, неподдельной подлости. "Диаманта" была чужой в этом порту, она вызывала зависть, но Анна-Лусия ошиблась: даже зависть сразу гасла в сердцах почти теней, когда их взгляд перетекал на что-то другое.

Как невозможно затеряться в толпе необычному человеку, так и здесь все члены команды выделялись, будто освещали собой поблекшие улицы, возвращая им, пусть на часы или минуты, прежний вкус и запах жизни. Поэтому, погуляв немного по городу и уладив все дела, связанные с продолжением пути, члены команды корабля с черными парусами возвращались к морю и держались поближе к пирсу.

Ярош и София шли к пристани. Они уже настолько привыкли к завистливым взглядам, что не обращали на них внимания.

– Боишься подойти, отче, – возле высокого худого священника остановился русый мужчина, хозяин роскошного серого плаща. – А не подойдешь, до конца жизни жалеть будешь.

– Тебе повезет больше, Жан-Поль. Ты попробуй, – священник даже не посмотрел на товарища, он мечтал выбраться из этого порта на любом корабле, даже отрекшись от всего, кроме веры, даже под черными парусами с демонами на борту, как вон то черное создание, с которым забавляются две светловолосые девочки.

– А давай вместе, Бенедикт?

И они вместе подошли к капитану, отдававшему приказы Олегу и Берну. Ярош повернулся к Бенедикту, положив руку на эфес новой сабли: он недолюбливал священников, потому что слишком многие из них согласились служить Империи и белокрылой Химере.

– Кто вы? – спросил Ярош.

– Меня зовут Бенедикт, – ответил темноволосый священник на вопрос, не обещавший ничего хорошего. – А моего друга – Жан-Поль. Он наследник древнего аристократического рода.

К капитану подошла Феникс.

– И что нужно священнику и наследнику древнего аристократического рода от пиратов? – Феникс встала справа от капитана, София, стоявшая слева, улыбалась: она тоже не любила священников и аристократов.

Бенедикт глянул на колдунью, чьи черные волосы на мгновение подсветил огонь адской бездны, и на темную одежду другой женщины, расшитую чародейскими узорами.

– Возьми нас с собой, – сказал Жан-Поль. – Мы наделали

ошибок, но, говорят, там, куда вы плывете, их можно исправить.

– Лгут, – возразил пиратский капитан. – Там можно погибнуть, а не ошибки исправить.

– Где угодно можно погибнуть, – тихо заметил Бенедикт. – Главное, чтобы в последние минуты вера пламенела в сердце.

Взгляды пирата и священника встретились.

– Правда, отче, – едва сдерживая смех, согласился Ярош. – Но моя вера отличается от твоей. Как вы попали в этот порт?

Бенедикт только усмехнулся, немного отвернувшись: у него было свое мнение относительно вопроса веры.

– Я был заложником у пиратов, – начал Жан-Поль, бросив взгляд на товарища. – Они требовали выкуп у моих родных, только род отказался выложить за меня такую сумму. Но капитан надеялся еще поторговаться, поэтому они оставили меня здесь и больше не вернулись.

– Хочешь к родным, Жан-Поль? – поинтересовалась Феникс.

– Без меня все мои имения растащили как наследство. Я не хочу туда возвращаться.

– А ты, Бенедикт? – обратился Ярош к священнику.

– Я пришел сюда как миссионер, чтобы построить церковь, – грустно признался Бенедикт. – Но церкви вам, пиратам, ни к чему, да и корабль, привезший меня на этот остров,

был последним.

– Так ты хочешь распространять свое учение среди пиратов? – рассмеялась София.

Священник погрузился.

– Среди вас, испорченных верованиями в чертовщину, поздно распространять праведное учение. Кто видел открытое море с борта корабля с черными парусами, тот утратил шанс на спасение.

– Ладно, отче, – Ярош отбросил наигранную веселость.

Потому что нельзя унижать человека, если он не сторонник твоей веры. И разве не Море рассказало ему то, что он сейчас пересказывает как страшное откровение? Вон как светятся морем его глаза, как и глаза аристократа.

– А драться вы умеете?

– Умеем, – ответил за обоих Жан-Поль.

Глава 15

Сказания огня и пепла

Сашка постучал в дверь домика, стоящего на опушке. Темнело, от высоких деревьев ползли негостеприимные тени.

– Там что, никого нет? Но ты же видел свет, Вейн? – неуверенно спросил Сашка.

– Видел, – подтвердил товарищ.

Луиза показывала Олексе и Жаку журавлиный клин, переречивающий вечернее небо, укрытое тучами на западе. Только оранжевая полоса протянулась возле самой земли, как раскаленное лезвие. Птицы учатся летать перед путешествием на юг, и, сколько взгляда хватает, колосится золотая пшеница. Еще не скошенная...

– Кто ночью ломится? – дверь открыл уже старый и поседевший, но еще крепкий мужчина с ружьем в руках.

– Переночевать пустишь? – Вейн почувствовал в хозяине что-то родное, словно он тоже потерял все, кроме оружия.

Мужчина опустил ружье.

– Пущу, на нелюдей вы будто не похожи. На теней тоже.

– Тени? – переспросил Эмиль.

– Мертвые, – отрезал хозяин.

– Мертвые? – заходя вслед за Сашкой и Вейном, испугалась Олекса.

Домик оказался слишком маленьким, чтобы они все разместились за одним столом, но хозяин сразу сориентировался.

– Ночь теплая, возле костра посидим. Вы, – он указал на Вейна и Эмиля, – собирать ветки, но в лес далеко не заходить. Девчата за водой: ручей за холмом, вы его услышите. А ты со мной пойдешь, поможешь, – старик кивнул Сашке.

Никто не возразил, ибо от старика исходила какая-то сверхъестественная сила убеждения.

– Кто ты? Как тебя зовут? – спросил парень, когда они

зашли за домик, чтобы перенести из-под навеса во двор несколько больших поленьев для костра.

Старик посмотрел на Сашку, и в сумерках его глаза блеснули солнцем.

– Был сказитель, теперь лес охраняю, чтобы такие балбесы, как вы, не шатались. А у сказителя имя не спрашивают.

– Почему? – Сашка не понимал.

– Подрастешь, узнаешь, юноша. Ибо кто Имя сказителя знает, тот над ним власть имеет. Уразумел?

Сашка оглянулся: сказитель несколько мгновений назад был перед ним, а теперь складывал дрова, которые они зацепили, когда вытаскивали большое полено.

Парень тихонько хмыкнул, почему-то не удивившись.

– А что в этом лесу такого, чтобы его охранять?

Сказитель поднял на него веселые глаза.

– Не его, глупыш, а вас, через лес идти собравшихся. Лес злой, потому что поля у него землю с каждым годом все больше отбирают. Да и мертвые блуждают по его тропинкам, пугая.

– Кого пугая? – Сашка должен был убедиться, что правильно понял старика.

– Лес, конечно, – удивился сказитель. – Мертвые страха не знают...

Сашка оторопел, открыв рот, чтобы еще спросить, но не вовремя появились Жак с Олексой.

– Мы принесли воду, господин, – улыбнулась девушка. –

Что нам еще делать?

– Огород видели? – старик был рад, что ему не придется отвечать на глупые расспросы Сашки.

– Видели.

– Так идите и наберите там огурцов, помидоров да порежьте все это нам к ужину.

Жак и Олекса ушли к Луизе, ждавшей их на углу дома.

– И чему ты так удивляешься, юноша? – хозяин глянул на него, пряча улыбку, чтобы ненароком не обидеть.

– Ты не похож на певцов, которых приглашают на императорские концерты.

– Так вы со столицы сюда забрели... – сказитель погрузнел, сразу усмехнувшись. – Говоришь "ты"? А разве мы друзья? И врагами, кажется, не приходимся.

Сашка растерялся.

– Да мне тебя как-то иначе неловко называть. Почему-то...

Не мог сознаться парень, что формальные знаки уважения для него остались в том дне, когда он увидел женщину-фотографа, изменившую его жизнь, зачеркнув фальшивое будничностью прошлое. Настоящее уважение не в словах кроется.

Сказитель смотрел на парня с пониманием, улыбка таяла у него на устах, не угасая полностью.

– Так как зовут моего нового друга? И почему его понесло в лес, в котором он ни одной тропки не знает?

– Друзья Сашкой называют. Мы идем к морю. А люди сказали, что море там, – Сашка указал в сторону леса.

– Действительно, – с чувством закивал старик. – Море там. Но, чтобы попасть к нему, вам нужно обойти лес. Путь, выбранный вами, короче, но это верная смерть. Можешь поверить мне.

Глаза старика заволокло тьмой, как два колодца, в которые не заглядывают ни звезды, ни солнце.

Сашка ему верил.

Пламя взметнулось к небу от одного слова, чтобы пригасить его, понадобилось уже несколько слов. Друзья расположились вокруг огня, млея в тепле, уплетая печеную картошку, салат и мясо последней курицы, зарезанной хозяином. Незаметно для самих себя, они выболтали старому сказителю почти все о своем путешествии. Лишь о встрече с колдуном умолчали. Почему-то всем казалось, что не нужно показывать кому-то заколдованный шар, как и самим лишний раз на него смотреть не стоит, дабы беду не накликать. Да и фотографию никому чужому видеть не следует.

Луиза хотела бросить ветку в огонь, но пламя отклонилось немного, когда она к нему приблизилась.

– Темная ты, девушка. Тьма с тобой, ее за красотой не спрячешь, вот пламя и уклоняется.

Луиза гордо обернулась к сказителю.

– И что с того? Мне уже и не жить, если со мной тьма

ходит?

– Живи, девочка, живи... – рассмеялся сказитель, ее возмущение действительно напоминало детские капризы по сравнению с тем, что он видел за долгую жизнь. – Тьма в каждом из вас. Спросите у огня, он честен, все расскажет.

– А как? – Олекса словно и не испугалась.

– Руку протяни, – девушка сделала, как он велел. – Чувствуешь тепло? – она кивнула. – Не боишься? – качнула головой. – Главное, чтобы страха не было. А теперь опускай руку. Медленно-медленно, чувства тепла не теряя.

Пламя заволновалось, в нем ожили багровые и золотисто-огненные тени. Одна выпрыгнула из костра, рассыпая искры.

– Никому не двигаться! – крикнул сказитель, прежде чем они успели испуганно вскочить.

Существо, сотканное из пламени, подошло к Олексе, лизнуло сухую траву перед ней, подпалив стебельки. Но тот огонь не пожирал траву, а создавал живой рисунок, где девочка ссорилась с родителями, проклиная их за непонимание.

Четвероногое создание фыркнуло, выпустив из ноздрей дым. Горел дом, где воплотилось неосторожное проклятье. И семья расходилась, не простив.

По щеке Олексы скатилась слеза, девушка желала забыть содеянное. Огненный зверь лизнул ее руку, не опалив, а одарив живым теплом, и приблизился к Луизе. Пламя на его шерсти приобрело темные, багровые оттенки. Зверь зашипел на блондинку, отступив.

– Не бойся, Луиза, – предупредил сказитель. – Ты знаешь, что он не на тебя разъярился. Приложи руку к сердцу, чтобы он пошел дальше.

Дрожа, Луиза сделала, как он приказал. Зверь фыркнул искрами, снова став ярким. Возле Эмиля он не остановился, почувствовав в нем лишь тень от тьмы любимой. А Вейну ткнулся в раненую руку, заскулив, как щенок. Мужчина неосознанно погладил огненное создание, будто человек и огонь так договорились, что пламя смолчит, не открывая другим тайны людского прошлого.

На Жака огненный зверь зарычал, ударив лапой по земле.
– На тебе кровь, дитя, – спокойно объяснил сказитель,

внимательно глядя на мальчика. – Людская и не людская, и та, что сама есть – чары. Такой больше всего.

Жака трясло от страха.

– Отзови его, – умолял мальчик.

– Я не могу. Он не уйдет, пока не удостоверится, что ты не желал той крови и той боли, – голос сказителя изменился, он не осуждал, но судил, как и огонь.

– А если нет? – Олексу тоже охватил ужас: забава с огнем уже не казалась игрой, и становилась слишком похожей на ловушку.

– Огонь сожжет его.

– Он ребенок! – возмутилась Олекса.

– На нем чародейская кровь, – отрезал сказитель.

– Я не желал той крови, – Сашка не сразу понял, что это говорит Жак, настолько взрослым стал его голос. – Но я видел, как их пытали и казнили. Тех странных людей, чьи глаза ярче звезд, как ваши. Мой отец – палач в Императорской тюрьме, иногда он брал меня с собой.

Сказитель вытянул руку, кажущуюся смертельно бледной, верно, тяжело ему творить заклятья в таком возрасте.

– Возьми все его воспоминания, которые он захочет отдать, – почти неслышно приказал огню старик.

Огонь подчинился его воли сразу, стряхнув, как воду, пылающие искры. Огненные звезды, в которые они превратились, стали золотыми, сложились в сияющий обруч, лежащий на голову белокурого мальчика. Жак вскрикнул, по-

теряв сознание. Луиза устремилась к нему, но голос сказителя остановил ее движение, не позволив встать.

– Не разрывай круг! Навредишь ребенку!

Звезды догорали, будто огни в глубине глаз умирающих, осыпались золотым песком. Огненный зверь направился к последнему гостю, остановился возле Сашки, всматриваясь. Застыл, лишь пламя его шерсти шевелилось, живя собственной жизнью.

– Ты что-то утаил от меня, парень, – холодно заметил сказитель.

Сашка нехотя вытащил фотографию корабля с черными парусами.

– Дай ему, огонь передаст.

Зверь осторожно принял фотографию из руки парня, стиснув клыками, но, не повредив, принес добычу сказителю. Старик посмотрел на изображение, улыбнулся и, ничего не объясняя, бросил в огонь.

Друзья вскочили. Огненный зверь прыгнул в костер, огонь взметнулся к небу, сразу угаснув, едва тлея на поленьях. Возвращение ночи ослепило их больше вспышки огня.

Фотография не горела, сказитель вытащил ее из пламени голыми руками и отдал Сашке.

– Это не обычное изображение на бумаге, а чары. Та, что дала вам фотографию, еще жива, если ты об этом хочешь меня спросить.

Луиза обнимала Жака, пришедшего в себя. Вейн и Эмиль

встали за Сашкой, как за командиром, чтобы его защитить. Олекса наблюдала за ними со стороны, но с готовностью сразу вмешаться. Сказитель опустил голову, прося прощения.

– Простите меня, я не имел права вас так испытывать. Я слишком давно не колдовал, как раньше, а этот лес странный, ибо за ним в долине скрыт Мертвый город, неприкаянные души не погребенных блуждают по нему. Я же помню, как на его улицах играли дети, – сказитель теперь смотрел лишь на Вейна, обращаясь к нему. – У каждого города, городка или даже селения есть свой защитник, своеобразный оберег. Если убить его, а люди не успеют выбрать нового, поселение тяжело оборонять, почти невозможно.

Тут же случилось иначе: только защитник остался жив, и я видел, как он уходил. В тех страшных заклятиях есть и часть моих чар. Так я платил за свободу, за то, что предал, не выдержав пыток, таких же, которые потом отец показывал этому мальчику.

В свете угасающего костра Сашка видел изувеченные ладони старого сказителя. Шрамы от чар, такие похожие на отметины на ладонях Эсмин, жены бывшего помощника министра, но парень не мог этого знать.

Сегодня "Диаманта" оставит Тортугу. Возможно, навсегда. Нет, навсегда. Если они доплывут до Призрачных островов, Тортуга изменится, став такой, какой ее помнят, а если нет, Империя вернет себе удобный порт, и он будет похожим

на все другие порты.

Ярош прощался с пиратским городом, где жизнь кипела даже ночью, особенно ночью, но жизнь призрачная, как воспоминание, как лунный свет на темных волнах.

Пират хотел подняться на скалы, откуда можно увидеть весь город. Но, когда Ярош вскарабкался на вершину, там уже кто-то стоял. Фигура тонкая, словно невесомая, лицо обращено к морю. С этим юношей день назад говорила Ласточка.

Пират стал рядом. Парень продолжал любоваться ночным полотном.

– Слышишь, как красиво? – прошептал юноша. – Свет луны тонок, будто струны скрипки, а прибор – пиано. Тише, тише...

Его голос утихал, парень слушал или сам творил эту музыку, которую невозможно записать или повторить. И Ярош тоже слушал, чувствуя, как печальная мелодия гонит из сердца сомнения, лечит от усталости, ограждает от обреченности и останавливает время.

– Кто ты, юноша? – спросил Ярош Сокол, когда музыка, касающаяся души, отзвучала, распавшись на шелест волн внизу, лунный свет и спокойное дыхание ветра.

– Меня зовут Гунтер. Я чародей, – печально засмеялся он. – Родился на этом острове. И это моя последняя ночь в человеческом мире.

Его боль резанула растревоженную душу пиратского ка-

питана.

– Но это не мир людей! – попробовал убедить юного чародея капитан единственного корабля в этой гавани. – Этот мир призрачный! Почему ты должен уходить?

Гунтер пожал плечами, совсем по-детски.

– А как живется чародею в тусклом мире, знаешь? Как жить в ловушке, не имея возможности что-то изменить для себя или для других?.. Я так решил. Раньше, чем на горизонте показались черные паруса. Я уйду с рассветом. Солнце заберет меня, обратив в пепел.

Ярош молчал. "Диаманта" тоже отплывет утром. А до рассвета осталось несколько часов.

Всемером друзья ступили на дорогу, окутанную предрасветной дымкой. Золотое поле баюкал молочный туман.

– Ты оставишь свой дом? – спросил Сашка у сказителя, решившего сопровождать их.

– Зачем мне этот дом? – но на самом деле старику было жаль оставлять обжитое место: это чувствовалось в его голосе и поведении. – Здесь я одинок. Лишь с тенями и могу перемолвиться словом, когда они сюда забредают, – он больше не казался могущественным колдуном, которому подчиняется пламя, день возвращал его плечам тяжесть прожитых лет. – Да и колдовал я, верно, в последний раз. Холод поселился в моей груди после вчерашней ночи, заклятье выпило мои чары без остатка.

Луиза и Эмиль остановились, ожидая их. Вейн, Олекса и Жак, теперь ставший похожим на ребенка своего возраста, который смеется, ничего не пугаясь, пошли вперед.

Прощай, свободный порт. Корабль отдал швартовы, и все больше взглядов обращались к горизонту, будто отсюда старались разглядеть Призрачные острова. Солнце за мгновение появится над морем, небо уже голубое, а облака тают в свете утра. Команда на пиратском корабле не знала, что идет навстречу солнцу так же, как и небольшая группа людей, обходящая густой лес.

Со скалы кто-то спрыгнул раньше, чем лучи коснулись земли. К кораблю плыл парень.

– Смотрите! – Роксана была невесела, она, как и почти вся команда, стала чувствовать мир намного тоньше, иногда понимая его раньше, чем что-то происходило.

– И там, – Киш указывала на лодку, выплывающую из-за скал.

В лодке стояла высокая женская фигура в сером платье.

– Она без весел... Как? – удивилась Итана.

– Там течение, – объяснила София, которая остановилась за гадалкой.

А тем временем смельчаку, спрыгнувшему со скалы, Берн помогал залезть на борт. Гунтер, улыбаясь, смотрел на Яроша.

– Я передумал, капитан. Возьмешь меня в команду?

– Возьму.

Казалось, парню не хватало только капитанского слова. Улыбка юного чародея стала шире. С Гунтера стекала вода, но это не мешало ему выглядеть величественно. Он воздел руку, тянясь к небу.

Солнечный свет полз по мачтам и парусам, словно их золотой волной накрывало. От прикосновения света пальцы Гунтера засияли, и, будто стиснув в кулаке обрывок солнечного света, он опустил руку. Сияние угасало под взглядом чародея.

Отступил Странник, но, кажется, лишь Хедин это увидел.

– Что ты сделал? – спросил Айлан.

– Отказался от договора с Солнцем, – но отвечал Гунтер Ярошу.

– И если бы капитан был неискренним в своем желании взять тебя с собой, Солнце обратило б тебя в прах, – команда расступилась, пропуская Анну-Лусию, добравшуюся до корабля, пока все наблюдали за Гунтером. – Мы рискнули. Жизнь, какой бы она ни была, лучше пыли небытия.

Ярош склонил голову перед ней, словно в знак навсегда ушедшего прошлого.

– Приветствую тебя на "Диаманте", Анна-Лусия.

Корабль с черными парусами исчезал между морем и небом, оставляя позади остров и пиратский город, тонущий в призрачных радостях забвения.

Море очаровало Софию. Она стояла, глядя, как волны разбиваются о борта, а потом снова соединяются, проходя мимо корабля. Смотрела так, словно сама была волной, неожиданно вспомнившей, как стать собой. За женщиной наблюдал Странник, но не подходил. Ласточка и Юрий рисовали своими огнями узоры. Дым пока не решался к ним присоединиться. Пламя на его ладони горело, иногда изменяя цвета.

– Что ты делаешь, сестра? – к детям подошла Иза.

– Учусь, – счастливо улыбнулась Ласточка. – Видишь, они разговаривают. Если красные, то сердятся, а когда больше синего или золотого...

Иза отшатнулась.

– Прекрати, Ласточка, это грех! Ты с адом заигрываешь!

Огонек Ласточки немного поблек, девочка не понимала, как может быть грехом то, что освещает душу, даруя радость.

– Ты что, сестра? Подержи, может, и в тебе есть огонь, – девочка искренне посмотрела на старшую сестру, готовая и своим огнем поделиться, но Иза отступила еще на шаг, охваченная ужасом.

– Ты будешь гореть в аду, сестра!

Иза быстрыми шагами отошла от них. В глазах Ласточки задрожали слезы, огонек соскользнул с пальцев и погас.

– Что я сделала плохого?..

Юрий ничего не сказал, просто обнял подругу, чувствуя: это самое лучшее, чем он может помочь ее печали. А Иза

подошла к Бенедикту, наблюдавшему за ссорой.

– Выслушайте мою исповедь, отче, ибо грешна я, – склонила голову Иза.

Но Бенедикт не смотрел на женщину, его взгляд оставался прикованным к странным детям, в чьих сердцах жили чары. Священник еще не решил, как относиться к ним.

– Говори, дитя, в чем грехи твои.

Иза поцеловала ему руку в знак признательности.

– Каков фронт, – увлеченно выкрикнул Меченый будто и не о Жан-Поле. – На что спорим, что он трус? – он повернулся к Козырю и Сержу, и втроем они захохотали.

Оскорбленный Жан-Поль подошел к ним, смерив бывшую команду Ричарда презрительным взглядом.

– Разве холопам слово давали?

– Ах ты, плюгавая падаль! – взвился Меченый, готовый выхватить оружие.

– Ребята, может, полюбовно решим вопрос? – попробовал помирить их Серж.

– Полюбовно, – зловеще улыбнулся Меченый, взглядом обещая, что фронту не дожить до утра.

– Только если этот щеголь нас обыграет, – Козырь достал колоду карт.

Но предложение сыграть не обидело аристократа.

– Так бы сразу, – с радостью улыбнулся Жан-Поль. – Кто сдает?

Стоящий на мостике Ярош знаком подозвал к себе Гун-

тера. Парень поднялся к нему, будто взлетел, радость освобождения действительно окрыляла его.

– Расскажи о тех, кого мы забрали с Тортуги, – приказал капитан.

Гунтер оглядывал людей на палубе.

– Анна-Лусия первой попала на остров. Она была ранена, ее привезла пиратская шхуна, но, передав в руки лекаря, сразу покинула порт. Говорили, что ее отравили. Анна-Лусия много раз пыталась уехать, но капитаны кораблей, заходящих в гавань, отказывались ее брать, – взгляд Гунтера остановился на Софии, до сих пор смотревшей на море, несмело говорившей с ним. – София приплыла на лодке, и тоже скоро пожалела, что стремилась оказаться на этом острове.

Я видел, как они с Анной-Лусией напивались, вспоминая былое, но потом поссорились и перестали здороваться. Их обеих боялись, но любили, словно живое прошлое, которое никогда не вернуть, – юный чародей глянул на Жан-Поля, только что выигравшего у товарищей Ричарда, он, не раздумывая, предложил новую партию. – Жан-Поль попал сюда как заложник.

Сначала ему было не сладко, но, в конце концов, когда стало понятно, что пираты за ним не вернутся, он приспособился к здешним обычаям, но остался высокомерным, как павлин. Его не любили, хотя и не трогали, ведь он хорошо дерется и не знает милосердия.

– А по нему не скажешь, – Ярош тоже смотрел, как Жан-

Полю снова улыбается удача, но капитан знал, что в последний раз, теперь, как всегда, начнут выигрывать Меченый с Козырем.

– Мальчик и священник с одного корабля. Каким ветром их занесло на Тортугу, я не знаю. Судно было пассажирским, но их не трогали, капитану даже удалось уговорить кое-кого помочь отремонтировать корабль: судно побило штормом. Но на третий день, когда настало утро, случилось ужасное.

Чем выше поднималось солнце, чем больше света падало на корабль, тем быстрее ускорялось для него время. Мы видели, как время ест обшивку, оголяя каркас, как истончается ткань парусов, рассыпаясь прахом, а сам корабль уходит под воду. Секунды превратились в годы, но никто не мог ничего поделать. Капитан прыгнул в воду, и водоворот времени закрутил его тоже. Через несколько минут мужчина превратился в сгорбленного болезнями старца. Тот корабль стал последним, зашедшим в гавань.

Не все пассажиры смирились с заточением на пиратском острове. Кто-то сберег себя, как Бенедикт, многие спились. Тетка Димона, что везла мальчика к родителям, умерла от старости, ребенка приняли в одном из домов, занятом оставшимися без корабля. Большинство попробовало покинуть остров, они выходили в открытое море на лодках, но, как только появлялось солнце, обращались в прах, а море возвращало лодки к берегу. Так мы и узнали о ловушке. Но, узнав, решили о ней забыть, наслаждаясь призрачной жиз-

ню.

Гунтер замолчал, Ярош понимал юного чародея. Пират и сам когда-то жил призрачной жизнью, хотя не из-за ловушки, а по собственной воле.

Море ласково поблескивало в утреннем солнечном свете, обещая хорошую погоду.

Сказитель знал столько историй, смешных, веселых, интересных, что Сашка уже не представлял, как они могли путешествовать без него. А рассказы не заканчивались, лечили душу от серости городов и жестокости Империи, и все чаще в маленьких городках и селениях, через которые они проходили, дети бежали за путниками, прося рассказать еще одну сказку.

Так друзья платили за еду и крышу над головой: сказками, собирая возле себя все больше народа. Вейн и Эмиль хмурились, предупреждая, что об этом могут прознать стражники Империи, но пока беда обходила их стороной. А когда на руку Жака села птица с синим, как летнее небо, оперением, беспокойство совсем оставило друзей.

День клонился к вечеру, в доме, где их великодушно приняли, зажигали огни. Поужинав, друзья расположились полукругом вместе с немолодыми хозяевами и их тремя маленькими детьми. Луиза шепотом предположила, что, наверное, старшие дети ушли из селения или умерли, но спрашивать об этом было неуместно.

Настало время для рассказа, сказитель задумался, выбирая, о чем сегодня услышит вечер. Только ничего не шло ему на ум.

– А вы играть умеете? – осторожно спросила хозяйка.

– Конечно, умею. А у тебя есть, на чем? – глаза сказителя то ли улыбались, то ли в них отражался свет взгляда молодой, еще красивой женщины.

– Я сейчас принесу, – хозяйка ушла вглубь дома, и быстро вернулась с музыкальным инструментом, похожим на кобзу.

Старое дерево уже подчинилось власти времени, краска слезла, но, когда сказитель коснулся струн, инструмент зазвучал на удивление чисто.

– Что вам сыграть? – спросил сказитель, перебирая струны, пробуя звук инструмента на прикосновение.

– Что-нибудь старинное, чего уже не поют, – попросила женщина.

– Старинное...

Сказитель закрыл глаза, будто и сам тяжело вспоминал забытое. Тихие звуки становились мелодией, очаровывающей, ведущей в прошлое, превратившееся в сказки. Огромные волны накатывались на берег, забирая с собой деревья и дома, ночь накрывала мир крыльями, и лунный всадник летел с гребня волны на гребень. И тогда поднималось солнце, золотое и тусклое, затопляя мир не светом, а серостью. Сходились в бою два войска, и белокурый юноша держал в руке гаснущее звездное ожерелье. На скалах стояла принцес-

са Кора, ждала любимого Яну, отплывшего за море, и чайка плакала, кружа над ней, как печаль. А Януш, брат-близнец Яну, судил пленных врагов. За его тронем, пряча лицо, стоял советник в черном убранстве.

Древняя сказка, что и не сказка совсем, а забытая правда, когда Дух Империи еще не смотрел на мир глазами своих солдат и стражей, выпивая их души. Что осталось от тех волшебных историй? Изображение принцессы Кору стало визиткой сети салонов красоты, а "Яну и Янушем" назвалась группа певцов, за которых музыку писали машины, создавая не человеческие электронные голоса, ведь в действительности ребята не умели ни играть, ни петь. Какими далекими казались эти воспоминания о прошлой жизни в столице, какими тусклыми и ненастоящими...

По сельской улице шел мужчина, обычный, без цели и мечты, просто шел, куда глаза глядят. Боялся, что кто-то остановит, спросив, куда держит путь, а он не сможет ответить, потому что ему безразлично, куда идти. Когда-то он мечтал увидеть мир, пройти его от края до края. Но зачем путешествовать, если не с кем разделить тяготы пути или радость увиденного в дороге либо открытого в себе?..

Из окон дома лился теплый золотистый свет. Заглянуть?..

В углу на составленных полукругом лавках сидели люди, одетые не так, как местные одеваются, а вокруг, на полу – дети и взрослые, привороженные голосом старшего, что наигрывает, перебирая струны. Но слова не долетали до сознания

путника, будто не могли пробиться сквозь стену непонимания, возведенную, чтобы защититься от мира и одиночества.

Сказка кончилась, певец отложил инструмент, но слушатели не хлопали в ладоши – слишком глубоко затронула песня их сердца. Сказитель склонил голову, благодаря за внимание. Величие, древнее и свободолюбивое, проснулось в этом жесте, как ритуал из прошлого, до сих пор не утративший могущества.

Мужчина хотел постучать, но пальцы не коснулись стекла. Что он им скажет? Как объяснит, что, посмотрев на них, нашел цель своей жизни? Что мечтает так петь, чтобы и его слушали, затаив дыхание?

Все, что было до этого вечера, стало несущественным, забылось, как наваждение, как причудливый сон. Мужчина посмотрел на темное небо, с которого сорвалась звезда: если смелый – загадай желание.

И мужчина шепотом признался звезде, о чем мечтает, и звезда откликнулась, указав путь. Путь к Морю, что расскажет ему древние, почти утраченные сказки, которые он будет пересказывать людям.

Одинокая фигура исчезала под крылом ночи без страха перед дальней дорогой. Ночь теперь будет защищать его от опасностей и разочарования, мужчина просто знал об этом.

Вейн поднялся, подошел к окну.

– Мне показалось, или там кто-то был? – неуверенно спросил он у друзей.

– Я не видела, – ответила Олекса.

– Я тоже, – подтвердила Луиза.

– А я вроде заметил какую-то тень, – Сашка тоже заглянул за стекло.

– В такие ночи многое почудиться может, – тихо молвил сказитель. – В такие ночи певцы и чародеи рождаются, – и уже обычным голосом добавил: – Вы бы шли спать, Жак уже носом клюет, а у нас завтра долгая дорога.

Харун говорил с Морем, и темная глубина откликалась плеском на его неслышную людям речь. Звездное небо темное, его край укрыт тяжелыми тучами, купающимися в черной, маслянистой воде, подсвеченной вспышками молний на горизонте.

Ярош остановился возле мачты, засмотревшись на давнего. Пиратскому капитану казалось, что Харун и Море нынче стали едины, и благодаря этому приобрели еще большую силу, древнюю, безжалостную и величественную одновременно.

Сокол коснулся мачты, в глубине дерева чувствовался трепет – корабль тоже ждал прихода бури. "Диамата" не страшилась штормов, и каждый из них наполнял ее жаждой жизни. Это было непостижимо, но так прекрасно, словно чудеса еще окончательно не ушли из обесцвеченного мира, и впереди ждут не отчаяние и серость Империи, а опасные путешествия и приключения в далеких морях и землях.

Пиратский капитан подошел к Харуну, остановился возле фальшборта, тоже наблюдая за безмолвными ветвистыми молниями. Раз за разом их отблески высвечивали лица тех, кто осмелился смотреть на них, стремились отразиться в глубине глаз.

– Не спится, пиратский капитан? – Харун оглянулся на Яроша. – О чем думаешь, Сокол?

Ярош усмехнулся.

– Есть о чем подумать. Например, знал ли давний народ, как именно заколдовали Тортугу? Иначе, почему вы остались на корабле?

– Марен знала, какие чары насланы на пиратский остров, и рассказала нам. Поэтому мы и остались на борту. Мир откликается на мысли давнего народа, а сама наша жизнь полна чар. Эти отзвуки слишком сильные, чтобы лишний раз рисковать и собой, и всеми на этом корабле. Или ты считаешь иначе, пиратский капитан?

Харун посмотрел на Яроша, и в тот миг его темные глаза были насмешливыми, глубокими и неумолимыми, они были воплощением самого Моря, чья власть простирается на все времена и берега. Укрытое мраком пространство освещает лишь зарево сильных волей смельчаков, имеющих мужество бросить вызов этой безграничности. Ярош старался не обращаться к темному Морю, зная его коварство, а давний не страшился этой власти, будто сам был ее частью. И это в очередной раз подчеркивало, насколько в действительности

разные пиратские капитаны и давний народ.

– Нет, Харун, лишний риск никому не делает чести, – Сокол отвел взгляд и снова посмотрел, как молнии освещают мрак неба и воды своим холодным разноцветным светом. – Марен сказала, что не знает, на кого откликается карта сокровищ Призрачных островов. А если ты спросишь об этом у Моря, разве оно тебе не ответит?

– А настолько ли важно тебе об этом знать, Сокол?

Оба повернулись, услышав насмешливый вопрос, и увидели Марен. Приближение бури изменило и ее, на черную одежду лег едва заметный узор тонкой серебряной вышивки, а рубашка покрылась черным волшебным шитьем.

Ярош поневоле восхитился, насколько давние только благодаря своему чародейству умеют изменяться сами и менять свою одежду, когда пожелают.

– Бури такие своенравные, что расшатывают само естество мира, потому и мы становимся другими, – усмехнулась Марен, почувствовав его мысль. – Другими на некоторое время... Но, возвращаясь к твоим вопросам, Ярош, разве ты не пошел бы к Тортуге, если бы знал, как именно ее заколдовали?

Ярош молчал: он действительно не был уверен, что решился бы подойти к пиратскому острову, зная всю правду о его проклятии. Хотя нет, он бы все равно рискнул...

– Да, но с другими мыслями, сердцем, полным беспокойства о своей команде, и лишней осторожностью. И тогда вряд

ли ты нашел бы кого-то на этом острове и забрал с собой.

Ярош не выдержал взгляд проницательных глаз давней и отвернулся.

– Не читай в моем сердце и мыслях, Марен.

– А ты не позволяй этого, Ярош, – рассмеялся Харун. – Мы давний народ, но мы тоже живые, а не бездушные стихии, и поэтому не всевластны. Ты спрашивал, ответит ли мне Море на такой вопрос. Да, ответит, – он с улыбкой глянул на Марен. – Так, может быть, скажем ему, Марен? Или пусть догадывается сам?

Марен ответила ему улыбкой, они поговорили мысленно, и Ярош почувствовал это. Давние играли, как часто они играют с людьми. Сокол положил руки на фальшборт, ощущая тепло дерева, будто сам корабль решил поддержать своего капитана.

– Карта находит пиратских капитанов, – подумав, ответил Ярош. – Как Феникс в Элигере, как Анну-Лусию и Софию на Тортуге.

– Это так, Ярош, – тихо подтвердила Марен. – Карта собирает тех, кто были пиратскими капитанами в прошлом, есть сейчас и могут стать ими в будущем. А еще карта откликается на присутствие тех, кто властен не только говорить с ветром и морем, но и осмелится приказывать им. И неважно, кем они были раньше. Именно поэтому на борту твоего корабля так много учеников Имперской Звездной школы или тех, кто прятался от закона Империи вблизи моря.

– Но тогда... – Ярош не сразу нашел нужные слова. – Тогда Хедин, Айлан, Олег и Ричард... Все они должны были быть на этом корабле?

– Правильно, Ярош, – кивнул Харун. – Так же, как Итана, Зорин, Тайра, Киш, Дельфин и Берн. Так же, как Юран, Герда, Эсмин и другие, только мы не знаем наверняка, кто именно из них. У каждого из этих людей есть прошлое, в котором много тайн, радости и боли, но не меньше власти и свободы... Но и в Элигере, и на борту "Астагора" ты полностью по своей воле выбирал, кого освободить из плена и увести с собой. Как и здесь, на Тортуге. Хотя те, кто сам нашел путь к тебе, тоже не простые люди.

– Потому что каждый, оказавшийся на корабле с черными парусами, – особенный, – Марен тоже коснулась дерева, пульсирующего жизнью. – И судьбу каждого из них, как и судьбы пиратских капитанов, освещают яркие звезды. Но каким будет этот свет, и не откажутся ли они от своей судьбы, не знают ни Море, ни давний народ. Звезды давних, чародеев, властителей или обычных людей могут быть одинаково яркими и одинаково тусклыми. Тебя тоже ждет такой выбор, Ярош Сокол, – какой будет твоя звезда... Очень скоро...

Шторм относило ветром, освобождая путь пиратскому кораблю, но одинокие молнии все еще пытались достать до морского дна и осветить собой черные глубины. Темное море стелилось безграничным полотном, на волнах появлялись едва заметные гребешки пены. Бури так легко от своих за-

мыслов не отказываются и не уступают дорогу пусть и кораблю с черными парусами.

Никогда не обещай любить до самой смерти. Никогда не обещай, что не предашь, выстояв перед лицом врага. Никогда не обещай. Ничего не обещай. Обещание обманет и предаст, заставив нарушить клятву.

На ресницах Али качался сон, как продолжение пыток. В этом сновидении она была маленькой девочкой, трубившей в рог в знак скорби по друзьям. Ибо друзья ее похоронены в одной могиле. Но жизнь никого из них не отпускает. Задолжали они жизни своими неосмотрительными клятвами и смелостью.

Сон качался на пышных ресницах, не даруя покой.

Никогда не обещай...

Пылает в огне письмо, лишь подпись пославшего его еще цела. Непонятная подпись, за которой вся жизнь, будто сам огонь расписался. Но тому письму было не суждено сгореть, оно стало пламенем, унесшим не одну жизнь...

Узница Имперского подземелья блуждала миром погибших, разыскивая друзей, и не находила. Пустой смех вел ее дальше крутой тропой к одинокой горе собственной гордыни, где уже ждал палач.

Но стоит взобраться на эту гору, как палач превращается в птицу и летит за горизонт, теряя черные перья, словно улетают паруса с мачт, гнущихся под ветром.

И снова идти. К новой горе, где ждет палач...

Советник Императора смотрел, как тревожно спит прикованная к стене женщина, и тихо улыбался, довольный: на суде она предстанет обессиленной настолько, что ясный непокорный взгляд будет волочиться по разрисованному кровавым золотом полу.

Никогда не обещай, что не предашь...

На звезды, светившие кораблю с черными парусами, наплывал туман. Тонкий ломоть красной луны, уже уходящей с неба, задержался возле самых волн, отражаясь в них багровой дымкой.

К Марен, стоящей на вахте, подошла Мать. Давняя повернулась к ней, почтительно здороваясь, как только смерть могла приветствовать жизнь.

– Ночь пророчит, что прольется много крови, – тихо промолвила Мать, расплетая темные косы. – Я не смогу на это смотреть, ибо гибель моих детей причиняет и мне смертельную боль. Я должна покинуть корабль, но, прежде чем уйду, хочу сделать один подарок.

– Уйдешь? – не поняла Марен. – Как уйдешь? Умрешь? Ты ведь жизнь? Ты не можешь умереть!

– Нет, – рассмеялась Мать. – Я из того же давнего рода, что и ты, сестра. Но сделала иной выбор. Я не умру, но стану другой, ты будешь чувствовать меня в шелесте волн и мерцании лучей, и, возможно, когда-нибудь я вернусь в этот мир

человеком, – она задумалась.

Той, которую Мать назвала сестрой, показалось, что воплощение жизни колеблется и даже боится принятого решения.

– Твоя сила улетела с вороном, но твои знания и чары остались при тебе?

Марен смотрела на сестру, отдавшую Имя за этот мир, чтобы исцелять его раны, а не чтобы отсекал головы и ломать судьбы, как это делала она сама в течение многих лет.

– Кто-то из нас погиб, кто-то люди называют богом, кто-то ушел в небытие по собственной воле. Ты пожертвовала своим Именем, но я до сих пор помню, что тебя звали Иверин, – почти неслышно сказала Марен. – Да, мои знания при мне. Чем помочь тебе, сестра?

– Скажи Имя призрака, которого Ярош привел с зачарованного острова. Призрак помнит, как его зовут, но не скажет даже мне, ибо считает, что возложенное на него наказание справедливо.

– Такое наказание не может быть справедливым, – усмехнулась Марен, а пальцы уже плели заклятье, внезапно их движение остановилось, оборвав прозрачную нить. – Ее зовут Мариан. Что дальше?

Мать не ответила сразу, снова окунувшись в мысли.

– Я хочу попроситься с одним человеком. Позови Катерину и, прошу, позаботься, чтобы нам не мешали.

Марен оглянулась на Яроша, Бенедикта и Гунтера, не

ушедших с палубы, но они были достаточно далеко, чтобы слышать, о чем тихонько разговаривают давние.

– Позволишь оградить тебя заклетьем?

– Позволю.

Марен ушла и через несколько минут вернулась с заспанной Катериной. Одежда Матери изменилась, на рукавах кофты и в волосах засеребрились капли соленой воды, а юбка стала темного, штормового цвета, только кружево внизу оставалось светлой морской пеной.

У Катерины сон как рукой сняло.

– Что случилось? – испугалась она.

– Все в порядке, дочка, – попробовала ласково улыбнуться Мать, душой она была далеко от пиратского корабля. – Я должна оставить вас, но хочу поблагодарить тебя, что не бросила меня в беде. И прошу, Катерина, еще раз помочь.

– Да, все, что угодно, – без колебаний согласилась Катерина, которой все больше не нравился отстраненный голос Матери.

– Никогда не давай слова, пока не узнаешь, что у тебя попросят, Катерина, – предупредила Мать, и на мгновение в ее голос вернулись чувства. – Но мне от тебя нужно немного. Удержи в ладонях сияние, хотя тебе и трудно будет, и грустно, и дай напиток той, кого я сейчас позову, – давняя подняла взгляд на мачту, где на рее сидел призрак. – Мариан, – шепотом позвала та, в ком воплощалась в человеческом облики жизнь этого мира.

Будто не по своей воле, призрак соскользнул на палубу и приблизился к ним.

– Вы звали меня, – тихо сказала призрачная Мариан, удивленная, что кто-то здесь знает ее Имя.

Марен обходила их кругом, украдкой сыпя серебристую пыль, которая сразу впитывалась в доски палубы.

– Мариан, тебя наказали, отобрали жизнь, но лишили по-смертного покоя, – не вопрошающе, а утвердительно сказала Мать.

– Нас всех наказали, хотя и по-разному, – грустно откликнулся призрак. – Но откуда вам это известно?

– А ты меня разве не узнала?

Мариан внимательно посмотрела на Мать, призрачные глаза сверкнули жизнью, но лишь на миг. Призрак опустил изверившийся взгляд.

– Узнала. Ты старше и людей, и чародеев.

Круг замкнулся, тускло засветившись, Марен оказалась за ним. Гунтер краем глаза видел слабую вспышку заклятья и глянул в их сторону, не обратив внимания других.

– Хочешь снова жить? Полно, как раньше? Забыв о пережитом? Хочешь жить, Мариан?

В третий раз Имя призрака прозвучало глухо, словно в другом мире промолвленное. Призрачная женщина подняла на нее глаза, приняв решение:

– Хочу жить, но забывать не желаю. Что мое, то мое, пусть то радость будет или боль, – в ее голосе скользнули привыч-

ные нотки командира, что может отдать любой приказ, да и себя не жалеет.

– Дай руку, Мариан.

Мать вела пальцами, с выступавшими на них сверкающими животворными каплями, по руке призрака. На полупрозрачной коже оставался цветной красочный след. Но когда радуга растаяла, скапывая водой, тело вместо призрачного становилось живым.

Мариан вздохнула, оседая на палубу. Руки Матери касались ее волос, становящихся темными и пышными, а блеклое платье превращалось в пиратскую одежду. Мать, склонившись, поцеловала пиратку в лоб, и, поднявшись, повернулась к Катерине.

Удивительное создание истекало не кровью, а водой, живой и соленой, оплывало лицо, а кожа становилась прозрачной.

– Катерина... – Мать с мольбой протягивала сложенные руки, с которых капала вода.

Катерина подставила руки под этот источник жизни, и через несколько секунд человеческие ладони наполнились сияющей водой.

– Напой ее, – попросила Мать, и сама, не в силах стоять, опустилась на палубу.

Мариан пила из рук Катерины, но живая вода все равно оставалась на коже человека, даря и ей новую жизнь.

– Что там происходит? – Ярош порывался идти к сияющему кругу, который только что увидел, но Бенедикт взял его за плечо, останавливая.

– Там творится чудо, не мешай, капитан.

Пиратка легла, утомленная жизнью, наполнившей ее.

– Слушай, Мариан, – тихо обратилась к ней Мать, через ее юбку уже просвечивались доски, мокрые от воды, заволновалось море, качнув корабль. – Я вернула тебе жизнь, но счастье ты вернешь себе сама, поделившись жизнью с тем, кого захочешь поцеловать. Ты поцелуешь его, когда сойдешь на берег, обещаю. А теперь спи.

Глаза Мариан закрылись, она заснула живым сном.

Ярош высвободился.

– Нет, что-то не так, – он пошел к кругу, и, приблизившись, застыл, не в силах переступить сияющую линию.

– Переведи его, сестра, – попросила Мать, и Марен завела Яроша в круг, обняв, у нее снова были крылья, в которых мерцали звезды.

Пират присел рядом с Матерью, не пугаясь, что сейчас она сама похожа на привидение.

– Ярош, я уйду. Мы больше не увидимся. Благодарю, что не оставил меня на улице раненную людским горем и безразличием, не ведая, что тебе будет за поступок, – ее голос звучал все тише. – Но, уходя, я умоляю тебя, капитан, освободи Ричарда. Негоже моим детям мучить друг друга.

Ярош смиренно опустил глаза.

– Я сделаю, как ты скажешь, даю слово.

– Благодарю, капитан, – слабо улыбнулась Мать.

Волна неожиданно ударила корабль, затопив палубу. Матрен накрыла Мариан крылом, но вода смыла сияющий круж и намочила одежду пиратов. Когда вода стекла, Матери уже не было – Море забрало ее, как и обещало, ибо, где родилась жизнь, туда она и должна возвратиться.

Гунтер помог подняться Катерине. Бенедикт склонился над спящей.

– Кто она, Ярош?

Капитан посмотрел на молодую красивую темноволосую женщину.

– Мариан, славный пиратский капитан и мой боевой товарищ, – но в его голосе не было никаких чувств. – Передайте мой приказ, чтобы освободили графа, только ничего ему не говорите. Пусть помучается, стараясь понять, кому обязан спасением.

Ярош поднялся, подошел к фальшборту. Море успокоилось, будто только что и не одарило их ледяной волной.

– Для чего же ты сзываешь своих капитанов? Зачем собираешь нас по всему миру? Не ради сокровищ Призрачных островов... Тогда зачем?..

Во взгляде пиратского капитана был вызов. Вызов самому Морю. Но темные волны не отвечали ему сегодня, как и его компас. Мир онемел в ожидании того, что вскоре должно

произойти.

Глава 16

Чары колдовского тумана

Известие о Мариан и уходе Матери разлетелось по кораблю еще до рассвета. Возле спящей постоянно находились Иза, Ирина или Эсмин. Заболела Катерина, ее бросало в жар, она бредила. Но к женщине с пепельными косами друзья приходили чаще: Катерина успела прийти по душе многим, а призрак пугал людей, и даже живая черноволосая красавица была чужой.

– Она выздоровеет? – спросил Ярош у Зорин, сидящей возле бесчувственной Катерины.

– Выздоровеет, она сильная, – Зорин погладила Катерину по спутанным волосам, положила ладонь на лоб. – Жар спал. Это не лихорадка, это печаль о той, что ушла, чувство, которое она не смогла сразу преодолеть. Но Катерина выздоровеет.

Когда Ярош вышел на палубу, его позвала Феникс. Ее глаза были напуганные, а сама она нервная и растерянная.

– Ярош, – Феникс в порыве схватила капитана за руку, словно боялась потерять. – Я вижу, как ты говоришь с Морем, споришь с ним. Почему? Что ты от него хочешь? Море обижается на тебя, я вижу по волнам. Я боюсь за тебя, Ярош!

– Море, – нехотя ответил пират, забирая у нее руку. – Я спрашивал у Моря, почему оно не предупредило нас, что призрак – это Мариан, зачем умолчало о ней.

– А что Море? – пролепетала Феникс, которой и в мысли не приходило, что с темной безграничностью можно разговаривать так высокомерно.

– Море смеется, но отвечает, – было видно, что Ярошу тоже не нравятся разговоры со стихией в таком тоне. – Говорит, что Мариан привез на остров имперский корабль много лет назад и оставил там. Но земля и само Море смилостивилось над призраком, который ходил по острову, терзая себя одиночеством. Море послало к ней подругу, чтобы Мариан было с кем поговорить, а земля создала для нее живой дом, куда не могла войти печаль.

– Море указало нам, как ее найти? – Феникс почему-то не верилось, что такое возможно.

– Думаю, да, – Ярош помрачнел. – Но, Феникс, это не та Мариан, которую мы знали. Ты ведь тоже – не та Феникс.

– Не обижай меня! – тряхнув волосами, внезапно подсвеченными зловещим пламенем, крикнула Феникс. – Ты сам не такой, каким был. И не станешь прежним. Никогда!

Она ушла, обидевшись.

– Феникс, – позвал ее Айлан, но она отмахнулась.

Айлан подошел к капитану.

– Ты бы ее сейчас не трогал, – посоветовал Ярош.

– Нет, – не согласился задумчивый Айлан. – Она нам нуж-

на. Она же говорила тебе, что каждый день мы втроем – я, Юран и Феникс – накрываем корабль заклетьем, чтобы чужие глаза его в море не разглядели? Уже давно, с того времени, как чары давних, наложенные на корабль в Элигере, начали слабеть. Уговори ее, Ярош.

– А разве Хедин, Марен или даже Ричард не могут занять ее место в заклети? – Ярош и виду не подал, что Феникс ему до сих пор ничего о тех чарах не сказала.

– Нам нужно ее пламя, – грустно ответил Айлан.

– Смотри, она просыпается, – Эсмин улыбнулась.

Почти незаметное сияние, окутывающее тело пиратки, исчезало. Мариан открыла глаза, зеленые и ясные.

– Где я? – спросила она у Ирины, на коленях которой сидел черный кот, молодая женщина чесала Сириуса за ухом.

– В море, на нашем корабле, – ответила Эсмин, Изы сейчас с ними не было, она ушла узнать, не нужно ли помочь готовить обед.

– В море... – тихо повторила Мариан, садясь на кровати.

Пиратка коснулась своей руки, еще не осознавая, что тело теплое.

– Я, кажется, помню. Только так размыто...

Без стука в каюту ворвалась Роксана.

– Ирина, ты Сириуса не видела? Он стянул у родителей... – но, увидев, что Мариан проснулась, застыла, не договорив.

– Дети на корабле? – удивилась пиратка.

– Я не ребенок! – обиделась Роксана. – Я самая старшая!

– А тут и младшие есть? – удивлению Мариан не было границ.

– Есть, такие, как она, и еще трое совсем маленьких, – Ирина сняла кота с рук, чем он был очень недоволен.

Задрав хвост трубой, Сириус зашагал прочь из каюты. В приоткрытую дверь заглянул Тимур.

– Дети на корабле – это кошмар, – как закон, провозгласила Мариан. – На пиратском корабле! Кто бы мог такое представить?

– Ты мне не нравишься, – вернула обиду Роксана, в ней хлопотала ярость: эта женщина, даром, что ожила, холодная, как привидение. – Ты не настоящий пиратский капитан!

– О, девочка, – в голосе Мариан скользнули опасные нотки. – Я и не должна всем нравиться, – пиратка встала, хотя ей еще было тяжело держаться на ногах. – И кто же, по-твоему, настоящий капитан?

Роксана смело выдержала ее ледяной взгляд.

– Ярош настоящий капитан, и София, и Анна-Лусия, хотя я ее тоже не люблю, и Феникс хорошая.

– Кто-то мое имя называл? – в дверях стояла Феникс. – Роксана, тебе лучше уйти. Тимур с Дымом подрались.

– Тимур же только что здесь был, – удивилась девочка, неохотно отводя взгляд.

– Это ему не помешало.

Роксана ушла.

– Он меня ударил! – ныл Дым, утирая разбитый нос, лицо мальчика было перемазано кровью вперемешку со слезами.

– Неправда! – оправдывался Тимур. – Я его не бил! Он сам поскользнулся!

– Что здесь случилось? – Роксана повернулась к Юрию и Полине.

– Дым сказал, что ему не нравится корабль, что он старый, а паруса грязные, – устало начал Юрий. – Тимур ответил Дыму, что тот малолетний сопляк и ничего не смыслит в настоящих кораблях. Дым заверещал и набросился на Тимура с кулаками. Тимур его толкнул, а Дым поскользнулся и расквасил себе нос.

– Так и было? – обратилась Роксана к мальчишкам.

Оба потупились, признавая, что Юрий ничего от нее не скрыл.

– И что теперь с вами делать? – согнала на них злость Роксана.

Ирина оставила Мариан и Феникс наедине. Женщины, когда-то командовавшие десятками людей, молчали, будто в безмолвии переходили через годы разлуки.

– Я думала, худшая судьба досталась беглецам, – первой нарушила молчание Феникс.

– У всех судьба была горькой, – откликнулась Мариан. – Почему не пришли София и Анна-Лусия?

– Я попросила никому не говорить, что ты проснулась. Те-

бе нужно отдыхать.

– От чего? От жизни? – рассмеялась Мариан, но надтреснуто и нерадостно.

– Со мной тоже так было, когда мы сбежали, – Феникс вздрогнула от смеха подруги. – Это пройдет со временем.

– Не пройдет, – зловеще заверила Мариан. – Я жила в этом аду годы, обратившиеся для меня в вечность. Помнишь жребий, Феникс, колдовским огнем обжегший наши руки? Какая цифра тебе досталась? Последняя? Помнишь, как это было?

Феникс отшатнулась от бездны в зеленых глазах Мариан. Бездна ярилась в них, как водоворот, которому никого не жаль.

– А думаешь, нам легче было смотреть, как забирают наших побратимов? – Феникс схватила подругу за руку.

...Зал, залитый блеклым колдовским светом. Огромный зал, и несколько людей группкой держатся недалеко от императорского трона, словно в зале гуляет мертвый ледяной ветер.

Держа за руку молодую красивую женщину, одетую в длинное черное платье, гармонирующее с ее темными волосами, в зал входит высокий черноволосый колдун в белых одеждах. Оставляет Мариан возле императорского трона, отходя в тень.

– Присягой этой и своим сердцем клянусь до смерти быть верной Империи и его величеству Императору... – взлетает

к высокому потолку страшный обет...

– Не нужно! – Мариан вырвала руку. – Не колдуй, Феникс. Не колдуй, я этого сейчас не выдержу, – она задохнулась от боли, причиненной воспоминаниями. – Я даже мысленно вспомнить боюсь, что было со мной, когда меня забрали от вас. Первой... Я не предала, Феникс, я просто хотела жить, а они обещали мне жизнь...

Она замолчала, ведь Империя не обманула ее, только жизнью одарила не человеческой.

Феникс села рядом с подругой, обняла.

– Мариан... Когда вас забирали одного за другим, когда нас осталось четверо, нас тоже стал покидать разум. Все клялись, что выстоят. А потом, через несколько дней или недель, стражник снова звал нас в зал, и, встречаясь с пустыми взглядами уже обращенных товарищей, мы понимали, что, когда настанет наш час, тоже не выстоим, и все равно клялись всем, что попробуем выстоять или умрем.

И когда нам удалось сбежать, думаешь, разве то было счастьем – бросить вас? Мы разошлись, не смогли больше идти вместе, потому что напоминали друг другу, что предали не меньше тех, кто присягнул Императору.

Дорога привела меня в большой город, где незадолго до этого началось восстание. Без страха, ведь страх мой остался в имперских подземельях, я пришла в повстанческий лагерь и предложила помощь. Предводитель увидел во мне прирожденного командира и принял в ряды повстанцев. Но мне бы-

ло безразлично их стремление победить Империю, ибо я искала смерть.

Я выполняла такие задания, на которые не пошел бы никто из людей, кому есть что терять. Мы захватили тюрьму и перебили много солдат. Иногда, превосходя в жестокости саму Империю, мы отыскивали среди пленных тех, чьи души еще не полностью отошли зверю, которых еще можно было отправить на тот свет без позволения Императора, и...

Феникс оборвала сама себя, хмыкнув. Ее темные глаза тоже стали льдом, что не сойдет по весне.

– А тогда пришли имперские войска и возвратили нам всю жестокость второе, впятеро больше, не упиваясь нашей беспомощностью, просто уничтожая всех, ставших у них на пути. Предводителя схватили. А мою группу окружили, но не забрали в тюрьму, а поставили к стенке и расстреляли. Мне досталось три пули, я потеряла сознание, и они решили, что я умерла. Но феникса убить непросто.

Я очнулась в комнате с таким низким потолком, что невозможно даже стоять прямо, – в катакомбах под пылающим городом. Меня принес туда не человек, вампирша по имени Магда, она и лечила мои раны тьмой, договариваясь с ночью. Род проклял ее за помощь мне, и вместе мы были вынуждены покинуть сгоревший город.

Мы шли к морю вдвоем, как старые подруги. Вместе мы и спрятались в одном из портов Элигера, хотя в то время все города там принадлежали столице со звериными глазами. А

тогда Ярош нашел меня, и мы поплыли искать сокровища, а Магда ушла на корабль мертвых.

– Ты видела корабль мертвых? – Мариан поразила исповедь Феникс, ее голос стал более снисходительным.

– Я была на его борту, – усмехнулась Феникс. – И видела капитана. Врут, что он уродлив, но лучше бы он был чудовищем, чем смотреть ему в глаза, ибо он – воплощение настоящего Моря. Заклятого древнего Моря, которое когда-то властвовало над миром.

Она закусила губу, едва сдерживая чувства, готовые выплеснуться из сердца, истерзанного воспоминаниями.

– Кто ступил на палубу корабля мертвых, тот погибнет ужасной смертью, – тихо пропела Мариан, снова зло улыбувшись, но, казалось, что на нее саму было обращено то зло, а не на подругу, с которой она делила опасный путь к столице.

– Нет ужаснее места, чем Императорский дворец. Живой они меня не получат, – шепотом поклялась Феникс.

Ветер вяло шевелил пальмовые листья. Андрей сидел на песке, смотрел, как чистит перья попугай, которого юные пираты за два дня научили разговаривать. Илария вплетала прутик в корзину: еще осталось несколько кругов пройти, и будет готово.

– Смотрите, что там!

Влюбленные поднялись, глядя туда, куда с холма указы-

вал Иржи. К острову приближался большой корабль. По бело-серому флагу рассыпались звезды.

Иржи подбежал к ним.

– Что будем делать? – испуганно спросил он.

– Если убежим, увидят брошенную хижину и все равно найдут, – Андрей грустно, но без страха смотрел на флаг. – И нас уже заметили.

На корабле мигал отблеск зеркала. Имперский корабль подошел к острову ближе, чем "Диаманта", искусно обходя подводные рифы. Даже людей на палубе можно было разглядеть.

Друзья ждали, когда лодка причалит. Первым, перепрыгнув через воду, на берег сошел темноволосый мужчина, одетый в белое. Но Иларии показалось, что миг назад у него было немного иное обличье: человека-птицы, чьи руки срослись с крыльями.

Вот теперь убежать было точно поздно. Илария гордо смотрела на Химеру. Советник Императора лишь улыбнулся ей, искривив губы.

– Видели ли вы корабль с черными парусами? – спросила Химера у людей.

Друзья молчали, но их молчание понимали и так.

– Вы не единственные, у кого я могу узнать об этом, – решил поиграть советник Императора, подозвав чарами попугая.

Попугай сел на протянутую руку, нахохлившись.

– Говори, – тихо обратилась Химера к птице.

– Кор-рабль! Кор-рабль! Чер-рный кор-рабль!

Из хвоста попугая выпали два ярких пера. Он старел на глазах.

– Прекрати! – не выдержала Илария.

Заглянув ее в глаза, советник Императора отпустил попугая, который сразу спрятался в чаще.

– Говори ты, девочка.

Илария вздохнула, а Иржи бухнулся на колени.

– Прими мою жизнь и мое сердце ради славы и могущества Империи, – забубнил мужчина слова присяги.

– Что ты делаешь, Иржи?! – возмутился Андрей.

– Я принимаю твою присягу, солдат, – Химера провела рукой над головой человека, Иржи вздрогнул. – Встань, теперь ты слуга Империи, – говоря это, черноволосый колдун не сводил глаз с Андрея и Иларии. – Больше никто не желает присягнуть мне на верность?

Иржи встал, пошатываясь, во взмахе руки советника Императора были чары. Молодые влюбленные молчали.

– Корабль с черными парусами приплыл к этому берегу, его вела русалка, – рассказывал Иржи. – Пираты ходили вглубь острова и привели оттуда призрака. И Тимура забрали, мальчика с нашего корабля, разбившегося здесь два года назад.

– И куда пираты взяли курс?

– Мы не знаем, – Андрей попробовал ответить вместо Ир-

жи.

– Знаете. Так куда? – глаза Химеры осветились заклятьем, Андрей пошатнулся.

– Мы слышали, они собирались на Тортугу, – сказала Илария.

Советник Императора перевел взгляд на девушку.

– Боишься. Но не за себя. За него. Да вот беда, если я убью его, то ты будешь страдать, а он получит покой, – Андрей стиснул кулаки, промолчав, чтобы не навредить любимой, но черноволосый колдун это видел. – Если же я убью ее, парень, то покой получит она. Хотя смерти вы не боитесь, вы боитесь боли друг для друга, ибо любите. А у меня нет времени, чтобы разбить вашу любовь. Но я вас накажу. Вашим же чувством.

Химера направилась к воде. Понурившись, Иржи поплелся следом, даже не оглянувшись.

– Неужели Иржи сделал это искренне? – Андрей обнял Иларию.

– Он очень хотел на побережье, – Илария печалилась об Иржи. – Но не с пиратами. Разве мог он упустить такой шанс?

Девушка прижалась к любимому, стараясь не думать о проклятии, которое обещал наслать на них советник Императора.

Феофан видел, как Химера, вернувшись с острова, отдает

приказы. Человек, которого советник Императора привел с собой, был напуган и растерян.

– Иржи, – Химера смотрела на исчезающий в сумерках остров, – я чувствую, как ты стремишься вернуться на большую землю, и понимаю, что тебе нет дела до людей, приходивших сюда под черными парусами.

Иржи слушал, цепenea от ледяного голоса, будто превращаясь в камень.

– Но скажи мне, – продолжал советник Императора, – почему ты не попросил за своих друзей? За тех, кто делил с тобой дни на острове в течение двух лет. Кто помогал тебе выжить. Кто не отходил от тебя, когда ты заболел. Каждый присягающий Империи может перед тем попросить о выполнении небольшого желания.

– Тебе все ведомо, что же я могу еще сказать? – теперь, когда остров исчез, он почувствовал себя по-настоящему одиноким, но живым.

Химера ухмыльнулась, уловив эту мысль.

– Ты не колдун, поэтому не прочитаешь заклятье, написанное мною на песке, даже Морю его не смыть. Но добра в тех чарах меньше, чем в твоих мыслях, хотя мысли твои черны. Зависть и ложь, которыми ты жил эти два года, точат твои мысли, Иржи, как червяк яблоко. Ложь о восстании против Империи и заточении. И зависть к чужому счастью, к чужой молодости, к пиратской удали, которой у тебя никогда не будет. Зависть съела твою душу, Иржи.

В каждом слове советника Императора притаилось отчаяние, перетекающее в без того обезображенную завистью душу человека.

– Почему ты не оставил меня на острове, колдун, чтобы зависть окончила свою работу? – стараясь удержаться над пропастью отчаяния, спросил Иржи.

– Почему? Потому что ты нужен мне, человек, – рассмеялся колдун. – Потому что ты видел пиратов, видел их корабль, а теперь проклянешь их всех, – советник Императора жестом позвал двух солдат. – Казните его. Все равно как.

Солдаты взяли Иржи под руки, но тот вырвался, бросившись Химере в ноги.

– Ты обещал мне жизнь!

– Я ничего тебе не обещал. А ты отдал мне свою жизнь и свое сердце. Если же твое сердце понадобилось мне для какого-то заклятья? Поторопитесь.

Солдаты подняли Иржи и забрали с собой. Химера пришла к Феофану, который видел, как колдун разговаривает с пленником. До слуха министра долетел слабый вскрик.

– Асана Санарин, – позвала Химера, и к ним подошла высокая темноволосая женщина, одетая в белый костюм капитана имперского флота. – Стрела зависти и ненависти полетела. Она яркая, следуйте за ней, – и уже к министру: – У нас есть нужный курс.

Поклонившись, Асана Санарин пошла на капитанский мостик. Феофан не ответил.

Туман укрывал море, окутывая корабль бело-серым маревом, от которого саднило в горле. Сквозь него не мог пробиться лунный свет, подсвечивая призрачную мглу, будто в тумане скалились мертвецы. Черные паруса намokли и обвисли, ветер стих, как перед бурей.

Не велись разговоры, все старались поменьше находиться на палубе, чтобы не дышать гадким туманом, от которого кружилась голова.

Ярош, Марен, Феникс, София, Анна-Лусия, Айлан, Юран и Мариан, уговорившая капитана позволить и ей не сидеть в каюте, стояли на вахте. Перед кораблем плыл Дельфин, чтобы предупредить о рифах. Никто не верил туману. Туман ждал, что они допустят ошибку, туман облизывался, готовый сожрать кораблик, затерявшийся в морских просторах.

Туман стал густым, как молоко. Они уже не могли видеть друг друга. Мгла плыла серыми прядями, стелилась по палубе, отделяя людей друг от друга. В поле зрения Яроша остались только Айлан и Юран, почти скрытый за молочной пеленой.

Айлан захохотал.

– Ярош, какой же ты странный! У всех спросил, как они на корабль попали, кем до того были. Кроме меня!

Туман плыл, липкий и холодный.

– Ты нашел меня во сне. Ты помог мне, Айлан, – туман ел даже слова, делая их пустыми. – Чародеи могут находить

людей в сновидениях.

– Да! – снова засмеялся Айлан. – Но почему я тебя искал, ты подумал? – и, прежде чем Ярош успел что-то сказать, ответил сам, шепотом, со злостью: – Смотри, Ярош, смотри, как я ненавижу вас всех за то, что вы есть!

...Мгновения чужой жизни, налипающие на тебя, как капли тумана. Вот ребята радуются, празднуя окончание обучения в лучшей из школ Империи. В одном из них легко узнать Айлана, в другом угадывается молодой Олег.

– Так кто самый смелый? Нарушишь запрет? – смеется один из парней.

– Иди ты! – толкает его опьяневший Олег. – Сам туда лезь.

– А не боюсь, – хвастаясь, уверяет молодой Айлан. – Я самый смелый из вас!

– Врешь, Варн! – хохочет тот же парень.

– Не вру!..

Комнату затягивало ночной мглой. Айлан шел через прямоугольную площадь к черным статуям. Темная одежда делала парня незаметным для стражи.

Черная статуя вблизи оказалась не очень большой, но постамент был выше человеческого роста. Прошептав заклятье, Айлан вогнал в черный камень постамента кинжал. Подпрыгнув, парень поставил ногу на рукоять кинжала и залез.

Статуя мужчины тихонечко вздохнула, вдохнув ночной воздух.

– И как же мне доказать, что я здесь был? – сам у себя

спросил парень, почесав затылок, от дыхания не по-летнему холодной ночи хмель слетел с него.

– А никак, Айлан, – ответила статуя, хотя уста из камня не шевельнулись.

– Ты живой? – от удивления Айлан едва не слетел с постамента. – Как ты назвал меня?

– А разве неправильно? – усмехнулась статуя его мыслям. – Разве это не твое Имя? Разве ты не Айлан?

Парень бежал с площади во весь дух. Завтра их будут поздравлять с выпуском, объявляя, в какой уголок страны поедет каждый из них, над кем примет командование. Сердце колотилось, откликнувшись на настоящее Имя. Если откликнется снова...

Айлан второпях бросал на кровать вещи. Проснулся Олег, сел на своей кровати. Все остальные еще не вернулись с гулянки.

– Что с тобой, Варн?

Айлан вздрогнул, мгновенно обернувшись к товарищу.

– Я не Варн, я Айлан! Понимаешь, что это значит?

– Нет, – Олег еще не полностью проснулся.

– Это мое Имя! Которым меня называли родители! Слухи правдивы, а я пропал... – закричал Айлан, переходя на шепот, ведь сам испугался, что его крики услышат. – И ты, тебя тоже иначе зовут, друг. А я уйду, – он забросил сумку на плечо. – Куда глаза глядят...

– Что ты натворил, Варн?.. – Олег только сейчас понял, что случилось.

Айлан ударил кулаком в стену, разбив костяшки пальцев до крови, но в отчаянии не почувствовал боли.

– Мы натворили... Статуя на площади... она живая. Она назвала мое первое Имя. Я не предавал! – Айлан плакал...

Воспоминания становились маревом корабля.

– Я все разузнал о тех статуях и о пиратских капитанах...

– шептал Айлан. – О тебе... О вас, сломавших мне жизнь... Я вас ненавижу...

Из тумана вынырнули Анна-Лусия и Юран. Принц ударил Айлана по лицу. Анна-Лусия отгоняла марево от корабля, зовя слабый ветер, но ей было тяжело соперничать с волей тумана. На палубе посветлело.

Возле Мариан и Феникс, которым тоже было плохо от молочной мглы, стоял Бенедикт, его тихая молитва разжижала марево.

– Это все туман! Это неправда, Ярош! Не слушай его! – Юран встал между Айланом и капитаном.

– Не все неправда, Ярош, – вид собственной крови привел Айлана в чувство. – Я действительно вас ненавидел и искал, пока статуя не пришла в мои сны, ведь я слишком много думал о ней. Она указала мне на город в Элигере, где бы я мог отыскать тебя и Феникс.

Туман относило легким ветром.

– Помогите! – долетел до них слабый голос умирающего.

Из марева выплыла коряга, обломок корабля, за который цеплялся уцелевший. Дельфин подплыл к нему, чтобы мужчина держался за плавник. Спасенный схватился за веревку, брошенную Юраном, и вместе с Ярошем пираты затащили его на корабль.

Ослабевший мужчина, верно, слишком много времени провел в море, наглотался воды. Почувствовав себя в безопасности, он не мог даже пошевелиться. Лишь уста его

шептали, стараясь объяснить, предупредить. Бенедикт наклонился к нему.

– Я должен был умереть... Почему?.. Ты сказал... Колдун, ты сказал...

Бенедикт отшатнулся, вскрикнула София. Мужчина не был живым, одежда на нем рассыпалась прахом, кожа тле-ла, только лицо еще уцелело. Чудовище встало, посмотрев на пиратов, рассмеялось и, отступив, упало за борт.

Над морем плыла песня – ледяная, страшная, как молитва небытию. Она миновала марево, сплеталась с маревом, была маревом.

Дельфин закричал от боли, волна резанула его ножом, и прыгнул на палубу. На лоснящемся теле Дельфина, превращавшегося в человека, проступила кровь. Юран бросился к нему, пытаясь чарами остановить кровотечение.

Но крик Дельфина вписался в ужасающую песню одним из аккордов. Туман расползлся, открывая укрытое тучами беззвездное небо. На скале посреди недвижной воды сидела фигура, одетая в белоснежные одежды. Это ее голос отбирал надежду и волю.

– Ловушка! Зовите всех быстрее! И не слушайте его! – крикнул Ярош, стараясь противостоять чарам.

Но черноволосый колдун рассмеялся в ответ на слова пиратского капитана, вплетая и свой безжалостный смех в песню смерти.

Только Марен не желала сдаваться.

– Опомнитесь, глупцы! Это же советник Императора! Зовите всех, кто умеет колдовать! Я постараюсь помешать ему завершить заклятье!

От ее слов друзья пришли в себя. Анна-Лусия побежала в кубрик, а София – на камбуз.

Марен с помощью капитана залезла на фальшборт. И застыла, скрестив руки, закрывая корабль невидимым щитом, но ей было очень тяжело одной держать защиту. А Ярош, затаив дыхание, стоял рядом, боясь помешать неосторожным движением.

Белая фигура советника Императора поднялась. Его песня изменилась, наполнившись тревогой, но в пение добавилось силы. Шторм поднимался в песне, скрежетал, рождаясь, гром, и молнии вспыхивали, выбирая жертву. Обрывки тумана относил неистовым ветром.

Внезапно фигура упала на одно колено, тянясь пальцами к штормовым небесам, вложив в этот жест всю себя.

– И некому вас благословить, – тихо смеясь, молвила Химера.

– Мы все погибнем! – в отчаянии крикнула Феникс.

– Не смей! – Марен отвлеклась и не отразила заклятье, блеклой волной накрывающее корабль.

Мантия Химеры превращалась в убранство из белых перьев. Советник Императора взлетел в небо. Юран подхватил потерявшую сознание давнюю и унес с палубы, пока шторм не накрыл их.

– Спрячьте детей, а сами – все на палубу! Убрать паруса! – и Ярош первый побежал выполнять собственный приказ.

Бурю, вызванную к жизни колдовством, чарами не остановить. Ее можно либо пережить, либо отправиться на дно кормить собой рыб. Шторм радовался голосу, позвавшему его, и приходил в неистовство от восторга, что сможет отомстить кораблю, которому недавно удалось избежать его разрушительной силы.

Дождь и ветер нещадно хлестали людей и трепали черные паруса. Шли первые валы, способные, как игрушку, перевернуть пиратский корабль.

На материке тоже шел дождь, хотя и не такой сильный. Он барабанил по крышам и карнизам, не давая заснуть. Сашка с Олексой сидели на застекленной веранде дома, давшего им приют. Парень показывал девушке фотографию.

Сверкнула молния, осветив стекло, покрытое омертвевшими слюдяными каплями.

– Тебе не кажется, что она меняется? – удивилась Олекса, протягивая ему фото. – Взгляни, женщина смотрела на нас, а теперь она обращена к морю.

Сашка едва не вырвал изображение у нее из рук.

– Да! А корабль! Он стал четче, но что-то случилось...

Одна из мачт наклонилась, черные паруса – в ключья, и крен...

– Что происходит... с ними? – девушка сама не верила в то, что говорит, но после того, как она увидела существо, сотканное из огня, изменяющаяся фотография уже не могла поразить ее воображение.

– Чего не спите?

Друзья оглянулись: но нет, к ним заглянул не хозяин дома, обожающий сказки, а Саид, загорелый молодой мужчина с тугими черными кудрями, немногим старше Сашки. Саид был странствующим сказителем, поэтому тоже спрятался от дождя под этим гостеприимным кровом. Глядя в его черные, всегда улыбающиеся глаза, Олекса вспомнила, как сказитель, так и не открывший им своего имени, кланялся пе-

ред Саидом до самой земли. Кто же ты, Саид, если так низко перед тобой склоняется тот, кому подчиняется пламя, и кто не боится призраков из Мертвого города? Кто ты?..

– Что это у вас? – Саид присел рядом с девушкой, положив бубен на стол, и, хитро улыбаясь, бросил взгляд на фотографию.

Сашка нехотя показал ему фото. Саид внимательно всматривался в изображение, где Ирина уже полностью повернулась к морю, улыбка медленно сползла с его лица, как забытая маска.

– Беда будет, – серьезно заверил молодой сказитель. – Большая беда, – и внезапно глянул на Сашку, странно и пронзительно. – Только если...

Саид замолчал, крепко задумавшись.

– Что "если"? – у Сашки мороз прошел по коже, а девушка и вовсе притихла.

Молодой сказитель положил фотографию на бубен, и она словно в раму стала, в достойную ее раму.

– Крылья у Химеры белые, а перья холодные и смертоносные, острые лезвия прячутся в крыльях советника Императора, – почти неслышно промолвил Саид. – Я однажды тоже заблудился, но она звала на помощь, искала живых среди мертвых и привела зло к тем, кого искала. Если ищешь живого среди мертвых, знай, он умрет скоро. А если танцевать, время возвращая, защищая тех, чьих имен не знаешь, долг это тяжкий. Неоплатный почти. Ты долг вернуть должен. То-

гда и найдешь корабль тот черный и девушку эту ясноглазую.

Сашка закрыл глаза, его трясло от волнения. Он не понимал, откуда, как, но каждое слово молодого сказителя становилось осязаемым. Темное подземелье с женщиной, прикованной к стене, ее легко узнать, но слишком страшно присматриваться, чтобы убедиться в своей правоте. И другая женщина в сером платье, спасающая их от танца оборотня своим танцем, воительница сражается с оборотнем на холме ночью. И белая фигура, стоящая на скале посреди моря...

– Что я должен делать? – выбрал парень, выбрал во имя той, кого видел в тюрьме, и той зеленоглазой, которая навсегда ушла от него, оставшись на фотографии выставки.

– Пойдем.

Олекса тоже поднялась, но Саид остановил ее властным жестом, черные глаза сверкнули усмирненными чарами.

– Нет. Ты останься.

Забрав бубен и фотографию, они вдвоем вышли под дождь.

Ледяной ливень с привкусом морской соли немного утих и тяжелыми каплями падал на волосы, а кожу укрывал панцирем, сквозь который не почувствуешь красоты мира. Ливень тоже ждал, каплями глядя, что они будут делать.

– Тебе нужно найти меня, поймать, тогда ты найдешь и корабль, – больше ничего не объясняя, Саид исчез за пеленой дождя.

Ритмичное позвякивание колокольчиков слышалось

справа. Сашка бросился туда, но эхо пропало, долетая уже с другой стороны.

Погоня превращается в безумство, когда перестаешь осознавать, что дождь промочил тебя до нитки, забываешь, как тебя зовут и кто ты такой. Лишь ритмичный звук зовет, издаваясь, заставляя слушать сердце, ведь глаза остекленели от дождевых струй. И нет ничего важнее, чем добраться до источника звука, и время застыло, завязнув между ударами бубна.

Сашка гнался за эхом колокольчиков, а ветер наполнял у него над головой черные паруса, стараясь сорвать: не удалось спустить их до бури. И соль напоминала привкус крови, когда ты, поскользнувшись на мокрой палубе, прикусил губу. Вода переливалась через борт и заливала в шпигаты, мачты стонали, будто деревья, которые ветер старается вывернуть с корнем, а волны вздымались выше бака, едва не смывая за борт каждого, кто не успел ухватиться за мачту или веревку.

Волна толкнула Сашку, накрыв с головой. Парень упал, почувствовав грязь под ладонями. Черную грязь, словно ночной простор моря, где затерялся обреченный корабль. Сашка взял корабль в руки, будто спрятал от стихии, – ветер и волны прорывались внутрь, но теряли ярость, разбиваясь о пальцы.

Сашка плакал, держа в руках кораблик, а молодой сказитель стоял рядом с ним, размеренно выстукивая ритм на своем бубне. Ритм замедлялся, утихомирились море и ветер, зо-

вя солнце скорее подняться над горизонтом, чтобы возвратить надежду.

Саид знал, что утром парень забудет обо всем случившемся ночью, вспоминая об этом, как об ужасном сновидении. А еще Саид понимал, что утром пойдет вместе с этим парнем и его друзьями искать корабль с черными парусами. Пойдет, чтобы найти свое сокровище...

Белокрылая Химера опустилась на капитанский мостик рядом с Асаной Санарин и Феофаном. Пышное оперение превращалось в такое любимое советником Императора белое убранство, и только темно-синее одеяние имперского министра по-настоящему было под стать этой беззвездной ночи.

Феофан смотрел на море, наблюдал, как вдалеке бушевал шторм, а рядом с имперским кораблем волны оставались спокойными, коронованными белыми гребнями. И казалось, что в этих водяных украшениях мерцают кровавые капли отчаяния и ненависти, которые и оживили безжалостное заклятье. Его многолучевая звезда тоже была рубиновой и вспыхивала тревожными огнями, ловя отсветы молний.

– Если их не разобьет буря, мы добьем, – задумчиво промолвила Химера. – Жаль, ты не послушался моего совета, Феофан, и разослал флот по всем морям. Даже я не смогу быстро собрать корабли в одном месте. Хотя, обойдемся и одним, устроим им такой желанный поединок. Пиратский

корабль больше не подойдет ни к одному нашему берегу.

Буря на горизонте хлестала небо молниями и отражалась заревом в темных глазах советника Императора.

Глава 17

Испытание штилем

Шторм не оставлял корабль много часов. Сломало бизань, парус на грот-мачте разорвало в клочья. А когда взошло солнце, штиль лег на воду, словно закрыв выход из ловушки.

В застывшей воде, как в стекле, отражался темный корабль, и никуда не деться ему, как не старайся. Буря забросила их неизвестно куда, но штиль стал испытанием страшнее шторма. Равнодушие, замешанное на безумии, дарил штиль, отбирая веру.

Зорин перевязывала руку Анны-Лусии, которую зацепило во время непогоды. Пиратка морщилась от боли, но молчала. Юран улыбнулся ей, но принц сам с трудом держался на ногах: он слишком много колдовал этой ночью.

– Ярош, что мы будем делать? Море неестественно тихое, у меня пальцы холодеют, когда я пытаюсь коснуться его.

Ярош с тоской задумался над словами Юрана: Море не откликалось и на его голос.

– Вы можете что-то сделать? Чары могут помочь? Хотя бы слабенький ветерок?

– Не сегодня, Ярош. Мы все едва держимся, – и, словно в подтверждение, принц оперся об деревянную переборку каюты.

Одна Ирина улыбалась штилю. Синеглазая женщина ходила по палубе в праздничном настроении. Немое море радовало ее, зовя воспоминания о сновидениях, где оно было таким же безмолвным и тихим, что можно стать на воду и, сделав несколько шагов, танцевать, чувствуя под собой глубину.

Она перегнулась через фальшборт, заглядевшись на недвижимую воду.

– Эй, с тобой все в порядке?

Ирина оглянулась и увидела мальчика, которого забрали с острова. Кажется, его Тимуром зовут. Женщина улыбнулась.

– Посмотри, как красиво, – почти пропела она. – Как спокойно, как тихо, как приятно...

– Приятно? – не поверил Тимур.

– Подойди, давай вместе посмотрим.

Ирина взяла мальчика за руку, подвела к фальшборту. Волны едва касались корабля, почти не оставляя мокрый след. Волны казались серыми, как и небо с хилым солнцем, застланным полупрозрачными тучами, проносящимися над головой. Там, высоко, был ветер.

– Как бы я хотела быть им. Таким морем, – тихо созналась Ирина. – Чтобы ни про что не думать, ни о чем не беспокоиться и всех забыть, чтобы жизнь моя стала такой же мед-

ленной, как эта вода...

Тимур ее мечту не разделял, но неживая вода приворожила и его.

Но не все море омертвело. Волны лизали белый песок на берегу острова, похожего на рай. Смывали узор заклятия по букве, по кусочку рисунка. Тянулся от воды одинокий след.

Если пройти по нему, придешь к хижине, где под одним одеялом в объятьях заснули влюбленные. Заснули, жизнью заплатив за свою любовь, но все равно найдя покой, а не проклятье. С лица Иларии еще не сошел румянец. Андрей, кажется, просто спит, не разбуженный утром. Но сон этот смертельный, оба, прежде чем перестать дышать, подарили последнее дыхание друг другу.

Под пальмами стояла мавка, зовя море, зовя ветер, зовя забыть. Ветер ласкал длинные темные волосы с зелеными отблесками, водопад струящийся почти до самой земли. Море брызгало на мавку, играя волнами, и, касаясь ее волос, капли превращались в живые мерцающие драгоценности.

Морские волны наплывали на песок, затапливая хижину, но не сносили – растворяли в себе. Волны шли одна за другой, и каждая следующая стремилась дальше, вглубь острова, не разбиваясь об деревья, лаская стволы прикосновением шипучей пены. Одна волна добралась до кладбища, слизав холмики с крестами.

Связанный из двух веток крест плыл по воде, веревка

ослабела и распустилась. Море забирало даже ветки, к которым прикасались люди. Мавка взяла в ладони рыбку с золотыми полосками, попавшую в ямку, вымытую в песке, когда море возвращалось в свои границы, и отнесла к большой воде.

Рыбка исчезла в темной глубине, не поняв, что сейчас спаслась от гибели. Мавка писала на мокром песке на непонятном для людей языке, но не заклятье то было, а благодарность Морю. Надпись забрало первой же волной.

Мавка вошла в воду, оглянулась, ее волосы посветлели, становясь полупрозрачными, лишь одинокими звездочками вспыхивали драгоценные капли, угасая навсегда. Яркие зеленые глаза были полны печали и глубины, которой нет у человеческого взгляда.

Пустой, одинокий берег, где не найти ни одного знака, что здесь были люди... Улыбнувшись, красавица повернулась к горизонту, чистому и величественному, и, хлопнув в ладоши, опала водяным столбом.

Волны лизали берег. И в их шепоте слышались голоса. Женщина тихо смеялась, а мужчина признавался ей в любви, топя признания в поцелуях.

Зверь ворочался, мурлыча от счастья. Он победил! И теперь ему позволено все, даже поиграть в благородство. Дух Империи слишком долго ждал этого мгновения, и теперь затянувшееся по собственной воле ожидание было слишком

сладким, чтобы прервать его. Ожидание власти над врагами оказалось намного более желанным, чем сама власть.

Заглянуть в глаза своих подданных, хоть они и не заметят того. Взглянуть на мир их остекленевшими глазами. Проскользнуть в их сновидения, давно ставшие черно-белыми или просто черными, когда, проснувшись, ничего не помнишь. Но что это за жизнь, если даже кровь уже не вызывает ужас? Хорошо, что не своя, а все остальное безразлично. Если с кем-то что-то случилось, то так ему и надо, одним ничтожеством в мире стало меньше... А с тобой все должно быть хорошо, ведь ты живешь правильно, и тем заслужил счастье. Как же лживы человеческие мысли...

Призрачное чудовище с семью головами, похожее на змея и на большого кота одновременно, ходило по улицам своей столицы, заглядывая в окна домов, где просыпались люди. Обычный день, ставший днем его победы.

Но нет, пусть этот день настанет завтра. Как сладко давать и отбирать надежду – зверь зарычал, беззвучно, посылая приказ далеко в море. Двое услышали его голос. Белокрылый советник Императора склонился, соглашаясь дать жертве еще один день жизни. А Ричард...

Ричард стоял возле фальшборта, долго стоял, размышляя, а тогда снял с шеи усыпанный белыми жемчужинами золотой крест, который прятал под рубашкой. И снова смотрел, но теперь уже не на море, а на крест.

Возле него неслышно оказался Бенедикт.

– Знаю, кто зовет тебя, – тихо сказал священник. – Кто крестил, тот и зовет.

– Что тебе об этом знать? – усмехнулся Ричард, разводя руки.

Крест упал в воду. Утонул, напугав стайку рыбок, лег на дно, но не успел зарыться в песок. Из песка крест за цепочку вытащила зеленоватая рука.

Ярош, сидя на скрученном канате, пробовал, как двигаются пальцы на правой руке. Ему тоже досталось от бури.

– Ярош, я должен поговорить с тобой, – возле него остановился Айлан.

– О чем? – у капитана не было настроения для каких-либо разговоров: Море не отвечало ему, и даже стрелка компаса застыла, повинувшись этому неестественному штилю.

– Я не все сказал тебе вчера, – Айлан сел на палубу.

– Ты сказал достаточно, Айлан. Я еще не решил, как относиться к выпускнику Имперской школы, повернувшему свои чары против моей команды.

– Не я виновен в том, что буря нас отыскала, – оскорблено покачал головой Айлан, проглотив обиду. – Очень сильное чувство разбило наши чары, предсмертное проклятье, перед которым ничто не устоит, – он вздохнул. – Но ты не понял меня, Ярош. Я действительно вас ненавижу. Я узнал о тех статуях все, что может узнать человек, не присутствовавший при их превращении.

Но потом тень мужчины, похожего на вас, начала навеваться ко мне во снах. Мы разговаривали. Он сказал, что его зовут Эдвардом, – Ярош закрыл глаза, но Айлан на него не смотрел, увлеченный воспоминаниями. – Он подсказывал мне, что делать и куда идти, помогал избегать опасностей. Это Эдвард отговорил меня связываться с тем злым чародейством, хотя мне казалось, что нет ничего плохого, если тебе за работу платят днями своей жизни. И я сбежал.

Я не был противником Империи, но она постоянно становилась у меня на дороге в разных обличьях, один раз придя в виде помощника министра, котором тогда стал Олег. Он хотел передать меня в руки солдатам, но мой школьный товарищ уже тоже не был верным, хотя не уходил от министра, ведь любил женщину, запертую в подземельях столицы. Я думаю, именно Эсмин назвала его настоящим Именем.

Айлан умолк.

– Говоришь, знаешь о тех статуях все? Кого превратили в две другие? – пиратский капитан запнулся, сразу овладев собой. – Кроме Эдварда.

– Одна принадлежит мужчине, отважившемуся поднять восстание и месяц держать оборону от имперских солдат. Другая – женщина, которая выиграла ежегодное состязание сказителей. Она была лучшей среди певцов, съехавшихся со всех уголков Империи. Поговаривали, будто ее пение очаровало самого Императора. Но она отказалась служить Империи и попробовала победить в колдовстве белокрылую Хи-

меру. Иногда казалось, что в мастерстве сказочница и советник Императора равны.

Айлан улыбнулся, жалея, что сам не видел того состязания.

Возле борта плеснула вода.

– Капитан, – позвал мелодичный голос.

– Ульяна, – Ярош обрадовался, увидев русалку. – Как ты нашла нас?

– А я вас и не покидала, – искренне улыбнулась Ульяна. – Должна предупредить тебя, капитан. Лови!

Она подбросила что-то блестящее, ударив по нему хвостом. Сокол поймал золотой крест с белыми жемчужинами.

– Что это, Ярош? – спросил Айлан, блеск этого золота казался немного зловещим, хоть и был омытым морем.

– На борту предатель, Ярош, – добавила Ульяна. – Я оставлю вас. Видела имперский корабль неподалеку, нужно разведать, – она нырнула.

– Так что это, Ярош? – переспросил Айлан. – Я раньше таких не видел, но от него веет зловещими чарами. Очень сильными и древними.

Ярош намотал золотую цепочку на руку, стиснув крест в кулаке.

– Такими советник Императора крестит тех, кого обратил в свою веру. Крестит своих бывших врагов.

Ранние сумерки ложились на воду. Большинство членов команды заснули, уставшие от шторма и штиля.

А когда настала ночь, и штиль потревожила легкая рябь, в которой преломлялась лунная дорожка, в городе со звериными глазами, в темнице, Аля, ожидающая суда, проснулась от прикосновения.

В камере было темно, но, если можешь превращать будущее в фотографии, так храня свои чары, то тьма многое тебе откроет.

– Ажи де Сентан, – прошептала она, чтобы не напугать видение.

В темноте красивая одежда странного гостя казалась темно-серой. Мужчина помог заключенной напиться из металлической кружки, вода из его рук действительно возвращала силы.

– Я не смогу спасти тебя, подруга. Сейчас не смогу, – тихо промолвил Ажи. – Мне многое позволено, но с волей Химеры мне не тягаться. Не бойся, подруга, верь мне. Тебя будут судить, а ты не бойся. Я укрою тебя крылом и унесу далеко-далеко, где никто и не слышал об Империи, – мужчина погладил ее по спутанным волосам. – Ты сильная. Ты дождешься помощи, я знаю.

Шорох за решеткой заставил его вздрогнуть, и тень осыпалась мглой, кружка со звоном упала на пол.

Стражник не видел, что в темноте Аля улыбается, словно не было тех ужасных дней, теперь похороненных в беспмятстве пережитого.

Почти неуправляемая, покалеченная бурей "Диаманта" не пыталась спастись бегством. Капитан решил принять бой с имперским кораблем.

К ногам Яроша, вглядывающегося в спокойное море, упало белоперое создание. Юран поднял едва дышащего Ангелочка.

– Корабль очень близко... – чуть ли не теряя сознание, сообщило существо. – У него свой ветер.

– Чары, – сквозь зубы выпустил воздух Айлан. – Тебя не видели?

– Я умею прятаться в небе, – Ангелочек попробовал улыбнуться, но задрожал: его бросило в холод от переутомления.

– Отнесите малышку к Зорин. Может быть, она знает, как такое лечить, – Ярош смотрел на горизонт, из-за которого еще не появился корабль под флагом с белыми звездами на бело-сером полотне.

Ярош и Анна-Лусия раздавали оружие всем желающим, хотя их нашлось немного. У большинства умеющих драться оружие было свое. Нервно оглядываясь, к ним подошла Роксана. Ярош, усмехнувшись, дал ей короткую саблю. Девочка засияла, неожиданно спрятав оружие за спину, ведь ей показалось, что на палубе появился отец.

– Роксана, я что сказал? Дети не должны быть здесь, когда начнется бой, – сурово напомнил капитан.

– Я помню, капитан, – Роксана погрустнела. – Но это

несправедливо, что я буду прятаться с родителями и Надеждой, как трусливый щенок, – и, вспомнив, что щенок, плывущий с ними на корабле, совсем не трусливый, исправилась: – Нет, как трусливая крыса!

Анна-Лусия только головой покачала: девочка не понимает, куда просится.

– Роксана, я не приказывал тебе прятаться, как трусливая крыса, – Ярош едва сдерживал смех. – Я приказывал тебе защищать тех, кто младше тебя. А именно они и будут под присмотром твоих родителей. Понятно, девочка?

От его слов настроение Роксаны изменилось.

– Я старательно буду выполнять приказ капитана! – гордо тряхнула волосами юная пиратка, красного платка на ней не было: наверное, уже договорилась с кем-то, что его поднимут вместо флага.

Роксана пошла к детям и услышала, как Ольга ссорится с Юрием и Ритой, тоже не желающими уходить с палубы. Но одного слова, сказанного друзьям шепотом, хватило, чтобы они успокоились.

– Если она вырастет пираткой, то станет хорошим капитаном, – заметила Анна-Лусия. – Ее слушают даже сверстники.

Ярош улыбнулся.

– Если мы переживем этот день, поспрашивай у команды, как эта девочка нарывается на неприятности и споры. Как настоящий пират.

У всех, кто хотел получить оружие, оно уже было, когда к Ярошу и Анне-Лусии подошел Бенедикт.

– А я думала, священники призваны беречь жизнь, а не отбирать ее, – наигранно удивилась Анна-Лусия.

– Дай мне пистолет, Ярош, – получив пистолет, Бенедикт усмехнулся Анне-Лусии. – Беречь, это так, колдунья, но и защищать свою тоже.

Бенедикт оставил их.

– Странный он, – чародейка действительно была удивлена. – Но настоящий...

– Ярош, – Ричард, не взирая на запрет, стоял на капитанском мостике. – Зови всех, посоветоваться нужно.

Зорин нащупала сердце Ангелочка.

– Что с ней? – Ирина и Эсмин наклонилась к потерявшему сознание существу.

– Моя подруга долго летела, – объяснила фея, примостившаяся на плече Лауры, спустившейся к ним. – Ей необходимо человеческое тепло, чтобы отогреться.

Эсмин взяла Ангелочка, прижала к груди, словно ребенка, чувствуя, как бьется крохотное сердечко.

– Тебя капитан зовет, – добавила Лаура. – Пойдем наверх, Зорин, – и, когда уже поднялась на палубу, спросила: – Как Дельфин?

– Его ранило заклятье Химеры. Такие раны долго заживают.

Вокруг Яроша и Ричарда собралось много народа. Хотя некоторых не стоило и дожидаться. Куда-то подевались Алексей и Серж, а Ян и Константин направились в противоположную сторону от товарищей. Наверное, чтобы спрятаться где-то, где ни друзья, ни враги не найдут. Правильно о таких сказал капитан "Астагора": не пираты.

– Что вы знаете о солдатах Империи? – спросил Ричард у команды.

– Мы знаем, что их невозможно убить, – голос принадлежал Берну.

– Можно, но тяжело. Так, Марен? – Ричард повернулся к коротко стриженной женщине, вооруженной длинным волнообразным клинком.

– Так. Но кроме тех, кто полностью отдал душу Империи. У них глаза словно стеклянные. Их немного, но если мы действительно встретились с советником Императора, то боюсь, что на том корабле именно такие люди.

Макс оглянулся, увидев в последнем ряду Роксану. Парень подошел к ней.

– Роксана, это не для твоих ушей, – шепотом обратился он к девочке. – Поверь, Ярош бы тебя не отослал, если бы в этом не было необходимости, – и прежде чем она успела возмутиться, добавил: – Я все-все тебе расскажу.

– Хорошо, – согласилась девочка, уходя от них.

София, не спеша, расчесывала волосы, заплетала в косы и укладывала на затылке, молча слушая, будто впереди ее не

ждал близкий бой. А Ричард спрашивал снова:

– Так ты не можешь забрать их без позволения Императора? Даже смертельно раненых?

– Да. Без Императорского разрешения это невозможно, – подтвердила Марен.

– А если подделать это разрешение?

– Подделать? – удивилась Феникс. – Как это?

– Предположим, я знаю, как это сделать. Если вы мне доверитесь, – Ричард отвечал не Феникс, глядя сейчас только на Яроша. – Заклятье простое, но мне нужны оружие и мел или уголь.

– Какое оружие? – заинтересованно спросила Анна-Лу-сия.

– Лучше всего – капитанское, чтобы заклинье было сильнее. Дашь мне что-то из своего оружия, Сокол?

– А если ты нас обманешь? – пришла в ярость Феникс.

– Марен, ты почувствуешь, если я сделаю что-то не так? –

Ричард внимательно смотрел на Феникс.

– Конечно, – улыбнулась Марен. – Чтобы забрать твою жизнь, Ричард, мне дозволения Императора не нужно.

Она солгала, ибо не стоит им знать, что той смертоносной силы, воспетой в ужасных легендах нового времени, у нее уже нет. Поэтому и меч в ее руках, хотя большая часть известных ей заклятий, так или иначе, несет в себе зерна гибели.

Олег принес Ричарду уголек, и тот быстро начертил на

досках палубы полукруг с лучами, делящими его на неровные сектора, два из которых граф закрасил черным.

– Так дашь оружие, Ярош?

Ярош нехотя снял с пояса пистолет. Ричард положил оружие на рисунок.

– Небо свидетелем, море свидетелем и солнце свидетелем беру, – тихо и мелодично проговорил колдун.

Линии тускло засветились, но лишь на несколько мгновений.

– Все, – поднимаясь, граф отдал пистолет капитану. – Только рисунок нужно охранять, поддерживать чарами.

– Я буду охранять, – откликнулся Гунтер.

– Я тоже, – сказал Хедин.

– А разве нельзя было рисовать не на палубе? – недоверчиво спросила Феникс. – И откуда он знает?..

– Феникс, не время. Враг! – Анна-Лусия смотрела на море, где на горизонте замаячил силуэт имперского корабля.

– По местам, – Ярош менялся на глазах, становясь властным капитаном. – Все знают, что делать. Будьте к ним милосердны, – и тихо добавил, обращаясь уже сам к себе: – А они не знают, что мы их ждем. Хотели ловушку – получите ловушку, – и его глаза сверкнули предчувствием близкого боя.

К капитану "Диаманты" подошел Харун. Ярош оглянулся на давнего.

– Мы с твоими ребятами займемся пушками, – с улыбкой сказал давний. – Вам и чародеям оставляем палубу. Подпу-

стите их поближе.

Сокол кивнул, полностью сосредоточившись на приближавшемся вражеском корабле.

Дети вместе с Виктором, Ольгой и Надеждой заперлись в капитанской каюте. Ольга была уверена, что здесь они в самом безопасном месте, ведь так поведали карты Итаны.

Роксана успела спрятать оружие в углу, прежде чем родители закрыли двери. Девочка делала вид, будто не боится, но на самом деле ей хотелось разреветься от бессилия и, обняв черного кота Сириуса, самой забиться в угол.

Подле ног девочки улеглась пантера Герды, приставленная королевой для защиты детей.

Ярош, Олег, Юран, Анна-Лусия, Айлан, София и Феникс стояли возле фальшборта, глядя, как легко скользит по спокойной воде вражеский корабль под имперским флагом. Он шел под всеми парусами, хотя ветра не было. Колдовство гнало его вперед.

– Я этот корабль знаю, – тихо сказал Олег Ярошу. – Быстрый, и без чар маневренный. Но пушки у него плохие, бьют в цель только вблизи. У нас преимущество.

– Пора? – София с нетерпением смотрела на вражеский корабль.

– Нет, – безграничное спокойствие капитана. – Подпустим их еще немного. Еще немного. Огонь!

Во вражеский корабль полетели ядра. И не долетели, ударившись об прозрачную преграду, по которой разошлись легкие волны.

– Черт! – выругалась Анна-Лусия.

С первым залпом над пиратским кораблем взвился красный флаг, а это значит, что его команда будет сражаться до смерти.

К имперскому кораблю летели огненная и черно-золотая птицы, в которых превратились Феникс и Странник.

– Вернитесь! – крикнул Ярош, обернувшись к Юрану и Айлану. – Сделайте что-нибудь!

– Их капитан очень сильный! Далеко! – крикнула Анна-Лусия, ее чары таяли, не доставая до корабля.

Феникс и Странник собой разбили зачарованную стену, рассыпавшуюся солнечными лучами.

Сразу посветлело, море проснулось ото сна, радостно плеснув волнами. С корабля взлетела Химера, вцепилась когтями в феникса. Не раздумывая, вторая птица запустила когти в белое оперение, но неудачно. Химера ударила ее крылом, черно-золотая птица отлетела, наткнувшись на мачту. Советник Императора целился когтями в шею огненной птицы, они сцепились.

– Огонь! – опомнился Ярош.

Теперь ядра ударили в борт, пробив две дыры, – одно ядро разбило штурвал, усыпав Феофана и Асану Санарин щепками. Министр и имперский капитан вовремя успели пригнуться.

Вражеский корабль потерял управление, но зачарованный ветер толкал его дальше. Пришел в чувство Странник, всадил когти в Химеру, и, подхватив раненную Феникс, полетел к пиратскому кораблю.

– Уймите этот ветер! – но Юран и Анна-Лусия уже колдовали. – Огонь!

Залпы прозвучали одновременно. На имперском фрегате затрещала сломанная фок-мачта, вывернувшись из паза, запутавшись в парусах. "Диаманте" повезло больше: ей только разбило борт, но высоко от воды.

Странник и Феникс упали на палубу, превратившись в людей. Феникс истекала кровью, на бледной щеке давнего кровоточила царапина. Лаура, Катерина и Макс бросились к ним, чтобы отвести к Зорин, которая была у пиратов вместо лекаря.

Вражеский корабль замедлял движение, теряя ветер. Солдаты выстрелили, но пули осыпались, отбитые чарами пиратов.

– Стреляйте, будьте вы прокляты! – Асана Санарин плела заклятье.

Юран отступил, у него не хватало сил держать прозрачный щит. Уже было видно глаза солдат, все стеклянные и пустые.

– Ярош!

– Еще немного!

– Без жалости! Они обречены! На abordаж!.. – как заклятье, произносила София.

Опомнился советник Императора, встал за своим капитаном. На белой одежде не видно крови, но почему-то казалось, что Страннику все-таки удалось легко ранить его.

Корабли были достаточно близко. Ярош, София и Анна-Лусия первыми спрыгнули на палубу имперского корабля. Кровь брызнула от клинка Анны-Лусии, когда она пронзила тело солдата, замахнувшегося на нее. За пиратскими капитанами среди врагов оказались Марен, Киш, Айлан, Юран, Ричард и Жан-Поль, сразу ввязавшись в бой. Юран и Айлан подкрепляли удары заклятьями. Ричард и Жан-Поль просто безжалостно рубили врагов.

Но и солдаты не дремали, кое-кто перепрыгнул на пиратский корабль, когда борта сблизилась. Берн и Владимир стреляли. Герда и Мариан, переглянувшись, бросились к врагам, чтобы померяться мастерством. Но такой страсти, как в карих глазах королевы, у Мариан не было. Козырь, Меченый, Олег и Дэниэл прикрывали их.

– Помоги! – Макс донес Феникс к Зорин уже без сознания.

Феникс застонала от боли.

– Снова советник Императора... Положим ее здесь. Лаура, помоги... столько крови... – Зорин растерялась.

Макс опустил Феникс на стол.

– Что мне делать? – Лаура сама остолбенела.

– Кровотечение останови, ты же колдунья! – прикрикнула на нее Зорин.

Но дрожащая Лаура не могла выговорить заклятье, как следует.

– Не поможет, – к ним слетела фея, рассыпая красную пыль. – Она не человек. Она огонь, но и я огонь тоже.

Фея кружила над раненой, засыпая ее пылью, благодаря которой кровь Феникс сворачивалась, берясь коркой. Но это лишь ненадолго отдаляло смерть женщины, один из когтей Химеры пропорол красавице шею. Пламя, сегодня постоянно подсвечивающее ее черные волосы, тускнело.

Отбившись, София попробовала подстрелить Химеру, взлетевшую на мачту, как только Ярош оказался на палубе. Выстрел. Еще. Еще! Но не попала.

– Зараза!

– Осторожно, София! – Киш отклонила лезвие, предназначавшееся шее пиратки.

– Благодарю! – София дралась с солдатом, позарившимся на ее жизнь.

В руку Ричарда влетел еще один клинок, он снова дрался

двумя руками.

Ярош остановился возле мачты, где сидела Химера.

– Спускайся! Я вызываю тебя на поединок!

– Нет, пират! Я тебя вызову, когда захочу, – рассмеялся советник Императора. – Лети сюда, Сокол, поговорим.

– Оставайся здесь, министр, – Асана Санарин, обнажив оружие, прыгнула в гущу драки.

– Э нет, дорогая, – Феофан, поморщившись, вырвал щепку, вонзившуюся ему в предплечье. – Все на пиратский корабль! Никого не щадить!

Часть солдат бросилась исполнять приказ министра. Двое подбежали к Хедину и Гунтеру, встретившими их заклятьями. Но чары не вредили имперским солдатам. В руке Хедина появился сияющий клинок.

– Будь ты проклят, Феофан! Чтоб ты окаменел! – Олег выстрелил в министра, и промахнулся.

– Берегись, Сокол!

Капитан пригнулся, и клинок Ричарда пронзил солдата, едва не воспользовавшегося невнимательностью Яроша. Химера взлетела, мачта качнулась, падая.

Софию ударило канатом. Она не удержалась на ногах. Юран вовремя оказался рядом, спася потерявшую сознание пиратку от вражеских лезвий. Анна-Лусия и Киш отступали к ним. Из плеча Киш текла кровь, рука не слушалась. Юран был сильно ранен, он хрипло дышал, но оружие не опускал.

Ярош сошелся с Асаной Санарин. В мастерстве они были равны, но женщина в белых одеждах еще не устала, кровь на ней была только чужая, да и шторм не вымотал имперского капитана. Но Ярошу удалось задеть противника. Женщина зашипела, темные глаза осветились чарами.

– Чего ты боишься, пират? Боишься, – она ударила, но Сокол отбил удар, сам едва не получив рану от кинжала, неожиданно выхваченного из-за отворота сапога Асаной Санарин.

– Не твое дело, колдунья! – Ярош выбил кинжал из ее руки, тот воткнулся в палубу.

– Ты боишься прошлого, пират! – женские губы шептали заклятья, слали видения.

Ярош неосознанно закрыл глаза рукой, защищаясь от видений.

– Асана Санарин! – в женщину золотой птицей летело заклятье, пущенное Айланом.

Женщина отрубила сияющей птице голову, но золотая кровь брызнула на нее, окрасив белую капитанскую одежду темными пятнами. Отвлекаясь на атаку, чародейка оставила собственное заклятье.

– Варн? – удивилась она. – Или какое Имя ты получил за предательство?

Ее заклятье звездой полетело в Айлана, но он легко отбил угасающую верткую звезду. Асана Санарин вскрикнула, темные пятна жгли ее, будто кислотой.

– Не колдуй больше, Асана. Ярош, она твоя, – Айлан от-

ступил, освобождая им пространство.

Солдат подстерег Гунтера, когда тот отвернулся, и прыгнул парню на спину, пытаясь перерезать горло. Заклятье Хедина сбило бездушного с ног, тот извивался от боли, хватаясь за глаза, выжженные чарами кудрявого парня. Но Гунтер тоже упал, нож только черкнул его по шее, соскользнув. Кровь с лезвия попала на рисунок Ричарда, но еще не коснулась линий.

– Нет, – Хедин решал лишь мгновение, что ему дороже: молодой колдун с Тортуги или заклинье графа.

Хедин бросился к Гунтеру.

– Держись, друг, – Хедин колдовал, хотя сил почти не осталось ни для помощи, ни для собственной защиты.

Но враги не мешкали. Имперский солдат замахнулся, чтобы убить хотя бы одного врага, и упал, пронзенный черным лезвием. Хедин поднял на спасителя взгляд, тусклый от переутомления.

В фигуре темноволосого высокого человека он узнал Харуна, который, не оборачиваясь, убил еще одного нападающего едва заметным быстрым движением будто сотканного из мрака меча.

– Осторожнее, Хедин. Будет досадно, если вы сегодня погибнете, так ничего и не достигнув в своей такой недолгой жизни, – с насмешкой промолвил давний.

Кровь повредила рисунок, он вспыхнул и выгорел, пре-

вратившись в черную жидкость, впитавшуюся в деревянные доски палубы. Харуна рядом уже не было – давний народ никому не собирался становиться хранителем.

Химера опустилась на палубу пиратского корабля прямо перед Мариан. Меч убитого пираткой солдата влетел в руку черноволосого колдуна, в которого превратился советник Императора. Они сражались, оба с улыбкой, мстя за прошлое. Мариан отдавала поединку всю себя, не жалея подаренной новой жизни.

– Считаешь, если от проклятья освободилась, то и от клятвы тоже?

Рука Химеры превратилась в крыло, из которого вылетели металлические когти-лезвия, оставив четыре длинные глубокие раны на теле Мариан. Пиратка согнулась от боли, выпустив саблю.

– Нет... – прошептала Роксана, наблюдавшая за поединком через щель в дверях каюты.

Девочка вихрем бросилась в угол, где спрятала свое оружие, и еще быстрее вернулась к двери, открывая ее.

Вскочили Рита и Юрий. Удивленно глянул на подругу Тимур. Дым спрятал лицо в юбке Надежды. Полина и Ласточка сидели, обнявшись от страха.

– Роксана, нет!

– Капитан приказал!

Прозвучали вместе возмущенные голоса родителей.

– Химера убьет Мариан! Я должна там быть! Не мешай-те! – Роксана распахнула дверь, толкнув отца, пытавшегося ее задержать.

Удар когтей Химеры, который должна была получить Мариан, пришелся по лезвию Роксаны. Но от сильного удара девочка выпустила оружие. Сабля отлетела в воду.

– Смело и глупо, дитя, – советник Императора заинтересованно глянул на нее.

Грянули два выстрела. Пистолеты дымились в руках Бенедикта и Катерины. Но пули срикошетили от крыльев Химеры. Одна попала в мачту, другая – в Итану, тяжело ранив женщину.

– Так кого из вас первым жизни лишить? – злорадно спрашивал советник Императора.

Дэниэл бросил оружие, у него на глаза навернулись слезы.

– Я убил человека, – скулил юноша.

– Приди в себя, дурак! – Берн прикрыл парня, сам приняв удар, который ему не предназначался.

По руке мужчины текла кровь. Дэниэл поднял оружие, не утерев слез.

– Итана! – Тайра бросила саблю, подхватив подругу.

Два солдата направили на них пистолеты. Дочь колдуна, потерявшая чары, отвернулась, чтобы не видеть свою смерть.

Ярош и Асана Санарин сражались, изматывая друг друга.

Но женщине не везло, она перецепилась, отступая, и пират пронзил ее саблей. Рядом с черными на белой ткани расцвели и багровые цветы, такие же огненные, как и пламенеющие в насланных ею жутких видениях...

Асана Санарин упала. Ярош замахнулся, чтобы добить врага, но в последнее мгновение рубанул по дереву, где лежали ее темные волосы.

– Ты будешь умирать долго, пока из тебя не вытечет вся кровь, колдунья, – злорадно пообещал Ярош. – Такие раны даже чары не лечат.

Асана Санарин выпустила воздух сквозь зубы, чтобы не застонать.

– Добей ее, капитан, – рядом оказался Айлан. – У командиров глаза не пустые. Ты призывал к милосердию.

Ярош обернулся к нему, и серые глаза капитана полыхнули такой злобой, что Айлан невольно отступил.

– Если тебе ее жаль, сам подари врагу смерть, – Ярош ухмыльнулся. – Где там наш драгоценный министр? Нужно с этим заканчивать.

Ярош побежал к капитанскому мостику, походя отбиваясь от имперских солдат.

– Сделай, как он сказал, Варн, – прошептала женщина. – Или боишься?

Айлан присел подле нее.

– Ты тоже мне задолжала, Асана. Ты подговорила друзей, чтобы соблазнили кого-то нарушить запрет.

Женщина закашлялась, лишь сейчас стало видно, насколько она молода.

– Ты бы не пошел на площадь, если бы сам этого не хотел.

Юрий и Рита выбежали следом за Роксаной, но между ними и подругой оказались Тайра, Итана и солдаты. Дети подняли оружие погибших в тот миг, когда солдаты нацелили пистолеты на женщин, и, не раздумывая, напали на врагов.

"Если не убили за первые двадцать секунд, то Айлан успел нас хорошо научить", – подумалось Рите, когда она отбила удар вражеской сабли почти возле самого сердца.

Берн выстрелил в канат, держащий черный парус, и попал. С трудом зажав рану, из которой лилась кровь – чужое лезвие перебило ему вену. Берн осел на палубу.

А парус падал черной тучей, накрывая раненную Мариан, Роксану и Химеру. Девочка бросилась на палубу, а советника Императора парус ударил по спине, сбивая с ног.

Ярош добрался до капитанского мостика, сбросив человека, ставшего перед ним на ступенях. Феофан попятился от покрытого кровью пирата, направив на него меч. Но страх был сильнее желания убивать собственными руками.

Сокол первым ударом выбил оружие из слабых от страха рук врага и, схватив его, приставил лезвие сабли к горлу. Одно движение – и голова министра покатится.

– Прикажи сложить оружие, Феофан! – прошептал пиратский капитан. – Для тебя все кончено, министр.

– Сложить оружие! Это приказ! – испуганно крикнул министр.

– Не слушайте его! Смерть пиратам! – советник Императора выбрался из-под черного паруса.

Ярош сильнее сжал раненное предплечье Феофана. Тот закусил губу, чтобы не вскрикнуть.

– Сложить оружие! – крикнул Ярош. – Я убью министра!

Солдаты нехотя опускали оружие на доски палуб обоих кораблей. Советник Императора взлетел к небу, в котором растворялись полупрозрачные тучи, открывая солнце и синеву.

Бенедикт выстрелил, но попал не в белую тень, а в светло-серый имперский флаг. Причудливой птицей флаг спланировал на воду.

Глава 18

Приговоренные к смерти

Пленных имперских солдат и Феофана перевели на "Диаманту", где Ярош передал их Юрану. Принц связал министру руки, но сначала сорвал с Феофана рубиновый знак власти и бросил звезду в море.

Хотя Юран был ранен, но оставался властным. Феофан опустил взгляд, он не мог сейчас невозмутимо смотреть врагу в лицо.

Роксана вылезла из-под паруса, позвала жестом Анну-Лусию. Пиратка подбежала к раненной Мариан. Над кораблем

развевался красный флаг – не кусок ткани, которым повязывала голову девочка, а настоящее живое пламя, будто просвечивающее сквозь полотнище.

Гунтер пришел в себя. Возле него сидел Хедин, как подле брата, которого у него никогда не было.

– Что же ты так, друг? Родился на Тортуге, а драться не научился? – тихо спросил кудрявый парень.

Гунтер слабо улыбнулся.

– Презирал я их всех. Зря... Попрощаемся, друг? – его голос был почти неслышен.

Лаура остановилась возле них, не в силах идти дальше, понимая, что им для прощания не нужны свидетели.

– Нет, – рьяно возразил Хедин, вставая. – Нет, держись!

Он огляделся в поисках кого-то.

Ян Сорель, Константин, Алексей, Серж, Иза и женщина, которую подобрали в море, прятались в трюме, забравшись на кучу рухляди, чтобы не мочить ноги в темной воде. Серж прислушался.

– Слышите?

– Что? – не понял Константин.

– Тихо, – откликнулся Ян Сорель. – Неужели все закончилось?

– А кто победил? – задрожала Иза в объятьях Сержа.

– Выйдем? – но Сержу никто не ответил, не отваживаясь

взять на себя такую ответственность.

Родители Роксаны вышли из каюты, сразу за ними на воздух выскользнула Ласточка, мгновенно оказавшись возле Итаны, от боли потерявшей сознание.

– Юрий! – позвал мальчика Хедин.

Юрий оглянулся, несколько шагов не дойдя до Роксаны, стоящей на коленях подле Мариан, с которой они вместе с Анной-Лусией и Марен стянули парус.

– Юрий... – задохнулся от неуверенности Хедин. – Ваши огоньки. Я слышал, что они лечат даже смертельные раны. Зажги огонек, Юрий!

Роксана поднялась, заинтересованно слушая их. На ладони Юрия рождалось пламя, но необычное, ярко-изумрудное, как сочная трава.

– Я никогда его таким не видел, – удивился мальчик.

– Пойдем со мной! – Хедин потянул его за собой.

А Роксана уже бежала к Ласточке, прося и ее позвать свой огонь. Пламя Ласточки стало такого же необычайного насыщенного зеленого цвета.

Рана Итаны исчезала на глазах, гадалка со стоном пошевелилась. Тайра обняла подругу, помогая сесть.

Дым сам увидел, что делает девочка, только его пламя почему-то получилось маленьким и немного тусклым, словно мальчику было жаль им делиться. Но именно под его светом затягивались глубокие порезы от когтей Химеры на гру-

ди Мариан.

Ярош смотрел на обезоруженных врагов: глаза пусты, в них не было даже страха или ненависти. Кто-то еще молод, кто-то разменял четвертый десяток. Один совсем юный, еще подросток, у другого взгляд как у верного пса, преданность которому привили с детства. Не жаль его...

Солдаты перевязали рану Асаны Санарин рукавом от ее капитанской одежды, с другого еще не сошли темные следы заклятья Айлана. Одна из лучших выпускниц Имперской Звездной школы с ненавистью и усмешкой наблюдала за пиратским капитаном.

Ярош повернулся к команде, прося совета. В этот раз у него почему-то не было решимости отдать приказ самому.

Герда и Ричард стояли рядом, они еще не вложили оружие в ножны. Анна-Лусия застыла справа от Жан-Поля. Макс, Владимир, Дэниэл и Олег держались вместе. Меченый и Козырь охраняли министра. С помощью Марен и Тайры поднялась гадалка. Бенедикт отвел Юрана к Ласточке и Димону, чей свет лечил Киш и Берна.

Доброта и милосердие... И ни следа жестокости, обычно отражающейся на лицах победителей.

– Ваш корабль утонет, но вы можете сохранить жизнь, – сказал Ярош, поворачиваясь к пленным. – Если вы сядете в лодку и поплывете на север, найдете остров, – он закрыл компас, указавший направление для врагов. – Остров безлюдный. Сил добраться туда вам хватит...

Имперский корабль постепенно набирал через пробоины воду, но казалось, что Море не спешит забрать его, как давно желанный трофей.

Ярош подошел к Анне-Лусие.

– Можешь позвать небольшой дождик, чтобы кровь смыло? – спросил капитан.

– Я звала. Дождь будет. Море обещало.

София стояла на носу корабля, тоже разговаривая с Морем, она распустила длинные шелковистые волосы, похожая сейчас на юную русалочку. София просила попутный ветер.

Дождь начал накрапывать, как только смерклось. Покалеченный корабль потерял скорость и двигался очень медленно, часть парусов была порвана, и лохмотья беспомощно хлопали на ветру.

Хедин вышел на палубу, огляделся. На вахте было двое – Ричард и Харун, но стояли они далеко друг от друга. Чародей подошел к давнему.

– Я искал тебя, Харун...

Хедин провел рукой по фальшборту, кончики пальцев, будто иголочками, кололо болью: кораблю тоже сегодня пришлось не сладко. Харун обернулся к парню, его руки окутывало едва заметное сияние, а отзвуки древнего мелодичного языка давнего народа еще не померкли. Но о чем он мог разговаривать с кораблем в отсутствии на палубе капитана?..

– Иногда помощь нужна не только людям, но и кораблям.

Чародейство исцеляет кровавые раны, но если они слишком глубокие, их лечат только сочувствие и понимание, – сияние на ладонях Харуна исчезало.

– Давний народ ничего не делает без собственной на то выгоды, – глядя в глаза давнему, немного высокомерно возразил Хедин. – Ты спас мне жизнь во время боя. Я не привык быть кому-то благодарным.

Харун весело засмеялся, обратив взгляд к небу, а потом пронзительного взглянул на чародея. Из темных глаз давнего на парня смотрела сама глубина.

– Правильно, Хедин, во время боя ты не привык думать о других. Ты всегда защищал только себя. Это правильно, ведь тогда спасутся и победят больше воинов. Странно было вступить за кого-то, правда?

Давний зловеще улыбался. Хедин едва сдержался, чтобы не отступить.

– Ты ничего обо мне не знаешь, Харун...

– Да неужели?.. – давний коснулся ворота его черной рубашки. – Для своего возраста ты многого достиг, Хедин, значительно больше, чем твои сверстники. Так было всегда, и ты тоже к этому привык. За храбрость одаривают оружием, а за победу над врагами – тем, что будет напоминать об их звездах, столкнутых с небесных дорог скоропостижной смертью. Подарок Императора всегда с тобой, его не спрячешь от взглядов давнего народа. Если о нем узнают пиратские капитаны, не жди от них пощады.

– Ты стремишься меня запугать? Не выйдет, – голос Хедина был на удивление спокойным: когда речь не шла о благодарности, он знал, как вести себя, и угрозы молодого колдуна не смущали.

– Не стремлюсь, – глаза Харуна теплели, словно он на короткое время выдал себя настоящего. – Ты сильный чародей, но слишком увлекаешься, любишь себя, во время боя это недопустимо. Я понимаю тебя, ибо этот порок свойственен и давнему народу. Мы слишком долго учились его преодолевать.

Харун сказал много, но еще больше молодой колдун прочитал меж словами, ведь давний не таился от него. По крайней мере, так казалось...

– Почему никто из давнего народа не пришел на зов Гайяра? Почему не откликнулись на наши голоса, когда мы с такой надеждой звали вас в Элигер? – с горечью спросил Хедин. – Если бы кто-то из давнего народа тогда находился рядом с нами, все было бы иначе!

Харун отвел взгляд, и теперь вряд ли кто-то из живущих на этом свете смог бы сказать наверняка, что у него на сердце.

– Мы не могли прийти. Никто из давнего народа. Тот, кто стоял рядом с Императором, когда ты присягал ему на верность, – могущественный и опасный враг. Он непобедим в поединках, но по-настоящему силен в создании коварных ловушек, в которые способен заманить кого угодно. Да, Хе-

дин, все было бы иначе, если бы давний народ пришел на зов Гайяра.

Он медленно провел рукой по теплomu дереву фальшборта, и чародей понял, что Харун очень любит корабли. "Диаманта", ощущая это, отвечает на искренние чувства взаимностью.

Но давний криво усмехнулся, и очарование исчезло. Ночь уходит, она была холодна и опасна, ведь никто не поручится, что утром их не ждет новая беда или замысловатая ловушка.

– Но мы на корабле с черными парусами. И ты... И я... И другие... Слуги Империи, пиратские капитаны и давний народ... У каждого из нас есть прошлое, частью которого можно гордиться, а часть стоит скрывать. Мы были непримиримыми врагами друг другу, но наш сегодняшний день пока общий. Это нас и объединяет на пиратском корабле, – он снова с насмешкой посмотрел на молодого колдуна. – Иди, Хедин, не стоит долго разговаривать с давними – мы любим околдовывать людей. Если ты подчинишься моей воле, будешь жалеть об этом до конца жизни.

Хедин почтительно склонил голову в знак согласия и благодарности за разговор, а потом оглянулся, почувствовав на себе чужой взгляд. На них с завистью смотрел Ричард. Чародею вспомнилось, что граф Элигерский сторонится давнего народа после приключения на острове, которое едва не погубило его.

– Я не выполнил твой приказ, не сохранил рисунок, – Хе-

дин подошел к Ричарду.

– Правда? – улыбнулся тот в ответ. – Пойдем, узнаем, почему мы все этого не почувствовали.

Вдвоем они пришли на то место, где колдун углем начертил полукруг с лучами. Граф присел, держа фонарь, провел ладонью над досками, озарившимися рисунком, исчезающим почти сразу за тенью его руки.

– Вы омыли его чародейской кровью, придав небывалую силу, – немного удивленно объяснил бывший пиратский капитан. – Разрешение стало настоящим. Теперь этот корабль и есть позволение, необходимое, чтобы забирать жизнь имперских солдат, полностью отдавших зверю свои души. И каждый, ступивший на палубу, получит это разрешение на все времена.

К ним неслышно подошла Киш.

– Ричард, тебя зовут. Они ждут в каюте.

Граф поднялся, посмотрев на Хедина, отдал ему фонарь, полный золотого огня, и, грустно усмехнувшись, ушел. Хедин провожал колдуна взглядом: вероятно, для графа ничего хорошего этот разговор не предвещал.

Часть прошлого, которое стоит скрывать... Об этом откровенно сказал ему давний, а еще раньше намекнул капитан Ярош, предлагая насильно не раскрывать чужие тайны. Кроме детей и тех, кто не дрался с имперскими солдатами, у каждого на этом корабле есть свое темное и жестокое прошлое.

Почему-то размышляя об этом, Хедин мысленно пожелал, чтобы Ричард поскорее вернулся из капитанской каюты.

Из тьмы выныривали звезды. Легкий ветерок вел пиратский корабль к берегу, где команда сможет починить мачту и подлатать паруса.

Феофан сидел на бочке, руки ему освободили. По приказу капитана министра никто не трогал, с ним даже не заговаривали. Когда лодка с солдатами и Асаной Санарин скрылась за горизонтом, Ярош молча перерезал веревку, которой Юран связал министра. Феофан видел среди пиратов Олега с Эсмин, видел Марен и графа Ричарда, а еще того кудрявого парня, которого должен был наказать за предательство и заговор против Императора и казнить на площади вместе с собственным учителем. А еще здесь было много детей, большинство из которых могли колдовать. Каких же разных людей позвал в путешествие корабль с черными парусами...

Его убьют, несомненно. Не сегодня, позже, когда пиратская команда придет в себя после боя и пожелает мести и развлечения. За поражения платят кровью, а за великие поражения большой кровью. Таких заложников не отпускают ни за какой выкуп, ведь они – символы этой бесконечной войны, как и сам корабль с черными парусами.

Хотя он может воспользоваться случаем и прыгнуть за борт, в темные воды, отдавшись на милость волн. Это не спасение, до любого берега очень далеко, и морская бездна ста-

нет могилой имперского министра. Возможно, это такое же снисхождение, как лодка для умирающего имперского капитана и горстки солдат, переживших бой, – не ждать смерти, а самому позвать ее для себя.

Феофан коснулся ноющей болью раны, рука немела и плохо двигалась. Нет, корабль идет медленно, а он далеко не отплывет. Отсутствие заложника быстро заметят, его выловят из воды и вернут, а тогда будет еще хуже. Развлекаться победители начали тогда, когда пиратский капитан освободил его руки.

Вот только неужели и дети на этом корабле будут радоваться его казни?..

К погруженному в размышления министру подошла Ласточка.

– У тебя кровь на руке, – таинственно сказала девочка, и в ее сложенных ладошках родилось изумрудное пламя.

Ноющая боль отпускала, министр пошевелил похолодевшими пальцами, чувствуя, как они теплеют. Ласточка дунула на огонь, гася изумрудное пламя.

Накрапывал мелкий дождик, его капли тоже были теплыми.

– Благодарю тебя, – сказал министр.

Ласточка рассмеялась и убежала, будто от его благодарности.

Детский смех эхом отозвался в сердце Феофана. Так смеялась его родная дочка, когда была в таком возрасте. А потом она выросла, незаметно превратившись в красивую девушку, внешне очень похожую на мать.

Он любил дочь, она была его единственным утешением, когда после очередной ссоры исчезла жена. Мария очень изменилась с тех пор, как он занял высокий пост, она хотела денег и развлечений, которые с каждым днем становились все более опасными, и одно оказалось последним.

А их дочь была спокойной и искренней, она любила ходить в храм, оставалась под его золотыми куполами на много часов, и часто возвращалась задумчивой и опечаленной, погруженной в себя настолько, что переставала замечать окружающий мир. Один раз она тоже не пришла домой, и даже министр не смог ее найти ни живой, ни мертвой...

Феофан вспомнил, как, подавленный исчезновением дочери и сломленный бесконечными правилами, соблюдения которых от него требовала должность, сам пошел в отстроенный из руин храм. В детстве мама водила его в церковь, и с хоров лилось пение, похожее на голоса ангелов, а под разрисованными куполами пахло ладаном.

В этой церкви смердело руганью, глупостью и подлостью, а дешевые свечи продавали из-под полы. Новая церковь, где не услышишь теплого человеческого голоса и не увидишь живых глаз.

Министр помнил, как встал на колени перед алтарем, и фигура, одетая в белое, отпустила ему все прошлые и будущие грехи...

– Министр, – Феофан не услышал, как к нему подошел Ярош, стал рядом.

Феофан поднял на пирата затуманенные воспоминаниями глаза: "Нет, пиратский капитан, слабым ты меня больше не увидишь, и не надейся. А кровь не смывается, ты просто привык не обращать на это внимание. Но за кровь непременно придется расплачиваться, и отпущенных тебе лет не хватит, чтобы искупить вину за уже оборванные тобой жизни..."

Они были так похожи сейчас, имперский министр и пиратский капитан: оба оставили все, кроме цели, и были готовы на жертву ради обретения смысла существования, который получили, пройдя через страдания и потери.

– Я не хочу убивать тебя, министр, – спокойно сказал Ярош, глядя на пленника. – Ты однажды сохранил мне жизнь, не послушав советника Императора.

Феофан вздрогнул, вспомнив, как когти Химеры впиваются в горло, обещая разорвать его за предательство. И сабля пиратского капитана тоже могла срубить ему голову несколько часов назад, когда министра взяли в заложники.

– Ты вернул этот долг, Сокол. Во время боя, – он не договорил, но было понятно: имперский министр думал, что его убьют, как только солдаты сдадутся, и от этой мысли еще не отказался.

– Да. Но я решил отпустить тебя, когда мы отремонтируем "Диаманту". Иди, куда захочешь.

Феофан отвернулся: не таких слов ждал он от пиратского капитана, даже для развлечения это было слишком. А Ярош продолжал:

– И благодарить меня не нужно, министр. Ты ничего не можешь мне дать. Твое слово веса для меня не имеет, а если ты заступишься за пиратов, сразу потеряешь власть и собственную голову.

Глаза Феофана вспыхнули гневом, он не верил тому, что только что прозвучало. Пират жестоко усмехнулся, взглядом предупреждая, что будет, если заложник отважится на недоброе.

Министр молчал, он должен быть сильнее коварного врага, который играет даже своими обещаниями, и ни на миг не верить его словам. Феофан украдкой вздохнул, вспомнилось тепло изумрудного огонька на ладони черноволосой девочки. Неужели и эта милость была частью замысла пиратского капитана?..

Ярош оставил министра наедине со своими мыслями и страхами, кивнув Киш, которая находилась неподалеку и сейчас охраняла пленника. Сокол направился в каюту, куда только что зашел Ричард.

В большой каюте, за столом, сервированным для ужина, удобно разместились Мариан, София, Анна-Лусия и Фе-

никс. Ричарда за один стол с собой они пригласили, но не как товарища и даже не как гостя. Одно место между Феникс и Мариан было свободно.

Сегодня здесь собрались все бывшие пиратские капитаны, которым дала приют "Диманта".

Анна-Лусия подняла кубок, поздравляя Яроша с победой. Свечи в обоих подсвечниках, поставленных по центру стола, мерцали.

Ярош сел возле Ричарда.

– Что это значит?

Ужин звал воспоминания о другом застолье, о других людях...

– Совет капитанов, – ответила Мариан, ей очень не понравилось, что Ярош присоединился к графу, а не к ним.

– Мы уже советовались, Ярош, – теперь говорила Феникс. – На этом корабле есть два человека, задолжавшие Пиратскому братству. Мы требуем самого жестокого наказания для министра Феофана и графа Ричарда.

На лице графа не отразились чувства. Ярош властно усмехнулся.

– Не мало ли вас для совета капитанов? Если память мне не изменяет, на совете должно присутствовать больше половины из нашего братства.

Женщины молчали, но откликнулся Ричард.

– Мне думается, Сокол, что кому-то хватило смелости спросить у Моря, сколько еще живых капитанов топчут до-

роги этого мира. Боюсь, за этим столом собралось больше половины.

София опустила глаза. Ярош посмотрел на Ричарда, ведь он сам не решил, как поступить, на чью сторону встать, а потом перевел взгляд на женщин и спросил уже без притворного смеха.

– Так в чем же вы обвиняете министра и графа, если требуете их казни?

Ответила Мариан.

– Министр подписывал смертные приговоры пиратам и отдавал приказы уничтожить наши корабли.

– Это не тот министр, который охотился на нас, – отмел обвинение Ярош. – Пост перешел к Феофану после того, как Империя расколола наше братство, – ему самому было горько говорить это, но такова правда, и лишь правда могла сейчас защитить того, кому он дал слово.

– Занимая пост министра, ты возвращаешь себе первое, настоящее Имя и перенимаешь всю славу предыдущих министров, а вместе с ней и всю вину, – холодно возразила Феникс. – За славу нужно платить. А он гордится своей славой. Все слышали его приказы во время боя.

– Вы судите человека за глаза...

– Он слишком виноват перед нами, чтобы у него была возможность оправдаться! – не сдержала чувств Анна-Лусия, наверное, и она в своих несчастьях винила имперского министра.

– Хорошо, – скрестив взгляд с Анной-Лусией, уступил Ярош. – В чем же вы обвиняете Ричарда?

– В измене! – высокомерно ответила Феникс.

– Феникс, – рассмеялся Ярош. – Не здесь собравшимся судить за измену. Только София и Анна-Лусия имеют на это право, но не мы все.

– Я бы о себе не говорила, – откликнулась София.

Анна-Лусия тоже не выдержала его взгляд. Каждый из них совершил предательство с того времени, как Империя объявила пиратам войну. Предал, если не друзей, то цель и мечту. Если не Пиратское братство, то самого себя...

– Он знает тайну Химеры, если не самого Императора, – настойчиво продолжала Феникс. – Насколько же близко подошел граф к властителям Империи, чтобы они поделились с ним таким секретом? Чем заплатил?

Ярош хотел возразить, но Ричард опередил его.

– Я расскажу.

Феникс удивленно замолчала, посмотрев на него, вероятно, она не ожидала такого поворота.

– Я расскажу, – уже спокойно повторил Ричард. – Зовите в свидетели ночь и море, чтобы вы убедились, что я не буду врать.

Обвинители молчали.

– Не нужно свидетелей, – наконец сказала Анна-Лусия. – Я сама почувствую ложь.

Взгляд Ричарда стал далеким, как воспоминания, к кото-

рым он хотел вернуться, а сам он словно превратился в статую изо льда. И таким же холодом и равнодушием наполнился его голос, совсем не похожий на речь того Ричарда, которого они все знали много лет.

– Это было давно, – тихо, но отчетливо начал говорить бывший пиратский капитан. – Мы тогда еще сражались с имперскими кораблями, хотя и грабили торговцев. И один раз нам не повезло: из той битвы мы вышли победителями, но перед смертью вражеский имперский капитан из последних сил заколдовал море, прося у него бурю для нас.

Шторм был ужасным, не слабее пережитого нами две ночи назад. Мы оказались посреди моря, не зная, где ближайший берег. Чародеев в команде не было, а меня ранило во время шторма. Компас, тоже подаренный Морем, ветер выбил из моих рук, выбросив за борт.

Воды и пищи почти не осталось, жара стояла такая, что над водой поднималось марево. Я молил Море о помощи, но оно не откликалось на мой голос. И когда команда почти потеряла надежду, на горизонте появились паруса, так далеко, что корабль казался призрачным. Но нам было все равно, имперский ли это корабль, или торговцы, лишь бы они не прошли мимо.

Мы зажгли все оставшиеся у нас факелы, чтобы подать знак далекому кораблю, ведь стекло и зеркала разбила буря. Корабль оказался пиратским. Паруса у него тоже были черные, как воронье крыло. Я хорошо знал капитана этого ко-

рабля. Все пираты знакомы, хотя бы по слухам, с каждым пиратским капитаном. Но ее на мостике не было. Вместо нее капитаном называли молодого парня. Очень похожего на мою знакомую.

"Что случилось с капитаном?" – спросил я, чувствуя, что силы, поддерживающие меня эти дни, исчерпаны. Он не ответил.

Потом я узнал, что тот юноша – младший брат хозяйки "Ворона", что на самом деле он намного младше, чем казался на первый взгляд, не старше нашей Роксаны. А его взрослая сестра больше не вернулась на корабль, и в тот же год "Ворон" затонул под обстрелом имперского флота. Но Дин не погиб, его пленили, зная, кем приходится он настоящему капитану.

Мы встретились снова еще через год, когда меня величали графом Элигерским, старательно забывая, что когда-то я тоже был пиратским капитаном. Граф устраивал приемы и балы, пират ночью выходил на берег моря, не осмеливаясь обратиться к нему. Граф смеялся над шутками старого министра, наведавшегося с визитом на южное побережье, пират вспоминал, что свой корабль продал имперскому флоту, и даже имя трехмачтового красавца поменяли на другое. Две души жили во мне, обещая выбор: одна уйдет навсегда, не оставив после себя даже памяти.

Ричард умолк, пиратские капитаны слушали его, сохраняя мертвую тишину. Они знали капитана "Ворона" не по

слухам, как и ее младшего брата Дина. Они не понимали, при чем здесь тайна соизволения Императора, но и не слушать не могли. Ричард дарил им, пусть и пугающее, но живое прошлое.

Колдун сложил руки, словно набрал воды, чтобы умыться. Над ладонями закрутилось серебристое заклятье, создавая маленькие фигурки.

– Смотрите сами. Помните все, что помнить отважитесь, – воспоминаниями мстил пиратам граф Элигерский.

Треугольник из маленьких фигурок. В одной фигуре угадывается он сам. Другая была крылатой, но крылья срослись с руками, – Химера. Третья одета в серую солдатскую форму, но низкого роста, как подросток. Даже в видении чувствовалось, что глаза у юноши остекленевшие.

– Ричард, – тихо звучит из прошлого голос Химеры. – Ты должен выбрать сегодня, кто ты. Я простил тебе жизнь пирата, пощадил всю твою команду. Не моя вина, что большинство из них не выдержали жизни на берегу, – в голосе советника Императора прорезались смех и презрение. – Но ты стал графом Элигерским, получив огромное богатство, как и мечтал. Как просил...

Химера обошла Ричарда за спиной, остановилась возле парня.

– Но графа слишком часто не бывает дома. Вместо того, чтобы управлять своими землями, ты путешествуешь по Империи. Что ты ищешь, граф Элигерский? – Ричард не отве-

тил, но советнику Императора и не был нужен его ответ. – Мало кому из пиратских капитанов удалось сберечь не только жизнь, но и свободу. Гордись своей удачей, Ричард.

Химера издевалась, но Ричард стоял перед ней невозмутимо.

– Зачем ты меня звал? – спросил бывший пират.

Легкий взгляд советника Императора скользнул по нему, он улыбнулся, возвращаясь на то место, где стоял в начале видения.

– Ты присягал мне, но для пиратского капитана этого мало. Море может забрать твою присягу, как волна прилива – песок, если еще не забрало. Поэтому, если ты хочешь называться графом Элигерским, сделай кое-что для меня.

– Что? – Ричард посмотрел на Дина, в чьих глазах плескалось не море, а пустота, которую не вымоет, как песок, милостивое Море.

– Забери его жизнь, ибо судьба этого парнишки принадлежит мне. Он по собственной воле отдал мне свое Имя.

– Под пытками? – Ричард едва держался, чтобы не выкачать свои настоящие чувства, но, чтобы обмануть Химеру, такой выдержки было мало.

Советник Императора вздохнул со смехом.

– Значит, сплетники не врут. Ты знаешь его. И обязан спасением, – внезапно голос Химеры изменился, наполнившись властью не меньшей, чем у Императора. – Кто под пытками, а кто из-за обычного страха, как ты, отдает свою судьбу дру-

гим. Освободи его, если действительно обязан. Подари парню смертный покой за то, что спас тебе жизнь.

Химера чертила на земле тот же рисунок, что и Ричард перед боем. Граф оглянулся, ухватив краем глаза, в какой последовательности ложатся линии. Советник Императора поднялся, рисунок был закончен и тускло светился.

– В свидетели небо, в свидетели море и ветер, станьте позволением Императора, – трехгранный тонкий кинжал, лежащий на рисунке, влетел в руку Химеры. – Лови, Ричард!

Ричард вытащил из земли кинжал, воткнувшийся возле его роскошных сапог. Простую рукоять украшали три золотые волны, лезвие в двух местах было щербатое, – он уже где-то видел это оружие. До парня только два шага, но Ричард не мог преодолеть это расстояние.

– Поторопись, заклятье отгорает, – прикрикнула на него Химера в образе черноволосого колдуна, и внезапно ее голос превратился в шипение: – А если ослушаешься моего приказа, я всю твою команду превращу в таких же бездушных солдат и дам тебе для охраны. Ты будешь видеть их пустые глаза каждый день, пока не утратишь разум. А когда это случится, капитан, я верну твою душу из видений в человеческой мир, а им отдам Имена, чтобы казнить по одному – перед тобой, в твоём доме. А потом закую тебя в кандалы и отвезу во дворец Императора, где ты больше не увидишь ни моря, ни солнца, и ветер не коснется твоих, на удивление, еще не седых волос. Подчинись, Ричард, пока не поздно!

Лишь два шага. Глаза Дина даже не вспыхнули жизнью, когда кинжал вошел в его опустевшее сердце. Ричард подхватил невесомого парня, вместе с ним осев на землю. На лезвии не было крови.

– Трус, – презрительно бросила Химера. – За себя испугался, но твою новую присягу я принимаю.

Советник Императора хлопнул в ладоши, Дин рассыпался серебром, словно никогда не был человеком. Дунул ветер, относя серебряную пыль.

– Ты обманул меня, – прошептал Ричард, не поднимаясь.

– Обманул, граф, но для твоей совести этот поступок не обман, ибо ты верил своим глазам и сердцу, – Химера склонилась над ним, проведя рукой над головой, будто разрывая прозрачные нити. – А Дин... Дин на дне моря. Вместе с моими воинами он дрался с пиратами, не жалея своей жизни. Я бы и тебя мог сделать такой же куклой, капитан, но живи, купаясь в роскоши, на зависть настоящим пиратам. Ибо не только за страх, но и за награду можно предать Море...

Фигуры из видения таяли, как серебристые снежинки. Не маленькими фигурками, а собственными глазами видели последние из пиратских капитанов страшное воспоминание. Все молчали, но Ричард рассказал не все, если сейчас Ярош положит на стол золотой крест с белым жемчугом, и обвинители узнают, что бывший пиратский капитан принял крещение от Химеры, то даже такая искренняя исповедь его не спасет.

– Это мой кинжал, – с горечью сказала София. – Он был со мной на "Русалочке", но я была уверена, что он утонул, когда меня выбросило в море.

– Думаю, Химера знала, что это твое оружие, – исповедь и чары истощили Ричарда, но он не боялся. – Хоть не все ее слова были лживы в тот день. Я искал, я действительно искал кое-что, и в основном после новой клятвы. Чтобы я не почувствовал обман, советник Императора почти верно воплотил в заклятье это разрешение. Ветер и солнце по моей просьбе исправили неточности.

– Значит, голосуем, – вмешалась Мариан. – Кто за то, чтобы наказать Ричарда, графа Элигерского, который был пиратским капитаном? Мое требование не изменилось – казнь.

– Я тоже за казнь, – поспешно поддержала подругу Феникс.

Ярош наградил Феникс печальным взглядом, ведь винить ее в кровожадности и жажде мести не имел права.

– А я против, – неожиданно не согласилась Анна-Лусия. – Я сражалась с Ричардом плечом к плечу. Если он предатель, то зачем открыл нам тайну позволения Императора? Да и на имперском корабле он мог присоединиться к врагам, обеспечив тем наше поражение. Я против.

– И я против, – откликнулся Ярош. – София, от твоего голоса зависит, что будет с Ричардом.

София посмотрела на Яроша, потом на Ричарда, ее взгляд изменялся, становясь решительным. Тогда серо-голубые глаза остановились на Мариан и Феникс.

– Простите меня, но я тоже против, – Мариан вздохнула, Феникс одарила Софию удивленным взглядом. – Разве испытания, поставленные перед ним Химерой, менее жестоки, чем выпавшие на вашу долю во дворце Императора?

– Не сравнивай! – рассвирепела Феникс. – Тебя там не было!

– Прекратите! – гаркнула на них Мариан, поворачиваясь к Ярошу. – Ладно, предателя ты у суда отвоевал, но имперский министр наш.

– Вы должны знать, я дал слово Феофану, что отпущу его, когда мы починим корабль, – заметил Ярош, поведение Мариан его удивляло. – Феофан не выполнил приказ Химеры, сохранив мне жизнь в Элигере.

– Лишь для того, чтобы поставить перед Судом Империи, – напомнила Феникс.

– Мы ему слова не давали, – отрезала Мариан. – Смерть.

– Ты не была такой жестокой, Мариан, – тихо сказала София.

Глаза Мариан сверкнули презрением к капитану "Русалочки".

– Кто побывает в Императорской тюрьме, не останется таким, каким был. Но откуда тебе об этом знать, София?

– Не нужно похвально, кому сколько несчастий досталось, – красивое лицо Софии окаменело. – Мой голос за жизнь.

– Пусть отвечает за жестокость Империи. Смерть, – провозгласила Феникс, и будто тяжелую ношу с плеч сбросила, сев прямо.

– Я поддерживаю. Министр – не Ричард. Смерть имперскому министру, – Анна-Лусия смотрела прямо на Яроша, бросая ему вызов.

– Я дал слово, и от него не отступаю. Жизнь, – уверенностью в голосе вернул ей вызов Ярош.

– Все равно двое на трою, мы придумываем министру наказание, – Анна-Лусия хотела встать, чтобы уйти, но Ричард поднял руку, прося слова.

– Трое на трою, Анна-Лусия. Вы оправдали меня, значит, у меня тоже есть голос, как у пиратского капитана.

– У тебя нет голоса, предатель! – взвилась Мариан, вскочив. – У тебя нет корабля!

– Обломки всех наших кораблей обросли водорослями и кораллами на дне моря. Кроме "Диаманты", – Ричард тоже

встал, но спокойно. – Должны благодарить Яроша, что снова видите горизонт не с берега. Трое на трое, но окончательное решение принадлежит Соколу, ведь он дал министру слово. Только капитану "Диаманты" решать, что будет с Феофаном, министр – пленник Яроша.

Слова Ричарда немного утихомирили Феникс и Мариан, Анна-Лусия криво улыбалась. Неужели жалела о своем голосе, оправдавшем Ричарда?..

Ярош поднялся.

– На этом совет окончен. Пиратские времена давно канули в небытие, как и наши законы. Сейчас иное время. И поэтому, друзья, если вы соберете еще один такой совет, я расценю его как бунт.

Больше ничего не сказав, Ярош покинул каюту. За ним на палубу вышел Ричард.

– И чего ты добилась, Мариан? – злилась Феникс. – Разве я не говорила, что Ярош ставит свое слово выше любого закона?

– Я же предупреждала: несколько капитанов на одном корабле к беде, – напонила Анна-Лусия.

Ярош стал возле фальшборта, оглянулся на Ричарда, вытащив крест. В лунном свете жемчужины казались слезами.

– Твое? – спросил капитан, отдавая зловещее украшение.

Ричард усмехнулся, все поняв, но крест не взял.

– Хочешь благодарности, Ярош? Да, это мое. Вернись, покажи им, и тогда ни София, ни Анна-Лусия не встанут на

мою защиту.

Сейчас, как никогда, чувствовалось, что Ричард старше Яроша, намного старше, и, вероятно, не только годами.

– Благодарность – это пустое. Я лишь долг возвращаю. Не узнал тебя тогда в господской одежде, но увидев в тюрьме графом... Воспоминания напомнили мне о том дне. Это было до того разговора с Химерой, что ты нам показал, или после?

– Это было до, – темные глаза Ричарда улыбались. – Я не такой негодяй, как ты думаешь, Ярош, не одного тебя тогда не выдал. Я позволял пиратам селиться на Элигерском побережье, если они решили научиться мирным профессиям или же создать семью. У каждого был шанс дожить свой век в покое, но не все им воспользовались. Это тяжелое испытание: постоянно быть рядом с морем, но не иметь возможности снова видеть его ширь, не иметь права на свою команду и флаг... – глаза графа Элигерского потускнели, не только о других, но в первую очередь о себе рассказывал он этой ночью. – Новая возможность начать жизнь с начала...

Многие спились, другие не выдерживали и ехали вглубь страны, подальше от моря, где их ловили имперские солдаты и казнили. Хотя кое-кто нашел и свой покой, и, как мне известно, даже свою любовь. Те дети так и не узнали, кем были их родители в действительности, и почему так часто глаза отца или матери заволакивало туманом грусти, и тогда они никого не слышали и не видели, словно находились очень

далеко от дома.

Но дети пиратов любили море всем сердцем, любили свободу – это глубокое чувство передалось им по крови. Время там шло медленнее, чем в столице Империи, но значительно быстрее, чем в море. У некоторых этих детей уже родились свои дети. В Элигере много потомков тех, кого уважали в Пиратском братстве. Тот берег стал для них последним приютом и местом вечного покоя. В Элигере заканчивается наша эпоха...

– Наша эпоха не закончится, пока мы живы, пока ветер наполняет черные паруса этого корабля, – не согласился Ярош. – Пока мы верим в свободу и боремся против своеволия Империи...

– Нет, Сокол, – покачал головой Ричард. – "Диаманта" – последний пиратский корабль, живой корабль, у которого есть своя воля и душа. Ми ничего не властны сделать против воли Империи, а вечно прятаться в море невозможно. Ты собрал команду, но лишь половина понимает, что это путешествие может привести их только к смерти. И здесь так много простых женщин и детей... Отпусти людей, Ярош, не обрекай их на пытки в Императорском дворце и казнь. Выбор должен быть осознанным, а они не представляют, в чью войну вмешались.

Ярош посмотрел на Ричарда. Взгляд серых глаз Сокола был пронзительным, заглядывал в самое сердце. Граф Элигерский отвернулся, не в силах его сейчас выдержать.

– А ты сам, Ричард? Ты понимаешь, каков наш с тобой конец на этом пути?

– Ярош, – усмехнулся Ричард. – Я был графом Элигерским, в моем особняке гостили и имперские министры, и советник Императора. Каждый такой визит мог закончиться моим арестом или публичной казнью, если бы открылось мое своеволие. Я так жил много лет, и за это время весь мой страх обернулся пеплом. Я не боюсь погибнуть, Сокол. Но другие люди на этом корабле... Подумай над моими словами, капитан. Твой долг – защищать свою команду.

Ярош Сокол снова поглядел на золотой крест с жемчужинами, который до сих пор держал в руке: да, Химера умела наказывать своих врагов, и чем сильнее противник, тем страшнее испытания были ему суждены, он об этом тоже знал не с чужих слов.

– Негоже отбирать у Моря его добычу. Пусть что принадлежит ему – то принадлежит, – Ярош бросил украшение в темную воду.

Рядом с кораблем плеснула вода – Ульяна слышала их разговор.

Глава 19

Проклятье Мертвого города

Олег дернул Эсмин за рукав, она обернулась. Мужчина

радостно улыбался.

– Пойдем, Феофана поприветствуем, мы забыли о нем вчера, – радость была так сильна, что будто просвечивала через кожу и бурлила в глазах.

– Ярош приказал не трогать министра, – неуверенно напомнила Эсмин.

– А мы только поздравим его с посещением пиратского корабля, – Олег огляделся, высмотрев неподалеку Киш и Тайру. – Киш! Пойдем к министру.

Колдунья, улыбаясь, кивнула ему, но ее улыбка искрилась зловещим обещанием.

Втроем они подошли к министру. Его сейчас никто не охранял, в полной уверенности, что в ком столько страха, тот ничего сделать ни с собой, ни с другими не сможет. Но, когда Феофан обернулся к ним, испуга в его глазах не было.

– Привет, Феофан, – усмехнулся Олег, обнимая Эсмин. – Видишь, я и без Империи живу счастливо.

Феофан не ответил, он смотрел на женщину, которая пила яд на площади. Как ей удалось спастись, он не понимал. Киш положила руку на оружие, глаза пылали мстью, но приказ капитана гасил неудержимое желание отрубить министру голову.

Жестокое испытание на верность и покорность придумал для своей команды пиратский капитан.

– Я рад видеть Эсмин свободной, – спокойно сказал Феофан. – Жаль, но мне вряд ли доведется полюбоваться тан-

цами Бар-Тиранских танцовщиц. Ты счастливчик, Олег. Или она для тебя тоже не танцует?

Рука Олега невольно стиснулась в кулак: как он осмелился?! Не его ли подпись стояла под всеми приказами, отправляющими узников на пытки?

– Я тоже рада видеть тебя, министр, – на удивление легко ответила Эсмин, подавая ему руку для поцелуя, шрамы она больше не прятала. – Мы танцуем не для кого-то, а ради тех, кого любим, и ради благоденствия своей земли. Но вряд ли имперский министр способен это понять.

– Министрами не рождаются, танцевать тоже учатся всю жизнь, Эсмин. Зря ты считаешь, что я не могу тебя понять.

Феофан коснулся губами ее руки, склонив голову. Но страха или покорности не было в этом жесте. Министр не ждал пощады от пиратов, но и не просил прощения за боль, которую до сих пор помнила хрупкая танцовщица.

Не нужно ничего говорить. Когда приказ и свобода меняются местами, слова не нужны. Но не все это понимали.

– Скажи, Феофан, как тебе наш корабль? – не унимался Олег.

Эсмин таким его еще не видела, не такого мужчину она любила.

Женщина растерянно оглянулась, почувствовав чей-то тяжелый взгляд. На них смотрел Ричард. Граф подошел к Олегу, прежде чем министр ответил своему бывшему помощнику.

– Олег, тебя звал капитан Ярош.

Это была ложь, но воздух уже звенел от ненависти.

Олег нехотя ушел. Киш и Эсмин тоже оставили министра.

Ричард смотрел на Феофана, улыбаясь уголками губ.

– Не твои это хоромы, граф, – усмехнулся Феофан. – И не мои.

– Странный ты, министр, – улыбка Ричарда стала заметнее, он говорил не совсем то, что думал. – Непривычно видеть тебя здесь, на этом корабле.

– И тебя, – откликнулся Феофан. – Но ты более свободен, чем я, пират.

Улыбка Ричарда потускнела, хмыкнув, он приспустил рукав, показав министру запястье, с которого еще не сошел след от кандалов.

– Ты мало знаешь об этом корабле, министр. Это другой мир, не менее жестокий, чем тот, в котором ты вырос, но мир настоящий. Свобода этого мира, где властвует Море, не подобна свободе отданных тобой приказов.

Феофан не выдержал взгляда Ричарда. Если настолько изменился высокомерный граф Элигерский, устраивавший ему пышные приемы, то что удивляться изменениям, за короткое время произошедшим с его помощником?

Ричард ушел. Феофан склонился над спокойной водой, ловя взглядом свое кривое отражение.

Если остался один и говорить почти не с кем, можно спросить себя: кто ты? Зачем живешь? Но ответит ли твое изло-

манное водой отражение? Услышишь ли ты голос Моря из-за запертых дверей своей души? И если услышишь, не будет ли это значить, что советник Императора был прав, и сердцем он уже предал Империю, потому и думает о живой морской глубине?..

Вряд ли пиратский капитан сдержит слово, но он дал пленнику несколько дней и ночей, чтобы подумать обо всем, на что раньше не хватало времени. И, возможно, это и было его настоящим подарком за сохраненную жизнь в Элигере. Тогда Феофан тоже дал заключенному пирату возможность вспомнить свое прошлое, хотя и не ради чего-то доброго, а чтобы пленник сам замучил себя, неосторожно поддавшись страхам, которыми на самом деле полно каждое сердце.

Корабль с черными парусами шел курсом, известным лишь ему и его капитану. Вода искажала отражение имперского министра, такая же зыбкая, как и его мысли.

Крылатое существо опустилось на белый песок, превращаясь в черноволосого колдуна.

– Где она? – спросила Химера у солдат.

Солдаты молча отвели советника Императора к пальмам, под которыми на листьях лежала обессиленная Асана Санарин. Колдун в белых одеждах сел на землю рядом с ней, взял за руку.

Бледная женщина застонала. Ее рана еще кровоточила, но слабо.

– Помоги мне... – прошептала она.

– Ты потеряла много крови, Асана, – равнодушно сообщил советник Императора. – Даже я не смогу спасти тебя. Только если...

Женщина открыла глаза, щурясь на свет, хотя и лежала в тени.

– Что ты хочешь?..

– Твою судьбу.

– Нет, – простонала Асана Санарин, пошевелившись, и закусила губу от боли.

– Ты сильная, Эвелина, но рана твоя смертельная. Отдай мне свою судьбу, чтобы я мог спасти тебя.

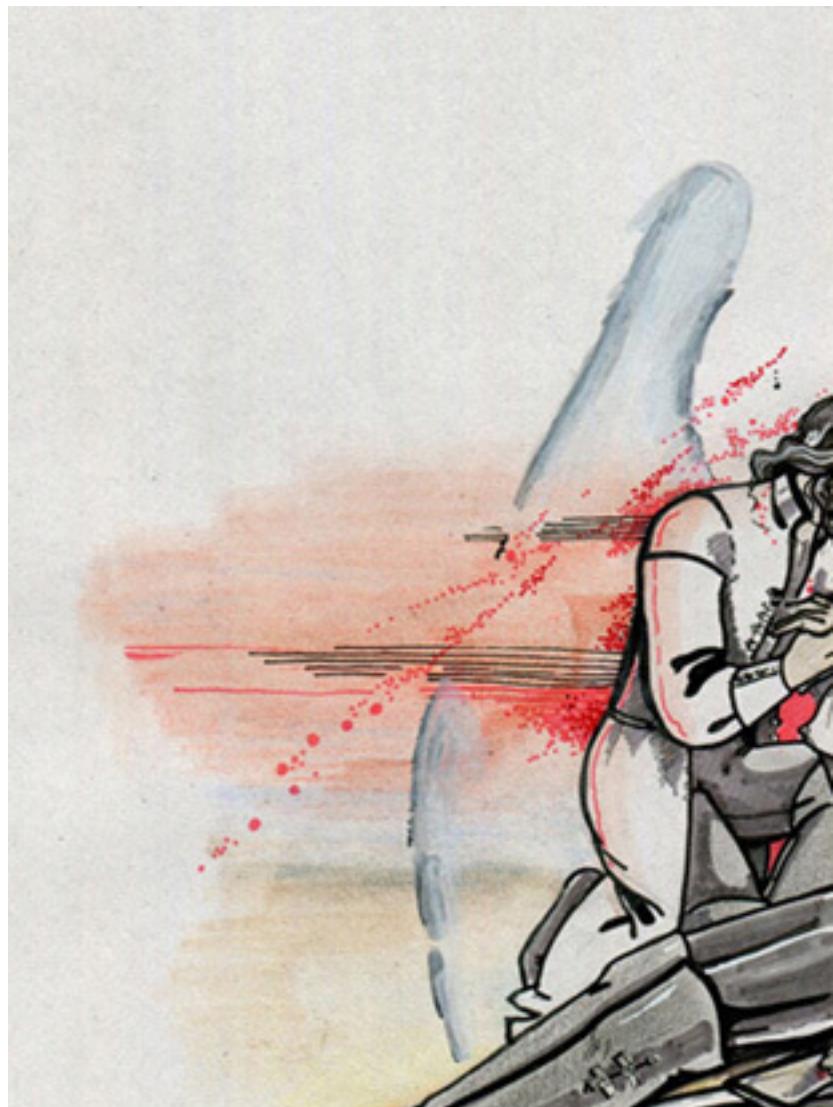
Асана Санарин не откликнулась на Имя, названное Химерой. Черноволосый колдун склонился к ней.

– До вечера ты доживешь, но солнца не увидишь. Даже меня ты уже не видишь. Отдай мне свою судьбу, Асана.

– Бери мою судьбу...

Ослабевшая рука упала на песок, ведь советник Императора ее отпустил. Хрупкая рука не воительницы, а колдуньи, отдавшей Империи свое будущее.

Глаза ее закрылись, а в лице не было ни кровинки. Химера стояла на коленях перед молодым капитаном, пела протяжные ледяные заклятья.

Стоять над долиной, где на дне раскинулся Мертвый город, было холодно. Луиза дрожала, Эмиль обнимал ее, согревая. Сказитель и Саид подошли к самому краю, где начинались посеревшие, выжженные травы, но они не рассыпались прахом, продолжая расти и цвести. Там выбросил стрелку коровяк, а там стелются плющ и барвинок, но все то пепел, еще не мертвый, но уже и не живой.

Вейн, Сашка и Олекса остались на перепутье: одна дорога обходила крутой склон и терялась, ведя к городу, другая поворачивала к морю, поблескивающему вдалеке. Холм, где они стояли, был по высоте как небольшая гора.

– Я схожу к ним, – Сашка быстро пошел к сказителям. – На что вы смотрите? – спросил парень, поравнявшись с ними.

– На прошлое, – откликнулся старый сказитель. – Хочешь и ты поглядеть?

– Хочу, – близость мертвого, заколдованного города его совсем не пугала.

– Вон там стояла белокрылая фигура, – сказитель показывал вглубь долины. – Там была женщина в черном плаще с капюшоном, говорят, она – живое воплощение смерти. А дальше, далеко от меня, я плохо его видел, замыкал первый круг хранитель этого города, избранный жителями, чтоб оберегал их от врагов. А нас, чародеев и сказителей, которые обещанием помогать Химере купили себе свободу, постави-

ли здесь, на холмах.

Сашке казалось, что он видит десятки людей, одетых кто в дорожную мантию, кто в нищенское рванье. Их уставшие глаза сияли чарами. И белая крылатая фигура занимала свое место в малом круге...

– Мы колдовали, разрывая связи между защитником и городом, разрушая его связь с землей, где он родился. Мы приносили этот город в жертву тьме, и женщина, которую мы считали смертью, читала страшное заклятье, чье эхо доходило до каждого из нас.

Мы видели, как засиял первый круг, отрезая жителям путь к бегству, как на них ложится проклятье, и пустеют улицы, а сквозь брусчатку прорастают огненные цветы.

Сашка вздрогнул: не такой ли огненный цветок он забрал из руки Вейна?..

– Я хочу туда, – уверенно сказал парень.

– Ты что, сдурел? – не поверил своим ушам Саид. – Город проклят. Кто туда заходит, не возвращается.

– Не все. Я хочу туда! – Сашка ступил на пепельный склон, но поскользнулся, и кувырком скатился к извилистой, заросшей дороге.

– Сашка! – крикнула Олекса, дернувшись к краю.

Саид схватил ее, чтобы не бросилась за парнем.

– Шею свернешь. Мы спустимся по дороге, – заверил он, чтобы девушка успокоилась.

Сашка пришел в себя. Весь в пыли и пепле. Саднил ло-

коть, кровоточила поцарапанная щека.

Олекса бежала впереди всех.

– Ты как? – девушка рукавом стерла грязь и кровь с его лица.

– Нормально. Не сломал ничего.

Вместе они поднялись. Ворота города теперь были ближе и оказались намного больше, чем виделись с холмов. Разбитые, брошенные ворота: одна створка валяется на земле, другая наполовину оторвана и словно покачивается от ветра.

– Я хочу туда, – как замороженный, повторил Сашка.

– Только к цветам не прикасайся, они плачут и зовут, – Вейн дрожал.

– Так ты здесь нашел ту кровавую розу?

– Да.

Они шли по заросшей дороге, где иногда между пепельными травами встречались обычные стебли, просто пожухлые от дыхания осени. Как за них радовалось сердце, даже больше, чем весной, когда сходит снег.

Друзья прошли сквозь ворота.

Сашка шел впереди. За ним – Саид, положила руку на оружие. Луиза обнимала Жака, прижав его к себе, как родное дитя. Вейн и старый сказитель держались за руки, из них обоих город пил жизнь: один был виновен в проклятье, блуждающем теперь по этим улицам, другой убежал. Но от проклятья убежать невозможно. Олекса и Эмиль шли последними.

Старые дома осыпались прахом, ветер выдувал из потемневших кирпичей песчинки, делая их шершавыми и почему-то липкими на вид, будто на них осела копоть. Окна разбиты, двери распахнуты. Казалось, сумерки не оставляли это место даже днем, обещая за миг упасть черной ночью, где умерли все звезды, кроме имперских знаков власти. И кое-где выглядывали из-за окна или из-под порога красные цветы, от которых исходил чарующий аромат, и сыпалось серебро, стоило ветру лишь коснуться кровавых лепестков.

– Мне здесь страшно, Сашка, пойдем назад, – умоляла Луиза: город звал ее, предлагая остаться, обещая покой. – Что ты здесь собираешься найти?

– Я не знаю, – Сашка прислушался.

Все остановились. Зашелестели омертвевшие черные листья на деревьях, высаженных вдоль центральной улицы. Город оживал криками и мольбами. Мертвый город, полный воспоминаний, ужасных воспоминаний, переливающихся через край в сегодняшний день.

Тени деревьев ложились на землю решеткой.

– Бегите! Держитесь вместе! – крикнул старый сказитель, одна тень черкнула его по руке.

Из капель крови рождались алые подснежники.

Друзья со всех ног побежали, свернув в узкий проулок.

– Зря мы сюда пришли, – прошептала Олекса, прислонившись к стене.

Тени загнали их в тупик.

– Ты же говорил, что можешь разговаривать с мертвыми! – перепугано крикнул Эмиль.

– Их слишком много... – сказитель зажимал рану.

– Они за мной, – обреченно прошептал Вейн. – Отдайте им меня, и они уйдут...

– Ложь. Они не уйдут, пока не выпьют из нас всю жизнь, – ятаган Саида, которым сказитель махнул перед собой, рассыпал багрово-золотые огни. – Кто из вас ушел из жизни не трусом, выходите драться!

Но тени отступили.

– В дом! – Сашка толкнул дверь: с крошащейся стены посыпалась кирпичная пыль.

Длинная комната без мебели, на серых стенах деревянные подпорки, напоминающие кресты. На дальней стороне комнаты на полу лежала девочка в светлом порванном платье. Мертвая. А над ней склонилась скорбная фигура мужчины. Призрачная фигура.

– Тени ушли, – удивился Саид. – Я их поблизости не ощущаю.

– Пойдем отсюда, – коснулась плеча Сашки Луиза. – Ты ничем не сможешь.

Но призрак поднял на них пустой взгляд.

– Девочка, мое любимое дитя... – тихо умолял он. – Она еще жива... Помогите...

Сашка оглянулся на Луизу, та покачала головой: не нужно, опасно. Но Сашка дернул плечом, освобождаясь от ее ру-

ки.

– Что здесь случилось? – парень стал на колени возле призрачного тела девочки, потянулся к нему.

Призрак схватил его за руку, больно вывернув пальцы. Сашка вскрикнул. А город снова оживал. С неба падал черный дождь, заклятый на страдания и смерть. Кричали люди, и эти крики таяли в сумеречной синеве...

Сашка отдернул руку, а может, это призрак отпустил его.

– Обман, – почти неслышно ответил призрак. – Всюду обман, где жили чудеса, – призрачная фигура поднялась. – Пойдем, смельчак, я покажу тебе, что случилось, прежде чем ты отдашь этому городу свою жизнь, а твоя кровь превратится в еще одно поле огненных, никогда не вянущих цветов.

Тело девочки таяло, маревом просачиваясь сквозь деревянный пол.

– Нет! Сашка! – но околдованный Сашка уже не слышал Олексу.

Вдвоем с призраком они прошли сквозь стену.

Вейн бросился к стене, но на старых желто-серых обоях не осталось даже следа от ушедших.

На улице Сашке стало немного легче, он уже не чувствовал, что им руководит чужая воля. Они шли через Мертвый город. Шелестели черными листьями деревья, оплетенные багрово-алым плющом, а тени заботились о кровавых цветах, соединявших их с миром живых. Но не найдется той си-

лы, что скосит их, освободив тени. Лишь когда исчезнет зло, наславшее проклятье на мирный город, завянут заколдованные цветы, растекаясь водой.

– Долгое время сюда, в этот гордый и свободолюбивый город, не находили дорогу пустота и серость, царившие во круг, – задумчиво говорил призрак, рассказывал парню, словно в благодарность за его смелость и отзывчивость. – Слишком сильным и своевольным был защитник города, чей яркий нрав оберегал земляков даже тогда, когда он засыпал под другими созвездиями, будучи далеко отсюда. Но однажды, после черного заклётого дождя, в городе пышно расцвели огненные цветы отобранных жизней. И с тех пор этот город называют мертвым...

Призрак умолк. Они пришли на площадь, где росли багровые лилии и колосилась алая пшеница.

– Но за что? Что натворили жители города? Такое наказание... – Сашка не находил слов, но понимал, что пока он говорит, призрак не выполнит своего обещания, и новые цветы не вырастут посреди этого поля.

– Мы были живы, ярки, потому и кровь наша яркая и живая, – призрак мужчины наклонился к красному полю, освещающему ночь. – Жители города ни в чем не виноваты. А вот его защитник...

Он запнулся, на мгновение не сдержав чувств, словно до сих пор был по-настоящему живым.

– За что?.. В назидание... Чтобы другим не хотелось под-

нять бунт. Что один мертвый город для Империи без границ? – призрачные глаза осветились багрянцем. – Нужно было уходить, парень, пока могли. Правильно твоя подруга говорила, чтобы не приближался ко мне. Или оставить тебя живым до старости, чтобы, пока время твое не выйдет, заманивал, как я, юных доверчивых глупцов?

– Отпусти моих друзей, – Сашка держался на удивление спокойно, его страхи остались за пеленой дождя, в котором исчезает эхо зачарованных колокольчиков.

Пшеничные колоски и высокие лилии льнули к его ногам, моля: сорви, сорви, дай нам покой, пусть и ценой собственной жизни, дай нам покой...

Призрак захохотал, наигранно, будто не по желанию, а по обязанности.

– Почему я должен их отпускать, парень?

– Потому что отпускал уже, – Сашка шагнул к нему, призрак попятился. – Когда тебя попросили, ты позволил вынести из города бездыханного человека с красным цветком в руке.

Призрак зарычал.

– Иную судьбу у меня просишь? Нет иных судеб! Судьбы ломать можно... Судьбы ломать легко, когда служишь Империи... А мы все ей служим!

– Ты не служишь, – тихо возразил Сашка, вынимая из-за пазухи хрустальный шар, который принял из рук седого колдуна. – И он не служил, тот, что приходил сюда.

Призрак застыл, его уста кривило то ли болью, то ли усмешкой. Шар сиял, но в его глубинах раскручивался красный вихрь, словно шар вбирал свет заколдованных цветов.

– Кристофер, – призрак потянулся к шару, но отдернул руку, не коснувшись. – Если его проклятье у тебя, то ты нашел покой, Кристофер. Как я завидую тебе...

Призрак опустил полный боли взгляд. Ветерок легкими волнами шел по алому полю.

– Его звали Кристофером? – было странно, что у седого колдуна такое обычное имя.

– Будто одной нитью связаны до сих пор. Кристофер нашел меня в этом городе, а тот парень, сорвавший цветок, был в последний час с Линтом. Одной нитью... До сих пор... Все мы...

Призрак плакал. Сияющая слеза текла по призрачной щеке, посверкивая живой звездой.

– Отпусти нас, – снова попросил Сашка.

– А я вас и не держу, – призрак сел в алую пшеницу, обхватив колени руками. – Кристофер... Где же мой покой?..

Сашка повернулся, чтобы уйти с площади, заросшей алым полем, но что-то удерживало его.

– Кристофер сказал, что рану от шипов розы, сорванной моим другом, заживит Море. А тебе Море не даст покой?

– Море?.. Я много лет не видел Море... Я забыл, какое оно... Но я и не могу уйти отсюда, парень...

– А если я... – задумался Сашка, в сиянии шара в его руке

добавилось немного зеленого, совсем немного, но цвет жизни казался настолько ярким в проклятом городе, что хотелось закрыть глаза. – Если я заберу твое проклятье, как забрал проклятье Кристофера?

– Кем ты себя считаешь? Этого даже могущественный колдун сделать не может. Мое проклятье – часть проклятья этого города, – призрак рассмеялся жестоко, но по-человечески. – А ты нравишься мне, парень. Я бы тебя взял в команду, если бы она у меня была.

Поднялся ветер, нагнув колосья и сломав несколько лилий. Призрак вскочил. Его глаза сияли жизнью, не украденной, собственной, отобранной злыми чарами много лет назад.

– Назови мое Имя! Назови, иначе погибнешь!

– Я не знаю твоего Имени...

Кровавый ветер пил силы из души Сашки, пил, срывая граммофоны лилий, пил, защищая проклятье.

– Кристофер должен был его сказать!

– Кристофер, – Сашка смотрел вглубь шара, вглубь чужого страдания и памяти, едва держа шар в ослабевших руках. – Твое Имя – Джонатан.

Шар выскользнул, разбившись об землю на изумрудные осколки, которые сгорели в пламени поля. Ветер утих, но Сашка упал в алую пшеницу. Он будто не дышал.

– Очнись, парень, – призрак склонился над ним. – Не умирай. Не честно будет...

Даже голос у призрака изменился, став человеческим, но и сам Джонатан уже не казался настолько прозрачным.

Сашка, шатаясь, поднялся. Голова кружилась. Парень хлопнул в ладоши, стараясь поймать ритм бубна сказителя, прятавшегося за завесой дождя. Слабо хлопнул, но звук взлетел к пустым окнам стай напуганных птиц, что разлетелись по мертвому городу, пятнами рисунков оставаясь на стенах его почерневших домов.

Эхо таяло. Но внезапно откликнулось колокольчиками. Выстукивая ритм, к ним шел Саид. Пламя подсветило его чародейское убранство, надело пылающую корону на чело, и в волосах добавилось серебра, а на лице – морщинок.

– Пойдем отсюда, – сказитель подставил парню плечо, с его прикосновением тепло жизни возвращалось в ослабевшее тело.

– Я разбил шар, разбил проклятье, – шептал Сашка, чтобы не потерять сознание.

– Не тревожься. Оно, как темные крапинки, теперь в твоих глазах, почти незаметное.

Вместо бубна в руках Саида сейчас был ятаган, с которого срывались живые золотистые искры. Оружие освещало им путь среди города, пылающего злым огнем и кровавыми цветами.

Призрак Джонатана шел за ними, но Саид не возражал.

– А я не ошибся в тебе, Сашка.

Сумерки медленно уступали место солнечному свету, хоть и скрытому серыми тучами. Они вышли из города, где друзей ждали Эмиль и Вейн.

– Где остальные? – Сашка попробовал стоять сам, но не смог.

– Уже на дороге. Я возвращался за тобой, когда застонал от боли город, будто живое существо резали ножом.

– Девчонки так испугались, – добавил Эмиль, хотя было видно, что и сам он разделил ужас с девчонками.

Сашка улыбнулся, ведь все случившееся теперь казалось кошмаром.

– Если дождь начнется, мы не поднимемся, – чары уже не освещали Саида, вернув ему облик обычного верткого загорелого парня.

Они оставили долину позади. Казалось, что в Мертвом городе ничего не изменилось. Точно также туда будут забредать неосторожные путники, и также из их бурной яркой жизни будут рождаться кровавые пламенеющие цветы на радость призракам, живущим в опустевших домах.

– Кто это? – спросила Луиза, кивнув на призрачного мужчину.

– Это Джонатан. Он пойдет с нами к морю, – твердо ответил Сашка, становясь впереди. – Нужно до дождя где-то спрятаться.

Жизнь возвращалась к нему вместе с решимостью.

– Что с ним? – немного отстав, спросила Олекса у Саида. – Что там случилось?

– Я тебе потом расскажу, хорошо?

Саид и сам волновался за парня, которого едва вытащил из пасти проклятия города.

Феофан смотрел на море, часто смотрел теперь, удивляясь, что море всегда неповторимо, что нет ни одной похожей волны, и даже гребешки из пены у них всегда разные. И казалось, Море говорит с ним, непонятно говорит, осторожно.

Но министр слушал, не зная этого языка, и поэтому не откликаясь на него.

– Здравствуй, министр Феофан. Хотя здоровья я тебе и не желаю.

Феофан стремительно обернулся. Возле мачты стоял Хедин. Кудрявый парень смотрел на него проницательно и холодно, совсем не похожий сейчас на подростка.

Министр молчал. Хедин тоже не обронил больше ни слова.

– Неужели всех моих врагов собрал этот корабль? – не выдержал министр.

– Врагов? – наигранно удивился Хедин. – А разве не ты сам создал себе врагов?

Но они понимали друг друга и без слов. Феофан опустил глаза, не ответив, ибо этот чародей имел право его осуждать.

– За что ты приказал казнить нас? – голос Хедина дрогнул. – Гайяр был мне вместо отца.

– Гайяр был и мой учителем, – но грусть поборолла жажда власти. – Вы пытались пошатнуть трон Императора...

– Ложь! – прошипел Хедин, ступив шаг к министру. – Как мог ты отдать такой приказ... для своего учителя?

Молодой колдун проигрывал министру в спокойствии, пусть и притворном.

– О чем вы спрашивали звезду? – как допрос слабого сильным.

Хедин поднял руку, пальцы скрючены, будто чувства, но с

них льется заклятье, как из болотных гнилушек, что сейчас отдадут злое свечение глазам и сердцу министра.

Так они и стояли напротив друг друга, окутанные чувством гордости и собственной правоты. Хедин обессилено опустил не сияющую больше руку – заклятье перегорело в нем.

– Как жаль, – тихо сказал молодой колдун, – что капитан Ярош тебя защищает, а мы слушаемся капитана.

– Неужели все и всегда? – победно усмехнулся министр, ему до сих пор не верилось в искренность пиратского капитана.

Хедин оглянулся, чары промелькнули в серых глазах, но как отблеск луны в колодце, где почти высохла вода.

– Не искушай мою ненависть, Феофан. Во дворце Императора меня обычно называли непослушным мальчишкой. Я могу послушаться приказа и сейчас.

Хедин ушел. Феофан задумался, но мысли скользили по сознанию, как по льду, едва задевая.

С неба сорвалась яркая звезда, и Феофан загадал желание. Мысленно, потому что не осмелился бы сказать такое вслух.

Там, где упала звезда, море еще долго светилося нежным зеленым сиянием.

Дойти до селения им не удалось, но сосновый лес приютил друзей Сашки. Сосны выросли так близко друг к другу, что косой дождь почти не забивал в небольшой лес, тянувшийся

до самого моря. От опалой хвои поднимался дурман, кружащий голову.

Вейн с Эмилом развели костер, что радостно потрескивал, почти спрятанный от дождя. Жак заснул на руках у Луизы.

– Кто ты, Саид? – спросил у сказителя Сашка. – Я видел огненную корону у тебя на челе, там, в городе. Кто ты?

Между Саидом и Сашкой танцевали языки пламени, отражаясь в глазах обоих.

– А я и есть огонь, – легко и мелодично, как трескучий молодой костер, ответил Саид. – Наполовину чародей и сказитель, наполовину – воплощение огня жизни. Душа его, если хочешь. Я из давнего народа, если тебе это о чем-то говорит.

– Огонь? – удивился парень. – Но огонь боится воды, а в дождь...

– Ты как дитя, – рассмеялся Саид, обрывая неуверенную человеческую речь. – Не тот огонь, который поддерживают в домашнем очаге, а тот, что в сердце пламенеет, – он коснулся сердца, и друзьям почудилось, что на руке Саида багровыми и красными огнями светятся драгоценные перстни. – Огонь жизни, душа жизни. Как капитан "Астагора" – проклятая душа Моря.

Ветер зашуршал в высоких сосновых верхушках, разгоняя тучи. Возле Эмиля упала зеленая ветка с шишками. Дождь закончился.

– Я смертный, но если что-то случится со мной, огонь перейдет к другому чародею, достойному быть его воплощением.

ем, – грустная улыбка коснулась уст Саида: он рассказывал не все, что знал. – Вы звали меня, прося очистить от мрака. И я вышел к вам в обличье огненного зверя, чтобы осудить. Но не осудил, отступив перед вашей искренностью. А после я нашел вас и в человеческом облике.

Друзья слушали его зачарованно, слабо веря, что этот молодой мужчина мог быть тем созданием, которое чуть не сожгло Жака. Быть тем, в ком потом лишь старый сказитель узнал существо, более могущественное, чем он сам. Они ничего не знали о давнем народе, о нем в столице не рассказывали даже сказки.

Сашка обнял Олексу.

– А я верю тебе, – сказал парень. – Я знал, что ты другой, с самого начала.

– Ты знал, – обычным голосом ответил Саид. – Ибо в тебе есть то, чего нет у большинства нынешних людей. Это сочувствие, настолько сильное, что жизнью собственной рисковать ради других толкает. Сочувствие на многое глаза открывает. Это твоя сила, которая со временем может стать сильнее чародейства.

Саид пел, иногда тряся бубном, чтобы позвякивали колокольчики. Но песни его отличались от сказок их старого побратима. Злые бури поднимались в песне, задевая волнами берег, и на пиратских советах капитаны решали, что будут делать дальше. Оплывали свечи, и падали звезды, позванные, чтобы отвечали на вопросы. А на капитанском мостике

зачарованной статуей застыла Химера, расправив сияющие крылья, творя заклятье, от которого стонет все живое. И за ней стояли старый министр и коротко стриженная женщина, которую чародеи и враги называли Марен, а многие Смертью, ибо ее была власть над жизнью и гибелью.

Слишком близко к морю, чтобы не пересказывать его воспоминания. А в треске костра слышится шуршание прибора. Огонь и вода всегда вместе, как воплощение жизни, настоящей, не преданной жизни. Только их голоса услышать нужно...

Глава 20

Сновидения из прошлого

Ночи были погожими, а ветер то стихал, то старался превратиться в ураган, но оставался попутным. Хотя многие до сих пор не верили, что им без потерь удалось победить в кровопролитном бою, страх постепенно уходил, а дети вернулись к своим тренировкам. Теперь взрослые их не ругали, четко осознав, насколько важной оказалась наука обращения с оружием. И только присутствие имперского министра напоминало им о пережитом.

Феофана поселили в одной из малых кают, но в основном он находился на палубе, на свежем воздухе, провожал солнце и встречал его. Рассветы над морем были неповторимы,

полные золота, разливающегося по миру, будя его ото сна и возвращая к жизни.

Имперский министр тоже чувствовал, что и ему солнце дарит желание жить. И хотя неподалеку от пленника постоянно находился кто-то из охраны, к нему все чаще приходило ощущение какой-то неосознаваемой свободы, такой же древней, как ограниченный лишь горизонтом простор, залитый мягким солнечным светом.

А еще Феофану снова начали сниться сны. Сперва это были обрывки воспоминаний, как встреча посреди цветущего парка с будущей женой. Ветер поднимал бело-розовую метель, кружил вишневые лепестки и бросал их горстями проходим в волосы. Светловолосая Мария была так прекрасна в белом, расшитом синими цветами и птицами платье...

Или другой сон, где он впервые держит в руке многолучевую рубиновую звезду – наивысший знак власти в Империи. Рубины светятся холодным пламенем и почему-то не требуют крови. Эти рубины – застывший огонь, и лишь тебе решать, как ты воспользуешься этой властью и на что ее употребишь.

Но почему-то чаще всего вспоминался сон, пришедший первым. Тот день, когда в большом зале Имперской Звездной школы среди десятков испуганных детей, привезенных со всех уголков их огромной страны, чародей по имени Гайяр выбрал его своим учеником.

...Поздняя осень, за окнами школы лил дождь. Такой темный, что казалось, будто ночь уже настала. Но в комнате было тепло и уютно, в камине горел вызванный к жизни чарам огонь. Красные языки пламени часто окрашивались изумрудными и сиреневыми оттенками.

Мальчик засмотрелся на этот удивительный огонь. Он пока не уставал поражаться увиденному за столь краткое время пребывания в столице.

– Пить хочешь? – одетый в драгоценную, расшитую золотом темно-синюю мантию учитель протягивал ребенку серебряный кубок.

– Благодарю, господин...

Мальчик взял кубок, и только с первым глотком прохладной воды понял, насколько в действительности хочет пить, а еще есть и хоть немного поспать. Им не дали отдохнуть после долгой дороги, лишь позволили смыть с себя грязь и переодели в серую форму. Большинство из тех детей до смерти не сменит цвета своей одежды, ибо их не выбрали для обучения в лучшей школе Империи, и поэтому они будут славить страну своим военным мастерством под командованием лучших или просто более удачливых, чем они.

– Тебе не страшно, – тихо промолвил Гайяр, словно почувствовал и увидел все, о чем только что подумал его новый ученик. – И тебе не жаль тех, кто остался в зале, когда я тебя оттуда забрал.

– Не знаю... – Феофан действительно не знал, безразлич-

на ли ему судьба сверстников, ему же недавно исполнилось только двенадцать лет.

– Если ты будешь вести себя разумно и не слишком высокомерно, а еще будешь хорошо учиться, то сегодняшний день – единственный, когда ты носишь одежду серого цвета. Она достанется другому мальчишке, чья судьба, возможно, будет не так благосклонна и ярка, как твоя. Но если ты пойдешь против традиций этой школы или станешь лениться, тебя выгонят, и возможности покаяться и вернуться у тебя не будет. Нечасто, но так иногда случается с учениками разного возраста. И еще никогда с теми, кого я выбрал. Не разочаруй меня, парень.

Серо-зеленые глаза Гайяра были строги, он не шутил и, вероятно, говорил что-то подобное не впервые. Этот учитель гордился победами своих учеников не меньше, чем собственными достижениями, поэтому разочаровать его было бы не ошибкой, а чем-то намного более страшным. Невзирая на свой юный возраст, Феофан это понимал.

– Я буду старательно учиться, – твердо заверил он.

За окном громыхнуло почти сразу после вспышки ветвистой молнии, отсвет которой на мгновение очертил серым светом большой каменный двор школы с фонтаном посередине.

– Ты издалека? – спросил Гайяр, устраиваясь на шкуре, коврикостраившейся перед камином.

– Из Гайзера... – мальчик сел на край черно-серой шкуры,

от тепла пламени его клонило в сон.

– Не близко, – с уважением кивнул учитель. – Я бывал там, прекрасный край. Ты хочешь домой? К родителям?

Феофан задумался. Да, он плакал, когда его силой забрали от родителей, и всем сердцем хотел домой, пока они ехали сюда в сопровождении имперских солдат. Но теперь... Здесь была совсем иная, непознанная жизнь, и она могла стать и его жизнью тоже.

– Нет, не хочу, – искренне ответил мальчик своему учителю. – Мои родители – рыбаки, и мой дед, и прадед... Чему другому они могут научить меня? А вы можете...

Он запнулся, ведь не знал, что еще ответить на такие вопросы. Гайяр улыбнулся, отблески от пламени в камине мерцали в его глазах.

– Хорошо, если так, – задумчиво сказал имперский учитель. – Мои ученики достигают великой славы в пределах и за пределами Империи. Я выбираю лучших. Ты в этом скоро убедишься. А еще я единственный из учителей этой школы, позволяющий своим ученикам называть себя по имени, ибо Имя – воплощение естества всего живого. Я же буду называть тебя именем, данным тебе родителями, хотя в школе у тебя будет другое Имя, которое озвучат завтра. Позднее ты поймешь, почему это так.

Серо-зеленые глаза Гайяра смеялись. Пройдет не так много времени, когда в руках его нового ученика окажется рубиновая звезда наивысшей власти. А сейчас усталый мальчик

просто спал на шкуре возле камина с зачарованным пламенем...

Феофан проснулся на рассвете и вышел на палубу, чтобы встретить солнце.

Но кое-кто пришел сюда первым. Возле фальшборта стоял Ярош Сокол, задумчиво глядя на море. Кто знает, о чем думал пират, что вспоминал, и какие сновидения приходили к нему в эти спокойные ночи.

С того раза пиратский капитан больше не разговаривал с имперским министром. Феофан чувствовал, что сейчас Ярош искренне ответил бы на его вопросы, и он бы точно узнал, правду ли тогда сказал ему пират, обещая не отдавать страшной смерти, или развлечение закончилось бы сегодня.

И если так, то это мог бы быть его последний рассвет. Но так хотелось еще хоть раз увидеть, как золотая волна утреннего света укрывает море, когда из-за горизонта появляется солнце...

Феофан не решился подойти к тому, от чьей воли сейчас зависела его жизнь. А Ярош молча стоял, наблюдая, как всходит солнце, будто действительно не замечая, что нынче не один смотрит на золотой мерцающий шар над спокойным морем.

Фея и Ангелочек играли в прятки и догонялки на корабле, когда белоперое создание притихло, спрятавшись в сплете-

нии веревок, и фея едва не налетела на подругу.

– Тихо... – прошептал Ангелочек. – Гляди...

Внизу на палубе собрались трое давних. Они о чем-то разговаривали с русалкой, которая подплыла близко к кораблю.

– ...значит, мы действительно идем к тому берегу? – переспросил русалку Харун.

– Да, – Ульяна качалась на волнах. – С таким ветром мы увидим его через три дня.

– Это нехорошо, – задумчиво сказала Марен. – Все мы знаем, что находится неподалеку от того побережья.

– Кому, как не тебе, Марен, нам о том подробно рассказать? – издевательски рассмеялся Странник.

Давняя горделиво посмотрела на него, но он выдержал ее взгляд.

– Прекратите, – вмешался в безмолвный спор Харун. – Мы все понимаем, что это за берег. И Яроша Сокола, похоже, тоже не тревожит проложенный курс. Каждый из нас был там и до, и после произошедшего. И ты, Тайрин, не обошел то место в своих странствиях. Некоторые пиратские капитаны тоже решились недавно там побывать, хотя и не вместе. Однако даже мне не хотелось бы приближаться к этому проклятому месту.

– Вы всегда можете сойти с корабля в любой гавани и оставить его команду на милость их общей судьбы, – насмешливо ответил Странник, которого Харун назвал Тайрином. – Мы давний народ, и наш путь не может переплестись с люд-

скими путями. Не делайте вид, что это не так.

Марен хотела ему ответить, но вслушалась в ночь, а потом глянула туда, где среди веревок спрятались два волшебных создания.

– Мы не одни, – улыбнулась давняя, и обратилась к фее и Ангелочку: – Нехорошо подслушивать чужие разговоры. Лучше найдите себе другое занятие.

– Но вы говорите о капитане! – возмутилась фея.

Маленькой фее, чья пыль на крылышках постепенно краснела, ответила русалка Ульяна.

– Мы часто говорим о капитане, о далеких землях и о прошлом. Особенно о прошлом, ведь оно многим снится, и пиратский корабль тоже видит те сны вместе с людьми, находящимися на его борту. Вы и правда нашли бы себе другое интересное занятие. И более безопасное, – она ласково улыбнулась, но зеленые глаза русалки оставались холодными, как сегодняшняя ночная вода.

– И точно! – толкнул подругу локтем Ангелочек. – Давай и мы посмотрим те сны! Не все же кораблю интересности отдавать!

– А то! Давай! Летим! – фея первой полетела вниз. – Кто больше интересных снов насобирает, тому и сладости! Итана вечером на день рождения Дыма делала, я видела!

– Я тебя догоню, хитрюга! – Ангелочек камнем упал на палубу, расправив крылья возле самой лестницы, ведущей вниз.

Давние только рассмеялись, глядя на их искреннее состояние, и вернулись к своим разговорам.

Понимая, что у нее есть фора, фея полетела к каюте, где жили Ольга, Виктор и Роксана. Люди спали, в ногах у Роксаны калачиком свернулся черный кот Сириус.

Фея сделала круг над взрослыми, с ее крыльев осыпалось немного сине-желтой пыли.

...Осень. По берегу неподалеку от воды идут двое, держать за руки. Они влюблены, у молодой женщины скоро родится ребенок. Большой живот заметен даже под верхней одеждой.

Ольга остановилась, наклонилась, чтобы поднять отполированный морской водой камешек шоколадно-бурого цвета.

– Все же будет иначе, Виктор? – прильнув к мужу, спросила Ольга. – Мы так желали поплыть в далекие края, а нас не отпускали родители. Не хотели, чтобы мы их оставили, променяв на чужие корабли. А теперь мы сами скоро станем родителями. Ребенок нас изменит, правда?

– Ничто нас не изменит, любимая, – он взял плоский камешек из ее руки и бросил в воду, камешек попрыгал по волнам и утонул. – Мы еще увидим мир. Я тебе обещаю!

Виктор подкрепил свое обещание поцелуем...

Почему-то фее подумалось, что этот сон, как и жизнь, общий для Ольги и Виктора, а их мечта таки сбылась, хоть и совсем не так, как они хотели.

Роксане же снилось совсем иное.

...В небольшой кузнице пылал огонь. В насыщенном багровом цвете пламени время от времени всплывали тени, будто лепестки сожженных в нем чужих жизней. Почему-то этот огонь, живущий в кузнице, с детства пугал девочку. Он был другим, не похожим на то ласковое пламя, на котором готовят еду, или тот, что оберегает людей от коварного зимнего холода. Этот огонь принадлежал войне, а еще легендам и сказкам, которые иногда вечерами рассказывал хозяин этого дома.

Сегодня кузнец, чьи серебряно-седые волосы поддерживал тонкий металлический обруч, не чинил домашнюю утварь своих соседей. Он ковал оружие – раскаленное до красноты лезвие постепенно светлело. Позже оно станет серебристым, как зеркало, где едва заметными всполохами будут отражаться страхи, ненависть и великодушие, станет тонкой гранью между жизнью и смертью...

– У тебя ко мне какое-то дело, Роксана? – глянув на девочку, спросил кузнец.

– Нет, я просто слышала, что вы скоро уедете от нас, мастер Арен, – грустно ответила Роксана, осторожно подходя ближе. – Я никогда не видела, как рождается оружие.

Кузнец усмехнулся, услышав, как она его назвала: качнулся огонь, помогающий ему, будто тоже тайком смеясь над услышанным.

– Ты правильно говоришь, Роксана: оружие рождается. Всегда для чего-то, хотя обычно для войны. Когда оружие проигрывает в поединке, оно ломается, но иногда все равно не умирает. В мире много живого, что люди привыкли считать мертвым. Да, я уеду через неделю. Сегодня последний вечер, когда я буду рассказывать вам сказки, – Арен снова улыбнулся, не переставая работать. – Правда ты уже взрослая для сказок, Роксана.

– Старшие тоже их слушают! – обиделась девочка, вот только наблюдать за рождением оружия было так интересно. – Ты расскажешь нам снова о кораблях с черными парусами? – она разволновалась и невольно обратилась к взрослому так, как если бы говорила с другом.

– Может, и расскажу, – согласился кузнец.

От удара его молота по раскаленному металлу рассыпались искры – разноцветные, живые, удивительные драгоценности, которыми войны расшивают свои одежды во все времена...

Но вечером дети напрасно ждали своего последнего сказочника, ведь других в прошлые годы провели в последний путь их друзья, соседи или родные. В кузнице до утра не гас свет, а днем, ни с кем не попрощавшись, мастер Арен исчез из их городка...

Фея почувствовала движение, отвлеклась, и видение чужого сна поблекло. На нее с укором смотрел черный кот Си-

риус, будто хотел пригрозить: "Что ты такое задумала? За чужими сновидениями подсматриваешь! И не стыдно тебе?.."

Обиженная фея вылетела из каюты.

А тем временем Ангелочек летал по нижней палубе, где мирно спали мужчины. Волшебное создание уже успело поймать обрывки нескольких снов. В основном они были обычными. Берн охотился на оленя, загоняя его для какого-то господина. Дэниэл крал яблоки в соседском саду. Бенедикт вспоминал, как отплыл из большого порта, начиная свой миссионерский путь. Константину снилось, что он снова стоит в классе перед своими любознательными учениками.

Владимир во сне работал, только работа у него была нудная, и поэтому на обрывках бумаги он тайком рисовал зверей и птиц, а еще много удивительных цветов. Только те рисунки он не хранил, боялся, что кто-то может найти и осмеять его. Недобрых людей вокруг всегда было много...

Работа менялась часто, ведь каждой Владимир не мог до остатка посвятить себя. Годы брали свое, сил становилось меньше, семью он так и не создал, многие друзья либо уехали, либо болели или даже уже умерли. Нужно было как-то жить, и Владимиру ничего не оставалось, как стать дворником.

...Тот день был необычным. Ночью шел сильный дождь, ураганом в городе выкорчевало много деревьев. От стихии

сильно пострадал и парк отдыха.

Владимир задумчиво мел дорожку, освобождая ее от сломанных веток. И вот метла дошла до россыпи белых и черных перьев.

Мужчина присел, рассматривая перья. Вероятно, здесь с кем-то сцепился ворон. Птицы сражались насмерть, хотя крови и не видно, но ее могло смыть дождем. И сейчас была морось.

Белые и черные перья. Свет и тьма. Хотя нет, белые перья слишком холодные, почему-то мороз шел по коже, даже когда смотришь на них и еще не касаешься. Но и черные не привлекают к себе, они полны дикой силы, и будешь глупцом, если не учтешь это...

Владимир отогнал непрошенные странные мысли. Что-то важное и невероятное случилось в парке сегодня ночью или еще вчера, когда начался сильный дождь. Важное снова обошло его стороной, впрочем, все значимое проходило мимо него всю жизнь. Было обидно и горько от осознания, что жизнь прошла зря.

Мужчина растерянно сгреб в кулак черные перья.

"Ну, почему?.. Почему так всегда?.. Чем он виноват перед миром, что тот не обращает на него внимания, не дарит ни настоящей радости, ни искренних друзей, ни опасностей, о которых хотелось бы рассказывать другим, когда выберешься из передраги?.. Почему?.."

Черные перья были мягкими и теплыми, но они все рав-

но отправились в мусор. Белые перья он метлой смел на кучу. Когда немного подсохнет, все это он, как всегда, сожжет. Но вечером, после работы, когда ноги привели задумчивого Владимира снова в парк, фонари погасли.

Дорога во мраке вела по совсем иным улицам...

– И что там у тебя?

Фея подкралась к своей подруге так неожиданно, что Ангелочек отдернул руку, которой касался небритой щеки Владимира.

– У меня кое-что интересное есть, – шепотом похвасталась фея. – Я видела сны Роксаны, Ольги и Виктора – им снится Элигер. А еще сон Катерины... она рано осталась сиротой. Я не знала... И сон Ирины... Знаешь, почему она так любит море? Ведь ее к тому приучила бабушка: родители допоздна работали, она часто приводила внучку на берег, а сама сидела на камне и вязала шали да носки, которые продавала на базаре. Ирина играла одна, для нее море было единственным, к кому, кроме бабушки, она могла обратиться.

– Подруга, тебе не кажется, что мы делаем что-то плохое? – тихонько, чтобы не разбудить людей, спросил Ангелочек. – Мы действительно подглядываем в их мысли и прошлое, о котором они, может быть, и не хотели бы никому рассказывать.

– Ты такая нудная! – тихонько хмыкнула фея, но почему-то сразу загрустила. – Но, наверное, ты права... Я видела

еще два сна. Плохие сны... Страшные...

Я видела, как Жан-Поль ссорится с отцом. Жан-Поль молодой, не такой, как сейчас... Он толкнул отца в гневе, и тот упал, ударился головой о мраморный край стола. Жан-Поля судили, но оправдали, он быстро учился драться и управлять своим имуществом, а потом... – фея умолкла. – Он многое делал, за что его могли бы судить снова. Я удивлена, что капитан взял Жан-Поля на корабль...

– А другой сон? Чей он? – Ангелочек взял подругу за руку, успокаивая, и вместе они полетели к выходу, оставляя спящих людей.

– Другой сон товарища Зорин – Дельфина. Ты хотя бы знаешь, кто влюблен в нее, подруга? Почему он только наполовину человек? Когда-то разбойники пленили певца. Они хотели, чтобы чародей играл для них, ведь впереди пиратский корабль ждал тяжелый переход между скалами. Пленник отказался, зная, что разбойники собирались напасть на селения на северном побережье, и для того, чтобы остаться незамеченными, им и необходимо пройти опасным путем, не повредив корабль.

Капитан того корабля был жестоким. Они привязали певца к мачте и несколько дней не давали ему еды и воды, пока тот не начал молить о пощаде. Но когда его отвязали и вложили в ослабевшие руки инструмент, чародей отомстил разбойникам, закланной песней превратив всю команду в дельфинов.

Сам певец погиб – капитан застрелил его, как только отзвучали звуки песни, которая временно защищала своего творца. Корабль тоже не пережил этот день, попав в водоворот между скалами. Его раскололо и затянуло в глубину вместе с капитаном. Дельфину теперь это снится.

Фея делала себе гнездышко из размотанной веревки и чайчьего пуха, надеясь, что увиденное не придет в ее собственные сны.

– Подруга, мне страшно представить, какие сны могут видеть Ричард, Юран или пиратские капитаны... – шептала, засыпая, фея, удобно устроившись в своей кровати. – Не будем так больше делать, хорошо?

– Хорошо, спи, – согласился Ангелочек, укрывая подругу серым пером чайки, как одеялом.

Перья... Черные вороны перья... Почему-то они не уходят из мыслей, и даже страхи не затмили ощущение чего-то такого близкого...

Ангелочек глянул вниз, где, опираясь спиной о мачту, спал Макс.

– Плохо сторожишь, парень, – усмехнулся Ангелочек. – Но что-то же тебе снится...

...Макс проснулся, почесав щеку, на которой выросла двухдневная щетина. Он заснул за столом на тетради с карандашом, поэтому карандаш просто отпечатался на лице.

Молодой мужчина зевнул, взлохматив нечесанные волосы,

полез под стол за бутылкой пива. Там всегда стояла не откупоренная бутылка, но сегодня ему не повезло: полных бутылок не осталось.

Недовольно крикнув, Макс направился в ванную комнату. Хотя ночь, но таким чучелом по квартире ходить не годится. Умывшись, Макс, все еще прижимая мокрое полотенце к голове, раскалывающейся от боли, вернулся в комнату.

На столе сидела красивая женщина. Ноги, как говорят, от ушей, да она их и не прятала под длинной юбкой, выбрав для себя джинсовое мини. Волнистые темные волосы собраны в хвост, но все равно такие густые, что закрывают плечи, длинные ресницы скрывают глаза. Макс не сразу понял, что странная гостья листает его тетрадь.

– Положи, где взяла! – возмутился парень, вмиг забыв, как секунду назад тарашился на нее.

Женщина медленно, с чувством собственного достоинства, закрыла тетрадь и положила на стол. Поменяла ноги, сев немного боком, чтобы было видно, что она в дорогих чулках, будто небогатый парень мог знать в этом толк.

– Не нравлюсь? – соблазнительно спросила гостья.

Макс хмыкнул, бросив мокрое полотенце на не застеленную постель.

– Ты откуда взялась? Этаж-то десятый.

– И правильно, что не нравлюсь, – не обратив внимания на замечание об этаже, женщина спрыгнула на старый, поточенный молью ковер, где еще можно было разглядеть цен-

тральный цветок.

Красавица подошла к нему, провела пальчиком с длинным разрисованным ноготком по щеке Макса. Парень вздрогнул.

– Ты холодная, – он отвернулся.

– Потому что я не человек. Я муза. Твои стихи красивы, поэт. Хочешь, я буду твоей музой?

Она отступила, но Макс не решился обернуться, ему казалось, что вместо красавицы он увидит чудовище.

Женщина рассмеялась, совсем не холодно, а даже приветливо.

– Угости гостью чаем, Макс. Я не кусаюсь.

Они сидели на кухне, пили чай с желтоватыми кусочками сахара, из того запаса, который Макс привез от бабушки из села еще мальчишкой. Бабушка уже отправилась в рай, а запас заканчивался только сейчас. Больше к чаю ничего не было.

– Макс, ты талантливый поэт, но слава не осияет тебя, ее подманивают смелостью, а не нытьем, – приветливо заговорила черноволосая красавица. – В тебе есть смелость, но на самом доньшке души. Ты слишком редко ее показываешь людям. Здесь счастье не ждет тебя, ты женишься только потому, что почти прошла молодость, у тебя родятся дети, но ты не будешь их любить, ведь телевизор заменит тебе их смех, а игры заменят им твою отцовскую любовь, да и работу ты по душе не отыщешь.

– Зачем ты говоришь мне это? – стукнул кулаком по столу Макс, едва не перевернув чашку с недопитым чаем. – Кто ты такая, чтобы над людьми насмеяться?

Женщина утопила улыбку в глоточке холодного чая.

– А кто ты, что еще не подпустил к себе мысль, будто сошел с ума или видишь странный сон? Кто ты, что запросто со мной разговариваешь, не стараясь понять, как я оказалась в твоей квартире, если этаж десятый, а дверь ты всегда запираешь? Может, проверишь дверь?

– А это что-то объяснит? – Макс дотянулся до печки, чтобы подогреть чайник.

– Нет, не объяснит, – она задумалась, прежде чем продолжить. – Но есть твое счастье, хоть и не здесь. И женщина, которую ты полюбишь с первого взгляда, Мэри ее зовут, и счастливая, хоть и не богатая семья, и работа, где нет начальника-самодура. Мэри живет в твоём городе в трех кварталах отсюда, но здесь вам познакомиться не суждено.

– И где эта счастливая земля, где я могу встретить свою любовь? – не поверил ей Макс.

– В мечтах или в сновидениях, или в параллельном мире, как сейчас говорят. Какое это имеет значение, Макс, если ты действительно желаешь попасть туда?

Красавица поднялась.

– Ты уходишь? – вскочил Макс. – А как мне попасть в тот... параллельный мир? Что для этого нужно?

– Что для этого нужно? – переспросила женщина, внима-

тельно вглядываясь в его глаза, снимая покровы с души, так старательно сплетенные за годы жизни покровы, до крови срывала, до настоящего естества.

Макс задохнулся, схватившись за сердце.

– Ты поэт, потому я пришла к тебе в реальности, а не на-
меком интуиции, – властно сказала женщина, потрянув воло-
сами, заколка упала, освободив темные волны прядей. – У
тебя хватит сил пройти осознанный путь. Но в том мире не
до стихов тебе будет, ибо мечи там не воображаемые. Да ведь
и ты сам, гордясь собой, писал, что слово – это самое острое
лезвие.

– Я никогда не держал в руках оружия, – сердце отпусти-
ло, даже свободнее дышать стало.

– И стихов ты когда-то не писал, – усмехнулась женщи-
на. – Выйди в ночь, пройди через город, отринув всю свою
жизнь. Это не сложно, когда друзья неискренни, а близких
не осталось. За городом есть старое кладбище, пройди через
него, а там я встречу тебя, заберу свое украшение.

Макс отшатнулся, подумав, что это смерть к нему загля-
нула. Женщина засмеялась, снова холодно и безжалостно.

– Боишься! Кого боишься больше: покойников или злых
людей, ходящих по ночным улицам, отыскивая жертву для
грабежа? Прощай!

Женщина обернулась вороном и вылетела через откры-
тую фрамугу в комнате. Макс побежал за ней, он не помнил,
чтобы открывал окно. Дождь заливал в квартиру, по столу

текли ручейки, подбираясь к тетради со стихами.

Макс схватил тетрадь, прижав свое самое ценное сокровище к груди. Потом, отойдя от шока, закрыл окно, вытер воду, помыл посуду, а черную заколку, украшенную мелкими синими и зелеными драгоценными камнями, положил на холодильник. Он не знал, как называются эти камешки. Но в ливень через город к кладбищу он не пойдет...

Макс проснулся. Сон во сне. Сон-воспоминание трехгодичной давности...

Он ехал в метро. В поздний час в вагоне, кроме него, домой возвращалось с полдюжину людей, тоже утомленно клевавших носом.

Шуршание метро всегда навевало Максиму странные сновидения. Один раз ему даже приснилось, будто в вагоне едут не люди, а призраки в старинных одеждах.

Мигнул желтый свет. Напротив парня сидела черноволосая женщина, держа сову на руке. Но казалось, кроме Макса ее никто не замечает, окунувшись в сон.

– Привет, Макс, – сказала женщина. – А я ждала тебя под дождем до самого рассвета.

– Извини, – скривился Макс.

За три года жизнь очерстила его сердце, да и стихов приходило все меньше. Уже шесть недель он вообще ничего не писал.

– Извиняю, – женщина отпустила сову, и птица перелете-

ла на поручень. – Ты ищешь смерти, Макс, думая, что она – это я. Почему ты хочешь умереть?

– А зачем мне жить? – криво усмехнулся мужчина. – Все так, как ты напророчила: я уже подумываю о женитьбе, но женщины подходящей не нашел, а молодость уходит. Я не умереть хочу, а сбежать. А сбежать можно только через смерть.

– Не только, – она снова заглянула ему в душу, но больше не мучая, не стараясь выведать все потаенные мысли и стремления. – Так потому ты носишь с собой мое украшение? Потому трижды в неделю учишься фехтованию? – грустно улыбнулась красавица. – Есть много путей. Некоторые ведут в прошлое. Ты же не родился в этом городе, родители переехали сюда, когда ты был очень маленьким. Но ты помнишь, каков на вкус полевой ветер, и как бежишь через подсолнухи, закрывающие небо над головой, а тебе кажется, что это много солнц... Неужели ты забыл об этом?

Макс опустил глаза, он не мог на нее смотреть.

– Не забыл. Но разве это все имеет значение? Нашу мазанку сровняли с землей, когда мы продали дедов дом. А речка, где мы с отцом ловили рыбу, пересохла.

– Есть много путей, Макс, – повторила красавица. – Отдай мое украшение, ибо больше я не вернусь.

Макс вытащил из нагрудного кармана заколку, не вставая, протянул ей. Пальцы женщины были по-прежнему ледяными.

– Поезд остановится между станциями. Двери откроются, но того, кроме тебя, никто не почувствует, – быстро говорила красавица. – У тебя будет минута. Сам поймешь, какая из этих дорог – твоя.

Снова мигнул свет. Напротив Макса все сидения были свободны. Поезд набирал скорость, заложило уши.

– Снова сон, – тихо, немного разочарованно сказал парень, закрывая глаза.

Но поезд медленно тормозил перед станцией. Дернуло, поезд стал. Макс открыл глаза, когда с шипением разъехались двери.

За дверями была станция, обычная станция, мощенная гранитом и облицованная розовым мрамором. Колонны из камня цвета спелой вишни подпирали потолок. Тут никто не выходил и не пытался сесть.

Макс поднялся. Со станции повеял ветер, но не мертвый, не вылетающий из метро, а свежий, морской. Бросив рюкзак, Макс шагнул к дверям, под ногами трещал песок, задутый ветром в вагон. Веря в чудо, он вышел на станцию. Двери сразу закрылись за ним, а поезд, набирая скорость, мигнул красными огнями в туннеле.

Таяли колонны, толстел слой песка под ногами, пока парень не вышел на морской берег. Макс оглянулся: за ним на старой пологой горе раскинулся небольшой городок, где самые высокие дома были трехэтажными...

В вагоне проснулась девочка, стянула синий бант с косы.

– Завяжи, мама?

Молодая мама, зевая, взяла синюю капроновую ленту.

– Мама, – девочка смотрела на брошенный рюкзак на соседнем сидении. – Тут дядя был. Где он?

Мама глянула туда, куда смотрела дочурка, зевнула, прикрывая рот рукой, ведь ей после слишком долгого рабочего дня очень хотелось спать.

– Так он на закрытой станции вышел, – не придумала ничего лучшего для объяснения молодая мама.

– На закрытой?! – с восторгом вытаращилась на рюкзак девочка и обернулась к маме. – А почему она закрытая?

– Потому что там призраки живут. С клешнями и загнутыми когтями по десять штук на одной лапе! – мама была уже не рада, что придумала закрытую станцию. – Не бери близко к сердцу, Мэри.

Но девочка ее уже не слушала. Она прилепилась к окну, забравшись на лавку с ногами. Ей казалось, что за скорым поездом по туннелю метро мчится птичья тень.

Макс проснулся, но теперь над головой ветер наполнял черные паруса. Он заснул на вахте, и будет стыдно, если об этом кто-то узнает. Но сон сморил не только его: на груди у парня мирно спало белоперое создание.

Осторожно положив Ангелочка на палубу, Макс поднял-

ся. Вдалеке синел берег, к которому направлялся пиратский корабль. Они наконец-то достигли земли...

Вспомнилось, не верится, что так было, но вспомнилось же... Макс не понимал, как мог жить в том мире метро и небоскребов, не зная плеска морских волн и чистых утренних солнечных лучей, не зная свободы и дружбы.

Глава 21

Путь к морю

Жители рыбацкого поселка не испугались прибытия пиратского корабля, напротив – обрадовались, охотно согласившись помочь починить мачту и подлатать паруса. Ремонт корабля шел полным ходом, и скоро можно будет снова выйти в открытое море. Пиратов принимали очень гостеприимно, будто людей не страшил гнев имперских прислужников.

Да и по ощущениям поселок напоминал Ярошу городок в Элигере, где он встретил стольких интересных людей. Здесь тоже властвовала свобода, словно между Империей и приморским поселком пролегла сияющая граница, ослепляющая звериные глаза.

– Здравствуй, пиратский капитан, – обратилась к Ярошу немолодая черноволосая женщина, одетая в скромное серо-коричневое полотняное платье.

Она ничем не отличалась от здешних жителей, если бы не

глаза, глубокие и очень серьезные, словно в ее голове были не только мысли о хозяйстве или хорошей погоде для жатвы.

– Я ждала тебя, пиратский капитан. Надеюсь, что у тебя хватит мужества еще раз вернуться на этот берег, – женщина склонила голову в знак почтения. – Твои поступки говорят сами за себя, а за добро нужно воздавать добром.

– Кто ты? – внимательно глядя на женщину, которая ему кого-то напоминала, спросил Ярош.

– Приходи в мой дом сегодня ближе к вечеру. Люди скажут, где я живу.

Она снова склонила голову, прощаясь, и ушла. Ярош остался один, но на размышления о приглашении не было времени. Он еще многое должен успеть сделать до вечера.

На небольшой деревянной пристани дети с пиратского корабля устроили соревнование. Дельфин катал детей, вывозя на спине в открытое море, где их ждала русалка Ульяна. И наперегонки они плыли к скале. Дети просто сияли от счастья.

Тимур и Юрий делали очередной заплыв, пока девочки отдыхали. Полина, стоящая немного поодаль от Роксаны, расчесывала мокрые волосы: она была первой, кто победил русалку в скорости.

– Пойдем, поплаваем! – обрадовалась Роксана, увидев, что к ним идет Димон. – Вода необыкновенная!

Дым снял ботинок, пальчиком попробовав воду, вздрог-

нул.

– Холодная.

– Холодная? – удивилась Полина. – Классная вода, не выдумывай!

– Холодная! – упрямо крикнул Дым.

– Да прекрати, Дым, не вредничай, – Роксана хотела взять его за руку, но Димон оттолкнул девочку и убежал.

Роксана упала с пирса и больно ударилась об воду.

– Не утони, подруга, – Рита, подплывшая к пирсу, помогла ей вынырнуть.

– Вот зараза... – Роксана закашлялась, наглотившись воды. – Я его еще поймаю!

Вместе они вылезли на пирс.

– А ты где была? – смерив светловолосую подругу заинтересованным взглядом, спросила Роксана.

– Плавала далеко. Хочешь со мной?

Роксана молча кивнула, все еще обиженная на подлого маленького вредину.

Рита плавала на глубину сама, без Дельфина. Роксана собиралась уже сегодня и самой отважиться на такое.

Домик прицепился на самом краю скалы. Маленький, с резными ставнями, а на коньке к небу задрал голову деревянный петух на фоне резного солнца.

Ярош постучал и вошел.

На вид дом старый, но внутри очень уютно. К балкам под-

вешены пучки травы, на полках зелья, даже черный кот есть, спит на лавке. Обычное жилище ведьмы, каким его представляют люди.

Хозяйка, сидевшая возле окна, поднялась, встречая гостя. Сейчас ее волосы были не собраны, свободными темными волнами падали почти до пояса.

– Когда я спрашивал, где ты живешь, люди тебя ведьмой назвали, – поздоровавшись кивком, сказал Ярош.

– Ведьмой, – лукаво подтвердила она. – Я починила ваш парус. Поглядеть не желаешь, пиратский капитан?

Ярош осмотрелся. Паруса в домике не было.

– Не так смотришь, пират! – молодо рассмеялась хозяйка. – Хотя иначе смотреть умеешь.

Теперь уже улыбнулся пират: ведьма ему еще больше кого-то напоминала, но он не мог вспомнить, кого именно.

– Умею, чародейка, показывай.

– Пойдем, здесь не увидишь, – ведьма жестом предложила ему выйти на улицу.

Во дворе их ждала темноволосая девушка. Не местная, но глаза сияют колдовством.

– Мэри, ученица моя, – объяснила хозяйка. – Из города пришла, из далекого города, где дома до неба. Увидела чудо, и пришла сюда... Помоги нам, милая.

Мэри послушно кивнула. Сколько ей лет? Не больше двадцати, а печали в глазах на целое столетие хватит...

Ведьма открыла шкатулку, которую прихватила из доми-

ка, и потянула из нее легкую ткань, давая один край девушке.

Темная ткань замерцала под солнечными лучами живыми зелено-золотыми звездами. Ярош давно не видел таких чудес.

– А ночью они серебряные, – несмело сказала Мэри.

– Теперь это твой самый большой парус. Самый крепкий, что будет оберегать твой корабль от чародейства и бурь, ловя попутный ветер, – глаза хозяйки снова блеснули лукавством моря. – Другие паруса я сегодня сплету из ночи и звездного света. Так примешь мой подарок, пиратский капитан?

– Приму, – согласился Ярош, ведя обветренной ладонью над зачарованной тканью.

На берегу стояла Ирина, смотрела, как на корабле снимают изувеченные паруса, когда ее неожиданно позвали. Не по имени, но женщина оглянулась.

Парень смотрел то на нее, то на фотографию. В нескольких шагах от него стояла пестрая компания, не скрывающая своего восхищения увиденным.

Сашка перевернул фотографию, показав ей изображение. На фото Ирина застыла в пол-оборота, так же, как когда ее позвал Сашка, словно снимок был сделан именно в этот миг.

Марен нагнала Яроша, когда он спускался по склону, возвращаясь от ведьмы. Казалось, она совсем не меняется, в отличие от других членов команды, – даже дети немного под-

росли. Темные волосы давней такие же короткие, но лицо немного загорелое, – время снова имело над ней власть.

– Я искала тебя, Ярош, – сказала Марен.

– Что-то случилось? – пират остановился.

– Посмотри, кого ведет Ирина, – Марен указывала на людей, приближающихся к поселку. – Среди них есть и давние.

С холма их уже можно было разглядеть. Каждый из компании новоприбывших выделялся, но как-то по-особенному. Сашка старался выглядеть решительно, Луизина красота просто очаровывала, но наиболее долго взгляд останавливался на Вейне, седом сказителе и Саиде.

– И кто они? – Ярош повернулся к Марен. – Кто из них из твоего народа?

Марен улыбалась.

– Они наши друзья, Сокол. А мой названный брат – парень с черными кудрями. Как Мать, как Харун, мы все из давнего народа, только разные пути избрали. Он огонь, хотя и человеческого в нем много.

– Огонь? – Ярош смотрел на людей, которых встречали Анна-Лусия и София.

– Огонь жизни, как Мать была животворной водой. В Имперской школе у командиров отбирают Имена, но из сердец обычных солдат вынимают именно этот огонь, без которого жить по-настоящему нельзя, зато и боли не чувствуешь. И только министрам всегда возвращают настоящие Имена, ведь слишком много чар на них держится, и поэтому они

должны быть свободны и в поступках, и в ошибках, хотя у них самих нет способностей к чародейству. Единственные люди в Империи, у кого есть и власть, и свобода.

София оглянулась и, увидев на холме две фигуры, указала Сашке на них. Понятно, о чем спрашивал парень.

– Скажи, Марен, – глядя на этих новых странных людей, спросил Ярош, – кто из давнего народа дал мне карту сокровищ Призрачных островов?

– Это мог быть кто угодно из нас, ибо давний народ умеет превращаться в кого пожелает. Лишь тот, кто сумел ранить давнего, узнает его в любом обличье. Но я могу заверить тебя, что на "Диаманте" нет того, кто дал тебе карту.

Ярош усмехнулся этим словам, получив подтверждение своим мыслям, но оставался еще один вопрос.

– Марен, я хочу спросить тебя о Харуне. Я часто не вижу его, иногда мне кажется, что твоего товарища вообще нет на корабле. Как такое может быть?

– Иногда люди вспоминают своих еще живых, но забытых богов, возвращая их в свое время, – тихо ответила Марен, не глядя ему в глаза. – Это я теперь свободна от любых обещаний. Пойдем, встретим их, капитан. Думаю, глаза этих людей тоже светятся морем.

Ярош и Марен поравнялись с друзьями Сашки и Ириной на выходе из поселка. Остановились, смотря друг на друга, не изучая, а молча поздравляя с пройденным путем. Все они долго шли к этому берегу.

– Эти люди ищут корабль с черными парусами, – сказала Ирина, подавая капитану фотографию.

Но как только Ярош коснулся зачарованной фотографии, она превратилась в серокрылую чайку и полетела к морю.

– Вы нашли этот корабль, – ответил пиратский капитан.

Только Джонатана не было с Сашкой. Призрак не пошел с ними в поселок. Словно что-то не пускало его. Он незаметно отплыл в сторону, когда синеглазая девушка повела всю компанию знакомиться со своим капитаном. Задумавшись, будто растворившись в мыслях и золотом солнце, клонящемся к морю, призрак присел на скале, где заканчивался сосновый лес, и за пропастью начиналось море.

Там его и нашла Мариан, опустилась рядом. В золотом свете Джонатан не казался прозрачным.

– Ты жива, Мариан, – не оборачиваясь к ней, сказал Джонатан. – Как возможно, что ты жива, когда я видел?..

Он не договорил, слишком тяжело было вспоминать тот день, когда Мариан превратилась в привидение, и Химера забрала ее с собой.

– Тише, любимый, – женщина приложила палец к его устам. – Ты не видел ничего. Забудь. Этого не было. Я слышала, в видении советник Императора беспокоился, что Море может смывать наши клятвы, данные Империи, ибо оно старше любой власти. Море освободило от присяги меня, вернув к жизни, освободит и тебя, если ты того пожелаешь.

Джонатан повернулся к воде, горячее солнце золотило его совсем не призрачную кожу.

– Я не верю, что так просто...

Мариан взяла любимого за руку, не дав договорить, пригнула к себе и поцеловала. Джонатан ответил на ее поцелуй, обняв женщину.

Не было цветных волн, как от чародейства Матери, и тело призрака почти не уплотнилось, только одежда на нем стала настоящей, не изменчивой, и отросли усы. Но менялось море, становясь расплавленным золотом, по которому шли ярко-розовые и оранжевые волны.

Мариан и Джонатан сидели на краю пропасти, глядя на это удивительное море, ничего не говоря, лишь радуясь, что снова могут быть вместе.

Но солнце быстро спряталось, окрасив воду в темные цвета. На землю легла ночь.

Сашка и Ярош сидели за столом небольшого постоянного двора, и парень рассказывал о шаре с проклятьем Кристофера и призрачных слезах Джонатана, о чарах Али, вложенных в фотографии, и о Мертвом городе, об ужасном огненном звере, правдивых сказках и зеркале в доме имперского солдата Арсена. Рассказывал обо всем, что с ними случилось, ничего не скрывая, а Ярош Сокол не перебивал его пылкой речи, ничего не спрашивал, лишь иногда улыбался или грустил.

А когда Сашка пересказал все, чувствуя, как осип голос, капитан просто посмотрел на парня и искренне сказал:

– Молодцы, что не побоялись идти к морю издалека. Ты уже говорил с волнами?

Сашка покачал головой.

– Пойдем, парень, я покажу тебе, какое море на самом деле.

Ярош поднялся и пошел на улицу. Сашка последовал за ним.

К Феникс, что из-за соседнего столика наблюдала за парнем и капитаном, подошел Саид. Феникс отшатнулась, ее волосы подсветило огнем.

– Чего тебе? – зло спросила она у Саида.

– Пламя в тебе пылает. Но пламя темное, отравленное, – тихо сказал молодой сказитель, кем так любил становиться давний, его глаза тоже засияли угольками в глубине. – Жжет тебя этот яд, как кровь, которой тебя поила вампирша, чтобы раны твои исцелить. Негоже фениксу брать жизнь из крови, а не из чистого солнечного огня.

Феникс встала, гордая и опасная. Кончики черных волос были окутаны трескучим пламенем.

– Только посмей рассказать Ярошу, чужак... – предупредила она.

– Не расскажу, – улыбнулся Саид. – Никому не расскажу, Феникс. Но не вечно тебе носить отравленный огонь в сердце. Если хочешь, освобожу тебя от этой отравы: пусть тебе

будет нестерпимо больно, но к тебе вернется радость свободы. Выбор за тобой, Лили. Или же все-таки Феникс?

– Убирайся, – тихо ответила Феникс. – Мне не нужна помощь. Ни от тебя. Ни от кого-то другого.

– Твоя воля, – дикий, но укрощенный огонь угасал в его черных глазах. – Но этот пламенеющий напиток причинит тебе и твоим друзьям много бед.

– Убирайся, – повторила Феникс.

Саид кивком попрощался с ней, ушел. А Феникс заказала себе ром, чтобы выпивкой погасить отравленный огонь, о котором сказал чужак. Огонь, так глубоко проникший ее душу, что только живое пламя смогло разглядеть его тление под толстым слоем пепла.

Луна выплывала из-за туч, укрывая землю серебристым льдом. Шелестела листва в саду ведьмы, теряя с ветвей листочки под легким осенним ветерком. Хозяйка ткала серебряную нить из лунных лучей, нею же резала ночное полотно и сшивала его в паруса, и вышивая на них волшебные звезды. А вишневый черенок из ее сада становился то ткацким челноком, то веретеном, то иглой.

Мэри помогала ей.

Макс поднялся на холм, где стоял одинокий дом. По саду гуляли странные огни. Без страха мужчина направился туда.

Он видел, как две женщины складывают в шкатулку большие полотна, тонкие, словно настоящий шелк. Старшая за-

брала шкатулку и пошла к дому, мужчина спрятался за деревом, чтобы ведьма его не увидела. Ведьма прошла совсем рядом.

Макс выглянул: девушка не исчезла. Низенькая, волосы темные, а может, это ночь их такими делает. Мэри сложила руки, ухнув по-совиному, и большая сова подлетела к ней, села на низкую ветку.

– Охотилась, подруга? – спросила Мэри у птицы, глядя пышное оперение.

Макс чуть не упал. Это была та самая сова, которую он видел тогда в вагоне метро!

Мужчина пошел к девушке, но споткнулся о камень и растянулся на земле. Мэри подбежала к нему.

– Ты не ушибся? – слетело с ее уст, прежде чем их взгляды встретились.

Девушка ахнула. Макс поднялся, не отряхнув грязь, сердце защемило непонятным, неизведанным чувством.

– Я видела тебя, – как-то равнодушно сказала Мэри. – Она...

Девушка повернулась к сове, но птица уже улетела. Мэри ухнула, да только сова не вернулась.

– Не нужно, Мэри, – Макс накрыл ее руки своими, мешая снова звать сову. – Она не вернется. Познакомила нас и сбегает.

Мэри обернулась к мужчине, которого видела в зачарованном сне, подаренном женщиной с совой.

– Она не сбегает, Макс. Мы же не одни такие, – Мэри смотрела в звездное небо, будто в зеркало своей оставленной жизни. – Я десять лет ждала, когда откроются двери на закрытой станции. А тогда еще много дней шла по дорогам нашей большой страны, чтобы добраться сюда. Сова летела передо мной и вела безопасными дорогами.

Макс несмело обнял Мэри. Как странно знать, что твоей суженой уже известно твое имя...

– Вы не поедете? Как вы можете не поехать?! – не сдерживал чувства Сашка.

Ветер ерошил его русые волосы, бросая пряди на лицо, но растерянный парень этого не замечал. Луиза, Эмиль, Жак и старый сказитель стояли перед ним.

– Пойми, Сашка, – попробовал переубедить его Эмиль. – Мы шли к морю. Мы пришли к морю. И хотим здесь остаться. Зачем нам какие-то непонятные сокровища, когда нам и без них уютно и хорошо здесь?

Саша с чувством махнул рукой: не понимаете вы! Не понимаете, о чем шепчет волна, когда стоишь на палубе корабля, пусть он и не в открытом море! Не понимаете!..

– Сашка, – ласково говорила Луиза. – У меня не может быть своих детей, а Жак стал мне вместо сына. Я люблю его и не могу подвергать опасности, а опасность будет подстерегать вас ежедневно.

– А я слишком стар для таких путешествий. Странствуйте вы с Вейном и Саидом, я же буду радовать человеческие сердца сказками и пением, – седой сказитель улыбался: здесь и он нашел покой.

– Но Олекса же пойдет с нами...

Сашка сел на высохшую траву, растерянно посмотрев на друзей, с которыми разделил столько испытаний.

– Не плачь, Сашка, – Жак обнял его. – Мы тебя каждый день будем вспоминать.

– Я не плачу, – парень тоже обнял ребенка, но его глаза предательски блеснули.

– Наши пути привели нас сюда, юноша, – тихо сказал сказитель. – Наши, но не твой. Не печалься: кто-то идет дальше, кто-то остается. Даже в сказках так поется. А приключений выпадает всегда столько, сколько ты можешь запомнить...

Не один Сашка прощался со своими друзьями. Макс просил у Яроша разрешения сойти на берег.

– Ее я искал, – уверенно говорил молодой мужчина. – Со-кровища больше не манят меня, а приключений мне стало достаточно еще во время битвы с имперским кораблем. Я почувствовал тогда, что родился, чтобы писать стихи, а не воевать. Прости, капитан, но мое сердце хочет быть на этом берегу.

Ярош ничего не сказал, открыл компас. Стрелка закрутилась, указав направление.

– Оставайся, друг, будь счастлив с этой девушкой. Пусть дети твои станут или пиратами, или чародеями, или певцами, которым не найдется равных. Я буду просить Море об этом.

– Макс...

Рядом с ними стояла Роксана, такая обиженная, будто это ее против воли оставляли на берегу.

– Ты не можешь, Макс, ты взял меня на корабль...

Казалось, сейчас слезы просто польются из ее глаз, девоч-

ка насупилась, стараясь удержаться, чтобы не разреветься.

– Роксана, – Макс растерялся и не догадался подойти к ребенку, объяснять Ярошу, взрослому, было намного легче. – Помнишь, я когда-то говорил тебе, что мы очень похожи? – девочка кивнула, чем немного обнадежила товарища. – Я был таким, как ты, но свой шанс воплотить в жизнь потаенные мечты я утратил. Это путешествие для меня как подарок судьбы, где в конце ждет тихая гавань и новая, спокойная жизнь. Не теряй свою мечту, пока юна и полна сил, чтобы добиться цели.

– Я не потеряю... Обещаю!

Роксана убежала, чтобы они не видели ее слез.

Макс грустно посмотрел на Яроша.

– Смотри за этим чертенком, капитан. Кажется мне, что нас она любит больше, чем своих родителей.

Ярош поглядел вслед Роксане, затерявшейся среди рыбацких хижин.

– И мне так кажется.

– Бедные Виктор и Ольга...

А Роксана стояла над морем, там, где встретились Джонатан и Мариан. Неосознанно говорила с Морем, и Море с радостью отвечало ей, утешая юную пиратку.

Черноволосая ведьма и Ярош Сокол шли по ночному полю прочь от поселка. Ведьма надела черное платье, красивое, как сегодняшняя ночь. Пели сверчки, легкий ветерок

шелестел в листьях. Но Ярош не любовался красотой ночи, он вспоминал...

Мариан привела Джонатана к Ярошу рано утром. Капитаны стояли под светлым утренним небом, но слишком много теней еще лежало между ними.

– Приветствую, капитан Джонатан, – первым поздоровался капитан "Диаманты". – Твои друзья рассказали мне о Мертвом городе. С нашей прошлой встречи там ничего не изменилось. О судьбе Линта я тоже знал ранее, хотя странно встретить видевшего нашего товарища в живых последним.

– Приветствую и тебя, капитан Ярош, – Джонатан привычным жестом коснулся длинного уса, как и Мариан, он еще не полностью поверил в свое новое существование. – Хотя я бы не назвал их друзьями.

Голоса таяли.

– Почему вас превратили в призраков?

– Когда вы убежали, мы пытались сопротивляться, еще помня чародейские дары Моря и его свободу...

– Пришли, – черноволосая женщина остановилась.

Перед ней сияла золотом лента, виляя между соломинками, оставшимися от убранной пшеницы. Из мрака вышла тонкая девичья фигура, в чьих ладонях светилось белое сияние, и платье, и волосы у нее были пшеничного цвета.

– Это дух поля и страж нашего поселка, – поклонившись духу поля, объяснила ведьма. – Мы вместе с ней проложили эту границу, чтобы ни одно существо, отдавшее свое Имя

или часть души, не могло перейти его. Лишь те, кто по-настоящему стремится добраться до моря, переступят через эту живую преграду, ибо за ней иное время.

Ведьма повернулась к пирату, свет с ладоней пшеничной девушки бросал на ее платье темно-синие блики, делая более знакомой.

– Вы поменяли все паруса и завтра покинете нас. Но я говорю тебе это, чтобы ты знал, пиратский капитан: ты можешь вернуться сюда. Всегда можешь вернуться, если будешь чувствовать, что у тебя не осталось сил бороться. Это милость, дарованная тем, кто решил доживать свою жизнь среди простых людей.

Ярош коснулся прозрачной границы, по которой пошли золотые волны.

– Вернуться... – усмехнулся он. – Я больше не поверну назад и не буду прятаться от своего прошлого. Ты знала об этом, когда давала мне карту в Элигере.

– Знала, Ярош Сокол.

Сова сделала круг над ними и, набрав высоту, полетела туда, откуда привела Мэри. Когда Ярош опустил взгляд, давней, пришедшей к нему в обличье немолодой ведьмы, рядом уже не было.

Под утренними лучами разворачивались тонкие черные паруса, ловя ветер.

Луиза, Эмиль и Жак со скал смотрели на отплывающий корабль. Макс и Мэри стояли на пирсе, обнявшись. А старый сказитель и ведьма вместе наблюдали, как "Диаманта" выходит в открытое море. Они были на холме, где стоял домик черноволосой колдуньи.

Седой сказитель находился рядом с настоящей хозяйкой домика на околице, а не с давней, которая временно там поселилась, чтобы из звездного света сплести зачарованные паруса.

Тихо было вокруг, солнечно, но неприветливо, словно ночь задержалась в час рассвета, окутывая печалью этот день.

Глава 22

Правосудие Империи

Ярош забрал Феофана с корабля на берег в тот же день, когда они встали на якорь возле рыбацкого поселка. Как только смерклось, пиратский капитан молча привел своего пленника на окраину, где вдаль уходили волны холмов, укрытых пожухлыми осенними травами.

– Прощай, министр. Иди по берегу, не приближайся к ле-

су, и надеюсь, наши пути никогда больше не пересекутся, – Ярош закрыл свой компас, который, наверное, что-то подтвердил, отвечая на безмолвный вопрос.

Феофан помнил, как тогда, в Элигере, в его руках компас казался сломанным, а сейчас стрелка двигалась легко. Эта вещь все-таки была ценна, не зря ее хотел забрать советник Императора.

– Что же ты не уходишь, министр? – видя, что Феофан мешкает, спросил Сокол. – Не веришь, что я тебя отпускаю?

– Не верю, – честно ответил Феофан. – Ты выстрелишь мне в спину, когда я буду радоваться спасению. Я видел тебя в бою, ты дашь мне отойти далеко.

Ярош отвел взгляд. Феофан не мог знать, о чем он думает, и что вспоминает, как защищал врага на совете пиратских капитанов. Имперский министр был его пленником, и как сказал Ричард, только ему решать, что будет с заложником.

– Тогда ты понимаешь, что тебя ждет, – холодно усмехнулся Ярош, доставая пистолет. – Иди.

Феофан не двинулся с места.

– Стреляй так, пиратский капитан. Если ты обрек меня на казнь, я хочу смотреть тебе в глаза. Это мое последнее желание.

– Нет, тебе отказано в этом желании. Но если будешь настаивать, твоя смерть будет иной. Выбирай, Феофан.

Было странно слышать, что пират называет его по имени, а не презрительно: имперским министром. Феофан закрыл

глаза, тайком вздохнув. Да, ему позволено выбирать, но так или иначе, сегодня развлечение победителей закончится. Он хочет, чтобы это развлечение закончилось сегодня, – вот в чем на самом деле заключается его выбор.

– Надеюсь, когда-нибудь ты найдешь то, что ищешь, и оно тебя не погубит, Ярош Сокол, – напоследок сказал Феофан и медленно пошел вдоль берега к ближайшему холму.

Ярош посмотрел на пистолет в своей руке. Министр правильно говорит: он может дать пленнику отойти далеко. Как соблазнительно решить все одним выстрелом, но зачем тогда он спрашивал у компаса про безопасный путь для министра?..

Страшно идти и не оглядываться, ожидая гулко-го грохота выстрела, как последнего, что ты, вероятно, услышишь перед смертью. Конечно, если тебя не оставят одного умирать посреди скошенного поля...

Феофан поднялся на холм и не выдержал ожидания – оглянулся. Неподалеку еще светились огни рыбацкого поселка. Яроша на берегу уже не было.

Пиратский капитан отпустил своего врага. Ярош Сокол сдержал данное им слово.

Министра узнали имперские солдаты уже в следующем маленьком прибрежном городке, а Химера встретила на полдороге к столице. Советник Императора по-дружески протянул к нему руки, приветствуя, и прикосновение не было

холодным или полным чар – соперник за доверие Императора действительно радовался возвращению имперского министра.

Дальше они поехали вместе...

Феофан стоял перед большим зеркалом, поправляя знак власти на светло-серой ленте – золотую звезду с лучами-рубинами. Вспоминал все, что ему пришлось пережить за последние недели... В большом зале ждали, вероятно, только его. Все, желающие присутствовать на Суде Империи, уже прибыли, ведь если в круге не будет хватать хотя бы одного, захотевшего войти в состав судей, древнее заклятье не воплотится в жизнь.

Феофан вошел в зал, занял свое место. Справа, за два кресла от него, сидела Химера в облике черноволосого колдуна, одетого в белые одежды.

Преступница стояла перед ними, в яме, обрамленной алым бархатом и золотом: одежда судей не отличалась красочностью и разнообразием, будто не существовало иных цветов. В другом конце зала на простых стульчиках разместились три старые женщины, иногда люди называли их мойрами, норнами или еще как-то, но от этого суть не менялась – эти существа имели власть над чужими жизнями. Старухи не обращали внимания, где находятся, сплетая серые нити.

В круг вошел обвинитель. Безымянный, как и все обвинители Империи, прекрасный и высокомерный.

– Подсудимая Аля Очеретяная, также известная как пи-

ратский капитан по прозвищу Воронье крыло, вас обвиняют в расшатывании устоев Империи и попытке поднять мятеж. Известно ли вам, что за каждое неправдивое слово мы имеем право оборвать жизнь любого из тех, кто вам небезразличен? – обвинитель кивком указал на мойр.

– Да, мне известно об этом законе Империи, – спокойно ответила Аля. – Спрашивайте.

Обвинитель показал ей синий конверт с изъеденной огнем печатью и обугленным краем, вытащил из него лист, покрытый мелкими буквами.

– Что это? И кому адресовано?

– Это письмо капитана Яроша Сокола, перехваченное вами, – Аля чувствовала, как вслушиваются в ее слова мойры, каждое мгновение готовые рубануть по одной из нитей: колдовство, замешанное на дружбе и любви, искривленное, как и все в Империи.

– Кому адресовано это письмо?

– Пиратским капитанам.

– Кому адресовано это письмо из пиратских капитанов? – повторил обвинитель и уточнил. – Из живых.

Аля вздрогнула, этот ответ она, к сожалению, знала.

– Феникс, – она запнулась, неожиданно четко вспомнив женщину с волосами, подсвеченными пламенем. – Всех других вы уже наказали.

Но воздух звенел – она прошла по краю, не солгав, но и не сказав всего.

Обвинитель посмотрел на нее. Его улыбка была такая же ледяная, как и голос.

– А из тех, кто не был живым?

Аля вонзила ногти в ладонь, не почувствовав боли.

– Мариан и Джонатану.

Министр видел, как удивленно пошевелился советник Императора, едва ли не единственный, кто, кроме него, не выбрал для себя сегодня красные и багровые цвета. А обвинитель вел допрос дальше.

– Феникс уже встретила с Ярошем Соколом?

– Да.

– А Мариан и Джонатан?

– Да.

– Почему мы не знаем, где они?

– Потому что им дарована новая жизнь.

– Обоим?

– Да.

– Кем?

– Той, которая воплощает в себе жизнь этого мира.

– Давняя с ними?

– Нет. Она ушла.

– Куда держит курс корабль с черными парусами?

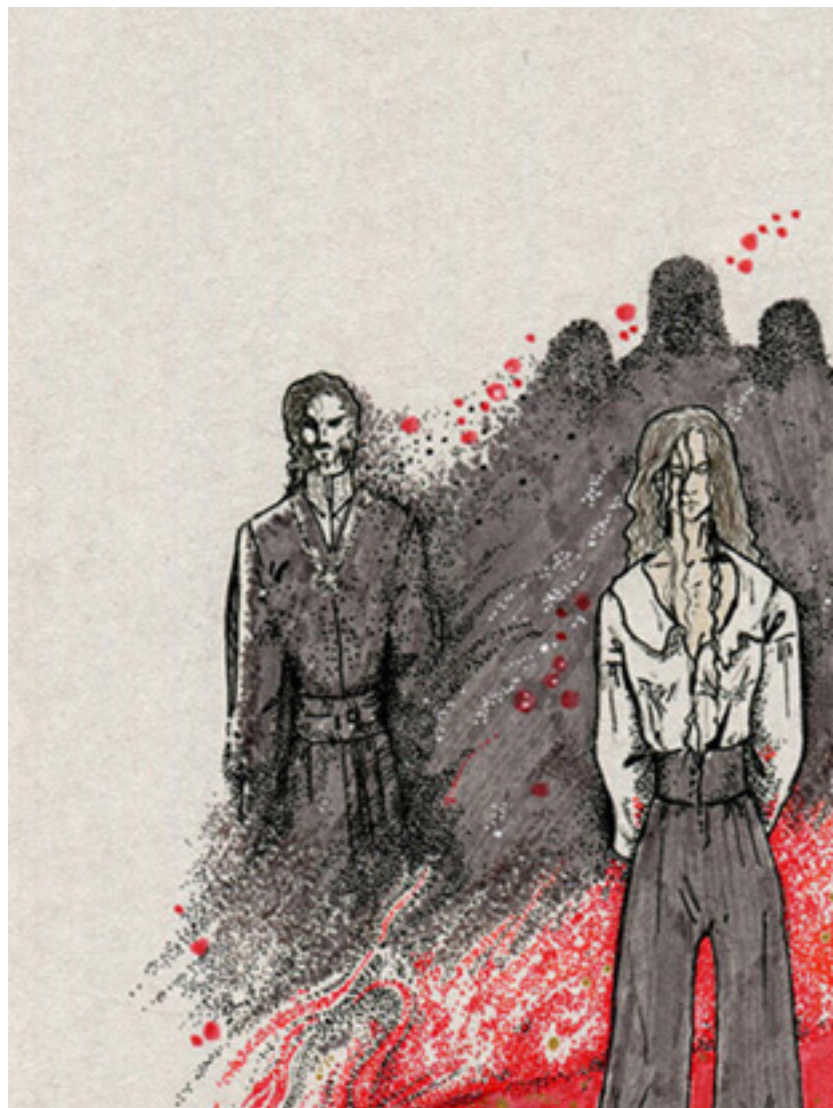
– К Призрачным островам.

– Что ищет "Диаманта"?

– Сокровища.

– Какие?

– Я не знаю.

Правду. Только правду. Иначе она никогда себе не простит того, что случится. Хотя ее "никогда" может продлиться лишь до сегодняшнего вечера.

Вопросы. Десятки. Сотни. Обвинитель хотел знать все, как они встретились, как решили отправиться в столицу, чтобы бросить врагам вызов, как их предали и поймали...

Феофан смотрел на женщину, из последних сил державшуюся перед ними прямо, и восхищался ее стойкостью и мужеством. В приговоре не стоит сомневаться, но почему-то министр с ужасом думал, что бы было, окажись, по его желанию, перед таким судом капитан корабля с черными парусами. Ярошу Соколу было, кого терять, и мало кому из пиратской команды Феофан действительно желал смерти. Не знал министр, что паруса корабля Али тоже были окрашены в черный цвет.

Сколько она перед ними простояла? А не солгала ни в чем...

Феофан не заметил, что колет пальцы лучами Имперской звезды.

Обвинитель разговаривал с главой Суда, собиравшимся огласить решение. Министр оставил звезду в покое.

Судья поднялся.

– По закону Империи за попытку свергнуть власть Императора, Аля Очеретяная, вы приговорены к смерти. В назидание...

– Пойдите!

Феофан вышел в круг. Аля удивленно взглянула на имперского министра, сразу погасив блеск в глазах. А Феофан говорил, не думая, как поплатится за смелость.

– Зачем создавать из пиратки идола? Зачем давать надежду преступникам и статуе, к чьим ногам можно положить цветы? Не лучше ли наказать ее так же, на что осуждают всех обычных нарушителей закона? Своим приговором вы возвеличите ее и превратите в легенду, которая соберет вокруг себя непокорных последователей! Хотите ли вы бороться с новой легендой, созданной вашими же руками?

Судьи молчали.

– Министр правильно говорит, – принял решение глава Суда. – Идолы нам ни к чему, – и презрительно скользнул взглядом по преступнице, будто из-за выбранной казни ее преступления утратили величие. – Аля Очеретяная, вас казнят на рассвете.

Министр не удержался, чтобы еще раз не посмотреть на подругу Яроша Сокола. В ее глазах светилась благодарность, ибо таким было последнее желание осужденного пиратского капитана.

Пророчество, застывшее на фотографии, не исполнилось. На площади перед дворцом не появится четвертая черная статуя.

Ярош смотрел на ночное море, но моря не видел. Дух Им-

перии снова звал его, обещая легкую смерть. Но пиратский капитан смеялся, осмелившись выдержать взгляд звериных глаз.

– Дерзкий... – мурлыкал враг. – Кто ты такой, чтобы спорить со мной? Мой мир безграничен, мой мир идеален, как черный квадрат штольни, бывшей колодцем, в котором то-нешь ты и все мечты твои. Но умирать не страшно, пират. Пугает боль, которая может утихнуть лишь по моему приказу. Ты уже знаешь вкус этих страданий.

Боль и призовет твою смерть, и спасения тебе не найти, пират, ибо нет спасения для тех, кто и за красными стенами хранит в сердце свободу Моря. Но даже мои солдаты, счастливее тебя, пиратский капитан, ведь они не настолько одиноки. Одиночество, – шептал город со звериными глазами. – Хочешь, я освобожу тебя от одиночества, сохранив жизнь? Хочешь, превращу твоё одиночество в любовь, в страсть, в богатство? Хочешь?..

Воспоминание таяло, как след на воде, остающийся за кораблем, таяло, как прикосновение ладоней товарища, которого только что забрали стражники.

– Ложь, – ответил пират, но уверенность его пошатнулась. – Ложь, как и те слова, которыми ты очаровал и сломил моих друзей, пообещав власть и бессмертие. Пообещав свободу и прекращение пыток. Ты врешь и мне!

Ярош выстрелил в зеркало. Отражение звериной морды осыпалось серебряными осколками, будто звезды, чью кровь

столько лет пили властители ужасного города.

Один осколок вонзился в руку пирата, оставив глубокую рану. Но шрам от взгляда из зазеркальной глубины был намного глубже.

– Выбери смерть, пират... Выбери жизнь, пират...

– Капитан, – возле Сокола стоял Странник. – Кое-кто хочет с тобой поговорить. Думаю, что этот разговор должен был состояться раньше. Я вас оставляю.

Теперь они вдвоем смотрели на черную воду. Капитан и Дэниэл, разделивший с ним почти весь путь от той ночи, когда в Элигере в руки пирата попала зачарованная карта с неведомыми сокровищами. Как и во время их первой встречи, глаза парня прятали тайну.

– Давний рассказал мне, что вы пытались бороться с Империей, – еще неуверенно начал Дэниэл, но по голосу было слышно, что решение он уже принял.

– Да, – подтвердил Ярош. – Но Империю не победить, пока не погаснут глаза зверя, в чьем обличье воплотился Дух Империи. А как погасить его взгляд, не знает никто.

– Я знаю. Хотя это и не моя тайна, – теперь они смотрели не на воду, а друг на друга. – Сердце Империи – холодный огонь. Тепла не хватает ему, человеческого сочувствия и любви. И жертвуют ему люди свою любовь и свои сломанные судьбы. Человеческие судьбы – вот питье и пища Духа Империи. И если найдется отважный, кто не отречется от

своей судьбы, какой бы горькой она не была, Дух Империи не получит необходимой еды, и погибнет. Особенный человек, способный соперничать с его волей.

– Один человек? Он на этом корабле? Ты? Я? Кто-то из нас?

Да, такая тайна стоила многих жизней... Чародей Гайяр не зря вопреки всему стремился сберечь это знание...

Дэниэл пожал плечами.

– Я не знаю, на этом ли корабле. Но одна ли настоящая судьба? Разве каждый не может задерживать дыхание под водой? Хоть на несколько секунд. Нет. Много настоящих судеб, которые не сгорят в пасти зверя. Не проданных, не преданных... Разных судеб...

Дэниэл умолк, но капитану казалось, будто только что с ним говорил кто-то намного старший, кто и передал парню опасную тайну. Гайяр... Одна из легенд этого мира. Вмешался бы он тогда в Элигере, если бы знал, с кем на самом деле прощается имперский министр?.. Заговор против Империи, начатый Гайяром, длился и после смерти чародея...

Море от сказанных слов и мыслей еще больше почернело, будто кровь, разлитая по земле Духом Империи в обличии зверя.

Луна взошла и спряталась за горизонт, но рисунок не возвращался на ткань карты. Не все еще необходимые люди были на палубе пиратского корабля. Но где их теперь искать?..

И один член команды знал ответ на этот вопрос. Еще до рассвета к капитану "Диаманты" подошла Марен.

– Карта молчит?

– Молчит. Неужели есть еще кто-то? – Ярош видел, давняя хочет, чтобы он сам спросил.

– Есть, Ярош. Помнишь, к тебе приходили люди из других стран и времен, находя тайные пути? Посмотри на наши паруса. Обычные ли они? Посмотри на нашу команду. Сколько в ней простых людей? Хотя бы половина есть?

Пират улыбнулся, он кое-что понимал, но пусть давняя его убедит.

– Помнишь карту Итаны? Черную карту, которую открыло тебе сердце гадания. Ты слишком обрадовался тогда и не присмотрелся к ней. Вот эта карта, – Марен протянула карту ему. – Посмотри еще раз. Возможно, Сокол, рассвет поможет тебе понять, что здесь изображено.

Ярош перевернул карту. Чернота, но в лучах дня, возвращающегося в мир, он увидел, как золотыми всполохами расцветают живые звезды.

Он с улыбкой запрокинул голову. С парусами происходило то же самое.

– Это были наши паруса, – сказал Ярош. – Черные паруса нашего корабля.

– Именно так, капитан, – обрадовалась Марен, и внезапно ее овеяла грусть. – Но пойми, Ярош. Наш корабль с черными парусами... Иногда цвета исчезают из мира, а сам мир

видится серым, надежда и мечта уже не взмахнут крыльями, будто синие птицы. Цвет их оперения становится черным, искристо-черным, а не модной краской, которой дети размазывают ногти и лица, желая приблизиться к тьме.

Черный – живой цвет ночного небосвода, зачарованного небосвода, где каждой звезде, оступившейся с пути, можно загадать желание, и оно обязательно сбудется. Звезды... Живые звезды, чьи краски изменяются, а не седые и кровавые, избранные знаками безымянной Империи.

И где бы ты не жил, в каком городе и в каком столетии, если ты умеешь мечтать, ты увидишь... Обязательно увидишь! Корабль с черными парусами, наполненными колдовским ветром, заберет тебя из серых от повседневности домашних стен и улиц, где в глазах прохожих встретишь только равнодушие. Заберет тебя, чтобы ты стал собой, а не еще одним слепком чужих надежд и желаний, которым не суждено сбыться.

На наших парусах сверкают звезды, ибо судьбы тех, кто оказался на твоём корабле, такие же яркие. Пиратские капитаны и дети, которые еще по-настоящему не проявили себя, воины и правители, воспитанники Имперской Звездной школы и чародеи, давний народ и просто люди – мы все такие разные... И объединяют нас только звезды: звезды на небосводе и на зачарованных парусах "Диаманты". Благодаря этому мы стали командой пиратского корабля с черными парусами, но она действительно собрана не полностью.

Марен просила впервые, хотя слова просьбы и не прозвучали, но тон зачастую красноречивее слов. Давняя хотела, чтобы рисунок вернулся на карту, открывая путь к таинственным сокровищам.

– Нас находили те, кто стремился найти, преодолевали далекие расстояния и временные преграды. Но не все они могут покинуть место, где находятся. Я понял, куда ты меня зовешь, Марен, но я не могу путешествовать во времени и в пространстве. А по морю, даже под зачарованными парусами, очень далеко.

– Ты не можешь, Ярош, – согласилась Марен. – Но в твоей команде есть знающийся с темным морем, и те берега ведомы ему, как никому другому. Если ты не можешь путешествовать во времени и в пространстве, отбрось гордость – воспользуйся помощью тех, кто это умеет, пиратский капитан.

Все еще держа в руке черную карту, сияющую звездами, Ярош доброжелательно улыбнулся давней: он понимал, о ком идет речь, и, похоже, Марен убедила пиратского капитана обратиться за помощью.

Восходило солнце, лучи проскальзывали между прутьями клетки, на полу которой лежала умирающая. Яд, изготовленный по обычаю Империи, полная чаша яда, которую она не допила, выпустив из рук и расплескав от бессилия. И рядом не было Зорин, знающей способ очищать от отравы кровь

осужденных.

Солнце пило жизнь Али. Несколько гуляк смотрели на казнь, но в их жизнях, как им казалось, было намного больше вещей, более важных, чем это событие, хотя ни одно из них не заставило бы их проснуться так рано. И зачем? Все самое необходимое, что нужно знать, покажут в новостях.

Феофан опоздал на казнь. Он склеивал обрывки фотографии, найденной слугами в доме, где поймали пиратку. Четыре черные статуи стояли возле алой стены дворца.

Сейчас там только три. Но четвертой не будет. Он был уверен, что не будет. Ведь камень становится черным лишь тогда, когда осужденный еще жив.

Никто не прикаснется к клетке до завтрашнего утра. Это далеко от столицы, в маленьком городке, можно нарушить обычай ради милосердия. Чем дальше от столицы, тем больше свободы, поэтому пиратский капитан и отпустил пленника, который был символом могущества Империи. Здесь же даже наивысшей власти его рубиновой звезды не хватит, чтоб сохранить жизнь кому-то из пиратов.

Министр, казалось, почувствовал, как женщина перестала дышать, и покинул площадь.

Харун и Ярош Сокол стояли подле штурвала, управляя кораблем с черными парусами вместе, ведя его по реке времени, обходя водовороты и стремнины. Вели корабль, как два капитана, понимая друг друга без слов.

Вода омывает камень, отполированный до зеркального блеска. И в этом зеркале отражается большой зал Имперской школы, где учатся мастерству боя юные ученики.

Корабль качнуло: сильное течение потянуло его за собой, но Ярош почувствовал приближение опасности и вовремя выровнял корабль.

Они взяли немного ближе к берегу, где за маревом изящные пары танцевали вальс на балу в алом дворце. Смеялась красивая женщина, которая в этом году превзошла всех в пении. Осталось последнее испытание. И Химера уже ждала ее, чтобы соревноваться в чародействе. Сказительница поклонилась своему партнеру, благодаря за танец, и пошла навстречу черноволосому советнику Императора.

Еще один зеркальный камень увидел Айлан. Мужчина удивленно склонился над водой.

– Он так похож на меня...

Но это он и был. Почти выпускник, гордый своими знаниями, бежит через длинную прямоугольную площадь, спасаясь от своей судьбы.

Река времени впадала в обычное море, в волнах таяли берега. У команды почти не осталось сил, чтобы продолжать

путешествие. Даже Ярош чувствовал усталость и опустошение, не говоря о других. Похоже, что тяжесть такой дороги не отразилась только на давнем народе.

– Может, ты и меня возьмешь с собой, пиратский капитан?

На фальшборте сидела девочка, чье паутинное убранство было соткано из лунного света, диадема, усыпанная черным жемчугом и бриллиантами, украшала ее черные, как ночь, волосы.

– Кто ты? – спросил капитан, оставляя штурвал и спускаясь на палубу.

– Страж тех вод, куда вы направляетесь, – девочка спрыгнула на палубу, ее глаза постоянно изменяли цвет. – Здравствуй, брат, – кивнула она Страннику. – Удивительно видеть тебя здесь, – она обвела взглядом всех присутствующих. – Так много давних на пиратском корабле, не побоявшихся связать свои судьбы с судьбами пиратских капитанов и простых людей.

Странник не ответил на приветствие. Другие давние тоже молчали.

– Ты пропустишь нас, страж? – Ярош подошел к девочке, игравшейся роскошным пером, тоже сотканным из лунных лучей.

– Пропущу. У вас красивые паруса. Но не задерживайтесь, – она улыбнулась, ее глаза осветились звездами. – Хочешь, украсу твою шляпу, капитан? – девочка протянула

Ярошу зачарованное перо.

– У меня нет шляпы, достойной твоего подарка, – рассмеялся пиратский капитан.

– Но ведь будет же, правда? – таинственно улыбнулась девочка-ночь. – У всех капитанов есть шляпы.

Мяукнул Сириус, рванув туда, где засветилось молочное сияние, прыгнувшее на капитанский мостик. По ступенькам важно ступала кошка, с чьей белой шерстки сыпались звезды.

– Звездочка ясная, я же приказала быть дома, – сурово напомнила кошке девочка-ночь.

– Назвать кошку Звездочкой! – хмыкнула Роксана.

– А назвать кота Сириусом? – повернулась к ней девочка-ночь.

Белая кошечка и черный Сириус тянулись мордочкой к мордочке. Звездочка лизнула Сириуса в нос, черный кот чихнул, с его шерсти тоже сыпнуло сиянием, но еще не звездами.

– Звездочка ясная, не шали.

Но было уже поздно. Звездочка прыгнула на фальшборт корабля, а оттуда на звездную ленту Млечного Пути, тянущуюся до самого края неба. Сириус тоже тяжело запрыгнул на фальшборт. С грустью оглянулся на людей и ступил на звезды, растворяясь в ночи.

– Сириус, вернись! – Роксана подбежала к фальшборту, где догорали рассыпанные ее котом звезды, маленькие, слов-

но камешки. – Что с ним? Что ты сделала с моим котом, колдунья? – крикнула юная пиратка на древнего стража.

– Кажется, они понравились друг другу, – одарив насмешливым взглядом Роксану, девочка-ночь повернулась к капитану. – Поэтому я и говорю: не задерживайтесь. Это опасные воды, особенно для пиратского корабля.

Она исчезла. Сияющее перо опустилось на ладонь Яроша.

– Ярош, куда ты нас привел? – встревожено спросила Феникс.

Сокол не отвечал. Феникс стало страшно.

– Ярош?

– Будем искать там, где еще не искали, – ответил пиратский капитан, сжимая в руке сияющее перо. – На кладбище кораблей. Среди теней, Феникс.

Глава 23

Кладбище пиратских кораблей

Феофан вернулся во дворец. По комнате гулял ветер. Как некогда белоперая Химера, на подоконнике сидел молодой, красиво одетый мужчина. Русые волосы изгибались непокорными волнами.

Когда министр вошел, он зажег свечу, оставив окно. В отблесках прозрачные серые глаза Ажи де Сентана казались бездонными.

Феофан остановился, почувствовав в этом мужчине силу, не менее древнюю, чем та, что жила в белокрылом советнике Императора. Он был не просто чародеем – связанный с древними чарами, часть из которых дошла до сегодняшних дней, этот непрощенный гость представлял собой необычайную опасность.

– Что тебе нужно? – высокомерно спросил министр, вспомнив, кто он и где находится.

– Сегодня вы казнили женщину, которую я могу назвать своим другом. Отдай мне ее тело, – ледяной безжалостный голос, и пламя трепещет, откликаясь на заклятье, и если имперский министр ослушается...

Но Феофан только покачал головой.

– Зачем?

– Вы сожжете ее или похороните безымянной в общей могиле, а я воздвигну для нее королевское надгробие.

Пламя затрещало, предупреждая. Чародей не любил долгих разговоров с врагами.

Держа руки ладонями к пламени, словно успокаивая его трепет, Феофан медленно пошел к Ажи де Сентану.

– Я сделаю все, как ты хочешь. Если осужденная была твоим другом, я понимаю, кто ты. Но скажи, почему вы не сдаетесь? Вы потеряли моря. Вас предают. Вам не верят. Вас осталась горстка. Но вы не сдаетесь. Почему?

Ажи с интересом смотрел на министра, стараясь понять, как один из верных слуг Империи оказался способен на та-

кие мысли, на такие вопросы...

– Я отвечу тебе, имперский министр, если ты отдашь мне тело подруги.

Они шли по ночному городу, и почему-то звериные глаза не могли их отыскать, не могли послать стражников. Сморенные сном, чужой непокорностью и верой, веки зверя отяжелели, и хозяин Империи погрузился в сон, где можно умереть только от жизни. Умереть, лишь если жил, а не тлел. И любая исповедь для всех смельчаков становится путем во мрак...

Город спал, и снилось ему кошмары. И это его изувеченную душу растягивали на все стороны мира вместе с тугими кошельками, набитыми его деньгами. Зверь стонал и шевелился во сне, и улицы затихли, а дома не выпускали жителей, напуганных происходящим.

Ажи и Феофан остановились возле металлической узорчатой клетки на площади.

Показав страже звезду, министр кивнул на клетку. Стражник, охранявший умершую, отпер дверь. Ажи вынес Алю, держа на руках как самую большую драгоценность.

Взгляды человека и чародея снова встретились.

– Ты спрашивал, министр, почему мы не сдаемся, хотя Империя сильнее? Но чем измеряется ее сила? Количеством слуг или воинов, территорией или страхом, который вызывают упоминания о ней в других странах? Нет, министр. Им-

перия слаба.

Слышал ли ты, о чем говорит волна, ударяясь о крутой борт корабля, вольного взять курс к любому берегу? Или для тебя этот звук – лишь обычный плеск? А мы помним этот язык, который издавна понимали все. И потому мы не сдаемся, ибо, пока жив хоть один пират, цвет алой зари может принадлежать не только стенам Императорского дворца, но и пиратскому стягу. Прощай, имперский министр.

Ажи исчез вместе с казненной осужденной.

Министр жестом попросил подождать, не закрывать клетку.

Слышал ли он, о чем говорит волна?.. Слышал... Но боялся признаться... Боялся признаться самому себе...

Феофан снял с шеи рубиновую, обрамленную золотом звезду на светло-серой ленте – наивысший знак власти Империи, – и повесил ее на острый прут клетки, оскалившийся, как обломанный звериный клык.

...Солнечный свет лился золотом, смывая память о прошлом, но не даруя новое будущее. Только это солнце тоже было пиратским. Всегда было пиратским...

Кладбище кораблей накрывал призрачный туман, через который не решался пробиться никакой свет, ни лунный, ни звездный, и который не мог разогнать никакой ветер. Даже зачарованные паруса обвисли тряпьем. Из воды торчали остовы кораблей. Некоторые почти сгнили, а некоторые на-

поминали привидения, верящие, будто до сих пор способны выдержать долгое путешествие и испытания штилем и штормами.

Родители утешали Роксану, опечаленную исчезновением любимого кота, но девочку пугало кладбище пиратских кораблей. Она чувствовала, что сейчас только капитан может ее защитить и понять.

– Где мы, капитан? – Роксана подошла к Ярошу.

– Мы на кладбище пиратских кораблей, Роксана. Пиратские корабли живые, они слушают шепот ветра, радуются, когда он попутный, и спорят с ураганами. Корабли живут долго, часто намного дольше, чем их капитаны. Они становятся мудрее, стареют, боятся неведомого и страдают, когда их предадут. А это место их последнего пристанища.

– Здесь так страшно, Ярош... Почему?

Девочка дрожала от холода, и капитан осторожно обнял ее, прикосновением стараясь отогнать страх.

– Потому, Роксана, что здесь нет живых, но и мертвых нет. Только души, которые заблудились, не смогли уйти в небытие, а возвращаться им было не к кому. Кроме их кораблей, никто их не оплакал, никто не печалился о них от всего сердца. Призраки, заблудившиеся на кладбище. На пиратском кладбище. Понимаешь, Роксана?

Она понимала. Но страх не уходил, неподконтрольный сознанию и воле.

Вернулся Странник, в обличии птицы искавший призра-

ков, чьи глаза яснили морем, если у живых моря этого уже не отыскать. Коснувшись лапами палубы, он поднялся в своем привычном человеческом обличе.

– Мы нашли деда, он стоит в обгоревшее лодке, смотрит, как течет вода, старается разглядеть в ней что-то потерянное, – давний заинтересованно смотрел на девочку. – А еще мы видели оборотня, сидящего на остова корабля. Он ждет. Ждет верно, словно смерть, но о нем забыли, и его ожидание превратилось в муку. И Ласточка говорит, будто видела сокола с зелеными крыльями, сидящего на пожухлом деревце на острове. Что нам делать, капитан?

– Марен, – отпустив Роксану к другим детям, позвал Ярош, давняя подошла к нему. – Можешь посмотреть на них?

– Оборотень и дед – древние тени, они уже себя не помнят. А сокол... Он тоже оборотень. Попробуйте позвать его.

Ласточка подняла огонек, сейчас искрившийся сиреневым светом, и сокол перелетел к ним на палубу, превратившись в темноволосого юношу. На плечи у него была брошена куртка со знаками отличия Империи.

– Он так похож на Дина, – прошептала София, стоящая рядом с Ярошем.

– Но ты же понимаешь, София, что это не Дин?

– Я-то понимаю. Ты в этом Мариан и Феникс переубеди.

Они миновали еще много островков, спрятанных в бухточках, которыми был изрезан мертвый берег. Юрий, Ла-

сточка и Димон стали на носу корабля, раскрашивая разноцветными огнями марево кладбища. Хотя далеко этот радостный свет просочиться не мог, но все вокруг приобрело четкость.

И часа не прошло, как Феофан предстал перед белокрылой Химерой, лишенный поста и осужденный на смерть. Советник Императора усмехнулся, заглянув ему в глаза, будто душу царапнул когтями.

– Ты мечтал, Феофан, стать пиратом. И ты станешь пиратом, останешься в их компании навсегда, – Химера бросила на пол склеенную фотографию. – И никто не положит цветы подле твоих ног. Тебя запомнят изменником. Я же говорил тебе, что чувствую предательство лучше всех в этом мире.

Феофан молчал. Советник Императора возмутился, утратив на миг величие безграничной власти.

– Не смей молчать, предатель!

... Настоящий пиратский флаг пламенеет на мачте, черные паруса наполнены ветром. Куда пожелает, туда и повернет корабль, стоит лишь крутануть штурвал. И никаких правил, никакой фальши, и так мало измеряется золотом, а бумажные деньги Империи – пыль...

– Я не жалею о сделанном выборе, – правда, словно стоит перед имперским судом, а седовласые старухи прислушиваются к отзвуку слов осужденного.

– Пожалеешь, Феофан, пожалеешь, – Химера рубиновой

звездой процарапала в полировке стола глубокую борозду.

В черные статуи превращаются только живые, но сколько дней пройдет, пока их станет четыре?..

Зорин и Ирина пытались разговорить темноволосую женщину, которую пираты сняли с обломка полусгнившей палубы. В свете огоньков на детских руках ее одежда искрилась всеми цветами радуги, словно она была облачена в сияние. Глаза женщины были чистыми и ясными, спокойными, как море.

Странно, но и здесь можно было смеяться, особенно, когда рядом друзья. И тогда не так страшно. Это Роксана быстро поняла. Она перегнулась через фальшборт, чтобы посмотреть, какой стала вода.

Но вода откликнулась на ее любопытство, ударив о борт злой волной. Темная вода, маслянистая, как кровь древнего чудовища. Не стоит беспокоить чудовищ...

– Отойди от борта, Роксана, – посоветовала Феникс. – Ты не знаешь, что может прятаться внизу. Пойди лучше, поговори с Дином.

– Хорошо, Феникс, – на удивление, сразу послушалась девочка.

Роксана обернулась к парню, которого Феникс назвала Дином. Возле него уже сидели Юрий и Странник, было видно, что давний не на шутку заинтересовался новеньким.

Ребята рассмеялись.

"О чем они? И без меня? Новенькие должны знать, что я здесь главная после капитана!" – Роксана побежала знакомиться.

Ярош сам подошел к Марен, когда на корабль подняли странную темноволосую женщину, которая чем-то тоже была похожа на давний народ. Когда так много общаешься с разными давними, учишься различать их среди людей.

– Марен, скажи мне здесь, в этом зачарованном месте, правду: ты хочешь вернуться к Химере? – спросил Сокол.

Давняя обернулась. Кладбище кораблей изменило ее, временно вернув прежнюю власть.

– А я и тогда сказала тебе правду, Ярош. Мне надоело служить Императору, я тоже хочу быть свободной, а не подчиняться приказам. Да, я думала о возвращении, и мне часто представлялась возможность осуществить это и вернуться в Империю в сиянии славы.

– Ты служила Империи долго, Марен. Почти с самого начала войны с Пиратским братством. Почему сейчас ты помогаешь нам?

Взгляд Марен прикипел к темной воде кладбища пиратских кораблей.

– Сокол, у меня тоже есть прошлое. Мне много лет, очень много... Я покажу тебе часть той жизни...

...Темная вода изменялась, будто со дна поднимался

мрак, подсвеченный пожарами. Город на скалах штурмовали с моря, над которым возвышались могучие оборонные стены, и с берега. Почти все дома пылали, началась паника, а захватчик сдачи не принимал.

Поздно. У них было время до вчерашнего вечера, но правители были уверены, что врагам не хватит сил победить. А ночью убили всех танцовщиц, и мало кто мог теперь защитить город от чародейства...

Марен стояла на стене, обессилено держась за зубец. На ее черной одежде застывала кровь – вражья и своя, длинные темные волосы спутаны. Давняя видела и огни в далеком вражеском лагере, и пылающий город, куда входили войска завоевателей. Сквозь дым можно было разглядеть серую форму у большинства солдат.

Давняя закашлялась, вдохнув дыма, и покачнулась. Она слишком много колдовала на протяжении долгой ночи и не менее долгого дня. Этот город не был для нее родным, но здесь жили те, кто доверил ей свои жизни, а у нее не хватило сил, чтобы спасти их. Ни у кого, кто откликнулся на зов правителей Бар-Данари, не было достаточно могущества, чтобы остановить серые полчища. И, стоя на стене побежденного города, Марен восхищалась вражеской силой.

Ее заметили, в Марен полетели четыре черноперые стрелы, но давняя отбила их мерцающим крылом, покачнувшись. Она едва стояла на ногах, когда на стену поднялись солдаты в серой форме.

Свою, такую долгую жизнь, стоит продавать дорого. Марен достала из-за широкого плетеного пояса два длинных кривых ножа. Давняя отбивалась из последних сил, она глубоко задела нескольких, но солдаты словно не чувствовали боли. Один из них подкрался сзади и ударил женщину. Марен упала, потеряв сознание.

Она очнулась в слабо освещенной камере, попробовала пошевелиться и поняла, что ее приковали к стене короткой цепью. Раны, полученные во время боя, кровоточили, обесиленное тело не могло их заживить.

– ...И что мне приказ министра? Вы не пропустите советника Императора? – недовольно поинтересовался насмешливый мужской голос.

Послышались шаги и звон ключей. К решетке подошел высокий черноволосый мужчина в сопровождении двух имперских солдат. Его белые одежды слабо светились в полумраке тюрьмы.

– Открыть, – холодно приказала Химера. – Освободить ее.

Солдаты, не споря, выполнили приказ, но Марен смогла встать, лишь держась за стену. Советник Императора смотрел на нее с любопытством.

– Я и не надеялся встретить в Бар-Данари кого-то из давнего народа. Тебе здесь не место, – он протянул женщине руку. – Пойдем со мной, Марен.

Голова кружилась, но она должна выстоять сейчас, если хочет жить. А жить хотелось, как никогда...

– Меня давно не называли этим именем... – тихо промолвила женщина.

– Этим именем будут пугать либо воспевать его в печальных легендах. Ты заслужила все, кроме забытья. Или хочешь остаться умирать в подземелье Бар-Данари?

Марен ступила к нему шаг, споткнулась, советник Императора подхватил ее и, поддерживая, вывел из камеры.

Над дворцом Бар-Данари развевались бело-серые имперские знамена, усыпанные тусклыми звездами. Захваченный город стонал, плакал голосами напуганных, раненных жителей. Каждая семья потеряла кого-то близкого за такую долгую ночь, такой долгий день и еще одну ночь... Бар-Данари, за ним Бар-Торен, а тогда и Бар-Тирана, самый восточный древний город на этом отрезке побережья. Войско пройдет этим путем до конца, тогда здесь тоже воцарится имперская власть.

Ночная прохлада разила гарью, запахом пролитой крови и быстро приводила в чувство.

– Куда ты меня ведешь? – спросила Марен, следуя за советником Императора.

– Посмотреть, – он усмехнулся темными глазами, оборачиваясь к давней.

– Посмотреть на что? – сердце кольнуло недобрым предчувствием, но Марен не выдала своих чувств.

– Небо светлеет. Скоро рассвет. А как в Империи приветствуют рассветы? – темные глаза смеялись, но голос оставал-

сы ровным и даже безразличным.

Это не первый город, захваченный советником Императора в этом походе на юг, и каждый рассвет после победы всегда приветствовали кровью, прося для себя новое счастье в длительных войнах, которые на многих фронтах вела новая Империя. Глядя на завоевателя, Марен осознала это на удивление четко.

– Мы не виделись столько лет. Ты изменился, – отворачиваясь, сказала она.

– Мир изменился, и я тоже, – советник Императора коснулся ее руки, его пальцы были теплыми, прикосновением он утолял боль.

– Ты меня казнишь? – Марен отступила, уклоняясь от этого лицемерного тепла.

– Не хотелось бы... – глаза Химеры похолодели. – Ты из давнего народа. Нас не так много осталось, чтобы казнить своих соотечественников вместе с людьми. Пойдем.

Это было не предложение, а приказ, которым не стоит пренебрегать. Если она не подчинится, ее поведут смотреть на казнь силой.

Нет помоста, возле стены дворца пятерых осужденных охраняет в три раза больше солдат. Две женщины, молодой мужчина и два парнишки-подростка. Среди осужденных Марен узнала семью правителя, хотя его самого с ними не было.

– Он уже мертв, – словно прочитала ее мысли Химера. –

Во время обстрела привалило в собственных покоях. Это ты была на стене, а правители прятались во дворце. Хотя не все...

Советник Императора встретился взглядом с рыжей женщиной, на щеке которой алела свежей кровью глубокая царапина. Сестра правителя с ненавистью смотрела на своего врага и с удивлением – на Марен.

– Ты из давнего народа, Марен, поэтому у тебя есть возможность выбирать: присоединиться к ним или присягнуть на верность Империи. Мир будет нашим, нам принадлежит много земель на севере и западе, наши главные войска движутся на юг и восток. Скоро флот под нашими флагами будет пересекать моря от края до края, не встречая сопротивления и преодолевая бури благодаря воле своих капитанов. Мы живем долго и увидим мир без границ, объединенный под нашей властью. Каким будет твой выбор, Марен?

Давняя задумалась. Она должна была бы рассмеяться врагу в лицо, гордо подойти к осужденным, которые и позвали ее, моля о помощи в защите Бар-Данари.

Должна была, но не смогла...

Почувствовав ее сомнения, советник Императора вложил в безвольную руку Марен пистолет.

– Там одна пуля. Для тебя или для кого-то из них. Меня ты убить не сможешь, а если попробуешь, то обречешь пленников на большие страдания. Ты выбираешь между смертью и властью. Помнишь, когда-то, как страшные сказки, нам рас-

сказывали, какую силу дает жертва? Мы были юными и не верили, что кровь имеет такую власть. Я попробовал. Эта власть таки существует, и она могущественна. Попробуй и ты, Марен. Отобранная жизнь может стать твоей силой, это и будет для тебя присягой на верность Империи. И со временем ты научишься летать – птицу выберешь сама. Вторая птица будет хранителем клятвы, хотя многие почему-то предпочитают змей...

Марен глядела на осужденных пустым взглядом. Город склонился перед чужой властью, и поэтому ее место там – подле стены ждать казни. Такова ее судьба. Но неужели именно такова?.. Неужели судьбу нельзя изменить?.. Неужели этот день должен начаться с ее смерти?..

Давняя оглянулась на Химеру.

– Если я присягну Империи, действительно ли моя слава будет великой?

– Да, – улыбнулся советник Императора. – Ты будешь рядом со мной и на войне, и подле трона Императора. Твоя власть, как и моя, будет простираться от моря до моря, от пылающих песков до вечного льда, а слава останется в песнях на столетия.

– Тогда я принимаю твое предложение.

Марен повернулась к осужденным и выстрелила, не целясь. Пуля нашла сердце рыжеволосой властительницы, женщина упала.

– Будьте вы прокляты... оба... – последним дыханием слетело с ее уст, небосвод прочертила яркая падающая звезда.

Химера махнула рукой, и прогремел залп. Этот день все же начался с крови, и никому из осужденных не было суждено спастись.

С рассветного неба к ним камнем упал ворон. Коснувшись плеча Марен, он превратился в черный плащ с капюшоном. Ее и без того темные глаза полыхнули кровавым мраком – клятва была принята.

Давняя поправила плащ, в который обратилась отобранная жизнь, наполняя ее небывалой силой, и провела по волосам. Под пальцами сверкнуло заклятьем, и почти вся рас-

плетенная коса осталась в ее руке.

– Сожгите это вместе с телами правителей Бар-Данари. Это мой дар им, – протягивая волосы, обратилась к имперским солдатам Марен.

Советник Императора кивнул в знак согласия. Скоро над разрушенным городом поднимутся столбы дыма погребальных костров, а сейчас у них еще много дел, которые нужно уладить перед тем, как двигаться дальше на восток.

Иная судьба, иная жизнь, иной путь... И только имя старое, почти забытое... Марен понимала, что все, что было до этого рассвета, – в прошлом, за гранью сделанного выбора.

Рассвет над поработанным Бар-Данари был золотым, а не кровавым, словно насмешка неба...

Темная маслянистая вода чуть слышно плескалась за бортом пиратского корабля.

– Мы дошли до Бар-Торен, и тоже взяли город штурмом, – продолжала рассказывать давняя. – А до Бар-Тираны нам оставался один переход, когда пришли вести, что на севере Империи началось большое восстание, которое с каждым днем ширилось как пожар, и мы должны были возвращаться, чтобы поддержать войска Императора. Вскоре Пиратское братство объявило войну Империи, собирающейся подчинить их моря, и времени на возвращение в Бар-Тирану у нас уже не было.

Ярош молчал, он знал, что происходило дальше, но не

представлял, какой на самом деле была встреча Марен и советника Императора, и что в действительности все могло сложиться иначе, не поддержи тогда она притязания Империи на чужие земли и свободу.

– Зачем ты искала меня в Элигере?

– Я не искала тебя, пиратский капитан, – улыбнулась Марен. – Я приехала вместе с министром Феофаном и советником Императора. Хотя и не поэтому оказалась на том побережье. Нас, давних, и потомков древних народов, почти не оставшихся в этом мире, звал могущественный колдун, словно на совет. Поэтому пришли я, Харун, Мать, Странник, хотя и не встретились с ним.

Да и Зорин услышала его голос, она тоже из древнего народа, хотя и не такого древнего, как мой, – коротко стриженная женщина снова смотрела на темную маслянистую воду, будто ее покой передан и давней, которая только что показала пиратскому капитану часть своего ужасающего прошлого. – А ты, Ярош, как там оказался? Почему именно в это время? Зачем ты привел свой корабль в Элигер? Сколько тех, у кого есть сила бороться с Империей, слышали тогда голос Гайяра?

Ярош не ответил, у него не было намеренья исповедоваться давнему народу и этому темному морю, хранящему воспоминания об их поражении в войне...

Больше найти никого не удалось. Свет высвечивал только остовы кораблей. А маслянистому морю уже не было безраз-

лично, что кто-то тревожит его покой. Море грозило им бедой, время истекало, и Ярош решил повернуть назад.

Тень опустилась на палубу, склонившись, положила что-то на доски. А поднялась уже Ажи де Сентаном.

– Здравствуй, Ярош, – сказал Ажи, и здесь его голос звучал совсем иначе, не скованный чарами имперской столицы, он даже разлетался слабым эхом в тумане.

– Сколько мы не виделись, Ажи? – непонятно, рад Ярош встрече или нет.

– Года? Века? Ты, как и я, их не считаешь. Лучше посмотри себе под ноги, Сокол.

Все, успевшие к тому времени выйти на палубу, вздохнули. Между Ажи и Ярошем лежала женщина, красивая, но...

– Это же... Аля Очеретяная, – не удержался Сашка. – Она дала нам фотографию с "Диамантой". Она фотограф из столицы!

Ажи слегка усмехнулся, глянув, как Ярош склоняется над черноволосой женщиной, едва не становясь на колени, и ответил парню.

– Не только. Она друг. Верный друг вашего капитана, – взгляд прозрачных серых глаз де Сентана встретился с взглядом Феникс, она опустила глаза, не зная, что сказать ему на это.

– Она мертва, – Ярош гладил волосы Али, он даже не спрашивал, отдавая себя горю.

– Мертва ли она, Сокол? – удивленно переспросил Ажи. – Ты же сам был за чертой. И друзья вернули тебя из царства смерти. Неужели ты, славный капитан, побоишься отыскать душу Али?

– Нет, Ажи. Мы отыщем ее душу...

Казалось, Ярошу тоже не верится, что женщина на его руках уже не вздохнет, не улыбнется. Он не видел Алю столько лет, а теперь увидел мертвой...

Несправедливость и издевка крылись в словах и поступках Ажи де Сентана.

– Ярош, ее души нет на кладбище кораблей. Ее оплакали. Ее душа дальше, намного дальше, как и твоя, за краем. Но ты же и без того собирался в воды, где нет живых.

– Это не твое дело, Ажи, – Ярош поднялся.

Феникс не выдержала: упав на тело подруги, она горько плакала, никого не стыдясь.

– Нет, Сокол, мое.

– Как и тогда? – рука Яроша легла на пистолет, заткнутый за пояс.

Команда молчала, они понимали, что этот разговор – продолжение иного спора, затерявшегося в прошлом, призрачном, словно кладбище кораблей, откуда медленно, но неуклонно выводит их ветер.

– Твоя вина, что Аля погибла, – Ажи отступил на полшага. – Ты сманил самых смелых драться с Империей.

– Разве можно сманить на такое? – устало возразил Ярош.

– Если сам веришь без сомнения, можно. Если любишь... Если мечтаешь о свадьбе с пиратским капитаном... Если ценишь не богатство, а свободу... Таких сманивать легче всего! – Ажи умолк, не в силах сдержать свои бушующие чувства.

Голос Яроша преисполнился холодом.

– Но ты же остался в столице, не так ли?

– Остался... Но после всего пережитого я уже не человек, Сокол! Я де Сентан... И я с самого начала убеждал всех, Ярош, что замысел твой глуп!

Ярош выхватил пистолет, навел на товарища из прошлого. Ажи лишь гордо вскинул голову, одарив пирата презрительным взглядом.

– Да, Сокол, это я отдал твое последнее письмо стражникам Империи, не сжег его, как все предыдущие... Сколько может натворить кусок бумаги, Ярош! Но ты же сам хотел заглянуть в глаза зверю. Ты сам говорил, что, только выдержав его взгляд, можно победить. А это была единственная возможность, за которую нужно было кое-что отдать.

Ярош целился в сердце Ажи. Рука пиратского капитана не дрогнет. И слова ему больше не нужны, чтобы закончить этот спор.

– Стреляй, Ярош. Но помни, что за тобой стоит твоя команда, среди них есть и дети. Стоит ли им видеть чужую смерть?

– Многие из этих детей сражались с имперскими солда-

тами.

– Да, но я безоружен. Драться с тобой чарами я не буду. Стоит ли им видеть, как их капитан убьет безоружного, убьет своего товарища?..

– Ты предатель, Ажи, – сквозь слезы сказала Феникс. – Как ты мог? Ты же все время был с нами! Что тебе пообещала Империя?

– Империя? – уверенность Ажи пошатнулась. – Я, как и вы... я ненавидел Империю и мечтал увидеть ее закат... Стреляй, Ярош, я почти бессмертен, как и Химера. Причина тебе известна. Только настоящий пиратский капитан может забрать мою жизнь. Стреляй! – его голос дрогнул от безверия.

Молчание. Мгновение. Еще одно. Этот спор принадлежит только им двоим. Молчали Мариан и Джонатан, и даже Феникс чувствовала, что не смеет вмешаться.

– Нет, Ажи, – Ярош опустил пистолет. – Ты пойдешь с нами. И увидишь, как гаснут глаза зверя, или погибнешь в бою с Империей, с которой тебе когда-то удалось договориться.

И от этих слов будто посветлело в мире. Что-то изменялось, незаметно, но неотвратимо. И что-то произошло, чего тайком ждали, боясь высказать вслух. Словно последний штрих на картине были эти слова жестокого обещания.

– Ку-ка-ре-ку! – на обломке борта, высоко выдающемся над водой, сидел петух.

Солнечная птица хитро косилась на них, ибо для ее взгля-

да – не преграда призрачный туман.

– Ку-ка-ре-ку! – если солнце всходит, его нужно приветствовать, чтобы золотая волна рассвета разливалась по миру.

– Ку-ка-ре-ку! – солнечная птица прославляла светило, отгоняя призраков, как некогда прогоняла от людей нечистую силу.

Позвав солнце трижды, петух перелетел на борт живого корабля. Пиратское кладбище оставалось позади, и полупрозрачные солнечные лучи гладили сквозь тучи морские волны, совсем не похожие на кровь древнего чудовища.

А вечером, когда взошел тоненький серп только что рожденного ночного светила, Ярош Сокол развернул ткань, и сияние нарисовало на ней карту, которую прошлой весной он видел лишь несколько мгновений.

Лунная дорожка была зыбкая, еще слишком молодая, как и тот путь, который они избрали. Путь в воды, где луна настолько яркая, что может заменить солнце, а о дневном свете там даже не вспоминают.

Пиратский капитан стоял возле штурвала. Подаренное перо светилось на его шляпе.

– Курс на Призрачные острова! Мы найдем сокровища!

И команда поддержала его криками одобрения, словно больше ничего не существовало в мире, кроме сокровищ, спрятанных на тех островах.

"Диаманта" распустила паруса. Мачты окутало сияние,

которое испускали живые звезды на зачарованной ткани. Новорожденная луна дарила кораблю тень, и казалось, что море тоже движется, открывая им тайны своих глубин.

***

...Капитан может быть трусливым или странным, его корабль может выбросить на берег, или враги отправят судно в пасть Морского Дьявола. Но капитан все равно остается капитаном, он находит другой корабль и снова отправляется в открытое море. И лишь без команды пират не может считаться капитаном. Важна не власть, ведь капитана могут свергнуть или даже убить, за ним нет закона Империи, способного покарать преступников, – важно взаимопонимание. Иначе команда не разделит плен или гибель поровну, как всегда делит добычу.

Карта сокровищ уже не исчезнет, но если родившийся в Империи осмелится мечтать, он увидит – обязательно увидит! – темный корабль, идущий под всеми парусами. Идущий к цели.

И лишь этому человеку выбирать: забыть увиденное, вернуться к повседневным делам, или крикнуть мечте: "Не исчезай! Возьми меня с собой!" И с удивлением заметить, что стоишь на берегу моря, а воздух на вкус соленый, и солнце греет, но не ослепляет, ибо невозможно ослепить море.

А в глазах познавшего мечту тоже отражается море, что катит неспешно волны, оберегая от любопытного взгляда глубины, обещаая обернуться бурей. Но пока глаза твои просто тихо сияют улыбкой, ведь впереди тебе ждет

приключение, где только ты волен выбирать, какой путь станет твоей судьбой.

И каждая дорога пусть будет тяжелой, но всегда верной тебе, если это на самом деле твоя дорога. И взятый курс приведет тебя к твоей, а не чужой мечте. Приведет обязательно! Вершишь, друг?..

Капитан Ярош Сокол

***

На этом заканчивается первая книга трилогии «Сокровища Призрачных островов».

Во второй части приоткрывается завеса над тайнами прошлого многих героев этой истории.

Появление начертанного древним чародейством рисунка на карте сокровищ предвещало искателям приключений попутный ветер. Но даже расшитые звездами паруса не могут полностью защитить корабль от чужой воли и заклинаний. Вскоре из-за измены чуть ли не вся команда попадает в плен. И, хотя некоторым узникам удастся бежать, пути пиратов расходятся.

Детей забирает в столицу советник Императора, где их будут учить в лучшей школе имперских командиров. Химера обещает, что, закончив обучение, юные пираты будут от все-

го сердца прославлять Императора. А семь женщин с пиратского корабля везут в Саркон, покинутый древний город посреди пустыни, овеянной легендами.

***

В заключительной части трилогии приключения охотников за сокровищами становятся еще более рискованными, перед ними открывается огромный, полный опасностей, мир.

Преодолев Сарконскую пустыню, пиратский капитан возвращается на свой корабль. Только цена этого путешествия оказалась слишком высокой...

Время, заколдованное белокрылым советником Императора, ускоряет ход, мир меняется. И вот уже на стороне Химеры те, кто делил опасности с пиратской командой.

В жестоком противостоянии сойдутся имперские и пиратские корабли. Но в поединке может быть только один победитель. Какова же она, настоящая победа?..

Содержание

Пролог

Глава 1 «Тихий приморский городок»

Глава 2 «Казнь на рассвете»

- Глава 3 «Новая команда»
- Глава 4 «Корабль с черными парусами»
- Глава 5 «Заговорщики»
- Глава 6 «Воля министра и советника»
- Глава 7 «Ричард, граф Элигерский»
- Глава 8 «Встречи и утраты»
- Глава 9 «Пленники «Астагора»
- Глава 10 «Остров на границе жизни»
- Глава 11 «Город с глазами зверя»
- Глава 12 «Узники злых чар»
- Глава 13 «Курс на пиратский порт»
- Глава 14 «Тяжесть измен»
- Глава 15 «Сказания огня и пепла»
- Глава 16 «Чары колдовского тумана»
- Глава 17 «Испытание штилем»
- Глава 18 «Приговоренные к смерти»
- Глава 19 «Проклятье Мертвого города»
- Глава 20 «Сновидения из прошлого»
- Глава 21 «Путь к морю»
- Глава 22 «Правосудие Империи»
- Глава 23 «Кладбище пиратских кораблей»

Литературно-художественное издание

Наталья Девятко

Сокровища Призрачных островов

Карта и компас

Литературный редактор Олеся Кузнецова

Компьютерная верстка Наталья Девятко

Иллюстрации Алла Марковская